

Рождественский детектив

Татьяна Гармаш-Роффе
Дарья Донцова
Анна и Сергей Лимвиновы
Татьяна Волникова

а также:

Елена Арсеньева
Ольга Казабарова
Екатерина Гринова
Анна Данилова
Дарья Калинина
Катяна Лузанова
Ирина Хрусталева

Annotation

Все мы обожаем и с удовольствием отмечаем чудесные зимние праздники! По такому случаю издательство «Эксмо» подготовило отличный подарок для вас и ваших друзей – рождественский сборник, куда вошли лучшие детективные рассказы от любимых авторов. Их чудесные истории так уютно читать, сидя в кресле и закутавшись в мягкий плед. Дарья Донцова, Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Гармаш-Роффе и другие знаменитые писатели поздравляют вас с Рождеством и дарят море волнующих и позитивных впечатлений. Веселых каникул, радости, счастья, дорогие читатели!

- [Рождественский детектив \(сборник рассказов\)](#)
  - [Елена Арсеньева](#)
  - [Ольга Володарская](#)
    -
    - [Эпилог](#)
  - [Татьяна Гармаш-Роффе](#)
  - [Екатерина Гринева](#)
  - [Анна Данилова](#)
  - [Дарья Донцова](#)
  - [Дарья Калинина](#)
  - [Анна и Сергей Литвиновы](#)
  - [Татьяна Луганцева](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
  - [Татьяна Полякова](#)
  - [Ирина Хрусталева](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)

- [5](#)
  - [6](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

**Рождественский детектив (сборник
рассказов)**

Елена Арсеньева

Билет

Вы были в Турции? Наверное, да. В Турции, такое ощущение, все были. Все, да не все... Алена Дмитриева, писательница, к примеру, там не была. Причем поехать в Турцию она собиралась несчетное количество раз. Собиралась она так: начинала планировать, в каких числах поедет, какую сумму сможет истратить на путевку и шопинг, искала в Интернете на турфорумах отзывы людей, лишь недавно вернувшихся из этой замечательной страны и еще пребывающих в состоянии эйфории – или, напротив, ужасной злости. На самом деле сплошь и рядом встречаешь и тех и других. Первые лишь укрепляли Аленино желание поехать в Турцию, вторые... нет, не охлаждали, отнюдь. Она просто пропускала их мимо глаз (в смысле, не читала эту ерунду, да и все!) и с негодованием думала, что эти люди просто не умеют ловить блаженные мгновения, которые предоставляют им отдых, море, солнце, магазины, необычная еда, полная расслабуха, знойные брюнеты, которые шныряют вокруг (Алена в принципе предпочитала – и даже весьма предпочитала! – блондинов, но иногда очень даже довольствовалась брюнетами, тем паче, насколько она знала, блондины в Турции в таком же дефиците, как, к примеру, брюнеты в Норвегии), ну и все такое, что можно назвать одним словом – отдых в Турции! Также в понятие «сборы» включались походы в туристические агентства и рассматривание разноцветных, ну просто бьющих по глазам солнечными красками проспектов.

И вот, набрав этих проспектов охапку и взяв визитку менеджера, Алена уходила «подумать» с обещанием непременно вернуться завтра и выбрать маршрут. Со стыдом признаюсь: она не возвращалась никогда. Дома веселенький воздушный шарик под названием «Алена Дмитриева едет в Турцию!» начинал потихоньку сдуваться. Она не любила рекламные проспекты в принципе. Они ее не возбуждали, а расхолаживали. С гораздо большим удовольствием она посмотрела бы обычные любительские снимки с натуральными улыбками – такими, знаете, счастливыми до ошалелости. На рекламных плакатах ничего подобного никогда не получается. Там все зубы сушат, только и всего.

Ну вот... поглядит-поглядит наша героиня на рекламки и почувствует, что у нее начинается конъюнктивит от чрезмерной морской синевы и

ядовитой зелени окружающей природы. И решит – да на что мне эта Турция (Египет, Тунис, Марокко, Эмираты, нужное подчеркнуть) сдалась?! Вот еще – деньги тратить.

Почему она так поступала? Думаете, хобби у нее было такое? Кстати, а почему бы и нет? Хобби всякие бывают, еще и похлеще. К примеру, прийти в магазин, набрать и перемерить кучу вещей, пойти к кассе – и вспомнить, что забыла деньги. Ну, натурально, посокрушаться – и убежать за ними, отложив вещи «не более чем на полчаса». Ежу понятно, что ничего вы не забывали, ни о чем не вспоминали и никогда не вернетесь – просто потому, что ничего не собирались покупать, а просто хобби у вас такое. Конечно, потом в этом магазине лучше не появляться. Или появиться не скоро, когда продавщица забудет вашу лживую физиономию. Впрочем, в Нижнем Горьком довольно много магазинов... Конечно, количество их здорово сократилось из-за пресловутого кризиса, но все равно – осталось достаточно. Но, само собой, истинное раздолье для таких «хоббитов» – Москва. Или, к примеру, Париж, где магазины и бутики ну буквально на каждом шагу и где своей страсти можно предаваться с утра до вечера.

Кстати, именно этот прекрасный город (я имею в виду Париж, само собой, а не Москву, что в ней прекрасного... ну разве что собор Василия Блаженного, и Третьяковка, и Большой театр, и Музей изящных искусств, и... ну ладно, так и быть, согласимся, что и в Москве все-таки много чего есть восхитительного!) был некоторым образом виноват в том, что Алена Дмитриева заимела это странное хобби неосуществленных туров. Потому что, как только она являлась домой с рекламными проспектами и пыталась подавить в себе недоверие к безумным улыбкам и ультрамариновым волнам, убеждая себя, что нужно хоть раз в жизни «отдохнуть как все нормальные люди», то есть свалиться около бассейна и лежать в лежку, слушая отдаленный шум прибоя и порой отмахиваясь от назойливых брюнетов, – как непременно выпадала okazия отправиться во Францию. У Алены Дмитриевой были там друзья, которые обожали ее и то и дело присылали ей приглашения, а она не могла отказаться, потому что обожала и этих друзей, и Францию. Это такая страна... А Париж – это такой город! Там красиво всегда, в любую погоду, в любое время года. И даже зимой. Тем паче – зимой! Тем паче – на Рождество!

Вот и на это Рождество Алена получила приглашение приехать в Париж, так что все брожения ее ума в направлении Босфора и Дарданелл оказались пресечены еще в зачаточном состоянии. Конечно, в Париж! Она уже взяла билет (имея годовую визу, сделать это легко, были бы деньги) и закупила красной икрой (черную запросто могут вынести на таможне, не

на нашей, так на французской – железно, а к красной пока отношение плевое, как в данном случае выразился бы поэт Владимир Маяковский) для подарков всем своим парижским знакомым. Лететь предстояло завтра, то есть нынче вечером в Москву на поезде, а оттуда уже в Париж. Но утром она посмотрела в Интернете прогноз погоды на Рождество и Новый год и вздохнула огорченно. И огорчение зависло над ней надолго. Вот и сейчас она стояла на трамвайной остановке и думала о том, что не только в деревне Гадюкино дожди – в Париже на Новый год тоже грозят ими. Алена уже один раз словила подобный кайф. Нет, она спокойно относилась к тому, что снег на Новый год лежит только на Елисейских Полях, да и тот – искусственный, но когда все это полито обильным ливнем, таким, что носу из дому не высунуть все каникулы... Конечно, конечно, Париж прекрасен всегда, но...

Размышляя о Париже и дожде, Алена ждала трамвая и, придерживая на голове широкий капюшон своей коротенькой каракулевой шубки, прятала нос от ветра в его песцовую оторочку. А ветер, как умеет делать только и исключительно нижегорьковский ветер, дул со всех сторон, преимущественно с той, куда поворачиваешься лицом. Уж Алена от него и так, и этак... А трамвай все не шел. Запросто авария может быть где-то на городском кольце, а в принципе «двойка вообще плохо ходит». Алена уже сто раз изругала себя за то, что поддалась слабости и не пошла пешком. На самом деле до любой точки городского кольца можно пройти минимум за пять, максимум за сорок минут. И время было, на дворе рань несусветная. Но угораздило ее сегодня надеть эти новые сапоги на каблуках! Они оказались такими скользкими! Может, конечно, в Париже в них будет самое то, на стертой брусчатке Латинского квартала или на узких тротуарчиках Монмартра, но спускаться с Лыковой дамбы на Ильинку в Нижнем Горьком в этих сапогах опасно для жизни, особенно в такой день, как сегодня, когда после оттепели ударил мороз. Мороз и ветер. Ох, господи, воистину, ветер, ветер на всем белом свете!

Еще хорошо, что у нее капюшон, а каково вон тому молодому человеку в сером пальто, с непокрытой головой? И так повернется, и этак, воротник поднимает, голову вовсе в плечи вжал, а ветер все равно достает!

В конце концов Алена нашла угол поворота, при котором вездесущий ветер хотя бы в лицо не лез. Теперь можно было даже нос из душного песка высунуть, вдохнуть свежего воздуха и приоткрыть один глаз. Перед этим глазом оказалась темная красивая дверь в красивой желтой стене Дома культуры имени Свердлова (да, вообразите, такие анахронизмы в честь «знатного земляка» в Нижнем Горьком и по сию пору просто-таки

махровым цветом цветут, а между тем некогда в этом доме помещалось Дворянское собрание!). Около двери Алена увидела вывеску «Travel везде. Турфирма» и невольно усмехнулась, оценив и юмор создателей этой фирмы, и иронию, так сказать, судьбы. Ну вот не сдаётся она без боя! Так и норовит искутить писательницу, практически уже отправившуюся в Париж! Стены были залеплены разноцветными листовочками, со страшной силой предлагающими дешёвые и супердешёвые путевки в Турцию – Паландокен, Улудаг и Карталкаю. «Что делать зимой в Турции?» – испугалась Алена. Приглядевшись, она обнаружила, что это – горнолыжные курорты. Нет, ни на лыжах, ни на коньках наша писательница толком кататься не умела, поэтому зимние курорты отпадали в полуфинале. «В Чехию бы я поехала, – мечтательно подумала Алена, читая другие листовки. – Или в Австрию. Или во Францию... Стоп, во Францию я и так еду! Поэтому какая может быть Турция? И зима, и одни брюнеты...»

– Извините, – послышался в это время мужской голос за спиной, и Алену, чуть улыбнувшись ей, обошел высокий блондин в замшевой меховой куртке и скрылся за дверью «Travel везде».

Алена выпустила из рук капюшон, и тот, конечно, немедленно свалился, а ветер ледяной лапой взъерошил ее примятые кудряшки. Но она не сразу спохватилась и вернула капюшон на место, потому что некоторое время ошарашенно смотрела вслед блондину. Черт... если бы в Турции жили *такие* мужчины, Алена Дмитриева практически не уезжала бы оттуда, может быть, даже вообще не уезжала. Нет, все-таки иногда – и только в Париж, а потом возвращалась бы обратно. Не то чтобы этот мужчина был таким уж феерическим красавцем, но... каким-то... волнующим.

Алена, большая ценительница волнующих мужчин, вздохнула и, чтобы отвлечься (какой смысл волноваться, если завтра ты едешь в Париж?!), принялась вновь разглядывать листовки. Так, зовут-зазывают в Тунис и даже в Китай, а также в Индию... О господи, а это что такое? Среди множества желтых, зеленых, белых и даже сиреневых листовок вдруг мелькнула одна, на которой было написано: «Билет в X век».

Ничего себе, усмехнулась Алена. Десятый век! Путевки туда продают?! И каким же образом желающие в десятый век попадают? Наверное, в «Travel везде» припрятана машина времени? А может, даже не припрятана, может, она стоит прямо посреди комнаты и любой-каждый может туда войти и...

А почему именно в X век организованы путешествия? Почему, скажем,

не в XVIII? Кажется, именно в XVIII веке в России начали отмечать Новый год 1 января и вообще его наступление праздновать. Хотя нет, это было еще в XVII. 20 декабря лета 7208 от сотворения мира Петр Первый издал именной указ на эту тему, заодно приведя в порядок летоисчисление и принудив русских вести счет годам от Рождества Христова, но допустил в том указе ошибку, которую его потомки ощущают раз в столетие. Он написал: «Ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а с следующего января с 1-го наступит новый 1700 год. Год купный и новый столетний век». Вот благодаря кому мы отмечаем наступление XXI века дважды: в 2000 году и в 2001-м!

Собственно, Алена ничего против этого не имела.

И все же, почему именно в X век?.. Не потому ли, что в те довольно древние времена Русь еще не вся была охвачена христианством? Кое-где Новый год отмечали в марте (это лишь в 1492 году Иоанн III утвердил своим указом наступление нового года 1 сентября, что и продолжалось до Петрова нововведения), а кое-где еще по языческому календарю – в последние дни декабря, когда медведь в берлоге на другой бок поворачивался, морозы крепчали, а солнце начинало идти само и вести всю природу от зимы к лету. Это был праздник Коляды, божича Сварожича, сына, стало быть, верховного бога Сварога. А потом уже православные священники окрестили его днем святого Спиридона, в народном же календаре при нем осталось прозвище солнцеворота или даже солноворота.

Забавно, наверное, побывать на праздновании этого дня в Древней Руси. А может, и не столь забавно, в конце концов, ну что там за жизнь была, никаких благ цивилизации, да и шампанского еще знать не знали, и вроде бы даже елок не наряжали, это ведь в 1700 году в России впервые украсили свои дома на Новый год ветками сосны, можжевельника и ели. В петровском указе писалось: «Поелику в России считают Новый год по-разному, с сего числа перестать дурить головы людям и считать Новый год повсеместно с 1 января. В знак того доброго начинания и нового столетнего века в царствующем граде Москве в ночь на 1 января 1700 года на Красной и других площадях, на улицах и во дворах знатных бояр учинить огневые потехи, дать трехкратный салют из больших пушек и ружей, выпустить несколько ракет... Должны быть зажжены огни либо из дров, либо из соломы, а также из хвороста в худых бочках, прибитых к столбам. А на воротах учинить некоторые украшения из древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных... Детей забавлять, на санках катать с гор. А взрослым людям не учинять пьянства и мордобоя – на то других дней хватает».

Как же праздновали Новый год в X веке? Может, у Рыбакова что-

нибудь есть, у академика, в его «Язычестве древних славян» или в его же «Язычестве Древней Руси»? Или в Интернете пошарить? Можно, конечно, рискнуть и зайти в «Travel везде», спросить, как бы это в X век попасть. Но, конечно, окажется, что это всего лишь рекламный трюк, дешевка, розыгрыш. Нет, лучше ничего такого не знать, лучше пребывать в заблуждении, что в одной из фирм Нижнего Горького стоит машина времени и можно в любой момент...

– Здравствуйте! – послышался рядом оживленный женский голос. – Ну что, съездили вы тогда в Мармарис?

Алена повернулась и уставилась на высокую девушку со стильным, чуточку лошадиным лицом, в стильном меховом пальто, к счастью, не лошадином, а норковым. «Где-то я ее видела... А при чем тут Мармарис? Что это вообще такое?!»

– Вы меня не узнали? Меня зовут Алла. А я вас знаю. Вы Алена Дмитриева, писательница. Я вас сначала по телевизору видела, а потом вдруг бах! – вы пришли к нам в агентство «Тур-экстра» брать путевку в Турцию.

О-ё-о... Алена виновато пригнула голову и оглянулась: не идет ли трамвай? Он сейчас был бы как нельзя кстати!

Не шел, такой-сякой!

– Правда, вы у другого менеджера обслуживались, – тараторила Алла, – но я вас все равно узнала. Конечно, я бы вас к себе перетащила обязательно, но я тогда последний день в «Тур-экстра» работала, не стала вмешиваться, но вообще Мармарис – это ведь... – Она пренебрежительно пожала плечами. – Вы, помню, проспекты взяли и обещали прийти на другой день. Ну что, приходили?

Алена умела ловить информацию на лету.

– Да нет, знаете, не приходила, – пренебрежительно сказала она. – В самом деле, ну Мармарис – это ведь...

– Конечно! – горячо воскликнула Алла. – Ведь там отели расположены в районе самого города, поэтому почти все пляжи платные. Песчаных почти нет, в некоторых отелях вход в море только с платформы... Ну какой отдых, какое купанье?! И вообще, Мармарис для тех хорош, кто ночью развлекаться любит. А я вот, к примеру, жаворонок, меня в полдвенадцатого ночи просто нет на свете, нужно спать – и пусть весь мир подождет!

– Знаете, – с легким сердцем призналась Алена, – скажу вам как жаворонок жаворонку – я совершенно такая же!

– Ну вот видите! – воскликнула Алла с восторженным выражением. – Вы ничего не потеряли. Вот если бы вы не поехали на Коста-Рику, я бы

сказала, что вы упустили главное впечатление своей жизни. Я там была. Это... это... супер!!!

Она произнесла слово «супер» именно так, с тремя восклицательными знаками.

Алена растерянно хлопнула глазами. Коста-Рика? Это где? Вроде бы Латинская Америка...

В Латинской Америке Алену Дмитриеву интересовала только одна страна – Аргентина, где родился лучший в мире, любимый Аленин танец – аргентинское танго.

Конечно, недурно бы съездить в Байрес (так все продвинутые тангерос называют столицу Аргентины) и потанцевать там. Но, с другой стороны, в Париже его тоже танцуют, всегда можно сбежать на милонгу, то есть вечеринку, где танцуют только аргентинское танго, и душу отвести. А в Коста-Рику ей зачем?! Да и дороговизна, конечно, невыносимая, ей не по карману...

– Вы думаете, это дорого? – запальчиво воскликнула Алла. – Вот и нет. У нас сейчас есть несколько горящих путевок. Коста-Рика знаете чем хороша? Это отдых в чистом виде. Конечно, там нет памятников искусства, но зато нет и заводов и фабрик. Зато обустроено несколько очень хороших отелей, а пляжи и джунгли сохранены почти в первозданном виде. Туристы, предпочитающие эко-туризм, непременно обратят внимание на Коста-Рику! Я сама там была с друзьями, – закончила Алла свою рекламную мелодекламацию, а потом открыла свою чрезвычайно стильную сумку из крокодиловой кожи – а как же! – и вынула оранжевый пакет с тем, что Алена давным-давно не видела, – с фотографиями. Нет, ну в самом деле! Теперь же все рассматривают фотки на дисплеях капэкашников или мобильных, а для увеличения переводят их на домашние компьютеры, где дисплеи куда больше. Честно, последние года два или даже три Алена имела дело с фотографиями только для французских виз. А это... это были именно такие снимки, которые ей хотелось увидеть в туристических агентствах, которые могли и Илью Ильича Обломова заставить покинуть свой диван и отправиться в заморское путешествие. Сколько в них было красоты и жизни, живой, счастливой, беззаботной!

– Это мы в заповедниках Сьерра-дель-Росарио и Гуанаакаибес, – тыкала ноготком в фотографии Алла. – А это пляж в Кауита. Видите, черный песок? Нигде в мире больше такого нет! А это площадь Пласа-дела-Культура. Около нее под землей находится Музей золота доколумбовой эпохи, Мюзео-де-Оро-Преколумбино, – щегольнула она очень бойким испанским. – А это – любимое место серфингистов – риф Ла-Сальса-

Пуэрто-Вьехо-Брава. Представляете, провести Рождество в таком райском месте? Встретить Новый год на черном пляже при температуре плюс двадцать шесть?

Алена кивнула и внимательней всмотрелась в группу атлетически сложенных мужчин, запечатленных на снимке в «таком райском месте». Честное слово, одним из этих серфингистов был тот самый невероятный блондин в замшевой куртке, которого она видела несколько минут назад!

А впрочем, что тут невероятного?

– Теперь я понимаю, – сказала Алена с завистливой усмешкой, – зачем этот красивый молодой человек сейчас пошел в ваш офис. Наверное, снова захотел отправиться на риф... этот, как его... Браво.

– Ла-Сальса-Пуэрто-Вьехо-Брава, – уточнила Алла. – А какого красивого молодого человека вы имеете в виду?

– Вот этого! – Теперь настал черед Алены тыкать ноготком в фотографию. – Вот этого потрясающего парня.

– Вы... – запнулась Алла, – вы его видели?!

– Ну да, только что.

– Где?!

– Да вот здесь, – Алена для наглядности потопала ножкой, – вот на этом самом месте, он вот в эту дверь входил. – И она для той же наглядности потыкала пальчиком в дверь «Travel везде».

Лицо Аллы стало какого-то нездорово-сиреневатого оттенка.

– Да нет, этого совершенно не может быть, – произнесла она сдавленным голосом.

– Почему?! – изумилась Алена.

– Потому что... – уголки рта у Аллы плаксиво опустились, – потому что этот парень, его Максим зовут, пропал без вести. Месяц назад бесследно исчез. Он и правда снова собирался в Коста-Рику поехать, но... пропал бесследно. Ушел из дому на работу – причем и впрямь собрался к нам в агентство заглянуть – и не вернулся.

– Господи, какие у вас ужасные шутки! – даже растерялась Алена. – Да я его только что видела! У меня, между прочим, отличная зрительная память.

Ну да, было у нее такое свойство... правда, распространялось оно только на интересных мужчин, но в эти детали своей психики наша героиня вдаваться не стала.

– И вообще, – добавила Алена, – может быть, у этого вашего знакомого была какая-то ситуация... может, он пропал по доброй воле, поссорился с девушкой, ну, я не знаю... видеть ее больше не хотел, вот и исчез.

Глаза Аллы повлажнели, и Алена вдруг с ужасом поняла, что, кажется, спорола жуткую бестактность. А вдруг Алла была девушкой этого Максима? И ей больно слышать, что он предпочел без вести пропасть, только бы с ней не видеться...

А впрочем, чего напрягаться по этому поводу? Даже если пропадал, теперь вернулся. И ждет ее. Вот такой рождественско-новогодний подарок!

– Да вы не сомневайтесь, – добродушно усмехнулась она. – Пройдите в свой офис – и сами увидите, что этот молодой человек там. Вы боитесь, что ли, я не понимаю? Хотите, я с вами пойду? Ну и заодно осмотрю эти проспекты ваши... про Коста-Рику. Вдруг и в самом деле...

Алла явно была растеряна, у Алены даже мелькнула мысль, что девушке вовсе не нужны свидетели ее встречи с Максимом, однако упоминание о Коста-Рике решило дело.

– Ну да, новогодние и рождественские каникулы в странах Карибского бассейна – это то, о чем вы мечтали, – пробормотала она менеджерским голосом и потянула на себя тяжелую дверь.

Алена вслед за Аллой оказалась в узком, недавно отремонтированном (еще пахло краской) подъезде, на первом этаже которого было пусто, никаких дверей, только тесенькая площадка. На втором этаже лестница обрывалась, но здесь имели место быть три двери: одна с табличкой «Travel везде», другая – с двумя сакраментальными фигурками, ну а третья была снабжена вывеской «Билет в X век».

Ах, вот оно что! Значит, это фирма какая-то так называется! А Алена-то подумала, что турагентство путевки в X век предлагает!

И все же... билет в десятый век... как-то странно, воля ваша!

– Ну и название! – усмехнулась Алена, кивнув на загадочную дверь. – А там что?

– По-моему, ничего, – пожала плечами Алла. – Там всегда закрыто. Видите?

Она подергала дверь с табличкой «Билет в X век» – и в самом деле, дверь не поддалась.

Алла достала ключ и отперла дверь агентства.

– У нас рабочий день с десяти, я всегда пораньше прихожу, чтобы нормально поработать, без суеты, без шума, – пояснила она.

Алена, которая, повторимся, была жаворонком, а потому свято верила в заповедь: «Кто рано встает, тому Бог подает», понимающе кивнула.

Вошли в офис – это была довольно просторная комната, уставленная стеллажами и столами с компьютерами и оклеенная невыразительными бледно-зелеными обоями в клеточку. К одной стене был почему-то

прислонен лист фанеры, который несколько искажал традиционный офисный пейзаж. В нем, разумеется, имели место быть подвесные потолки, которые Алена ненавидела. Около двери громоздился довольно большой шкаф, в который Алла повесила свою замечательную шубку. Алене она почему-то не предложила раздеться, да, впрочем, та даже и обрадовалась, потому что чувствовала себя очень глупо. Никакого Максима в офисе не было! То есть там, как уже говорилось, не было ни одного человека вообще.

– Вот видите? – печально сказала Алла. – Никого. Вам показалось.

– Ну... – неопределенно протянула Алена, а больше ничего не сказала.

– Да ничего страшного, – улыбнулась Алла, – с кем не бывает. Вот проспекты туров в Коста-Рику. Возьмете, чтобы на досуге посмотреть?

Алена взглянула на пачку сверкающих разноцветьем листков и ощутила приступ привычного конъюнктивита.

– Э-э... да, – выпалила она с готовностью, – конечно, само собой, только я сначала... в туалет, извините, можно? Срочно... Пардон. Конечно, но я вчера что-то съела... такое...

Само собой, она ничего *такого* не ела, вчера вообще был понедельник, день тренировок и голодовок, но Алена Дмитриева за враньем никогда в карман не лезла, как истинная сочинительница-беллетристка!

– Да, конечно, – с рекламной улыбкой сказала Алла, – только вот ключик возьмите. – Она подала связку из четырех ключей, из которых выделила один – типа гаражного, знаете, длинный такой, острый и с грубой резьбой. – У нас туалет запирается, а то с улицы ходят и ходят, ходят и ходят.

Алена коварно усмехнулась в глубине души. Она знала офисные правила – запирает *собственные* туалеты. На это и был расчет!

– Я быстро, – пробормотала она с самой сконфуженной из улыбок, какою только удалось изобразить. – Быстренько. Минутку буквально.

И, бросив сумку в какое-то кресло, выскочила за дверь в надежде, что Алла не станет засекаать время.

Алена как можно громче скрежетала ключом в замке, но в туалет только заглянула – убедиться, что в крошечном чистеньком помещении из двух клетушек (в одной раковина и кран для мытья рук, над ними зеркало, под ними шкафчик, в другой клетушке – гламурный черный унитаз) никого нет, а потом снова прокралась на площадку и задумчиво уставилась на дверь с табличкой «Билет в X век».

Слов нет, Алена готова была признать, что обозналась, приняла за пропавшего Максима другого красивого блондина. Но ведь совершенно

точно какой-то блондин вошел в дверь подъезда! Вошел – и не вышел. Он мог скрыться только за одной из трех дверей. В офисе «Travel везде» его нет, в туалете – тоже. Не просочился же он в канализацию, как в романе Стругацких «Понедельник начинается в субботу», любимейшей книжке ее юности! А может быть, за этой таинственной дверью и впрямь находится машина времени, которая отправляет людей прямиком в X век, и красивый молодой человек уже развлекается там на торжествах в честь юного Коляды Сварожича?!

Сначала Алена перевернула связку, полученную от Аллы, чтобы подобрать ключ к двери, очень может быть, ведущей прямиком в X век, но немедленно поняла, что пустое это дело. И не только потому, что ни один ключ вообще не входил в затейливую скважину. В эту дверь явно давно никто уже не заходил, к ней даже какой-то строительный мусор был подметен неряшливой уборщицей. К тому же Алена только сейчас обратила внимание, что дверь была опечатана: через створку проклеена бумажкой с печатью. Хм, загадочно... Зачем ее опечатали? Фирма больше не работает?

Так или иначе, блондин, Максим или кто-то другой, даже если все же отправился в X век, то не через эту дверь, точно!

Но где он?!

В полной растерянности Алена снова вошла в туалет, открыла дверцы шкафчика под раковиной и заглянула туда. Что характерно, блондина не обнаружилось и там. Зато в шкафчике в изобилии имелись ведра, щетки, вантуз, тряпки, баночки с моющими средствами. Лежал также рулон обоев – тех самых, из офиса Аллы, бледно-зеленых в клеточку, – и стояла стеклянная банка с какой-то белой студенистой массой, очень может быть, клеем для обоев, заготовленным впрямь, да не пригодившимся. Из пластиковой банки с «Кометом» рассыпался зеленый вонючий порошок, но никаких следов на нем не обнаружилось, ни блондинистых, ни брюнетистых. В туалете через канализацию явно никто не просачивался!

Алена прислонилась к стене и расстегнула шубку. В самом деле, ей стало жарко. Ведь получалось что? Что некуда, ну просто физически некуда этому блондину, Максиму или не Максиму, было деться, кроме как войти в «Travel везде». Но Алла открыла дверь своим ключом... Значит, у блондина тоже был ключ. Бог ты мой, да куда он делся там, в офисе, где все на виду?!

Стоп... а если он прятался в шкафу? В одежном шкафу около двери? И когда Алена ушла, выбрался оттуда и напал на Аллу?!

Алена распахнула дверь, и первое, что увидела, – это спину Аллы. Девушка сидела за своим столиком и была совершенно поглощена

телефонным разговором. Был включен компьютер, и Алла с невероятной скоростью открывала и закрывала сайты разных туркомпаний. Насколько поняла Алена, звонивший интересовался наличием и стоимостью путевок, куда – она не стала вслушиваться.

Алена снова окинула офис взглядом. Спрятаться здесь негде, точно. Вот разве что в шкаф у двери. Слева от него стоит узенькое кресло (на нем валяется Аленина сумка) и журнальный столик, заваленный опять же проспектами: наверное, для тех, кому придется ждать, пока тот или иной менеджер освободится. Ну что ж, наверное, при известном напряжении воображения все-таки можно представить, что и в этом ныне пустующем офисе бывает ужасная запарка, очередь и цейтнот.

Алена покосилась на спину Аллы и тихонько потянула на себя дверцу шкафа. Сейчас ка-ак заскрипит!

Нет, очевидно, дверка была хорошо смазана и открылась бесшумно. На плечиках висела стильная шубка Аллы, внизу стояли ее сапожки. Она уже успела переобуться. Все это смотрелось весьма сиротливо, потому что шкаф оказался просторный и пустой. А это что? Этикетка... Алена цапнула ее, воровато оглянувшись на Аллу (ничего не замечает), прочитала: «Носки мужские. Изготовлено с применением нанотехнологий. Гарантировано отсутствие потливости, неприятных запахов, а значит, гарантирована уверенность в себе! Наши носки сделают вас неотразимым!» – и с трудом подавила ехидное хихиканье. Боже, ну на что только не идут эти рекламщики-пиарщики! Алена машинально сунула бумажку в карман (все же она была Дева по знаку Зодиака, а значит, беспорядок терпеть не могла) и снова всмотрелась в глубины шкафа. Его заднюю стенку прикрывала какая-то убогонькая шторка. Алена протянула руку, чтобы ее сдвинуть, но не дотянулась. Тогда, воровато оглянувшись на Аллу, влезла внутрь, вспомнив свою очередную любимую книжку, превратившуюся потом в любимый фильм под названием «Лев, Колдунья и Платяной Шкаф».

Ага, никакая это не шторка. Задней стенки у шкафа вообще не обнаружилось, он был придвинут к стене, прямо к обоям. Обои были смешные, с выцветшими цветами, напоминающими капусту. Их-то Алена и приняла за шторку.

И вдруг...

Алену вдруг сильно встряхнуло, голова мигом стала тяжелой, Алена потеряла равновесие, упала на стенку... та поддалась под ее весом, и вообще, оказалась не твердой и крепкой, а мягкой, колючей, пахнущей сеном... что за ерунда такая?!

И это было ее последней мыслью.

Солнышко, улыбнись! Ясное, покажись!
А мароссы-трескуны все подите прочь, прочь!
С Карачуном уходите вы в глухую ночь!
Приходи, Колядо, ой, ладо, приноси нам ладу с Ладой!
Батюшка-медведюшка повернулся с боку на бок,
День-денек прибавился – да на воробьиный скок.
А с медведем солнце повернулось к лету,
Потянулся к лету солнечный денек!

Песня раздавалась где-то совсем рядом. Алена открыла глаза и некоторое время непонимающе смотрела на бревенчатую стену. В пазах торчала пакля. Бревна были тщательно отесаны, кое-где в трещинках проступила смолка, собравшаяся тугими капельками. Пахло очень приятно: сеном, этой древесной смолкой, замороженным деревом, еще чем-то знакомым, только не понять чем.

Алена огляделась по сторонам и обнаружила себя сидящей на полу какого-то просторного сарая. Вместо пола здесь была утоптанная земля, усыпанная сухим сеном. Пение раздавалось где-то над головой. Ага, понятно, вон из того узенького окошечка, прорубленного в стене.

Алена кое-как поднялась и придвинулась к нему. Да так и замерла, изумленная!

Сверкало солнце, сверкал снег. Перед глазами открылся просторный вид на замерзшую реку. В очертаниях противоположного берега было что-то очень знакомое, где-то она уже видела слияние двух больших рек, стрелкой уходящее в единое общее русло... Но вспомнить не могла. На заснеженном высоченном берегу носились туда-сюда люди, одетые как-то очень странно: все в белом, и мужчины, и женщины, а поверх длинных одежд – белые шубы мехом наружу. Впрочем, одежды были не совсем белые, а как бы сероватые или желтоватые. Такого цвета бывает только что вытканное, но еще не выбеленное полотно. «Кажется, этот цвет называют суровым или диким», – вспомнила Алена, которая была барышней очень начитанной, в том смысле, что голова ее была набита обрывками самых разнообразных, может, и интересных, но в повседневной жизни абсолютно непригодных сведений. Очень странными были и головные уборы у людей. То есть молодые были все простоволосы, но и парни, и девушки (к слову, у

всех девушек по спидам змеились редкостной красоты косы!) носили на головах венки из сухих цветов и сухой травы. Женщины постарше украсили себя красными, желтыми, синими, не побоимся этого слова, кичками.

«Может, народное гулянье... карнавал? – озадачилась Алена. – А вот и еще ряженые».

В самом деле – новая веселая толпа примчалась на берег. Это были парни, они тащили огромное колесо с семью спицами, в разные цвета окрашенными, а в центре колеса горел огромный пук соломы. У всех на плечах были козьи, коровьи, конские шкуры, на головах – головы этих животных. В середине плясал высокий парень в медвежьей шкуре, вместо лица – личина медвежья, да какая страшная! А вот и девушки прибежали, они принесли, передавая с рук на руки и нянча, соломенную куклу в разноцветных лоскутках и лентах. Весь снег был усыпан лепестками сухих цветов – неужели нарочно для этого дня сберегли их с лета?

– А как же, – послышался рядом с Аленой надтреснутый голос. – Небось зимой цветы не растут.

Неужели она не подумала о цветах, а нечаянно сказала это вслух?

Алена оглянулась – и растерянно моргнула, не обнаружив никого на уровне своих глаз. Посмотрела ниже – и увидела маленького – ей чуть выше пояса! – человечка в каких-то широченных штанах (их так и хотелось назвать портками) и такой же рубахе распояскою. У человечка была большая голова, вся в седых, распатланных космах, и косматая же борода. Несмотря на свой, мягко говоря, бомжеватый вид, он казался очень симпатичным. Было в нем что-то такое... уютное, до невозможности привлекательное, и Алена ну просто не могла не улыбнуться в ответ на его щербатую улыбку.

– Здравсьте, – растерянно пробормотала она. – А это что такое тут творится? Праздник, что ли? Карнавал?

– Праздник, а то! – согласился старичок. – Коли медведюшка в берлоге с боку на бок повернулся, солнце пошло на лето, а зима на мороз. Злой ледяной Карачун теперь начнет злобствовать – чует, что скоро Лада светлая придет, весну приведет. Мароссы-трескуны, прислужники его, станут по улицам бегать, в окошки стучать, в кулаки дуть, стужу надувать. А все без толку! Коляда народился. Весна грядет!

«Понятно, – кивнула сама себе Алена. – Фольклорный праздник... Но как я на него попала?! Я вроде бы в шкаф полезла... там, в «Travel везде»... А теперь я где? Где?! Что это за сарай? И вообще... И этот... дедуля... он кто?! Кто?!»

Вообще-то ответ уже мельтешил в ее взбаламученной голове, но поверить в такое было невозможно.

Не-воз-мож-но!

– Родимый, Сивушко, – проговорил в это время «дедуля», и Алена поразила тому, как ласково звучал его надтреснутый голос. – Поди, поди, погляди, как честной люд веселится, Коляду призывает, Карачуна пугает.

Только сейчас Алена сообразила: то помещение, которое она называла сараем, было, пожалуй, конюшней. Все кругом было завалено сеном и пучками соломы, стояли кадки с зерном, за деревянными перегородками дышали, хрустели соломой кони. Пахло еще и навозом (теперь Алена узнала этот запах), и здоровым животным духом.

Тем временем старичок подвел к окну серого коня. Шкура его была вычищена, грива заплетена в косички, а спина заботливо прикрыта толстой попоной.

– Старый он, – сказал «дедуля», – старый Сивушка, а все же в холе. Знают же, что дедушка-соседушка его любит, вот и хозяева о нем пекутся. А как же, всякому охота с дворовушкой в мире жить, дружбу с ним водить!

Он умильно сморщился и смахнул слезинку.

Алена как уставилась на его ладошку, так не могла глаз отвести. Ладошка была *мохнатая*! И весь он, она только сейчас это разглядела, словно бы пухом порос...

«Дедушка-соседушка... дворовушка... Дворовой?! Тот самый, из славянской мифологии?!»

От такого открытия немудрено было испугаться (все же не каждый, ну не каждый, согласитесь, день выпадает нам встретиться с нечистой силою!), и Алена только собралась это сделать, как вдруг старик схватил ее за руку и прошептал:

– Тише, ой, тишенько! Слышишь? Идет кто-то. Небось девки – гадать, дворового вопрошать, богат ли будет жених, дороден ли, ласков ли. А что? Самое милое дело – дворовушку спросить! Аккурат в эти дни самые верные гаданья. Дуры-девки по ночам любят гадать... Но по ночам лучше из дому не ходить. Ведь об эту пору в метельных вихрях злые духи пляшут, а с ними ведьмы да колдуны. Иных и уплясывают до смерти. Был у нас один тут... первый парень на деревне! И где он? Связался со слугами Чернобога, да и заигрался в их черные игрища. Исчез! Нет его! Небось Карачун его хватил. Не одна красавица по нем слезы точит, ждет, а его, Первача, нет как нет...

– Первача? – удивилась Алена.

Мудрено не удивиться. Что за имя такое? Вроде бы первачом

самогонка называется.

– Первача, – повторил дворовой. – Чему дивишься? Значит, сынок первым у тятки с мамкой родился. Второй – ну, он будет Второй, Вторуш либо Друган, другой, стало быть. Третий – Третьяк... – Он насторожился: – Охти мне, да ведь то не девки... ряженные парни. А им-то зачем сюда? Не задумали ли чего недоброго? Ох, чует мое сердце... А ну, голуба, прячься, да поскорей!

И он с неожиданной силой потащил Алену за собой, втолкнул в свободный денник, откуда недавно вывел Сивушку, и бесцеремонно запахал в наваленное горой сено. Пришлось присесть на корточки. Впрочем, своей мохнатенькой ладошкой дворовушка тут же проворно разгреб сено на уровне Алениных глаз, так что она отчетливо увидела, как в конюшню вошли двое: рыжий парень с простодушным веснушчатым лицом в длинной меховой безрукавке, а с ним другой – в волчьей шкуре и в волчьей маске.

– Ну что, Конопуха, не ждал, что я объявлюсь? – ухмыльнулся последний из-под маски. Голос его звучал глухо, но Алена ощутила, как вздрогнуло рядом с ней тщедушное тельце дворовушки. – Да... вы все меня небось похоронили, а я вот он.

– Где ж ты был, Первач? – без особого восторга в голосе поинтересовался Конопуха, которому необычайно шло это не то имя, не то прозвище. – Где шлялся?

– Где был, там меня уж нету! – лихо заявил Первач, и Алена сообразила, что перед ней тот самый парень, которого все, и в том числе дворовушка, считали пропавшим.

Что-то ей эта ситуация до боли напоминала...

– Баяли, тебя ведьмы закружили в своем хороводе да на Лысую гору повлекли, – растерянно сообщил Конопуха.

– Да я и сам кого хочешь увлеку, – продолжал веселиться Первач. – А Лысая гора... что ж, хорошее место!

– Тьфу, тьфу, тьфу! – заплевался Первач и через левое, и через правое плечо.

– Да будет тебе, нецый^[1]! – хохотнул Первач. – Знаешь, сколько я там набрал чудодейной травы, которая мужскую силу умножает? Эх, деньжат огребу – сколько захочу.

– Ну, Дажьбог тебе в помощь, – натянуто проговорил Конопуха. – Только я пойду, пожалуй, а то там девки небось меня обыскались.

– Да брось, – пренебрежительно протянул Первач. – Кому ты шибко нужен? Вот по мне девки слезы льют, знаю, да что мне они и их слезы?

Золото, золото – вот все, чего я хочу. Слышь, Конопуха... Гони монеты, кои задолжал. Гони, сказано!

– Ка...кие монеты? – нерешительно пробормотал Конопуха.

– Да ты чего какаешь-то? – Голос Первача сделался строже. – Какие, ишь! Будто не знаешь! Деньги тебе Путята отдал? За те портки, в кои я траву зачарованную вплел? Знаю, что пока он те портки носит – невстанихи не ведает. У него молодая жена, печурка у ней так и пышет с утра до ночи, Путята и так к ней прикладывался, и этак – да все никак! А теперь, как портки эти заимел, – ого-го, канителит молодуху почем зря, только кровать, слышь ты, скрип да поскрип.

– Да, да, – угодливо забормотал Конопуха. – Слышал про это, как не слышать. И как ты только уговорил Путяту раскошелиться? Он же скупердьяй, каких мало! И в травознайство не верит, даже к знахаркам-зелейницам отродясь не ходил.

– Да я ему сказал, что в ткань вплетен волос из бороды Велеса, бога скотъего, – давясь смехом, сообщил Первуха. – И кто те портки носит, тот станет похотлив, что твой козел! Сам знаешь, Велес славится похотливостью, как всякая скотина. Да он и есть скотина!

Дворовушка рядом с Аленой завозился и зашипел возмущенно:

– Грех, ой, грех великий бога Велеса скотиной называть!

И тут же испуганно прихлопнул ладошкой рот, потому что Первач насторожился.

– Что ты? – начал озираться Конопуха.

– Да ничего, почудилось, видать, – махнул рукой Первач. – Ну, где мои деньги?! – И он грозно надвинулся на Конопуху.

– Отдам, отдам, отцом небесным Сварогом клянусь, – заторопился тот. – И даже больше отдам, чем ты думаешь, потому что у меня еще один страдалец такие же портки просит.

– А это кто? – озабоченно спросил Первач. – Надо ли с ним связываться? Может, неимущий какой?

– Что ты! – ухмыльнулся Конопуха. – Неимущий! Все б такие неимущие были – небось жили бы мы на земле, аки в саду Ирии! Это Бородан. Понимаешь теперь, что дело верное?

– Ну, коли Бородан... – протянул Первач. – За-ради Бородановых деньжат поверю тебе. Дам еще одни портки чудодейные на продажу. Погоди, сейчас принесу. Они у меня здесь захованы, в тайнике.

И он напрямиком направился к той горе сена, в которой прятались Алена и дворовушка. Понимая, что сейчас будут обнаружены, они в панике принялись отползать подальше, к стене конюшни, надеясь, что Первач

отыщет свой тайник раньше, чем их, однако вот уже она, стена, а голос Первача все приближался.

– Все думают, что это просто стенка, – хвастливо балаболил он, – а там есть одно хитрое бревнышко. Сдвинешь его – и...

Волчья морда оказалась прямо перед Лениным лицом, а под ней блеснули изумленные глаза:

– А это еще кто?! А ну, выходи!

Одной ручищей Первач сгреб за грудки дворовушку, вторая тянулась к Алене. Она совсем вжалась в стену спиной. И вдруг та под ее тяжестью поддалась, и Алена словно бы провалилась куда-то... Запах сена исчез из ее ноздрей, сменился чем-то острым, отвратительным, эта гадость лезла со всех сторон, Алена пыталась задержать дыхание, но не смогла. Она со всхлипом втянула воздух и зажмурилась что было сил...

* * *

– Ну-ну, откройте глаза, – властно проговорил кто-то рядом, и Алена, которая в принципе была человеком довольно-таки покладистым, немедленно исполнила это указание в форме приказания.

Над ней склонялось какое-то зеленоватое облако... в конце концов Алене удалось понять, что это женщина в зеленоватой медицинской форме. В руке она сжимала ватку с чем-то невероятно вонючим. Алене только раз в жизни довелось обонять нашатырный спирт, однако впечатление оказалось таким сильным, что она немедленно узнала эту гадость и отстранилась.

– Ага! – радостно сказала зеленая женщина. – Вам уже лучше.

– Да, да, пациент скорее жив, – поспешно сказала Алена, убирая от лица ее руку. – Все, все, больше не надо. Мне вполне хорошо, даже отлично.

– Не будете больше в обморок падать? – спросила зеленая врач, держа наготове жуткую ватку, как будто, не понравься ей Ленин ответ, немедленно прижала бы ее к носу несчастной писательницы Дмитриевой снова.

– А я что, в обморок падала? – изумилась та.

– Было дело, – сказала докторша, выпрямляясь.

– В самом деле! – закивала Алла истово. – Вы пошли вот сюда, в туалет, но долго не возвращались, я забеспокоилась, вышла, а вы тут лежите, на лестничной площадке.

Алена озадаченно уставилась на нее.

– Ну что, в больницу поедете? – спросила докторша. – Или мы вас покидаем, у нас срочный вызов поступил.

– В какую еще больницу? – испугалась Алена. – Никуда я не поеду, спасибо, можете нас покидать, всего наилучшего. Но как же вы говорите, Алла, что я вышла...

– Что тут случилось? – раздался в это время незнакомый голос, и человек лет тридцати в сером пальто взбежал на лестницу, отряхивая снег с непокрытой головы.

Алена его где-то видела, но не могла вспомнить где.

«Наверное, тоже какой-нибудь турменеджер», – решила она, но тут же подумала, что на турменеджера этот мужчина похож меньше всего. У него был образ молодого Штирлица... и Алена почему-то ничуть не удивилась, когда Алла при виде его откровенно перекосилась:

– А вам что здесь нужно, господин Савельев? Опять будете искать невесть что и невесть кого? Я вроде бы только «Скорую помощь» вызывала, а не милицию.

Вот те на... и правда Штирлиц! И улыбается так же... затаенно:

– Да ничего, не волнуйтесь, я шел мимо, смотрю – «Скорая» стоит. Думаю: не случилось ли что? Дай, думаю, найду, может, и моя помощь пригодится. Кстати, если вы ничего не имеете против, у нас в органах принято обращение «товарищ».

Алла фыркнула, но промолчала.

– Так все же – что тут случилось? – повторил товарищ Савельев.

– Да ничего, ничего. Вот клиентка вышла в туалет да потеряла сознание, я вызвала «Скорую»... – снова начала Алла.

– Да нет, я вернулась оттуда, – сказала Алена, смущаясь слова «туалет», произнесенного в присутствии постороннего мужчины.

Она осторожно привстала и прислушалась к своим ощущениям. Ощущения были вполне нормальные, только голова самую чуточку кружилась да резало глаза от стойкого запаха нашатыря.

А сеном больше не пахло. И дворовушки рядом не было...

Привиделось ей все, значит. Обморочный, так сказать, бред. Ну что ж, очень симпатичным был этот бред!

– Я вернулась оттуда, зашла в комнату, вы с кем-то разговаривали по телефону. Я... – Алена смущенно улыбнулась, – я увидела, что дверца шкафа приоткрыта, ну и нечаянно заглянула туда. Я, знаете, такая любопытная... В том смысле, что мне ваша шубка очень понравилась, я хотела еще раз на нее посмотреть, – она улыбнулась еще более смущенно – главным образом оттого, что вранье выходило такое глупое. – А там вместо

задней стенки висела такая занавеска...

– Какая занавеска?! – изумилась Алла. – Вы, видимо, бредите. Никаких занавесок у нас нет. Шкаф – да и шкаф, ничего такого.

– Ну да, я подумала, что это занавеска, а это были такие смешные обои...

– Какие еще обои?! – вытаращилась на нее Алла. – В шкафу – обои? Что им там делать? Обои у нас на стенах. Ну, извините, если с вами все в порядке, может быть, вы... – Она сделала выразительный жест по направлению к лестнице. – И вы, *товарищ* Савельев... А то мне работать надо.

Товарищ Савельев улыбнулся, показав роскошные зубы, но ничего не сказал.

– Конечно, конечно, – засуетилась Алена, – я только сумку возьму. Я ее в вашем офисе оставила.

– Я сейчас принесу, – быстро сказала Алла, приоткрывая дверь кабинета ровно настолько, чтобы ввинтиться туда своим весьма субтильным телом. Даме с гораздо более рельефной фигурой, такой, например, как у Алены, было туда уже не сунуться, так же, как и товарищу Савельеву, который обладал довольно плотным телосложением.

Алена озадаченно нахмурилась. Что это Алла так суетится?..

– Позвольте, я вам помогу, – галантно сказал Савельев и проворно схватился за дверную ручку. А потом распахнул дверь на всю ширину.

Дверь скрипнула. А может, это Алла досадливо скрипнула зубами?

Все трое вошли. Алла рысью устремилась к креслу, на котором лежала Алена сумка, а наша героиня огляделась. И если она не разинула рот от удивления, то лишь потому, что разинутый рот – крайне неэстетичное зрелище.

Та-ак...

«Так-так-так, говорит пулеметчик, так-так-так, говорит пулемет», – как пели в одной песенке военных лет. И была та песенка про пулемет «максим»...

Очень интересно!

– Извините, – быстро сказала Алена. – Извините, вы мне еще раз ключик не дадите... от, ну, так сказать, приватного помещеньица?

– Что? – сердито сузила глаза Алла.

– От туалета, – открытым текстом выдала Алена, потому что смущаться было совсем не время. – Ключик.

Алла фыркнула и протянула ей связку.

Алена выскочила на площадку и торопливо отомкнула дверь с двумя

фигурками. Немедленно заглянула в шкафчик под раковиной, увидела то, что и надеялась увидеть... нет, правильнее будет сказать так: не увидела того, что и не надеялась увидеть, заглянула заодно в мусорную корзинку, сокрушенно покачала головой и вернулась в офис.

Товарищ Савельев, расстегнув пальто, рассматривал рекламные проспекты, а у Аллы был такой вид, будто она сейчас взорвется.

– Вот, – сказала она сдавленно, сунув Аллене ее сумку, – вот, возьмите и... очень жаль с вами расставаться, дамы и товарищи, но мне надо работать!

Савельев покосился на Аллену, а та покосилась на Аллу.

– Извините, – сказала Аллена со всей возможной деликатностью, – Алла, нельзя ли мне с вами двумя словами перекинуться? Это... чисто женское. Может быть, выйдем?

– Пожалуйста, – проговорил Савельев с готовностью, как если бы Аллена у него спрашивала разрешения. – Ничего страшного, выходите!

– Никуда я не пойду! – огрызнулась Алла. – Невесть кого в служебном кабинете оставлять? Нет уж!

– Невесть кого? – хмыкнул Савельев. – Сильно сказано... Сильно и смело! Вы что, подозреваете меня в криминальных наклонностях?

Алла растерянно хлопнула глазами.

– Или, может быть, вас смущают мои антикриминальные наклонности? – продолжал Савельев. Голос у него был мягкий, но какой-то такой... неостановимый. Наверное, если где-то прорывается труба, вода сначала сочится тонкой струйкой, и только потом хлещет бурным потоком. Вот такой «тонкой струйкой» и звучал голос товарища Савельева.

Алла исподлобья уставилась на него.

Аллена не знала, что делать. То есть она точно знала, что впуталась в самую что ни на есть криминальную историю, но ей было жаль Аллу. Не хотелось ее подводить, несмотря на то что именно она... Ну ладно, может, ее в самом деле бес попутал. Что же делать? Как с ней поговорить наедине? Здесь нельзя, этот Савельев из тех, которые все видят, слышат и замечают.

– И все же, Алла... – настойчиво начала она, но ее перебил Савельев:

– Как вы себя чувствуете? Чем вы так взволнованы?

– Я? – удивилась Аллена. – Взволнована? Нет, что вы! Просто... голова немножко болит.

– Конечно! – сварливо буркнула Алла. – Осторожней надо на ногах держаться, вот что я вам скажу. В вашем возрасте на каблучицах?! Давно пора такие, знаете, боты носить... типа «прощай, молодость»!

Аллена Дмитриева вполне могла бы сказать о себе словами Джулии

Ламберт, героини одной из своих любимейших книжек, романа Моэма «Театр»: «Видит бог, я добрая женщина, но всему есть предел!»

Этот предел наступал, например, когда с ней говорили о ее возрасте. Нет, не в том смысле: «Боже мой, да вам больше тридцати не дашь!» А вот в таком... типа «прощай, молодость»...

Конечно, Алла окончательно потеряла над собой контроль. Но и Алена Дмитриева его тоже потеряла! И теперь ничто, никакая сила не могла ее остановить.

– Скажите, Алла, – спросила она, стараясь говорить совершенно спокойно, – а зачем вы передвинули шкаф?

Алла вспыхнула, потом побледнела... Но мгновенно овладела собой.

– Та-ак, – протянула она сочувственно, – все-таки надо было вам в больницу поехать, как и предлагали. Пожалуй, вы все же сильно ударились головой. Вот уже и глюки начались...

– Ну почему глюки? – доброжелательно вмешался Савельев. – Я тоже обратил внимание, что в прошлый раз шкаф стоял у самой двери, а теперь сдвинут. Кресло и столик были справа от него, а теперь – слева.

Алла затравленно переводила взгляд с одного на другую.

– А что? – наконец выговорила она. – Что, передвинуть шкаф – это уголовное преступление?

– Нет, само по себе, конечно, это не преступление, – успокоил ее Савельев. – Но...

– Но странно, – подхватила Алена, – что сначала меня в этом шкафу по голове ударили, а потом его передвигать понадобилось. Извините, а можно, я туда загляну?

– Кто вас по голове ударил? В каком шкафу? – взвилась Алла. – Вы что, совсем уж?!

Алена, впрочем, ее не слушала. Распахнула шкаф и усмехнулась. Она увидела именно то, что ожидала увидеть.

– Не понимаю, – раздался веселый голос Савельева за ее спиной, – почему вы говорили, что у шкафа нет задней стенки? Вот же она, на месте.

– Да я же говорю, она больная на всю голову! – запричитала Алла. – Стенка здесь всегда и была!

– Нет, не всегда, – упрямо сказала Алена. – Когда мы утром сюда пришли, вот тут стоял лист фанеры. Я еще тогда удивилась: что он здесь делает? А это была именно задняя стенка шкафа. Ее сняли, чтобы... Чтобы она не мешала. А потом... потом, когда я полезла в шкаф и увидела то, что не должна была видеть, меня стукнули по голове и отволокли на площадку, чтобы и впрямь создать видимость, что я свалилась именно там, а стенку

поставили на место.

– Боже! – воскликнул Савельев, хмурясь. – Ничего себе... случайно, понимаете, зашел... а тут такое!

Случайно зашел? Алена посмотрела на него внимательней – и наконец-то узнала. Да ведь это тот самый парень в сером пальто, который безуспешно прятал голову от ветра в куцый воротник, – там, на трамвайной остановке.

Ай да Штирлиц! Не зря мерз! Сейчас с помощью писательницы Дмитриевой он раскроет... ну, может, не преступление века, но кое-что все же раскроет!

– Да бредит она, бредит! – отчаянно вскричала Алла. – Ну сами посудите, *товарищ* Савельев, ну откуда у меня, у слабой женщины, ну откуда в моих нежных ручках, – она для наглядности повертела так и этак свои худые руки с маленькими ладошками, и впрямь слабенькие на вид, – столько силы, чтобы и шкафы двигать, и фанерки к шкафам прибивать, и...

– Фанерка, кстати, не прибита, – сказала Алена, протискиваясь между шкафом и креслом. – Просто прислонена. Чтобы видимость создать. Зачем ее каждый раз снимать и отрывать, когда вам понадобится через стену проходить в другое помещение?

– Через стену? – изумленно повторил Савельев.

– Через... стену?.. – пробормотала Алла. – Господи... кажется, надо психиатра вызывать! Писательница спятила!

– Вы правда писательница? – с интересом спросил Савельев.

– Да, – скромно кивнула Алена. – А психиатра не надо, – это уже адресовывалось Алле, – впрочем, если только для вас: у меня такое ощущение, что вы от моих разоблачений сейчас с ума сойдете.

– Дамы, дамы, – добродушно вмешался Савельев, – тихо, тихо. Давайте ближе к делу. Что там насчет проходов сквозь стену?

– Да все просто, – передернула плечами Алена. – Просто как ясный день.

Морозный ясный день... сверкает снег под солнцем... горит сноп соломы на разноцветном колесе...

– Этот шкаф прикрывал проход в другое помещение, видимо, в ту самую фирму, дверь которой тоже выходит на площадку. В фирму «Билет в Х век»...

– Все! – заорала Алла. – Все! Товарищ Савельев, вы сами видите, она чокнутая! Она заговаривается! Какой десятый век?! То сквозь стену проходить собиралась, теперь машина времени появилась... Эта фирма называется «Билет в икс-век». Икс, понимаете? Знак неизвестности! Они

занимались нанотехнологиями! Технологией неизведанного будущего! Надо же! Десятый век! А еще писательница! Никакого образного мышления.

– Ну и ничего страшного, – примирительно сказал Савельев, который, такое ощущение, обладал неистощимым запасом терпения. – Билет в десятый век – это же красиво! А букву икс и римскую цифру десять немудрено перепутать. Кстати, должен вам сказать, когда мы только начали расследовать дело с этими самыми технологиями, один наш сотрудник упорно называл эту фирму «Билет в ха век», и ничего страшного.

– Нанотехнологии! – засмеялась вдруг Алена. – Портки от невстанихи! Теперь уже и Савельев смотрел на нее озабоченно...

– Ничего, ничего, – весело сказала Алена. – Все нормально. Образное выражение. У нас, у писателей, такие штуки сплошь и рядом проскакивают. Но вернемся к этим технологиям... прохода сквозь стену.

– Так... – безнадежно махнула рукой Алла. – Опять приступ начинается.

– Сейчас у вас приступ будет, гарантирую, – ласково улыбнулась Алена. – Я так понимаю, в этом самом «Икс-веке» торговали всякой нанохренью? Под видом новых технологий втюхивали доверчивым покупателям китайский, или турецкий, или отечественный промышленный отстой, чистый полиэстер или что-то в этом роде? Тут же главное – этикеточка, и все, и дело сделано.

– Китайский, – уточнил Савельев, поглядев на Алену с интересом. – А вы в курсе дела? Откуда знаете?

– Вот отсюда, – постучала Алена по голове, которая у нашей писательницы шестидесятого размера, между нами, девочками, хоть и покрытая легкомысленными кудряшками, была, а значит, в ней всему хватает места: и эрудиции, и догадливости, и сообразительности. – Меня осенило.

– Ага, ага! – закатилась злобным смехом Алла. – Когда она головой ударилась на площадке, ее осенило!

– Еще раз повторяю, – терпеливо проговорила Алена, – не на площадке, а в шкафу. И не я ударилась, а вы меня ударили. Вы, больше никого здесь не было. Ваш сообщник находился в это время в другом помещении, и вы любой ценой не должны были позволить мне его обнаружить. Довольно того, что я его на улице заметила, этого вашего Перва... то есть Максима!

– Максима Первачова? – насторожился Савельев. – Вы его тоже видели? А я решил, что мне показалось... И где он сейчас?

– Его фамилия Первачов? – Алена только головой покачала. Бывают же такие совпадения! Наносовпадения, не побоимся этого слова! – Думаю, он скрывается в помещении бывшей фирмы «Билет в деся...», то есть «Билет в икс-век». Если, конечно, не открыл дверь с той стороны, не сорвал печать и не сбежал.

Савельев одним прыжком оказался у двери и выглянул на площадку.

– Не тревожьтесь, – сказала Алена вслед. – Конечно, печати на месте. Максим совершенно уверен в своей неуловимости. В самом деле, они с Аллой сделали все, чтобы замести следы. Вы сказали, как, мол, вы могли своими слабыми ручками, в одиночку все это осуществить, – повернулась она к Алле. – Да вы не в одиночку вовсе, и не только своими ручками. Вам Максим помогал. Помогал меня из шкафа вытаскивать, помогал его потом передвинуть и прислонить к нему заднюю стенку. А потом помогал вам наклеить на ту стенку, около которой шкаф раньше стоял, обои... Вот, – провела Алена по стене, – видите, клей еще не высох. Эти обои и клей стояли раньше в шкафчике под раковиной в туалетной комнате, а теперь там ничего нет. Банка в мусорной корзинке валяется... Что же вы так неосторожно? – мягко пожурила она Аллу, лицо которой стало какого-то бледно-зеленого цвета, примерно в тон обоев, вот только клеточек на нем не имелось, а впрочем, может, это был только вопрос времени: еще один-два таких шокирующих откровения писательницы Дмитриевой, глядишь, и клеточки появятся... – Улики надо уничтожать более тщательно. Думаю, обрезки обоев при желании можно найти в вашем столе, в каком-нибудь дальнем углу, а вот грязную банку сунули в мусорную корзинку, неохота было с ней возиться, или некогда мыть.

Алла только губами шевельнула – говорить она явно не могла.

– Я думаю – поправьте меня, если я ошибусь, – повернулась Алена к Савельеву, – что в этом самом «Икс-веке» с той стороны в этом самом месте, – она показала на стенку с полосой влажных обоев, – тоже стоял шкаф. И его задняя стенка тоже имела свойство сниматься... легким движением руки. Скажите, – обратилась она к Савельеву, – когда вы там работали, в той фирме, там ничего, случайно, не исчезло? Какая-нибудь финансовая документация, пароли, явки, деньги, ну, не знаю?..

– Исчезло, – хмуро кивнул он, – и очень многое. Нет, товар в основном мы конфисковали, но новые образцы, и все бухгалтерские документы, и деньги... По сути, мы зацепили гораздо меньше народу, чем намеревались. И даже этого Первачова, директора фирмы, пришлось отпустить. И даже подписку о невыезде сняли. Правда, за ним тихонько наблюдали, надеялись, может, он выведет на след своего тайника, но он потом уехал из

города, и след его мы потеряли. И вот он вернулся...

– Полагаю, тайник был в этом шкафу, – сказала Алена. – Думаю также, не одна Алла сюда замешана, в доле наверняка и другие сотрудники «Travel везде». Иначе как удалось бы столько добра спрятать? Ну что ж, дела тут идут еле-еле, видите, ни одного клиента, вот и захотели подзаработать... А потом, когда дверь «Билета в X век» опечатали, все через шкафы-порталы... – Она хихикнула, впервые употребив этот расхожий в фантастике, но столь малоупотребимый в реальной жизни термин... а ведь его, очень может быть, вполне можно взять на вооружение! – Все через эти самые шкафы потом вновь сгрузили в помещение фирмы. Ну кому придет в голову проверять после проверки?

Алла бессильно упала в кресло. Само ее потрясенное молчание было лучшим подтверждением того, что все, даже самые смелые догадки писательницы Дмитриевой, оказалось точным. Ну что ж, на то она и писательница Дмитриева, детективщица. Со смелыми догадками у нее всегда все как надо!

Савельев уже звонил по своему мобильному телефону и вызывал группу поддержки. Без сомнения, преступная деятельность фирмы «Билет в X век» будет вот-вот окончательно пресечена, и всем наноноскам, наномайкам, нанотрусам, а также, очень может быть, и нанопорткам настанет конец. Придет полный песец, как выражаются в наше время. Карачун их хватит, как выразился бы один знакомый Алены Дмитриевой... такой мохнатенький, пахнущий сеном...

– А знаете, – сказала Алена, глядя на съезжившуюся Аллу, – все-таки дурацкое это название – «Билет в икс-век». Поверьте, «Билет в десятый век» – куда интересней! Назови вы так свою турфирму, у вас бы отбоя от клиентов не было. Глядишь, не пришлось бы связываться со всякими преступниками, чтобы подзаработать.

Алла убито молчала.

Алена вздохнула. Да, оно хорошо бы... билет в десятый век, да на Рождество... ах, мечта! Ради этого можно и Парижем поступиться. Но где найти портал?!

Ольга Володарская

К гадалке не ходи

Антонина поднесла ко рту фужер с шампанским и приготовилась сделать глоток, но тут по квартире разнесся такой громкий крик, что она поставила бокал на столик и выбежала в прихожую, чтобы узнать, кто кричал и почему.

Как и следовало ожидать, голосила маменька. Из трех присутствующих в помещении женщин только она могла издавать столь пронзительные звуки. Две остальные были слишком интеллигентны, чтобы орать в гостях. К тому же у одной из них был ларингит, и она могла только шептать. Тогда как маменька орала. И орала так, что остальные женщины зажимали уши ладонями, а находящиеся в некотором отдалении мужчины страдальчески морщились.

– Мама, прекрати! – попыталась урезонить ее Антонина. Но та голосить не перестала, зато сменила репертуар: если до этого она просто кричала «а-а-а», то теперь стала выдавать вразумительные слова:

– Укра-ал! Украл, гад!

– Что? – полюбопытствовали гости хором.

– Кто? – спросили мужчины и тоже в унисон.

– Бриллиант! – ответила маменька на первый вопрос, причем весьма пространно: – Семейный бриллиант! Старинный. Чистейшей воды. Редкого цвета. Ценой в миллион долларов!

На самом деле она, как всегда, преувеличила. Бриллиант был изготовлен из алмаза, добытого на якутских приисках двадцать лет назад. В их же семье он появился и того позже: в конце девяностых. Купил его ныне покойный Тонин отец на «черном» рынке в подарок жене на золотую свадьбу. Стоил тот сравнительно недорого, поскольку был не очень чист: мало того, что сам был мутноват, так еще и попал на прилавок после какой-то темной истории. Но Тониного папу не смутило ни первое обстоятельство, ни второе, и он приобрел бриллиант, затем вставил его в золотую оправу и преподнес перстень любимой женушке. Та, естественно, пришла от подарка в неопишуемый восторг, но носить не стала. Спрятала! От греха подальше. Но при этом стоило в их доме появиться новому гостю, как матушка доставала сокровище и хвасталась им, с каждым годом прибавляя к его стоимости десятки тысяч долларов.

И вот теперь он достиг цены в миллион!

– Мама, что ты несешь? – одернула ее Тоня. – Ему красная цена – тысяч сто пятьдесят, и не долларов, а рублей!

– А по-твоему, сто пятьдесят тысяч уже не деньги! – возмутилась та. – Не знала, что библиотекари у нас сейчас столько зарабатывают, что им сам Абрамович позавидует.

– Я получаю восемь тысяч рублей, и ты это знаешь, – парировала Тоня. – Но справедливости ради должна сказать, что миллион – это совсем не та сумма...

Договорить ей не удалось – матушка прервала. Она всегда это делала, поскольку считала дочкины рассуждения слишком занудными, чтобы выслушивать их до конца.

– Бриллиант, может, миллиона и не стоит, но твоему голодранцу и тысяча рублей – деньги! – громыхнула она и из прихожей ткнула перстом в сидящего в кухне Емельяна. – И как не стыдно ему грабить честных людей в светлый праздник Рождества Христова!

– Мама! – возмущенно вскричала Тоня. – Не смей обвинять Емельяна!

– А кого еще, как не его?

– Нас тут, между прочим, восемь человек.

– Ха! Нас, может, и восемь, но голодранец только один, твой кавалер!

– Я бы предпочел, – подал голос Емельян, – чтоб вы назвали меня бессребреником.

– Бессребреник, – передразнила его матушка. – Да ты уж безмедячник тогда! В твоих карманах нет ни копейки!

Матушка несколько не преувеличила. Емельян действительно был нищим. Иначе говоря, бомжом. Познакомилась с ним Антонина две недели назад, когда возвращалась домой с работы...

Трудилась она в одном не слишком преуспевающем НИИ библиотекарем. Приходила на службу к восьми, уходила в пять. Самой последней, так как была очень ответственным человеком и не могла покинуть свой «боевой пост», как большинство служащих, за полчаса до окончания рабочего дня.

Вдруг кому-то срочно понадобится книжка, а библиотека на замке?

И вот как-то вечером Тонечка шла по утоптанной тропке меж голых лип на автобусную остановку, чтобы вернуться домой. Шла не спеша, потому что торопиться ей было не к кому – у Тонечки не было ни мужа, ни ребенка, ни даже собаки. Раньше она жила с мамой, но легкомысленная Люся (так звали мать) выскочила замуж накануне шестидесятилетия. Вернее, собрав свои вещички, переехала жить к избраннику, заявив, что

законный брак нынче не в моде и все продвинутые люди, к коим она себя относилась, предпочитают гражданский. И, главное, так скоро на него решилась, что Тоня не успела ничего с этим поделаться. Вроде матушка только своего кавалера ей представила, сказав, что познакомилась с ним вчера в трамвае, а уже через пару дней переехала к нему жить.

После ее отбытия в квартире долго витал запах душно-сладких духов и какого-то отвязного авантюризма, и этот симбиоз рождал в Тониной душе неведомую доселе жажду. Хотелось сделать что-то со своей жизнью, дабы избавиться от каждодневной монотонности. Но Тонечка, естественно, свои душевные порывы притушила и продолжила привычное существование: дом, работа, работа, дом, книги, телевизор, вышивание крестом и посещение отчетных концертов хора ветеранов, где маменька солировала.

Тоня была уже в том возрасте, который обозначается абстрактным определением «за тридцать». У нее было высшее образование, любимая работа и одна, но верная, а главное, такая же одинокая подруга Соня. Семьи, правда, не было, и это очень Антонину печалило.

О муже и детях Тоня мечтала с юности. Уже тогда она нарисовала себе идиллическую картину традиционного семейного ужина, должную олицетворять всю ее жизнь целиком: круглый стол под абажуром с кистями, на нем пузатый самовар, хохломские чашки, за столом – она, ее муж, почему-то с бородой и в полосатом халате, и детишки, количество которых варьировалось от двух до пяти в зависимости от настроения. Все радостные, краснощекие, с аппетитом уминающие Тонину стряпню, весело друг друга подкалывающие, позитивные и дружные. Она даже круглый стол купила и абажур (такие только на блошином рынке можно было найти, и она нашла). А также записалась на курсы вязания, чтоб носки супругу теплые вязать, а детям шарфики. В общем, подготовилась к замужеству, еще будучи студенткой, но годы шли, а свет заветного абажура лился только в ее воображении...

Дорожка сделала поворот. Тонечка повернула и увидела, что навстречу ей с ободранным бидоном без крышки идет какой-то человек в длиннополом пальто и кроличьей шапке. Ростом он был невелик, а пальто было пошито на мужчину рослого, поэтому его края чуть ли не волочились по снегу. Тонечка была близорука, поэтому не рассмотрела лица незнакомца. А вот куда он свернул – заметила. Мужчина в ушанке сошел с тропы и побрел по неглубоким пока сугробам к теплотрассе.

Тут Тоня все поняла! Ее единственная подружка, а по совместительству напарница, Сонечка рассказывала, что неподалеку от их учреждения в траншее теплотрассы живет бомж. Причем живет неплохо,

поскольку идущий от труб пар не дает ему замерзнуть. К тому же промышленная свалка, Мекка всех окрестных бездомных, находилась неподалеку.

Антонина прибавила шагу. Хотя Сонечка и говорила, что бомж-абориген существо мирное, лучше судьбу не искушать. Мало ли что взбредет в его немытую голову? Тоня почти миновала опасную тропку, как заметила, что у самого ее начала на подтаявшем снегу валяется что-то, отдаленно напоминающее кошелек. Да нет, точно кошелек! Это стало ясно, когда Антонина подобрала находку и рассмотрела. Черный кармашек с клепочкой, внутри которого хранили деньги деревенские бабушки брежневского периода. Когда Тоня потрясла его, оказалось, что в нем что-то звякает.

– Товарищ бомж! – крикнула Антонина и помахала в воздухе своей находкой. – Вернитесь, вы тут кое-что обронили!

Она подождала немного, ожидая ответа или хотя бы звука шагов, но тишину ничто не нарушило.

– Господин бомж! – сменила обращение Тоня, подумав, что тот мог обидеться на «товарища», нынче, как известно, все господа. – Вы кошелек потеряли!

На ее вопль откликнулась только сидящая на ветке ворона. Возмущенная тем, что ее покой бесцеремонно потревожен, она негодуяще закаркала.

Тоня шикнула на нее и хотела уже бросить кошелек обратно в снег, но замерла в нерешительности. Совесть подсказывала ей, что нужно вернуть имущество владельцу – вдруг в кармашке с клепочкой его последние деньги, – но осторожность не давала сделать шага в сторону теплотрассы. Об особенностях сексуальной жизни бомжей Тоня даже не догадывалась, но почему-то считала, что каждый второй из них – маньяк, а коль так, то тот, кого она сейчас хочет облагодетельствовать, может напасть на нее, невинную, и...

«Нет, лучше об этом не думать! – одернула себя Тоня. – К тому же если на мою девичью честь за столько лет никто не покушался, то с какой стати это произойдет сегодня?»

И, успокоив себя этой мыслью, Антонина шагнула на тропу.

Преодолев несколько десятков метров, она увидела обмотанные серебристой изоляцией трубы. От них шел неприятно пахнущий пар, а откуда-то сбоку тянуло мясом и пряностями.

– Господин бомж, вы обронили портмоне! – зычно крикнула Тоня, остановившись возле картонного домика, выстроенного в траншее под

трубой.

Дверь жилища (она же крышка от коробки из-под телевизора) отъехала в сторону, и на улицу, побряхтывая, вылез уже знакомый мужчина в пальто и ушанке.

– Возьмите, – сказала Тоня и протянула кошелек владельцу.

Бомж взял его, заглянул внутрь, после чего отшвырнул.

– Но там же деньги! – возмутилась Антонина. – Зачем вы?..

– Копейки, – ответил бомж на удивление приятным голосом. – К тому же советские, давно вышедшие из употребления.

– Ну так сам кошелек бы пожалели. Куда теперь будете деньги складывать?

– У меня еще есть. – И улыбнулся, да так мило, что Тоня залюбовалась.

«А ведь он интересный мужчина, – подумала она. – И не старый еще – лет сорок пять, сорок семь. И на алкаша не похож! Такого бы отмыть, отчистить... – Но Тоня не дала развернуться фантазии, устыдившись своих мыслей, она одернула себя: – Докатилась, Антонина Сергеевна! На бомжей начала заглядываться! Вот стыдоба...»

А новый знакомец тем временем отошел в сторонку, очищая проход в свои картонные хоромы.

– Заходите, будьте гостьей.

Тоня хотела уйти, но почему-то не сделала этого, а благодарно склонила голову и шагнула в неизвестность.

Но ничего страшного не произошло. Тоня оказалась в жилище с земляным полом, предметы мебели в котором заменяли кирпичи и куски пенопласта.

– Присаживайтесь, – любезно предложил хозяин, указывая на один из четырех кирпичей. Два из них были составлены вместе, а два стояли отдельно. Тоня решила, что это стол и два табурета.

Она осторожно опустилась на кирпич. По ее габаритам больше подошел бы «стол», но плюхаться на него было просто неприлично.

Мужчина же, разворошив лежащую в углу кучу мусора, вытащил из нее полиэтиленовый пакет, в котором аккуратной стопочкой были собраны всевозможные кошельки.

– Видите, сколько их у меня!

– Вы что, карманник? – ужаснулась Тоня. Одно дело у бомжа гостевать, и совсем другое – у вора.

– Обижаете, я честный гражданин. Кошельки в урнах нахожу. Люди того рода занятий, к числу которых вы меня только что причислили,

выбрасывают их, предварительно опорожнив. Кстати, какой вам больше нравится?

– Я даже не знаю... Пожалуй вот этот, желтенький.

– Тогда примите его от меня в знак глубокой благодарности и безграничного восхищения.

– Нет, спасибо, не нужно, – отнекивалась Тоня, отпихивая от себя презент, чтобы не задохнуться – смердел он ужасно.

– Он пахнет, знаю, но это пройдет.

Антонина, устав сопротивляться, приняла подарок, решив выкинуть его у первой урны. Пусть другой романтик теплотрасс и подвалов порадует!

– Я сейчас угощу вас чудным ужином! – сообщил новый знакомец. – Надеюсь, вы любите чахохбили?

– Да, очень.

– Я тоже. И когда отдыхал в Сочи, узнал у повара грузинского ресторана фирменный рецепт. С тех пор готовлю.

– Вы бывали в Сочи?

– И не раз. Подождите минутку, я схожу за кастрюлей, она стоит на огне.

– А может, лучше поужинаем на воздухе? – предложила Тоня, которой было не очень комфортно сидеть на кирпиче, да и запах в «доме» стоял преотвратный. – Там не холодно...

– Как пожелаете... У меня за домом что-то вроде веранды. Вам там понравится!

То, что бомж назвал верандой, оказалось уставленным деревянными ящичками пяточком, над которым была натянута полиэтиленовая пленка. Пока Тоня усаживалась, бомж сбегал к костру и вернулся с закопченной кастрюлей в руках. Запах от нее исходил удивительный!

– Себе я наложу в миску, а вам дам одноразовую тарелку. У меня есть несколько штук.

– Надеюсь, вы нашли их не в урне?

– Нет... – Тоня облегченно выдохнула. – На свалке. – И, заметив, как вытянулось ее лицо, с улыбкой добавил: – Но вы не волнуйтесь, они в упаковке были. Некондиция.

Он разложил чахохбили по тарелкам. Выглядела курица очень аппетитно, а Тоня ужасно хотела есть, поэтому взяла небольшой кусочек и отправила его в рот.

– Ну как? – поинтересовался шеф-повар.

– Очень вкусно. Никогда не ела такую нежную курицу...

– А это и не курица.

– А что? Индейка?

– Голубь.

Тоня поперхнулась. А чтобы гостеприимный хозяин не увидел, как она выплевывает до конца не прожеванное мясо, она отвлекла его вопросом:

– По вашей речи я поняла, что вы не по жизни бродяга, ведь так?

– Так, – благодушно подтвердил он.

– У вас и работа, наверное, была?

– А как же! У всех была работа.

– И где вы работали?

– Да вот здесь.

– Где?

– В том учреждении, где вы сейчас служите.

– В нашем НИИ?

– Совершенно верно. Я был старшим научным сотрудником лаборатории полимеров.

– Так у вас что, и степень имеется?

– Я кандидат химических наук, – с достоинством ответил он.

– Поразительно! – Тоня и впрямь была удивлена. Вот ведь, что жизнь-злодейка с людьми проделывает! – А как вас зовут?

– Емельян, – представился бомж.

– А меня Антонина.

– Тонюшка, очень рад! – Он взял ее маленькую, лишённую маникюра ладонь в свою не очень чистую лапищу и поцеловал. – Как вы относитесь к поэзии?

– Прекрасно.

– И кто ваш любимый автор?

– Ахматова.

– «И в тайную дружбу с высоким, как юный орел, темноглазым...» – начал декламировать Емельян.

– «Я, словно в цветник предосенний, походкою легкой вошла», – подхватила Тоня.

– «Там были последние розы...»

– «И месяц прозрачный качался на серых, густых облаках...»

Как только прозвучало последнее слово стихотворения, оба восхищенно выдохнули. С этого выдоха и началась их дружба.

Антонина заглядывала к своему новому другу каждый вечер. Когда шла на остановку, непременно сворачивала с тропы, чтобы хотя бы полчаса провести в приятном обществе Емельяна. Правда, не всегда ей это удавалось, а все из-за двух его приятелей-бомжей, обитавших в соседних траншеях, – Плевка и Хрыча. Эти мужики были не в пример Емельяну противными, тупыми, вечно пьяными, да и посматривали на Антонину уж очень глумливо.

Тридцать первого декабря она пришла в гости не с пустыми руками, а с подарком: томиком Ахматовой и килограммом марокканских мандаринов. Емельян тоже вручил ей презент: очередной кошелек и сомнительного вида коробку конфет. Обменявшись подарками, они выпили за Новый год (по стаканчику фанты), пожелали друг другу всего наилучшего и разошлись, договорившись встретиться десятого числа, когда Тоня выйдет на работу после рождественских каникул.

Новый год она справляла в компании Сонечки и ее кастрированного кота. К этому Тоне было не привыкать, поскольку даже тогда, когда она жила с матушкой, та все праздники отмечала в компаниях и Антонине ничего не оставалось, как либо звать к себе подружку, либо самой отправляться к ней. Но в любом случае барышни не задерживались за столом дольше чем до часу ночи. Тогда как маменька с ее подружками из хора ветеранов гуляли до утра, а потом все первое число отлеживались, ибо перебирали шампанского.

Шестого января Тоню разбудил телефонный звонок. Звонила матушка, чтоб пригласить дочь на торжественный рождественский ужин.

– В кои веки нормально поешь, – сказала она. – А то поди на бутербродах живешь...

– Нет, почему же? – насупилась Тоня. – Я макароны варю. И гречку. – Про гречку она врала – не варила, а вот макароны – да. Но чаще, конечно, питалась всухомятку. – А еще я в столовой обедаю. Так что супы ем.

– Да бог с ней, с едой, – перебила ее нетерпеливая матушка. – Главное, что на ужине ты познакомишься с братьями Иннокентия, Львом и Эдуардом. Лев уже четырежды был женат, а Эдуард...

– Ни разу, – закончила за нее Тоня. – Ты, мама, про них уже рассказывала. Надеюсь, ты не прочишь одного из них мне в мужья?

– Ни один из них мне в зятя не годится! – успокоила дочь Люся. – Кстати говоря, если у тебя кто появился (хотя вряд ли!), можешь взять его с собой, а то все одна да одна...

И отсоединилась. А Тоня быстро оделась и поехала в промзону, где в траншее теплотрассы жил единственный мужчина, который мог составить

ей компанию.

* * *

Перед тем как отправиться в гости к матушке, Тоня провела с Емельяном работу. Во-первых, отправила в баню (в ванной, по ее мнению, отмыть его было невозможно), вывела ему вшей, сделала маникюр и прическу, привела в порядок бороду, а также сводила в комиссионку. В магазине, торгующем подержанными вещами, они смогли приобрести практически за копейки отличный костюм, рубаху и ботинки, а пальто ему отцовское подошло: двубортное с каракулевым воротником. Облачась в эти вещи, пусть не модные, зато почти новые и чистые, Емельян стал выглядеть очень презентабельно. А как ему шла эспаньолка! И зачесанные назад волосы! Тоня аж залюбовалась Емельяном, когда он из примерочной вышел. И плевать, что на него потрачена вся заначка, главное – она наконец-то отправится в гости под руку с кавалером. А то всегда одна да одна...

Когда процесс преображения бомжа в приличного мужчину был завершен, Тоня вызвала такси – шикавать так шикавать! – и они с Емельяном отправились к матушке.

Гостей было приглашено немного: кроме самих хозяев и Тони со спутником, всего четверо. Одной из них была подружка Антонины Сонечка (матушка из вежливости позвала ее, а та не отказалась), второй – приятельница самой Люси, Марианна Борисовна, руководительница хора ветеранов, и два младших брата хозяина, близнецы Лев и Эдуард. Они в свои пятьдесят два были холостяками, только Лев, как известно, ходил в загс четырежды, а Эдик ни разу.

– Доченька! – кудахтнула Люся, открыв перед Тоней дверь. – Как я рада! Ну, проходи, проходи... Ждем только тебя!

– Я не одна, мама, – немного смущенно, но не без гордости сказала Антонина.

– А с кем? Сонечка-то уже тут!

– С кавалером. – И посторонилась, давая матери рассмотреть стоящего за ее спиной Емельяна.

Люся, удивленно округлив глаза, уставилась на дочкиного спутника. В одно мгновение оценив его внешность, она осталась ею вполне довольна. Даже тот факт, что Емельян оказался ниже Тони чуть ли не на полголовы, ее не смутил – ей всегда нравились «компактные» мужчины, она считала их

более темпераментными.

– Добрый вечер, молодой человек, – улыбнулась Емельяну матушка. – Милости прошу... – Но сначала протянула ему руку для поцелуя и только потом посторонилась. – Как вас величать, любезный?

– Емельяном. А вас, сударыня?

– Людмилой, – кокетливо протянула матушка. – И, умоляю, не спрашивайте, какое у меня отчество! Для всех я просто Люся!

– Неужели вы мама Тонечки?

– Совершенно верно...

– Подумать только! Вы выглядите как ее сестра!

– Мне все так говорят, – прожурчала Люся. – Но дело в том, что я родила Тонечку довольно рано...

На самом деле Люся произвела дочь на свет в обычном для деторождения возрасте – в двадцать четыре. Однако всем заявляла, что родила чуть ли не после школы, и от Тониного возраста обычно отнимала пяток лет. В итоге получалось, что ей нет еще и пятидесяти.

– Позвольте, Емельян, я познакомлю вас с остальными, – продолжала стрекотать Люся, взяв Тониного кавалера под руку и вводя в комнату, где был накрыт праздничный стол. – Мой супруг, Иннокентий, – начала представлять присутствующих матушка.

А пока она делала это, Тонечка, знакомая со всеми, стояла у зеркала, приводя себя в порядок. Висело оно напротив стола, и это позволяло следить за происходящим. А то вдруг Емельян допустит какую-нибудь оплошность, и придется спешить к нему на помощь. Но, оказалось, Тоня волновалась зря. Кавалер вел себя безупречно. Перед мужчинами вежливо склонял голову, а дамам целовал ручки. Его галантность была по достоинству оценена. Особенно Марианной. Когда Емельян припал губами к ее руке, она жеманно захихикала и подставила для поцелуя вторую. А вот Сонечка свою пятерню поспешно отдернула и вспыхнула как маков цвет.

Соня была старше Антонины – ей уже перевалило за сорок – и жила одна. Что никого не удивляло, в том числе саму Сонечку. С детства она считала себя дурнушкой и так глубоко погрязла в своих комплексах, что даже нечастые комплименты воспринимала как насмешку. Тоня сколько раз пыталась вытащить подругу на вечер «кому за тридцать», но та ни в какую не соглашалась. Из-за нее и Антонине приходилось в субботние вечера дома сидеть. Не идти же одной!

Тем временем матушка представила Емельяна близнецам, похожим друг на друга, как небо и земля (Лев был полным и кудрявым, Эдуард тощим, сутулым, с прической а-ля Лукашенко), и усадила по левую руку от

себя. По правую восседал гражданский супруг Люси Иннокентий, отличающийся от обоих своих братьев. Он был худощав, но с животиком, с волосами редкими, но покрывающими весь череп, и если Лев с Эдуардом выглядели простачками, то Иннокентий – франтом. Брюки со стрелками, рубашка – накрахмалена, в кармане пиджака платок в горошек, на шее – бабочка. А уж душился как! Такое ощущение, что за раз он вылил на себя полфлакона одеколона. Тоня, только приближаясь к нему, начала чихать. И это при том, что ее обоняние было «закалено» маменькиным убойным парфюмом!

– Итак, гости дорогие, милости прошу, угощайтесь! – церемонно промолвила матушка, широким жестом указывая на стол.

Гости дорогие незамедлительно схватили ложки и принялись накладывать себе в тарелки фирменные Люсины салаты.

Тоня могла сколько угодно критиковать свою мать, но вынуждена была признать, что готовила она превосходно. Не самая лучшая хозяйка, у которой на стульях грудами лежали вещи, а грязные чашки могли днями стоять возле кровати (Люся обожала пить чай в постели), умудрялась из простейших продуктов сотворить кулинарный шедевр. Этим, по всей видимости, она и зацепила Тониного отца, так как, сколько Тоня себя помнила, он всю жизнь ругал жену за беспорядок, но на другую женщину менять ее не собирался. А вот Антонина пошла не в мать. Она была аккуратисткой и отвратительной кулинаркой. Рис у нее всегда слипался, жареная картошка подгорала, капуста превращалась в месиво, а единственный салат, который ей удавался, был помидорно-огуречный.

Пока гости накладывали «Оливье», хозяин дома Иннокентий разливал по фужерам и стопкам спиртное. Дамам – шампанское. Мужчинам – водочку. Когда очередь дошла до Емельяна, тот накрыл свою стопку ладонью и сказал:

– Я воздержусь.

– Нет, друг мой, так не пойдет. За Рождество надо выпить!

– Я не пью.

– Совсем? – полюбопытствовал Иннокентий.

– Совсем.

– Закодированный, что ли?

– Ну почему же? Просто не вижу прелести в состоянии алкогольного опьянения. Предпочитаю мыслить здраво!

– От стопки не окосеешь!

– Возможно, но даже она лишит меня определенного количества клеток головного мозга. Вы знаете, что они отмирают, когда вы

употребляете алкоголь? А потом выходят с мочой?

Иннокентий, а больше его брат Лев, который, судя по лицу, любил к стопочке приложиться, открыли рты, чтобы опровергнуть эту теорию, но Люся не дала спору разгореться:

– Ах, какой вы, Емелюшка, молодец! – прочирикала она, покровительственно похлопав дочкиного кавалера по плечу. – Правильно делаете, что не употребляете. Это нам, девушкам, можно немного выпить, вы ж нас не за ум любите, а за красоту. А мужчина должен иметь высокий интеллектуальный уровень... – И очень к месту ввернула «разведывательный» вопрос: – Вот у вас какое образование?

– Высшее. Я кандидат химических наук.

Матушка от радости чуть не свалилась со стула. А Тоня, боясь, что та продолжит расспросы, вскричала:

– Так что же мы ждем? Давайте выпьем! С Рождеством!

Все радостно подхватили: «С Рождеством!» – и принялись чокаться.

* * *

Прошло два с половиной часа. За это время гости и хозяйка успели изрядно нагрузиться (за исключением, естественно, Емельяна). А также съесть все холодные закуски и просмотреть «Иронию судьбы», которую по разным каналам показывали в течение всех новогодних праздников. Перед тем как подать горячее, Люся решила развлечь гостей. И если другие затевали игру в фанты или включали караоке, то маменька вытаскивала из тайника, коим именовалась жестяная коробка из-под чая, свое сокровище и демонстрировала его присутствующим. И не беда, что половина из них его уже не раз видела, старалась она не для них и даже не для тех, кто еще не видел. Люся радовалась самой себе. Ей так нравилось хвалиться своим бриллиантом и рассказывать его выдуманную историю (с годами увеличивалась не только его стоимость, но также росло количество легенд, связанных с ним), что матушка не могла отказать себе в удовольствии.

– Видите, как играет? – восхищалась она, подставляя камень под лампу. – А какой оттенок... Удивительный, правда? Ну просто как мои глаза...

Тут Люся не врала. Бриллиант был действительно такого же цвета, как радужка ее глаз, – бледно-бледно-голубой. Насколько Тоня знала, это самый распространенный оттенок алмазов. Но разве с Люсей поспоришь?

– Стоит миллион, представляете?

– Миллион рублей? – ахнула Сонечка. Она и до этого видела бриллиант, но тогда матушка называла другую цифру, в несколько раз меньше озвученной.

– Долларов, милая, долларов!

– Да ты, Кеша, богатую невесту отхватил! – гоготнул Лев. А его брат-близнец рассудительно проговорил:

– Вы бы дома такую дорогую вещь не хранили, а то мало ли что...

– Ах, Эдик, перестань, – отмахнулась маменька. – Здесь же все свои! – Тут Люсе взбрела в голову новая идея, и она воскликнула: – А давайте гадать! Сейчас же самое время для этого! Пока мясо в духовке доходит, мы узнаем свою судьбу...

Против гадания возражать не стал никто, кроме Тони. Когда-то она увлекалась этим делом, кидала через плечо валенок, чтоб он указал направление, в котором живет будущий избранник, поутру спрашивала у первого прохожего имя, а перед тем как заснуть, приговаривала «суженый, ряженый, приди ко мне наряженный». Но так как, несмотря на положительные результаты гаданий, суженый так и не появился, то Антонина разочаровалась в этой девичьей забаве и зареклась больше дурью не маяться.

Но разве можно противостоять Люсе?

– Итак, ребятки, – начала она, притащив в комнату таз с водой и несколько свечей, – сейчас мы будем гадать на будущее. Что каждого из нас ждет в новом году. Поджигайте свои свечки, а когда воск растопится, капайте в воду.

Все дружно стали поджигать свечи. Антонине тоже пришлось.

– Чур, я первая! – вскричала Люся и перевернула свечу. – Ну, кто что видит?

Тоня – овальную каплю расплавленного воска, покачивающуюся на воде. И больше ничего!

– Мама, это обычный овал, – констатировала факт Тоня. – Или, если хочешь, эллипс!

– Включи воображение, детка. На что может быть похож эллипс?

– На мяч, – подал голос Иннокентий. – Для регби.

– И что это значит?

– Замуж за спортсмена выйдешь, – прошептала Марианна и хихикнула, прикрыв рот сухонькой лапкой в сетчатой перчатке.

Иннокентий, услышав это предположение, сурово нахмурился, а Люся захлопала в ладоши.

Ей всегда нравились спортсмены. Когда-то по молодости к одному

такому, футболисту, она даже чуть не ушла от Тониного папы. Ничего, кроме его имени Слава и рода занятий, она о нем не знала, но разве это имело значение?

– Кеша, давай теперь ты!

Люсин супруг вылил воск своей свечи в воду. Следом за ним то же самое проделали его братья. У всех троих вышло что-то невразумительное. Обладающая самой безудержной фантазией Сонечка увидела в трех одинаковых пятнах колесо, обручальное кольцо и глобус. Что означало: Иннокентий купит машину, Лев вновь женится, а Эдуард отправится в кругосветное путешествие. Все трое несказанно обрадовались Сониным предсказаниям, а Кеша особенно.

– Наконец-то сбудется моя мечта! – вскричал он. – Душенька, а вы, случайно, не видите, какой марки будет моя машина?

Сонечка присмотрелась к кусочку воска, в центре которого была круглая дырочка, и предположила:

– «Ауди». Похоже, это одно из четырех колец его эмблемы.

– Эх, жаль, – досадливо протянул Иннокентий. – Я так хотел «Бентли»...

– «Ауди» тоже неплохо, – успокоил его Лев. – Я б лично не возражал против «Q 7».

– А мне «А 6» нравится, – встрял Эдик. – Благородная классика.

– Мальчики, может, закроем автомобильную тему? – перебила братьев Люся. – Кроме вас, она никому не интересна. – И объявила торжественно: – А теперь пришла очередь Емельяна!

– Я пропущу вперед дам...

– Нет, пусть у девочек больше воска скопится... – И Люся постучала алым ногтем по краю тазика. – Выливай, Емеля, выливай!

Емельян послушно перевернул свечу.

– Ого! – восхитилась Люся, увидев, какую форму приобрел растопленный воск. – У Емельяна, кажется, тоже кольцо! Как и у Льва, только гораздо более отчетливое.

– Да, похоже, – согласилась с ней Тоня.

– Обручальное!

– Да нет, скорее перстень...

– Точно тебе говорю, обручальное! – И матушка незаметно ткнула дочь локтем в бок. – Сейчас же и с камушками допускаются...

– Совершенно верно, – поддакнула Марианна. Она подрабатывала в загсе старушкой-веселушкой и считалась экспертом в брачных церемониях и во всем, что с ними связано. – А теперь моя очередь!

И она проворно выплеснула воск.

– Я вижу рог, – хмыкнула Марианна. – А вы?

– То же самое, – прозвучало единогласное мнение всех присутствующих.

– Но мне рога наставлять некому – я вдова!

– А если это рог изобилия? – предположила Соня.

– Тогда он был бы искривленным, а этот прямой, как у молодой козочки. Вернее, у его макушки утолщение, но это все детали, на тот рог изобилия, который обычно рисуют, мой не похож совсем...

– Какая же ты придира, – возмутилась Люся. – Радовалась бы, что тебе такое выпало...

– Порадуюсь я тогда, когда мне от Андрюши Малахова письмо придет, – просипела Марианна. Из-за ларингита говорить ей было трудно, но смолчать она не могла. – Я уже давно ему написала, попросила к себе в передачу пригласить, а он пока молчит...

– Надоела со своим Малаховым, – поджала губы Люся. Ей больше Иван Ургант нравился. – Пусть теперь Тоня капнет. Дочка, давай.

Антонина «дала»!

Люся, сощурившись, уставилась на образовавшееся восковое пятно. Тоне было ясно, что матушка хочет увидеть в нем тоже обручальное кольцо, но у нее ничего не выходит! У пятна не было правильной формы, больше всего оно напоминало обычную чернильную кляксу.

– Отдаленно на мужской профиль похоже, – сказала Сонечка.

– Да? – с сомнением протянула Люся. – А я что-то не вижу этого...

– Да вы приглядитесь! Вот нос!

– Какой огромный, – ужаснулась матушка.

– Кавказец, наверное, – хохотнул Иннокентий.

– Точно кавказец! – всплеснула руками Соня. – Вон у него и кепка-аэродром!

– Ты чего болтаешь? – накинулась на нее Люся. – Чтоб моя дочка с рыночным торговцем... Да никогда! И вообще... – Она ткнула пальцем в «кавказца», развернув его на сто восемьдесят градусов. – Это не кепка, а борода! – И так красноречиво посмотрела на Емельяна, что Тоня залилась румянцем. – А теперь давайте горячее поедим!

– Постойте, а как же я? – вскричала Сонечка. – Мне-то еще не погадали!

– Ах, да, про тебя-то мы забыли... – проворчала Люся, которая на самом деле ничего не забыла, просто «отомстила» за кавказца в кепке-аэродроме. – Ну, давай, капай уже, а то всем кушать хочется!

Сонечка аккуратно вылила воск в воду.

– Ерунда какая-то получилась, – пробормотала она после того, как воск принял грушевидную форму.

– На кучу дерьма похоже, – радостно возвестила Люся.

– Мама, как тебе не стыдно? – упрекнула ее Тоня. – Что ты такое говоришь?

– Что вижу, то и говорю, – насупилась та. – Соньке, значит, можно про носатых торгашей, а мне про дерьмо нельзя?

– Да это же денежный мешок! – воскликнул Иннокентий. – Посмотрите сами!

– На мешок похоже, – откликнулась его супруга. – Но с чего ты взял, что в нем деньги? Может, там картошка?

– Люсенька, это же гадание на будущее. Какая картошка? – И, похлопав Соню по спинке, муж сказал: – Поздравляю, душенька! Похоже, вы скоро разбогатеете! Так что советую вам начать играть в «Русское лото».

На этой оптимистической ноте гадание было закончено. Все расселись по местам в ожидании Люсиного мяса.

* * *

Поев, гости разбрелись по квартире. За столом остались только мама с дочкой. Антонина хотела присоединиться к остальным, но Люся усадила ее на место и принялась чирикать:

– Емельян такой душка! Я в полном восторге от него. И умница, и галантный, и внешне очень даже...

– Да, он симпатичный, – согласилась с ней Тоня.

– А где вы познакомились?

– Около института.

– Он работает в твоём НИИ? – немного напряглась мать. Она знала, что научные сотрудники этого учреждения получали очень и очень скромную зарплату.

– Работал когда-то.

– А сейчас где?

– На вольных хлебах, – нисколько не погрешила против истины Тоня. А так как тема разговора была дольно щекотливой, она решила ее сменить: – Мама, а чем ты мясо приправляла? У него был такой пикантный вкус...

– Ты мне зубы не заговаривай, – не дала увести разговор в сторону Люся. – Про мясо я тебе все расскажу, когда замуж выйдешь. Надо же будет

Емельяна чем-то кормить...

– Мама, перестань!

– И не подумаю, – отрезала та. – Он тебе еще не сделал предложения?

– Нет.

– Почему?

– Но между нами ничего нет... Мы просто приятели.

– Только моя непутевая дочь может приятельствовать с приятным мужчиной в полном расцвете сил! Я бы на твоём месте давно его в постель затащила.

Антонина порывисто встала, чтобы уйти, но Люся рванула ее за руку:

– А ну, сядь! – приказала она. – Что за привычка убегать, когда мать с тобой разговаривает?

– Да ты не разговариваешь, а болтаешь глупости! И пошлости...

– В занятиях любовью никакой пошлости нет и быть не может!

– Хорошо, мама, как скажешь! – Тоня посчитала за лучшее согласиться. – А теперь можно, я пойду? Руки помыть хочется...

Люся пропустила ее просьбу мимо ушей.

– А замуж не хочешь? – спросила она веско.

– Ты же знаешь, что я мечтаю о семье.

– Тогда иди не в ванную, а к Емельяну, бери его под руку и тащи...

– Сразу под венец? – усмехнулась Тоня.

– Сначала в постель, а то под венец он может сразу не согласиться.

– Мам, Емельян совсем не тот, кто мне нужен.

– Вот еще глупости! Это совершенно точно твой мужчина! С бородой, как и было предсказано. А не какой-то там рыночный торговец!

– Да уж лучше торговец, чем бомж.

– А бомжи-то тут при чем?

– Емельян – бомж. Он живет в траншее теплотрассы возле нашего НИИ, – выпалила Тоня и тут же пожалела об этом.

– Ты привела ко мне в дом бомжа? – вскипела Люся. – Да как ты посмела? А что, если у него чесотка или лишай?

– Нет у него ни того, ни другого.

– А вши?

– И вшей нет... Уже нет.

– Какой кошмар! Как тебе в голову взбрело с ним связаться?

– Он хороший человек. И очень интересный. Между прочим, он действительно кандидат наук.

– Да хоть доктор! Он бомж, отброс общества!

– Мама, нельзя быть такой категоричной. Мало ли какие

обстоятельства привели его к подобной жизни. Сейчас такое время, что любой из нас может оказаться на обочине...

– Только не я.

– Хорошо, ты исключение, – согласилась Тоня. Она действительно не представляла себе, что может сломить Люсю. – Но не все такие сильные и, уж извини за откровенность, ушлые, как ты. Некоторых обманом выселяют из квартир. И что остается этим людям? Только бродяжничать...

– Это он тебе про квартиру напел?

– Нет, он ничего не говорил о том, что привело его к той жизни, которую он сейчас ведет. Наверное, ему неприятно об этом вспоминать...

Антонина замолчала. Но не потому, что ей нечего было добавить, просто мать перестала ее слушать. Она сидела с задумчивым видом и беззвучно шевелила губами. Наконец ее диалог с самой собой был закончен, и Тоня услышала:

– Знаешь, что я подумала, доча? А может, иметь мужа-торговца не так уж плохо?

И, похлопав Антонину по плечу, покинула комнату.

Когда матушка скрылась, плотно прикрыв за собой дверь, Тоня схватила бутылку шампанского, нацедила себе в фужер граммов двести и залпом их выпила. Это был неслыханный поступок, поскольку она практически никогда не пила. По праздникам только, да и то все торжество сидела с одним фужером, а тут, как заправский алкаш, хлопнула убойную для нее дозу. И мало того, хлопнула, так и еще налила и приготовилась отправить вслед за первым, но тут по квартире разнесся громкий крик, и Тоне пришлось отставить хрустальный бокал и выбежать в прихожую, чтобы узнать, кто кричал...

* * *

События, предшествующие тому моменту, как обнаружилась пропажа перстня, пронеслись в голове Антонины за считанные секунды. А мать за это время успела обозвать Емельяна «безмедянником» и бросить обличительное: «В твоих карманах нет ни копыя!»

– Возможно, я нищ, – с достоинством парировал он. – Но у меня осталось главное – человеческое достоинство, и перстня вашего я не брал.

– Как же, не брал ты! И ведь как быстро сбылось гадание. Только час назад воск твоей свечи приобрел форму перстня, и вот он уже у тебя!

– Ваши обвинения крайне оскорбительны для меня, поэтому я

вынужден покинуть ваш дом... – И решительно направился к выходу. Но уйти ему не удалось.

– Кеша! – гаркнула Люся сразу после того, как услышала заявление Емельяна. – Не пускай его!

Иннокентий прогалопировал к двери и закрыл ее своим пусть и не мощным, но довольно крепким телом. А тут к нему еще и братья присоединились.

– Да как вы смеете? – возмутился Емельян. – Выпустите меня немедленно!

– Решил сбежать с моим бриллиантом? Не выйдет!

Емельян вывернул карманы пиджака. Но Люся только хмыкнула:

– Меня на это не купишь! Может, ты его в трусы спрятал? Или вообще – проглотил. А завтра слабительного напьешься и – вуаля – бриллиантик вышел! Был Емельян бомжом, стал миллионером.

– То есть, пока бриллиант не найдется, вы меня не выпустите? – уточнил тот.

– Естественно.

– А может, милицию вызвать? – предложила Тоня.

– Сами разберемся, – отрезала Люся.

– Да, сами, – неожиданно согласился с ней Емельян. В следующую секунду Тоня поняла почему: – Я как личность, не имеющая документов, не хотел бы попадаться на глаза представителям правоохранительных органов.

– Ну и что вы предлагаете? Всех обыскивать и сделать промывание желудка?

Люся сначала задумалась, а потом энергично кивнула:

– Да, это мысль. Только не всем, как ты сказала, а Емельяну, Соне, Марианне, Льву и Эдуарду. Члены моей семьи вне подозрения.

– Но мы тоже... – взволновался Эдик. – Также члены... В смысле, братья.

– Я вас сегодня второй раз в жизни увидела. Мне вы – никто!

– Ты, курица, нам тоже никто, – вышел из себя Лев. – Так что не надейся, что мы тебе позволим... – Он развернулся к старшему брату и грозно молвил: – Кеша, уйми свою бабу, иначе...

– Не смей называть ее бабой, – вступился за супругу Иннокентий. – И курицей тоже не смей! – И, отстояв честь своей дамы, он обратился к ней лично: – А ты, Люся, не перегибай палку! Никого мы обыскивать не будем (про промывание я вообще молчу), вместо этого разбредемся по квартире и начнем искать твой перстень.

– Кеша, не тупи, перстень не потерян, его украли!

– Люсенька, по-моему, ты ошибаешься.

– Я? Да никогда! – отрезала непоколебимая в своей правоте Люся.

– А может, ты его просто машинально положила не в коробочку, а в другое место... Ты ж побежала за тазом и свечами... И...

– Я положила его вот сюда, – отчеканила Люся, ткнув в банку из-под чая, стоявшую в шкафчике в прихожей. – А вот убирать, как обычно, в ящик не стала. Оставила банку прямо тут, потому что торопилась принести все прибабасы для гадания. Конечно, разве я могла предположить, что среди нас есть вор?

– Людмила Геннадьевна, – подала голос Соня, но не была услышана.

– И этот вор, – продолжила матушка, – решил, что я хвачусь бриллианта только завтра или послезавтра, а то и через неделю, и тогда ищи его, свищи. Он на те полтора миллиона долларов, которые выручит от его продажи, на Бали улетит!

– В таком случае это не Емельян, – не преминула заметить Тоня. – Ведь у него даже российского паспорта нет, не то что заграничного.

– Заграничного и у меня нет, – выпалила Соня. – А еще я хотела сказать, что вор поспешил бы покинуть квартиру, чтоб поскорее вынести камень, но мы все тут, и это значит...

– Ничего не значит! Злоумышленник просто не успел скрыться, я хватилась перстня слишком рано.

– И все-таки я думаю так же, как Иннокентий. Никто перстень не крал, вы его просто не туда сунули да забыли. В вашем возрасте такое случается...

Вот этого Соне говорить не стоило! Люся при любом замечании, касаемом ее реального возраста (уже даже и не бальзаковского), приходила в ярость:

– Это чаще случается с подобными тебе старыми девами! – процедила она.

– Уж лучше оставаться девой, чем, как вы, пускаться во все тяжкие в том возрасте, когда уже о душе пора подумать...

Чем бы закончилась их перепалка, можно было только гадать, но разругаться вдрызг дамам не дал Емельян.

– А не вернуться ли к нашим баранам? – громко спросил он.

– Да, действительно, – поспешила согласиться с ним Соня. Она знала, что в любой баталии, пусть и словесной, победу одержит неукротимая пенсионерка.

– Предложение Иннокентия мне лично кажется разумным. Давайте действительно поищем перстень, авось он найдется?

Все, за исключением Люси, Емельяна поддержали. Матушка же уселась возле двери, чтоб в случае чего не дать вору уйти.

– Тонечка, пойдите вот в эту комнату, – шепнул Емельян на ухо Антонине и повел ее туда, где был накрыт стол.

– Но здесь перстня точно нет, – так же тихо ответила та, но все же пошла за Емельяном. – Я все время находилась тут, и в комнату никто не заходил...

– Вы совершенно правы, перстня здесь нет, я просто хотел доесть свой кусок. Мясо вкуснейшее! Как ваша матушка при таком отвратительном характере умудряется столь прекрасно готовить? Я всегда считал, что кулинария – удел благодущных...

– Емельян, – оборвала его рассуждения Тоня, – а вам не кажется это некрасивым: есть тогда, когда остальные заняты делом? Я предлагаю присоединиться к ним и поискать перстень.

– Ни к чему. Его скоро найдут.

– Вы знаете, где он лежит?

– Нет, но я догадываюсь, что на видном месте. Возможно, в ванной на полочке. Или на кухонном ящике, где хранятся спички.

– То есть вы считаете, что мама действительно не прятала его в коробку? Машинально положила на полку, когда набирала воду? Или на шкафчик, доставая спички?

– Нет, ваша матушка совершенно точно вернула перстень на место – она не произвела на меня впечатления рассеянного человека. Но его оттуда кто-то взял (я догадываюсь – кто, но пока не скажу, хочу проверить), а когда факт исчезновения вскрылся, вор испугался и решил вернуть драгоценность владелице. А так как признаться в своем проступке он не может, то просто положит перстень на видное место и...

– Нашелся! – раздался радостный вопль. – Вот же он, лежит на тумбочке!

– Как на тумбочке? – ахнула Люся.

– В ней свечи хранятся. Ты, наверное, перед тем, как за ними полезть, положила на нее перстень, а потом забыла о нем...

– Это на меня не похоже, – с сомнением протянула Люся. – Я, может, и не девочка уже, но склерозом пока не страдаю...

– Люстик, ты у меня как девочка, – промурлыкал Иннокентий. – И память у тебя соответствующая... Девичья.

Люся сразу растаяла и довольно прожурчала:

– Как хорошо, что камень нашелся, а то так было неприятно подозревать близких людей... Хотя, честно говоря, на вас, мои дорогие, я

даже не думала...

– Мама, а ты не желаешь извиниться перед Емельяном? – строго спросила Тоня, взяв своего кавалера под руку (сначала его пришлось оторвать от тарелки) и выводя его в прихожую. – Ты огульно обвинила человека...

– Вот еще! Перед бомжами я не извинялась!

– Мама, Емельян пришел со мной, и, оскорбляя его, ты тем самым оскорбляешь и меня, свою дочь.

– Будешь знать, как связываться...

– Мама, еще одно слово!

– Ну, хорошо! – Люся насупилась и не столько проговорила, сколько прошипела: – Просстите.

– Извинения приняты, – с достоинством молвил Емельян. – А теперь позвольте откланяться.

– Да, мы пойдем, – сказала Тоня.

– А ты, доченька, куда? Останься! Нас еще десерт ждет – пирожные, я сама испекла...

– Нет, мама, мы пойдем. Все было очень вкусно, спасибо и до свидания.

– Да, еда была выше всяких похвал, – заметил Емельян. – Прощайте.

Они вышли за дверь. Ступили на лестницу. Сделав шагов пять, Тоня не выдержала – остановилась и выпалила:

– Так что же? Кто стащил кольцо?

– А вы разве сами не поняли?

– Соня?

– Почему Соня?

– Ну, во-первых, из-за гадания...

– Тонечка, – с укором протянул Емельян, – и вы туда же? Неужели вы, такая образованная и прогрессивная девушка, верите в подобную ерунду?

– Я нет, а вот Соня... Возможно, расплывшийся в форме мешка воск натолкнул ее на мысль о краже. К тому же именно она настаивала на том, что перстень не украден, а всего лишь утерян...

– Нет, она только поддержала эту мысль. А высказал ее?..

– Иннокентий, – припомнила Тоня.

– Он и является вором.

– Не может быть!

– Почему же, душа моя?

– Но он же... Любит маму!

– По-моему, он так любит себя и деньги, что на вашу маму ему, как бы

это помягче выразиться...

– Я поняла, – завершила его Тоня. – И, знаете, мне сразу показалось, что в нем много фальши. Да и вообще... Уж очень скоропалительным был их так называемый брак. Сегодня познакомились, на завтра она его в гости пригласила, а послезавтра они уже начали вместе жить.

– Я помню, вы рассказывали мне об этом. Я еще тогда удивился (зрелым людям такое поведение не свойственно), а сегодня, когда ваша матушка принялась хвалиться своим бриллиантом перед незнакомыми и мало знакомыми людьми, я понял, почему Иннокентий сделал ей предложение. Очевидно, когда он впервые пришел к вам в дом, Людмила вот так же, как сегодня, вытащила свое сокровище и не только продемонстрировала, но и обозначила его цену (как я подозреваю, сильно завышенную). Иннокентий, всю жизнь мечтавший о безбедной старости, а пуще – о классной машине, понял, что Люся с ее бриллиантом – это его шанс. Думается, он не собирался ее грабить, надеялся уговорить продать бриллиант, а на вырученные деньги купить себе автомобиль. Но Люся с камнем расставаться не пожелала, и Кеше ничего не осталось...

– Но почему вы ничего не рассказали ей?

– У меня нет доказательств. А голословно обвинять кого-либо не в моих правилах.

– Тогда это сделаю я! – И Антонина метнулась вверх по лестнице, но Емельян остановил ее:

– Не стоит, Тонечка.

– Но ее просто необходимо предостеречь! А то ведь он может повторить попытку...

– Лучше уговорите матушку выбрать для хранения бриллианта другое место. Банковская ячейка была бы кстати, но пусть хотя бы отдаст его вам. А вы уж спрячете его там, куда не доберется Иннокентий.

– Возможно, таким образом мы сохраним камень, но как же мама? Она так и будет жить с этим пройдохой?

– Сдается мне, что, как только Иннокентий поймет, что за счет Люси ему не удастся пожить, он найдет повод с ней расстаться.

– А если нет?

– А если нет, то Люся ему не так безразлична, как я думаю (а что на бриллиант он позарился, так его бес попутал – с каждым случиться может), и в этом случае вам останется только порадоваться за матушку.

– Что ж, вы меня уговорили...

– Вот и хорошо, – по-доброму улыбнулся он. – А теперь пойдёмте. Мне еще переодеться надо, а потом к себе ехать. Ко мне сегодня гости

придут – Хрыч и Плевок, – я их чахохбили угостить обещал. Рождество ведь, праздник!

* * *

Тоня шла по уже знакомой тропке, ужасно волнуясь и робко радуясь одновременно. Вот и сверкающие трубы показались, и картонный домик с отставленной в сторонку «дверью». В стороне от него потрескивал костерок и весело пулялся искрами. А на пригорке, уперев руки в бока, стоял Емельян. Лицо его было серьезно, фигура, несмотря на малый рост, внушительна. В одной руке он держал уже знакомый бидон, во второй – перетянутый веревкой мешок.

Завидев Тоню, Емельян зычно прокричал:

– Приветствую вас, о, фея! Какие добрые духи заманили вас сюда?

– Я пришла, чтобы... – Тоня запнулась. – А вы куда-то собрались?

– Да, я покидаю этот дивный край. Дальние страны зовут меня, и как ни хорошо мне тут было, я вынужден уйти...

Тоня зажмурилась. Эта привычка, когда страшно, закрывать глаза осталась у нее с детства. «Боже, какой кошмар! – ужаснулась она мысленно. – Его гонят отсюда! Либо милиция, либо собратья по свободе, иначе говоря, бомжи! Тот же Хрыч! Ведь по его роже видно, что бандит...»

– Емельян! – вскричала Тоня. – Вам не надо никуда уезжать!

– Почему? – несказанно удивился он.

– Потому что я помогу тебе. Предоставлю кров, найду работу, одолжу денег на первое время... – От волнения Тоня не заметила, как перешла на «ты». – Я за этим и пришла сегодня! Чтоб предложить тебе свою помощь!

– Радость моя, – умильно прошептал Емельян и обнял Антонину. Ей в его объятиях стало так хорошо, что даже вонь, от которой слезились глаза, не омрачила радости момента.

– Бедный, бедный Емельян, как ты, наверное, настрадался! Тебя обманом выписали из квартиры, да?

– Нет, Тонечка.

– Твой дом сгорел вместе с документами, да?

– Нет, Тоня. Я просто однажды проснулся и понял, что ненавижу свой дом, свою работу, свою жизнь. Я встал, умылся, собрал сумку и ушел.

– Куда?

– Куда глаза глядят, а глядели они тогда в южном направлении. Деньги у меня были, паспорт тогда еще тоже был (это потом у меня его украли), я

купил билет до Сочи, сел в поезд и поехал навстречу новой жизни. И вот она, во всей красе!

В его голосе не было горечи, но Тоня решила, что Емельян просто ее сдерживает.

– Вот я и предлагаю тебе другую жизнь! – воскликнула она. – Ты больше не будешь спать на пенопласте, есть на кирпичках, носить обноски. Удобная кровать, круглый стол под абажуром с кистями, полосатый халат и шерстяные носки... Я сама свяжу их тебе. Я уже начала, но, перед тем как закрыть петли, надо примерить...

Лицо Емельяна сморщилось, как будто он съел лимон.

– Я бежал именно от этого! У меня была заботливая жена, чем-то похожая на тебя. Уютная квартирка, мягкая постель... И халат у меня был, только клетчатый, и носки... И все это я не-на-ви-дел! Как только наш сын вырос и уехал жить в другой город, я посчитал, что больше никому ничего не должен и теперь могу жить так, как хочу... И я живу, Тонюшка, по-настоящему живу!

Он взвалил на плечо мешок, поправил вислоухую шапку и улыбнулся на прощанье.

– И тебе нравится ЭТО? – вскричала Тоня. – Этот картонный домик, кирпич вместо стула и как ты пахнешь?

Он уткнул нос в рукав, глубоко вдохнул.

– По-моему, ничем особым не пахнет, – пожал он плечами. – А теперь позволь откланяться. А все, о чем ты говорила, ерунда. Главное, я свободен. Меня ждут новые места, новые люди, может, даже такие замечательные, как ты. Мир полон чудес, и я должен увидеть хотя бы часть их...

Он спустился с пригорка, позвякивая бидоном, и зашагал туда, где багряное солнце тонуло в небесном океане. Его лицо, на котором играли отблески заката, излучало непонятный свет. Полы его пальто развевались и очень напоминали крылья. Тоня смотрела вслед Емельяну до тех пор, пока его фигура не превратилась в точку. А когда и точка слилась с горизонтом, она шмыгнула носом и заспешила домой, где ее ждали круглый стол, абажур с кистями и пузатый самовар, все те вещи, которые она по примеру итальянцев решила выкинуть, а сразу после этого начать новую жизнь.

Эпилог

Люся с Иннокентием разошлись спустя три дня после Рождества. И Тоне для этого не пришлось прилагать никаких усилий. Дело в том, что Люся в трамвае случайно встретила своего давнего знакомца, того самого футболиста, к которому она чуть не ушла от супруга (фамилия его, кстати сказать, была Овалов), и поняла – вот она, ее судьба.

Сонечка с того рождественского ужина ушла не одна, а со Львом. Он вызвался проводить даму до дома, а спустя два месяца – к алтарю. Соня дала согласие. На свадьбу «молодым» подарили десяток лотерейных билетов, один из которых оказался выигрышным. На полученные деньги новоиспеченные супруги купили большую квартиру и отправили Эдуарда в кругосветное путешествие – ведь счастливый билет был куплен именно им.

Иннокентий нашел себе новую даму сердца, которую почти тут же привел в дом. У женщины имелась дорогостоящая коллекция марок, доставшаяся ей от покойного супруга. Кеша уговорил ее продать наследство. Но так как на вожделенный «Бентли» вырученной суммы не хватило, то ему пришлось поменять квартиру на меньшую. Однако, когда деньги были собраны, а от покупки машины-мечты Иннокентия отделял лишь один день, его пассия сгинула, прихватив с собой все имеющиеся в доме наличные. В общем, вместо «Бентли» Кеша получил дырку от бублика.

Марианна попала-таки в «Останкино». Ее пригласили в передачу Андрея Малахова. Поучаствовав в ней, женщина прониклась духом телевидения и стала гостем многих программ. Правда, участвовать в них в качестве героя ее больше не звали, но в зрительный зал Марианна попадает часто. Именно она громче всех хлопает на передачах «Модный приговор» и «Давай поженимся».

Антонина решилась-таки одна пойти на вечер «Кому за тридцать». Там она познакомилась с интересным мужчиной кавказской национальности. «Вы торгуете на рынке?» – спросила Тоня сразу же, как узнала его имя – Карэн. «Нет, с чего вы взяли? Я милиционер!» – ответил он и пригласил Антонину на медленный танец. А после вечера они долго гуляли. Карэн не читал ей стихов, зато рассказывал милицейские байки, а перед тем, как проститься, попросил о втором свидании. Тоня дала на него согласие. Впоследствии согласилась и на ночь любви. После нее Карэн больше Тоне не звонил. Она поначалу очень расстраивалась, но когда поняла, что

беременна, перестала и начала готовиться к скорому материнству.

А вот как сложилась дальнейшая жизнь Емельяна, так и осталось тайной. Его с тех пор никто и не видел.

Татьяна Гармаш-Роффе

Как меня лучше убить

Элен Григ

«Зал для конференций № 5» был небольшим, человек на тридцать, и напоминал школьный класс. Столики с листами бумаги, ручкой и бутылочкой воды – это издательство «Рококо» позаботилось о своих авторах – и стол для преподавателя напротив.

Слабо пахло хвоей – от огромной елки, стоящей в холле, – и морозцем, все еще дышавшим в складках пальто и шуб, сваленных на задних, свободных столах. Молодые и не очень молодые женщины рассаживались, знакомясь попутно. Преподавательница пока не явилась, и зал для конференций наполнился их вольным щебетом.

Он мгновенно смолк, когда в проеме двери показалась крупная фигура. Елена Григорьева, писавшая свои сочинения под псевдонимом Элен Григ, напоминала жирно выведенный восклицательный знак: сверху всего много – большая круглая голова на короткой шее, мощные плечи и бюст, – а дальше тело по-мужски сужалось, и амфорообразные ноги удачно завершали впечатление «восклицательного знака».

Одевалась она, по слухам, исключительно в Англии, во что легко верилось при взгляде на ее голубовато-сиреневый костюм, это чудо портновского искусства, способное украсить даже столь неженственную даму. Сливочного цвета блузка была подвязана под воротником небольшим шелковым бантом в тон костюму, а ее неожиданно маленькие ступни облекали с удивительным изяществом короткие серо-голубые сапожки из мягкой кожи. Волосы, уложенные как-то хитроумно на затылке, Элен Григ принципиально не красила, и их густая проседь смотрелась весьма стильно: гармонировала с костюмом.

– Мне вам представляться не надо, – заговорила она неприятным плоским голосом, обводя зал холодным взглядом светло-голубых, словно застиранные джинсы, глаз, – а вы представьтесь позже. Первым делом я считаю своим долгом сообщить, что затею издательства нахожу провальной. Я заглянула в ваши, так сказать, произведения. «Оставь надежду, всяк сюда входящий»! Вы не начинающие писатели – вы

начинающие халтурщицы. Но издательство заплатило мне за этот Мастер-класс хорошие деньги, и я намерена их честно отработать. Следовательно, работать будете и вы. Никаких пропусков, никаких опозданий, – монотонно вещала она. – По окончании Мастер-класса я, по договоренности с издательством, пишу аттестацию на каждую из вас – прогульщицы аттестованы не будут. Опоздавшие к занятиям не допускаются. Справки от врача, ссылки на пробки и прочее не принимаются. Мобильные выключить. Задания выполнять на компьютере, предоставлять мне в распечатанном виде. Слушать меня внимательно, я повторять не буду. Теперь представьтесь. Я читаю список по алфавиту, вы встаете.

Начинающие писательницы молча переглянулись: они слышали, что у Элен Григ гнусный характер, – но чтобы до такой степени?!

Элен Григ писала свои романы так, словно из скалы вырубала. Принимая литературные очертания, они, однако, сохраняли изначальную свою гранитность. Интрига в ее произведениях всегда была очень техничной, сложной, основанной на малодоступных среднему читателю знаниях – но убедительной; тогда как сама плоть романа, его словесная ткань, хоть и лишенная всякой лиричности, казалась состоящей из одних афоризмов. Этим двум качествам она и была обязана своим писательским авторитетом, на сегодняшний день непререкаемым. Тиражи ее книг зашкаливали за немыслимые цифры, и удельный вес Элен Григ по прибыльности можно было легко сопоставить с сотней начинающих авторш.

Вот почему издательство попросило ее поделиться своими «ноу-хау» с начинающими писательницами в надежде повысить уровень их мастерства и получить хоть несколько перспективных, весомых авторов. Для этой благой цели выбрали время новогодних школьных каникул, – по той простой причине, что аренда зала для конференций во Дворце культуры, который раньше назывался «Красный машинист», а теперь просто «Районный центр досуга», была в этот период доступнее и стоила дешевле.

Попасть на Мастер-класс Элен Григ являлось большой честью. Издательство провело тщательный отбор кандидаток – и, несмотря на то что у некоторых имелись дети, отчего время каникул им совсем не подходило, все они трепетно отнеслись к выпавшей чести. Им казалось, что еще немножко, еще чуть-чуть, еще несколько дельных советов – и они начнут ваять такие романы, которые принесут им славу и деньги... А тогда – тогда и жизнь их озарится радугой, северным сиянием, софитами и прочими чудесными вещами.

Слухи о скверном характере Элен Григ им представлялись преувеличенными: ведь подобных монстров в природе просто не существует! Но теперь у юных и не очень юных – главное, *начинающих* – авторш возникло ощущение, что их поймали в ловушку. Дверка захлопнулась, пути назад нет – и они в жестоких, кроважадных лапах мучительницы.

– Первые замечания по тем вашим опусам, которые я прочитала, пока общие для большинства. Прежде всего: если вы хотите написать действительно хороший детектив, то прекратите исповедоваться! Те, кому нужен психоаналитик, сходите к нему – не превращайте в него своих читателей. Есть род литературы, в которой выворачивание собственных комплексов может стать жанром, но это не жанр детектива. Если вы вознамерились воспользоваться им, чтобы свести счеты с обидчиками, – то советую немедленно его покинуть и переориентироваться на сельское хозяйство, где ваши фекалии окажутся уместны и, будем надеяться, послужат в благих целях удобрения, а не отравой.

По залу пронесся тихий возмущенный шелест. Элен его проигнорировала, лишь едва заметная усмешка тронула ее губы.

– Далее: не учите никого жизни! Вы рискуете оказаться смешными! Вы открыли для себя некую мысль, некую истину – и носитесь с ней, как курица с яйцом, не подозревая, что эту истину уже давно открыла для себя по меньшей мере добрая половина ваших читателей! Впрочем, если вы очерчиваете свою аудиторию как умственно отсталую, тогда, конечно, вперед!

Элен неприятно хмыкнула при этих словах, и начинающие писательницы украдкой переглянулись, ища друг у друга сочувствия.

– Кроме того, вне зависимости от свежести ваших взглядов, они должны сами вытекать из того, что вы пишете! Воплотите их в реакциях и оценках персонажей, хорошо бы противоречивых, – но избавьте читателя от прямых проповедей! У кого тяга к морализаторству – пожалуйста ваять трактаты по типу Карнеги: как нам обустроить свою и заодно чужую жизнь. Но не мучайте, ради всех святых, жанр детектива! Он не выносит словоблудия!

И последнее: не увлекайтесь бытовыми описаниями. Они нужны для создания атмосферы, для того, чтобы читатель «увидел» персонаж и место действия, – но пускать слюни в описаниях платьиц, машин, недвижимости и прочей белиберды давайте в дневничках-блогах. Заведите их себе и трывдите там о марках и модах сколько влезет! Но не опешляйте

благородный жанр детектива – он вам этого не простит, девушки! Он вас скинет с себя, как норовистая лошадка, и больше вам на нее не удастся влезть!..

С занятия молодые писательницы выходили подавленные. Шестеро из них дружно отправились в пирожковую, притулившуюся к Центру досуга. Войти туда можно было не только с улицы, но и из Центра, что весьма устраивало его посетителей, особенно ребяташек. Впрочем, больше всего этот поток изнутри Центра устраивал пирожковую.

Взяв сок, кофе, пирожки и даже мороженое, чтобы компенсировать стресс, в который их вогнала ужасная Элен Григ, они устроились за одним столиком.

– Меня только от одного ее вида начинает трясти, – пожаловалась новым приятельницам Наташа Ковалева.

– А лично я ненавижу ее романы! И что только в них все находят? Скукотища, для любителей кроссвордов! – сказала Валя Тенькова. – И про любовь у нее ничего нету, тоска одна.

– Да откуда ей про любовь знать, она же старая дева, ни мужа, ни детей! – пожала плечами Люда Сенькина.

– А мне всегда ржать охота, когда я ее вижу, – заявила Ира Пискунова.

Коллеги по перу посмотрели на нее с недоверием.

– Ну что, правда, она же смешная! Стоит лишь на ее фигуру посмотреть, и эта фи́га на затылке, – обхохочешься... Разве нет?

Товарки дружно согласились, что это, конечно, смешно... очень смешно... Только никто из них не засмеялся и даже не улыбнулся.

Увы, это было лишь начало!

На следующий день Элен Григ мучила начинающих авторш разбором их произведений – на этот раз конкретно, с указанием фамилий.

– Максимова Оксана. Если ваш сыщик не находит зажигалку жертвы, то это еще не значит, что ее украли! Это вы, автор, знаете, что ее украл преступник, потому что вы так задумали, – тогда как читатель, непосвященный человек, на данный момент мог бы предположить:

а) что жертва не курит;

б) что жертва бросила курить;

в) что жертва ее потеряла;

г) что жертва ее забыла – дома, в гостях, на работе.

И только в ряду этих предположений следует вставить и такое, что ее украли! А вы – что делаете вы? Вы читателя обделяете, лишаете его

удовольствия посообразать, оставляя ему лишь одну-единственную гипотезу! А потом удивляетесь, что он сразу вычислил преступника! Но это вы, дорогуша, поднесли его читателю на блюдечке с первых же строк!

Примерно треть лиц в аудитории выразила некоторую задумчивость (в том числе Максимова Оксана), что Элен Григ порадовало. В ее Мастер-класс отобрали семнадцать учениц, о которых она была о-о-очень невысокого мнения – как, впрочем, и об авторах с именами, да и вообще обо всем роде человеческом. Но выражение задумчивости в ряде лиц обнадеживало хотя бы тем, что вести уроки мастерства будет не столь скучно, как она предполагала.

– Проблема, повторяю, – чуть мягче повторила она, – в том, что вы, будучи автором, которому все наперед известно, забываете ставить себя на место читателя, которому пока не известно ничего! Смотрите, как делает Агата Кристи: она постоянно хитрит с читателем, постоянно недоговаривает, чтобы удивить его в конце!

– Надо ли понимать так, что вы критикуете Агату Кристи? – с вызовом спросила одна из учениц, полноватая молодая женщина с короткой стрижкой.

С точки зрения Элен Григ, стрижка ей не шла, выставляя напоказ излишне круглые щеки, но сами по себе волосы, русые и волнистые, были хороши.

– Марина Бурлак, не ошибаюсь? – уточнила она холодно. Такую ядреную фамилию не забудешь! Впрочем, это мог быть и ее писательский псевдоним: Элен Григ не требовала, чтобы семинаристки представлялись своей настоящей фамилией. – Для того чтобы критиковать перед публикой кого бы то ни было, нужно пользоваться критериями, понятными этой публике. Например, все знают, что такое красный цвет, и потому я могла бы раскритиковать некий цвет, названный красным, но не соответствующий понятию красного, – и вы бы меня поняли. Но если вам представить цвет, о котором вы не имеете никакого понятия – например, бледно-голубой с сиреневым оттенком, – что толку рассуждать, «перванш» это или нет?

– Вы хотите сказать, – не унималась Марина Бурлак, – что вы могли бы раскритиковать Агату Кристи, на которую равняется весь детективный мир, но не станете этого делать, поскольку мы ничего не поймем?

Она смотрела на Элен с неприкрытым вызовом.

– Я не хочу этого сказать. Я это *сказала*, – надменно кивнула последняя, окатив ученицу ледяным взглядом.

– А цвет перванш, между прочим, я прекрасно знаю, – не смутилась Марина. – У вас костюм вчера был цвета перванш. А сегодня у вас маренго.

И электрик я знаю, и терракоту, и палевый, и...

Весь класс затаенно следил за ее пикировкой с Элен Григ. Одни с одобрением, словно Марина мстила за весь род начинающих авторш; другие с раздражением: сама неприятностей себе на голову ищет, да еще и всех остальных подставит!

– В таком случае у вас есть все данные, чтобы работать на фабрике по окраске тканей. Подумайте, пока не поздно, о смене профессии! – срезала девушку преподавательница.

Щеки у Марины покраснели от гнева, но она не ответила. То ли не нашлась, то ли не решилась. Класс подавленно молчал. Элен Григ, хоть выражение ее лица не изменилось, пребывала, казалось, в тихой ярости, которая ощущалась как бьющие по нервам волны, исходящие от ее мощной грозной фигуры. Еще мгновение, и она всех разгонит, расставив неуды...

И вдруг вверх потянулась рука. Кажется, Люда Сенькина решила спасти положение.

– У меня вот вопрос, можно, Елена Пахомовна? Я хочу спросить насчет всех этих историй с запертой комнатой, можно?

У Люды был детский голос, да и выглядела она совсем юной – хорошенькое личико в обрамлении светлых кудряшек, – и смотрела она на преподавателя с такой надеждой, что только камень не растаял бы.

– Что именно вас интересует?

Голос Элен Григ зазвучал мягче, и девушки облегченно вздохнули.

– Считается, что это самый крутой вид детектива, самый сложный. Я читала вашу повесть «Кровать с шишечками», вы там так здорово все закрутили! А вот как же такую историю придумать? Мне бы очень хотелось сочинить такую!

Элен не помнила повестушку, принадлежавшую перу Люды Сенькиной, но вопрос ее сам по себе был до такой степени глуп, что написать она, по определению, ничего хорошего не могла. Однако вид девушки ее тронул. И потом, вопрос ее был интересным для всех.

– Чудес не бывает, как известно. Если убийцу в комнате не обнаружили, то это может означать только одно из двух: либо его *не обнаружили*... я имею в виду, не нашли, – добавила Элен Григ на всякий случай, – либо он там не находился на момент вскрытия комнаты!

– Если его «не обнаружили», значит, он спрятался? – продолжала размахивать белым флагом парламентаря Люда.

– По большому счету, все разгадки «тайны запертой комнаты» можно классифицировать по трем типам. Первый. Преступник спрятался в самой комнате: люк, потайной ход, двойное дно и тому подобное, или просто

встал за дверью и потом выскользнул незаметно. Последнее, несмотря на свою банальность, до сих пор используется авторами, лишенными воображения.

Кажется, Люде Сенькиной удалось переключить мысли преподавательши в менее грозное русло, и класс потихоньку расслабился.

– Второй тип, – увлеченно продолжала Элен Григ. – Преступник вышел из комнаты, но создал при помощи технических ухищрений впечатление, что она заперта изнутри. То есть по схеме «Красной Шапочки», только наоборот: дерни за веревочку, и дверка закроется! И третий тип: преступник в комнату даже не входил, а жертву убил при помощи хитроумного устройства, которое сработало без его присутствия. В прежние времена это были самостреляющие ружья или падающие на голову предметы, хотя бы с помощью все той же «веревочки»; подача смертельного газа или электрического разряда... А в наше время подобные хитрости осуществляются с помощью дистанционного управления.

– А как это делается? – заинтересовалась Валя Тенькова.

– Детективщицам, даже начинающим, следовало бы знать, – сухо вато ответила преподавательница. – В Интернете имеется уйма сведений на любую тему! Хотя... Вы мне подали хорошую мысль... Я изменю первоначальный план занятий. – Она обвела своих учениц внимательным и словно приглашающим взглядом. – Лень и отсутствие любознательности являются грехом, а особенно для автора детективов! Вот вам задание на дом, для тренировки: найти как минимум три способа убийства, которое может произойти за запертой дверью комнаты без присутствия в ней убийцы. В художественности можете не изощряться, – Элен Григ едва заметно хмыкнула при слове «художественность», – только описание технических приспособлений. Ссылки на источник информации указать! Всем понятно?

Кто-то кивнул, кто-то тихо прошептал «да», но проявлений энтузиазма в массах не обнаружилось.

– Отчего у вас такие постные лица? Я дала вам очень простое задание: найти материал, прочитать и применить его к ситуации! И что вы так скукожились? У вас нет Интернета? Вы не умеете им пользоваться? Не знаете, как сделать грамотный поиск? Так в Интернете можно найти и пособия по поиску, к вашему сведению!

Никто не ответил. Элен посмотрела на часы: урок подошел к концу. «Все свободны!» – произнесла она и, подвинув к себе стопку распечаток, немедленно углубилась в чтение.

Ученицы безмолвно вытекли из «зала для конференций номер 5», создав небольшую пробку у выхода, – но едва они оказались по ту сторону двери, как сразу же вспыхнули громкие восклицания. Элен различила в общем гаме «сука», «стерва», еще пару нецензурных – и, усмехнувшись, продолжила чтение опусов своих подопечных. Впрочем, чтением это назвать было нельзя: она пробегала глазами тексты уже по второму разу, мгновенно их оценивая. Повторное чтение позволяло ей получше привязать тексты к именам, а имена теперь и к лицам.

Дойдя до листочков с именем Марины Бурлак, она сбавила темп. Затем достала ручку и принялась делать пометки на полях. В большинстве случаев это было слово «переделать!». Дойдя до конца, она вставила жирное «Не» перед своим прежним заключением «безнадежно».

Мало кто понимал, что пометка «переделать» являлась уже похвалой со стороны Элен Григ: значит, было что переделывать.

Она просидела в пустынном классе часа полтора. Ее ученицы давно ушли, за дверью шумели дети – Центр досуга обеспечивал им какие-то мероприятия на новогодних каникулах, – но гам ей не мешал, она давно научилась абстрагироваться от всего, когда работала.

Наконец она закончила, собрала стопки в большой портфель и направилась к выходу. Деловая часть дня была окончена. Элен предпочитала проводить жесткую границу в своем распорядке дня между той его частью, где существовала всякая обязателька вроде встреч с журналистами и прочей скучной, но неизбежной суетой, как этот семинар или Мастер-класс – нынче это почему-то так называлось, – и своим личным временем. Тем временем, в котором ничто не имеет права ее потревожить! Она вернется домой, свободная от мыслей о семинаре, от всех и всяческих обязательств; она накормит своего кота, немного перекусит сама и посмотрит телевизор; затем она выключит телефон и с полчаса полежит на диване с книжкой; потом сядет за работу.

За СВОЮ работу – над своим новым романом!

Несмотря на строгое предупреждение, на следующий день опоздали сразу две семинаристки: Оксана Максимова явилась на десять минут позже и стояла растерянная у входа, слушая выговор преподавательницы, и тут в спину ее едва не толкнула Люда Сенькина.

Элен Григ, которая, выговаривая Оксане, все же колебалась, не пустить ли ее на занятия, сразу передумала. Два слушания – это уже чересчур! Такого неуважительного отношения к своим семинарам и своему времени она простить не могла.

– Вы не дорожите словом в жизни – значит, вы не дорожите им в творчестве. Но я им дорожу! И если я сказала, что не допущу опоздавших к занятию, – значит, не допущу. Прошу вас покинуть помещение.

– Пробки... – робко проговорила Оксана, – сегодня какие-то необыкновенные, больше, чем обычно...

– Эка новость! – холодно отозвалась Элен. – Вы ведь знаете, что пробки! Так вышли бы с запасом. Или воспользовались бы общественным транспортом!

– А я общественным! Но все равно автобусы в пробках стоят! И метро еле плетется! – жалобно оправдывалась Сенькина. – Хорошо вам, вы живете в центре, пешком за пятнадцать минут можете дойти – а я на окраине, мне на перекладных! Все ноги отморозила, пока на остановках стояла!

– Следовало выйти пораньше, только и всего, – повторила Элен.

– И перед едой надо мыть руки, да?! И воду за собой спускать в туалете?! Что вы с нами, как с детьми! – подала реплику с места Марина Бурлак. Она-то пришла вовремя, но решила заступиться за товарок по несчастью в виде Элен Григ. – Если вы известный писатель, это еще не значит, что вы имеете право нас унижать!

Элен некоторое время загадочно смотрела на Марину. Затем усмехнулась.

– Ладно. Гражданскую войну устраивать не будем. Проходите на свои места. Пропущенный материал будете нагонять самостоятельно, а время, потерянное всеми из-за вашего опоздания, я компенсировать, естественно, не собираюсь.

Так прошло еще несколько дней, в которые больше никто не рискнул опоздать. Правда, вышло еще одно слушание: у кого-то в классе зазвонил мобильный. Но его так быстро выключили, что Элен даже не успела разразиться громом и молнией.

Она по-прежнему мучила семинаристок жестокой и унижительной критикой, но спорить с ней осмеливалась только Марина Бурлак. Остальные молчали либо пытались задобрить ее лестью. Напрасный труд! К лести Элен Григ была абсолютно нечувствительна.

В Рождество предстоял выходной, и Элен пришлось смириться с этим перерывом в семинаре, даже если она его не одобряла: для нее не существовало ни выходных, ни праздников, когда дело касалось работы, и она полагала, что остальные должны функционировать по тому же

принципу. Когда кто-то из семинаристок намекнул, что сегодня, в Сочельник, неплохо было бы их отпустить пораньше, Элен с негодованием отвергла подобное допущение и дала двойное задание на послепраздничное восьмое января, повергнув начинающих писательниц в ступор. Но никто не отважился ей возразить, даже прирожденная революционерка Марина Бурлак...

Из зала для конференций женщины выходили в этот день расстроенные больше обычного. Как, спрашивается, успеть выполнить двойную порцию домашнего задания за сегодняшний праздничный вечер и завтрашний праздничный же день?! Рождество отмечали все, вне зависимости от религиозных убеждений: это был один из редких в году праздников, имевший внятный добрый смысл и красивый ритуал. Почти все собирались праздновать его с семьей, а то и с гостями, многие планировали пойти в церковь... А тут это задание, чтоб ему!..

Элен Григ, по обыкновению оставшаяся в классе проверять очередные достижения своих подопечных, услышала, по истечении из класса ее подопечных, детский голос Люды Сенькиной по ту сторону двери:

– А давайте сорвем последние уроки? Их всего два осталось, ничего не потеряем! Не сделаем задание, пусть она нам всем «неуды» поставит – она все равно их собирает, поставит, чего мы теряем? Или вообще не придем на семинар, так даже лучше! В издательстве узнают, задумаются: если весь класс не явился – значит, преподавательница никуда не годится! А не мы!

Нестройный хор голосов ответил ей разом, но Элен не разобрала смысл реплик. Да и к чему ей? Сенькина права, Элен многим собирается проставить «неуды», и, по большому счету, ходи они на ее занятия, не ходи – разницы никакой. Польза от этого Мастер-класса была только одна: он отвадит большинство этих девиц от «писательства», и в современном российском детективе будет меньше мусора!

Впрочем, пару перспективных авторов Элен все же собиралась подарить издательству: Марину Бурлак и Оксану Максимову. Не исключено, что и Наталью Ковалеву, надо будет еще раз просмотреть ее работы... При всех ошибках, которые делали эти начинающие писательницы, что-то было в них, внушающее надежды. Вдумчивость, трудолюбие, хороший слог, обеспечивающий умение довольно точно передавать мысли... Остальные и мыслей не имели, и не умели сформулировать внятно даже то, что заменяло им мысли!

...Кажется, девушки приняли предложение Сенькиной? Гудеж за дверь был возбужденным и скорее одобрительным. Вот еще одно

свидетельство их бесталанности: не подумать, что их слышно через дверь! Какие из них детективщицы, спрашивается?

– Нашли место, где обсуждать! – произнесла Оксана, словно уловив критические мысли Элен. – Нас может быть слышно через дверь!

Браво, Оксаночка, не зря я собираюсь тебя порекомендовать! – усмехнулась Элен, не поднимая головы от распечаток.

– Да ладно, дверь такая толстая, ты чего!

– Это она на вид толстая. Такие двери внутри обычно полые, а снаружи тонкая фанера, – ответила Оксана. – Пошли в кафе!

Умница, подумала Элен. Интересно, согласится ли она с предложением саботажа? Ей-то ни к чему – она за два оставшихся дня может узнать еще уйму полезных для себя вещей, тогда как остальным хоть в лоб, хоть по лбу, толк один: *никакого!*

– Я домой пошла. Заданий много.

Это Марина Бурлак. Революционерка снова не согласна – на этот раз с мнением коллектива. Или части коллектива в виде кучки за дверью.

– Ты нас не поддержишь?! – раздался чей-то возмущенный голос.

– Вы делайте, как считаете нужным для себя. А я как считаю нужным для себя, – ответила Марина. – Пока!

Элен подняла голову. В ней шевельнулось нечто похожее на сочувствие к Марине. Иметь собственное мнение, собственные позиции – это роскошь, деточка, за которую дорого платишь! Элен отлично знала, как дорого... Но это и только это гарантирует *личность*, деточка. А писатель с личности начинается, деточка... Таким, как Люда Сенькина, – таким никогда не стать личностью. Преуспеть в жизни она, конечно, может, и даже очень: где надо подлизется, где надо похнычет, а где исподтишка и палки в колеса вставит – характер прагматичный, без сомнения, но мелкий. Мелкие чувства, мелкие мысли, мелкая душа. Если издательство, вопреки мнению Элен, все же начнет ее продвигать, то такими будут и ее книжки: мелкими... Как и практически всех остальных, похожих на Люду настолько, что она и имен-то их не запомнила...

...Элен вдруг заметила, что на столе, ближнем к двери, стоит голубая трапециевидная сумочка из кожи – такие уже довольно давно вышли из моды. Элен не видела, кто с ней пришел, – ее внимание к вещному миру ограничивалось заботами о собственных туалетах и аксессуарах, и, что носили другие, ее никогда не занимало. Она руководствовалась принципом Оскара Уайльда: «Мода – это то, что носим мы. Немодные вещи – это те, что носят другие!»

Неприятность заключалась в том, что кто-то сейчас вернется за сумочкой, потревожит ее работу, с неудовольствием подумала Элен и, посмотрев на часы, уткнулась в листочки: время шло, а она, отвлеченная разговорами своих учениц, едва продвинулась!

Гам за дверью стих. Двинулись в кафе, видимо. Элен уткнулась в распечатки с домашним заданием, но вскоре опять подняла глаза на сумку. Странно, что никто до сих пор за ней не пришел. Куда женщина без сумки-то? В ней ведь жизненно необходимые вещи! – усмехнулась она. Кошелек, ключи, пудреница, помада и еще целый воз мелочей, без которых ни одна женщина не в состоянии выйти из дома...

Она подавила искушение заглянуть в голубенькую сумку и выяснить, кому она принадлежит. Не в ее это правилах, в чужих вещах рыться...

Да нет же, ее тут не забыли! – вдруг ясно поняла Элен. Ее здесь нарочно оставили! Кто-то за ней вернется – кто-то ищет предлог поговорить с Элен наедине! Кто же, интересно? И, главное, зачем? Вымолить у нее положительную аттестацию? Или попытаться ее подкупить? Последнее было столь невероятно, что эту мысль она сразу же отбросила: никому, даже самой отчаянной дуре, не могла прийти в голову мысль, что Элен Григ можно подкупить! С другой стороны, хотела бы она увидеть ту, которой пришлось бы в голову, что у нее можно оценку «вымолить»...

Элен прикрыла глаза и мысленно перебрала все лица, все разговоры и реплики. «Ого! – сказала она себе. – Неужели?»

Она вновь посмотрела на небесно-голубую сумочку... Небесно-голубая! И это в январе!

Кажется, теперь все ясно. Удивительно и неожиданно, да, но логика подсказывала ей единственно правильное объяснение.

Но в таком случае... Нужно срочно принять решение, как поступить!

Элен поднялась и отошла к окну. Центр досуга стремительно пустел – судя по детским голосам, стекавшимся в холл, к выходу или двери в кафе-пирожковую. Через полчаса Центр закроется, и в нем не останется ни души. Сторож, наверное, сделает обход, перед тем как запереть все двери...

Да, точно, сомнений нет! Именно это и должно произойти!

Элен снова посмотрела на часы. Еще пять минут, не больше, прикинула она. Пока дети не ушли, пока шумно.

...Звонка она вовсе не услышала, а выстрел прозвучал очень тихо, поглощенный криками ребятни, – однако Элен как ни ожидала его, а все же легонько вздрогнула.

Не мешкая, она оторвалась от окна и направилась к своему столу, легла возле него на пол таким образом, чтоб от двери можно было увидеть ее тело, но не разглядеть подробности... И стала ждать.

Долго ждать не пришлось. Вскоре дверь приоткрылась. Элен не могла видеть лица вошедшей, но в этом никакой нужды не имелось: она уже знала, кому принадлежит голубая сумочка. Впрочем, с ее позиции были видны сапожки, хотя слово «видны» тут не совсем годилось. Уместнее сказать, что они мелькнули с огромной скоростью: впрыгнули в класс и тут же выпрыгнули обратно.

Но этого вполне хватило для подтверждения правильности ее предположений.

Подождав для верности еще несколько минут, Элен поднялась. Голубая сумочка исчезла.

«Чудесно, – подумала она, набирая 02, – будет у меня для вас отличное задание после праздников, девушки!»

Восьмого января Элен на урок не торопилась. В несостоятельности предложенного Людой Сенькиной саботажа она не сомневалась: никто не осмелился бы на подобный шаг, в том числе и сама Люда. Это они так пары выпускали, девицы, между собой храбрились. Авторитет Элен Григ слишком высок, чтоб они впрямь решились сорвать ее занятия, да и издательство такого несерьезного отношения к организованному им семинару не простило бы.

Так что явятся ее ученицы, в полном составе явятся! И будут ее ждать, недоумевая, как могло случиться, что суперпунктуальная преподавательница опаздывает! Только один человек в классе будет «знать» причину опоздания, полагая, что Элен Григ не только не пришла вовремя, но и вовсе не придет, никогда и никуда, – поскольку находится в морге...

Взявшись за ручку двери «зала для конференций номер пять», Элен пыталась предугадать поведение убийцы: выдаст она себя хоть восклицанием, хоть выражением лица?

Но Элен понимала, что не должна смотреть на нее, если хочет довести свою игру до конца. И она заставила себя это сделать. Вошла в класс с непринужденной ироничной улыбкой: «Я вас ругала, а сегодня сама, как видите, опоздала!»

По классу пробежал шелест восклицаний. Девушки были очень рады, что Элен Григ оказалась *как все*, что она тоже способна опаздывать! То восклицание, которого она ждала, более-менее вписалось в этот шелест. Что ж, тем лучше. Было бы скучно, если бы мышка сразу лапками кверху

свалилась, лишив кошку удовольствия поиграть.

– Нарадовались, девушки? – выждав, произнесла она с ехидной усмешкой. – Ну а теперь я вам скажу истинную причину: я опоздала специально. Потому что среди вас есть одна, которая до этой самой минуты пребывала в непоколебимой уверенности в том, что я совсем не появлюсь сегодня... Как, впрочем, и завтра, и вообще никогда... *Ведь она меня убила!* По крайней мере, так она думала.

Это был подходящий момент, чтобы внимательным взглядом обвести все лица, – однако все они, как одно, выражали изумление, казавшееся совершенно искренним.

Переждав ошарашенные возгласы, Элен методично обрисовала сцену с голубой сумкой, случившуюся в Сочельник после занятий.

– Вы нас не разыгрываете? Это правда? – неуверенно спросил кто-то.

– Неужели я стала бы сочинять историю, в которой я валяюсь на полу, изображая свой собственный труп?

– Но тогда кто же это? Кто хотел вас убить?!

– А вот вы мне об этом и скажете. Это тема нашего сегодняшнего урока. У вас есть определенная информация, хоть и неполная, – давайте ее анализировать! С чего начнем?

– С сумки! У кого была голубая сумка в Сочельник? – раздался возглас.

– У Тани Симоновой! – ответил другой.

– Неправда! – вспыхнула Таня.

– Но на тебе был голубой костюм, я точно помню! Сумку не помню, но логично же, что она тоже была голубой!

На помощь Тане Симоновой пришла Элен:

– Сумка подбирается не в тон к костюму, а к обуви, если кто не в курсе. Так что оставьте Симонову в покое.

– Ни у кого не было такой сумки, я точно помню! – сообщила Люда Сенькина. – Я очень люблю рассматривать, кто как одет, я бы запомнила!

– А я не люблю, признаться, – задушевно сообщила Элен Григ, – но я тоже думаю, что такой сумки ни у кого не было. Вернее, она была, но...

Элен сделала паузу, приглашая учениц продолжить мысль.

– Вы сказали, что она маленькая, – вступила Марина Бурлак. – Тогда, скорее всего, преступница спрятала ее в другую, побольше... Действительно, было бы странно, чтобы она светилась с такой яркой сумочкой весь семинар, и, кроме того, невозможно представить себе женщину в шубе или зимнем пальто с летней сумкой!

– Отлично. Я вас аттестую, Марина.

– Меня?.. Но я же все время с вами спорила!..

– Это всего лишь означает, что у вас наличествует собственная точка зрения на вещи. Что уже немало для будущего писателя.

Марина отчаянно покраснела, но ничего не сказала.

– Итак, сумку эту никто из нас не видел, и установить ее принадлежность не представляется возможным. Другие соображения?

– В таком случае эта... убийца... пришла с большой сумкой! – проговорила Наташа Ковалева. – А кто у нас был с большой в Сочельник?

– Я, – проговорила растерянно Оксана. – Я потом в спортзал на фитнес собиралась... Но я никаких голубых сумок в ней не прятала! И в Элен не стреляла!

– А как это получилось, что пистолет выстрелил сам из сумки? – спросила Валя Тенькова.

– Я могла бы не тратить время на проверку вашего задания по Интернет-поиску, – усмехнулась Элен. – Один лишь этот вопрос свидетельствует о том, что вы его не выполнили!

– Я выполнила... – произнесла Оксана Максимова, – я видела сайты, где объясняется принцип действия выстрела по звонку мобильного... Но я все равно не понимаю: неужели кто-то из нас сумел смастерить такое устройство за три дня самостоятельно?

– Там есть ссылки, – произнесла Марина Бурлак. – Они неброские, но если на них кликнуть, то попадешь на объявление о том, где и как купить *готовые* устройства!

– А три дня для покупки – срок достаточный, – кивнула Элен.

– Выходит, она благодаря вам и нашла способ, как вас убить?! – широко распахнула глаза Люда Сенькина.

Семинаристки время от времени оглядывались по сторонам: при мысли, что среди них находится убийца, пусть и несостоявшаяся, они ощущали себя неуютно.

– А как же она могла быть уверена, что попадет в вас? – спросил кто-то.

– Хороший вопрос. Для выводов нужна информация – иначе на основании чего делать выводы, правда, девушки? И я вам ее дам. Наверное, это неочевидно, но я *большая*. Я высокая и широкая. – Она издевательски улыбнулась. – Попасть в меня нетрудно. При условии, конечно, что сумочка, точнее, стреляющее устройство в ней, все же смотрит на меня, а не на окно!

– Я не согласна с вами... – Это Марина Бурлак, конечно, выступила.

Элен искренне обрадовалась: сообщение об аттестации не подкупило

девушку!

– Вы, конечно, э-э-э... не маленькая... Но все равно приладиться, прицелиться надо было! – заявила Марина.

– Надо было, – кивнула Элен.

– Тогда это Маша Караваева! Она за первым столом сидит, где сумка стояла! У нее сколько хочешь было времени приладиться и прицелиться! – воскликнула Люда.

Маша Караваева, маленькая женщина лет тридцати пяти, самая тихая и застенчивая из всех семинаристок, – Элен, кажется, ни разу не слышала ее голоса, – вдруг тонко взвизгнула:

– Еще чего! Ты соображаешь, что говоришь! Идиотка!

Хм, вот тебе и тихоня, подумала Элен. Впрочем, она была не самой худшей из ее учениц.

– А почему бы и нет, Маша?

– Потому что это не я! Зачем мне?! И потом, когда все из класса выходят, то все тут толкуются, у моего стола, он же ближний к двери! Любая могла здесь покрутиться, прицелиться и оставить под шумок на моем столе эту стреляющую сумку, когда я уже вышла!!!

– Bravo. Маша права, девушки. Любая могла под шумок присмотреться и найти нужный угол. Но самое ценное, что сказала Маша, это слово «зачем».

– То есть мотив, – отозвалась Марина Бурлак.

– Он самый.

– Чтобы вы не написали нам плохие аттестации? – хмуро предположила Ира Пискунова, безнадежная авторша двух безнадежных опусов.

– Это было бы очень глупо, поскольку предварительные оценки я уже сообщила издательству, – отозвалась Элен. – Кроме того, как бы вы ни презирали читателя, считая, что он хакает вашу халтуру, – он хакает отнюдь не все. Можно устранить негативного рецензента в моем лице – но читателей не устранишь, верно? Впрочем, нельзя исключить, что наша незадачливая убийца весьма глупа. Так что не будем отметать эту гипотезу сразу, попридержим ее. Другие идеи для мотива есть?

Начинающие писательницы молчали.

– Неужто никаких идей?

– Извините... – смущенно проговорила Люда Сенькина, – но вы стоите у всех нас на пути... Пока вы есть, нас всех будут сравнивать с вами, и мы всегда будем хуже!

– А если меня убрать, то не с чем станет сравнивать, да, Люда? И тогда

вам, начинающим авторам, откроется широкая дорога без шлагбаумов в виде Элен Григ... Так?

– Я не хочу сказать, что согласна с тем, что вас надо убрать... – растерялась Люда. – Но убийца могла рассуждать так, мне кажется. Вы же сами просили идеи. Вот я и постаралась...

– Бредятина, – произнесла Марина Бурлак. – Смерть Элен только прибавила бы ей славы! И отбросила бы нас еще дальше, чем мы находимся сейчас!

– Только если убийца и впрямь клиническая дура, – сказала Оксана. – Но я не понимаю, как мы можем продвинуться в гипотезах, если мы имеем дело с клинической душой!

– Верно, – согласилась Элен. – Оксана, у вас хорошие задатки, и я рада, что мое первоначальное мнение подтверждается. Вас я тоже аттестую.

– Но вы же... – растерялась Оксана, – вы же меня критиковали...

– Это вопрос практики, дело наживное. Главное, что мысль работает, – а у вас она работает...

– Спасибо!!! – горячо воскликнула Оксана.

– Да я тут при чем? «Спасибо» своим мозгам говорите. Другие соображения есть?

– По поводу мотива?

– Нет, вряд ли. Все, что вы могли предположить, вы уже предположили.

– Но до истины не добрались, да?

– Не добрались.

– А вы настоящий мотив знаете?

– Полагаю, что да. Но об этом после. Не забывайте, вы здесь сегодня не для того, чтобы развлечься занятной историей преступления, а заодно и его разоблачения моими стараниями. Нет, голубушки, у вас задание вычислить преступника в рамках нашего тренинга! Думайте и предлагайте гипотезы! Вы пока еще многое не учли. Вспомните, классика вычисления преступника строится на трех китах: возможности совершить преступление, наличии оружия и мотиве. С мотивом мы пока застряли; оружие нам известно, а возможность им обзавестись имелась примерно у половины класса – той, которая хорошо выполнила мое задание по Интернет-поиску. Скажу мимоходом, что вторая половина может рассчитывать только на оценку «не рекомендую» с моей стороны... Вернемся тогда к первому пункту: *возможности* совершить преступление. Это означает...

Она посмотрела на своих учениц вопросительно.

– Что данный человек мог находиться в данном месте! – подхватила Оксана.

– Вопрос алиби! – воскликнула Наташа Ковалева.

– А что сказал вахтер? Или нам нужно пойти его спросить?

– Здесь ведь не режимное предприятие, – пожала плечами Элен. – Он не следит за тем, кто входит и выходит. А тут еще уйма детей и их родителей... Он никого вспомнить не смог.

– Да, но кафе работает на две стороны! – воскликнула Марина. – Преступница могла пойти в кафе, потом вернуться за сумкой и выйти через кафе же!

– Но мы там сидели с девочками! – отреагировала Люда. – Мы бы заметили!

– Выходит, тех, кто был в кафе, можно исключить! – проговорил кто-то. – У них есть алиби!

– Поднимите руки те, кто пошел в пирожковую после урока, – вежливо произнесла Элен. – Раз, два, пять, семь... Я не ошиблась в подсчетах? Отлично, значит, семеро. Теперь скажите, в туалет никто не выходил? Туалет находится в здании Центра – у пирожковой нет собственного. Поэтому, если кто-то...

– Все! – воскликнула Люда. – Все выходили! Правда, девочки?

– Я не выходила, – раздался чей-то мрачный голос с задней парты.

– В таком случае шесть человек не имеют алиби, как я понимаю, – сообщила Элен. – Точно как и остальные, которые в пирожковую не пошли: любая из них могла спрятаться на другом этаже, изобразив мамашу, ожидающую чадо из студии танцев или керамики.

Девушки затихли. Элен ждала.

– Да, но получается, что у нас нет никаких зацепок... Алиби ни у кого нет, возможность приобрести эту стрелялку есть, наоборот, по меньшей мере у половины класса, которая ваше задание выполнила. Но куда нас это продвигает? Я, к примеру, сделала задание на совесть – это же не значит, что я пыталась вас убить! – возмутилась Марина.

Элен не ответила.

– Зачем нам? – проговорила Оксана и покраснела. – О карьере мы уже говорили, это глупо – пытаться убить вас, чтобы занять ваше место....

– И, между прочим, преступница вполне могла найти все эти сайты, но сделать вид, что не нашла! Даже под страхом вашей неудовлетворительной оценки, только чтобы себя не выдать! – воскликнула Люда.

– Такой расклад тоже нельзя исключить, – согласилась Элен.

– Тогда снова весь класс под подозрением? – воскликнул кто-то.

– И как вам нравится в роли подозреваемых?

– Нам не нравится! – с вызовом ответила Бурлак.

Элен кивнула.

– Иначе и быть не может. В этой роли всем плохо, как преступникам, так и невиновным. Надеюсь, вам этот маленький опыт послужит в дальнейшем для романов.

– Так вы... вы нарочно?

– Я всего лишь немножко потянула с подсказкой, – усмехнулась Элен. – Нарочно, если угодно. Я вам подарила крайне редкую возможность почувствовать то, о чем вы пишете, на собственной шкуре. Царский подарок, согласитесь. А теперь, – Элен посмотрела на часы, – у нас осталось совсем немного времени до конца занятия, так что к делу. Я дам вам несколько подсказок. Для начала подумайте еще раз об оружии: вы ничего важного не упустили?

Элен обвела взглядом задумавшийся класс.

– Заранее предупреждаю: если кому-то в голову придет имя преступницы, вслух его не произносить! Положите мне записку на стол с объяснением, на основании чего сделан данный вывод. Так что насчет оружия? Ладно, еще одна подсказка: оно состоит из двух частей...

Первыми глаза зажглись у Марины, она схватила ручку и начала писать. За ней к ручке потянулась и Оксана, чуть позже Наташа и еще одна семинаристка, серая мышка в очочках, – о ней Элен до сих пор была нелестного мнения, но тут дала себе слово еще раз внимательно пересмотреть ее работы.

Четыре записки легли, одна за одной, на ее стол. Она развернула их.

Выстрел произведен по звонку мобильного, а вы велели их выключать. Значит, его оставили включенным. За время наших занятий только один человек оставлял мобильный включенным, но я не знаю точно, кто это. Звук доносился со среднего ряда, – гласила записка Марины, – и те, кто сидят рядом, должны точно знать, у кого звонил телефон.

Элен подняла глаза: Марина смотрела на нее.

– Именно поэтому я попросила написать записки, а не произносить свои догадки вслух! – пояснила она. – Из-за сидящих рядом!

Девушка кивнула.

Остальные три записки были примерно того же содержания.

– Давайте, однако ж, условимся, что этот факт есть всего лишь повод для подозрений, но никак не улика. Это необязательно один и тот же человек!

На этот раз согласно кивнули все четверо. Остальная часть класса заинтеригованно следила за этой почти пантомимической беседой, не улавливая ее смысла.

– Еще один фактик, который прошел мимо вашего внимания. Точнее, два фактика, которые вы не связали между собой. Прежде чем я продолжу, повторяю условие: свои догадки вслух не произносить, написать на листке и положить мне на стол! Итак, первый фактик: я сказала вам, что я узнала сапожки. Второй фактик: я вам призналась, что к одежде других я невнимательна. Значит, запомнить эти сапожки просто так я не могла... Теперь думайте, вспоминайте!

И последнее. О мотиве вы догадаться не можете, и это, в порядке исключения, не ваша вина: просто у вас мало информации. Однако вы могли бы задаться вопросом об иных возможных мотивах.

– Но иные мотивы – месть, деньги, ревность – предполагают, что убийца связан каким-то образом с вами лично... – проговорила Марина.

– Именно поэтому я сказала, что вам недостает информации и что это не ваша вина.

– Тогда дайте нам ее!

...Владику Элен всю жизнь была доброй феей. Его первые наручные часы, его первый велосипед, первый галстук и костюм – все было от нее. Он любил тетю Лялю не меньше матери, а Элен делила с младшей сестрой ее сына... До тех пор, пока сестра не умерла от лейкемии и у Владика не осталась только одна из его двух «мам». Добрый, послушный и ласковый мальчик согревал ее одинокое сердце. Элен казалось, что ничто не может их разлучить!

Но она ошибалась. В двадцать четыре года Владик влюбился и... Словно в секту ушел. С Элен он стал холодно-отстраненным, чужим и даже враждебным... По его словам выходило, что весь мир, включая тетю, несправедлив и глуп – и только Мила, его девушка, умна и справедлива...

Элен имела с ним длительный разговор, из которого поняла, выслушав несвязный бред племянника, что он с любимой девушкой намерен начать самостоятельную жизнь. Следовало понимать это так: без тети Ляли, без ее опеки, без ее советов, наставлений и строгих взысканий.

На свадьбу Владика Элен прийти отказалась, равно как и знакомиться с его молодой женой. Что ему наговаривал в уши ее ядовитый язык, Элен не только не знала, но и со всем своим богатым писательским воображением представить не могла – упрекнуть ее было решительно не в чем, Владик от нее только добро видел. Ясно одно: молодая жена боролась

за сферу влияния, из которой всеми силами старалась вытеснить «вторую маму». Элен иногда даже посещала крамольная мысль: хорошо, что сестра умерла раньше, иначе бы молодая жена так же лишила сына ее, как ей удалось лишить племянника тетку...

Но похоже, что в пылу борьбы за автономность Владик и особенно его новая наставница в лице молодой жены не учли, что самостоятельная жизнь без тети означает и жизнь без ее щедрой материальной поддержки.

Спохватились они поздно, когда Владиком были сказаны слишком обидные, непростительные слова. Конечно, он повторял их за женой, но Элен не считала это смягчающим обстоятельством. Скорее отягчающим. И, когда после почти двух лет молчания, необщения Владик вдруг робко появился с робким разговором о семейных корнях, она без труда учуяла за его сбивчивой речью чужой и чуждый ей голос, выпранный фальшивый слог, прорепетированный под руководством жены заранее, и конечную цель: попросить денег. Элен холодно отправила племянника к жене, которая теперь и есть все его «корни».

С тех пор прошел еще год, в который она племянника не видела, не слышала. Но Элен нутром чувствовала, что его жена не успокоится, пока не дотянется до денег тетушки...

Нет, она ни на секунду не заподозрила ее ни в ком из своих семинаристок – до тех пор, пока голубая сумочка не выстрелила. Только тогда, в поисках ответа на вопрос «кому это нужно?», она о ней вспомнила. И, перебрав в уме несколько эпизодов, виденных ею на протяжении Мастер-класса, она поняла: Мила до нее дотянулась! Единственный наследник Элен – это Владик, и его жена не могла этого не знать...

Рассказывать об этом своим ученицам Элен Григ не собиралась.

– Вам ни к чему знать сам мотив. Для разгадки совершенно достаточно слова «личный».

Элен увидела, как Марина Бурлак придвинула к себе листок, быстро набросала на нем пару фраз и подошла к столу. Записка гласила: *«Вы обратили внимание на ее сапожки, когда она пожаловалась на то, что замерзла. Я помню, кто это».*

Она одобрительно кивнула Марине, и та двинулась на место. Элен заметила, как одеревенела ее шея, – девушка прилагала все усилия, чтобы не повернуть голову в сторону преступницы и не выдать себя и Элен раньше времени...

В классе висела тяжелая тишина. Семинаристки настороженно переглядывались. Они больше не искали поддержки друг у друга, как

бывало: ведь любая из них могла оказаться убийцей!

Элен снова посмотрела на часы.

– До конца занятия осталось меньше десяти минут, – сообщила она. – У кого есть идеи?

Марина Бурлак шевельнулась. Элен предупреждающим жестом подняла ладонь.

– Я уверена, что вы не ошибаетесь, Марина. Но давайте дадим остальным возможность пошевелить серыми клеточками. Последняя подсказка. – Элен обвела глазами класс. – Я никогда не даю интервью о моей личной жизни, и в Интернете сведений обо мне не имеется, за этим я строго слежу.

Краем глаза Элен увидела, как заерзала та, которая хотела ее убить. До сих пор она, надо полагать, надеялась, что пронесет. Но с последней подсказкой Элен круг неотвратно сузился. Стоит только сейчас вспомнить кому-нибудь пару-тройку ее реплик, которыми она выдала себя, и...

– Кто-то из класса назвал вас по *имени-отчеству*... – заговорила неуверенно Наташа, – только не помню, кто именно... Но мы его не знали! И в Интернете, как вы сами сказали, таких сведений нет! Значит, это та самая... Из вашего личного окружения...

– Я догадалась, кто это! – воскликнула Оксана. – Она еще сказала, что вы живете *в центре*! В пятнадцати минутах ходьбы отсюда! А этого тоже никто из нас не мог знать!

– А еще она говорила, что у вас ни мужа... – ляпнула «серая мышка», имени которой Элен не запомнила, затем запнулась и порозовела.

– Ну, наконец-то, – одобрительно произнесла Элен Григ.

– Задержите ее! – закричала Марина Бурлак. – Она же сейчас сбежит!

Люда Сенькина пробиралась к двери.

– Зря торопитесь, Мила, – спокойно проговорила Элен. – Это девочки только сейчас сообразили – а я-то вычислила вас в тот же день, в Сочельник! За дверью вас ждет милиция, Мила, и дальше тюрьма, так что торопиться вам некуда!

Люда Сенькина притормозила у самой двери. С ненавистью уставившись на Элен, она выкрикнула:

– Все равно Владька вам не достанется! Он мой, понятно?!

– Публичное выяснение отношений является дурным тоном, милочка, – ледяным тоном произнесла Элен. – Если вам очень хочется мне что-либо сказать, вы всегда успеете написать мне письмо из кутузки.

Лицо Люды Сенькиной скривилось в гримасе, и сидящие ближе к двери расслышали матерные ругательства, с которыми она толкнула дверь.

В проеме было видно, как сомкнулись вокруг Сенькиной милицейские плечи, и дверь сразу же закрылась.

Элен сидела неподвижно за своим столом, ни на кого не глядя. Лицо ее было бледнее обычного.

– Этот Владик... Он ваш сын? – тихо спросила отважная Марина Бурлак.

Соседка по столу ее дернула за локоть и сдавленным шепотом прошипела: «У нее нет детей, ты что!»

Марина, которая не ходила с остальными в пирожковую, не знала таких подробностей.

– Все равно это кто-то очень близкий, – возразила Марина соседке. – Тот, кого Элен любит... И кого отняла у нее Сенькина...

Лучше и не скажешь, подумала Элен, до которой долетели слова Марины.

– Извините меня, Элен, может, это бестактно с моей стороны, – поднялась Марина, – но я только хотела сказать, что не надо так расстраиваться... Ваш Владик, он все поймет, когда узнает, что его жена, или кто там она ему, хотела вас убить!

– Пожалуйста... – проговорила Элен сдавленно, – пожалуйста, уходите все... Урок окончен... уходите.

Через пару минут класс опустел, и Элен осталась одна. Слова, произнесенные Мариной, отдавались в ее мозгу: «Он поймет, когда узнает, что его жена хотела вас убить»...

Твоими бы устами, Марина... Ты хорошая девочка, и тебе не пришло в голову, что Владька может оказаться в сговоре с ней... Как далеко мог зайти он, ее дорогой мальчик, под идейным руководством жены? Если она каждый день ему пела, что тетка богатая, а мы бедные, и нам она помогать не хочет, а мы такие хорошие и правильные, и бла-бла-бла... В общем, старая песня: бедный хороший студент Раскольников и злая богатая процентщица. Только топор-то оказался в руках «хорошего»...

Узнать, был ли Владик в сговоре с Милой, можно только одним способом: явиться ему на глаза собственной персоной. Если он в сговоре, то от Милы знает, что «операция» прошла успешно: труп тетки она видела собственными синими очами. Тот факт, что пресса не сообщила о смерти известной писательницы (если он следил за прессой, конечно), он мог отнести на счет Рождества...

Рассказать же ему, как она люто ошиблась, Мила уже не могла: она под арестом. Милиция, пойдя навстречу всенародно любимой писательнице, до

ее сигнала Владу об аресте Милы не сообщит. Он ничего не подозревает, и внезапное появление перед ним тети Ляли заставит его выдать себя...

Вроде всем хорош этот метод, если вынести за скобки его некоторую театральность, – но существовала вероятность осечки. Владик тетю с год уже не видел, и расстались они отнюдь не в лучших чувствах – посему не удивиться ее внезапному появлению он не может! Разумеется, он удивится, насторожится, забеспокоится в любом случае, и существует вероятность, что точно определить природу его эмоций Элен не сможет...

Но иного метода попытаться узнать правду она не видела.

Элен принялась собирать свой портфель, как вдруг дверь отворилась. На пороге показалась Марина Бурлак.

– Елена Пахомовна, я знаю, вы не любите, когда влезают в вашу личную жизнь, но... Мы все невольно влезли... Я хочу исправить глупость, которую я сказала... сказала, что ваш Владик разберется... Но я не подумала, что он мог быть в сговоре с женой, или кто она ему, Люда Сенькина?

– Жена.

– А он вам?

Элен несколько секунд колебалась, прежде чем ответить. Марина задавала ей вопросы, на которые Элен никогда не отвечала, и следовало бы ее выставить за дверь, но.... То ли она подсознательно время тянула до решающей встречи, то ли в голосе у Марины было что-то такое...

– Племянник.

– Вопрос о его участии открытый или вы знаете?..

– Открытый...

– И, наверное, самый больной... Да?

– Что вы хотите, Марина? Зачем вы вернулись? – вымученно произнесла Элен.

– Но надо же что-то делать! Вы же не можете оставаться в подвешенном состоянии! Я же вижу, как вам плохо!

– Что вам за дело до меня, Марина?!

– Как это? – не поняла девушка. – У меня никакого дела нет... Я вижу, что вам плохо, – и я вам сочувствую, только и всего! Вам это кажется ненормальным?

Элен не ответила, удивленно разглядывая Марину.

– Просто я подумала, что вряд ли вы верите, что Владик мог быть сообщником Милы... Иначе бы вы не стали делать из этого урок. Но сомнения остаются: раз вы не знали Люду Сенькину в лицо, при том, что она является женой вашего племянника, – значит, вы давно с ним не

общаетесь... Отчего у вас и сомнения. Я не очень ошиблась?

– Не очень, – усмехнулась Элен, которая не могла не оценить умозаключения Марины.

– А у меня есть идея, как это проверить!!!

– И какая же? – с недоверием поинтересовалась Элен.

– Эти стреляющие устройства, они же незаконные, их продают почти подпольно. Заказ делается по телефону, и доставляется он нарочным, на их сайте так написано. Я могу позвонить Владуку домой и, представившись секретаршей этой конторы, сошлюсь на сбой в компьютере и попрошу подтвердить получение заказа. Дальше все очень просто: либо Владик в курсе заказа, либо нет! Что скажете?

Элен не сказала ничего, глядя во все глаза на Марину. Такой ход ей самой не пришел в голову, хотя он был крайне простым... И гениальным!

– Так что скажете, звонить?

Элен молча кивнула. У нее почему-то в горле встал комок. Она написала номер телефона на листке и протянула девушке.

– Только я выйду, а то ваше присутствие меня будет смущать...

– Оставайся тут, в коридоре шумно, выйду я. Позовешь меня, когда закончишь.

Элен ждала под дверью класса с робостью ученицы, дальнейшая судьба которой зависела от всемогущей учительницы.

Наконец дверь раскрылась.

– Хоть Новый год и Рождество уже прошли, – заговорила Марина смешным басом, – но Дед Мороз опаздывает, негодник, – наверное, пробки?.. – и он все еще разносит подарки! Принес и вам – вы его из класса не выгоните за опоздание?

Элен не могла сдержать улыбку. Она уже знала, что новость хорошая.

– Тогда держите: ваш племянник ни сном ни духом не имеет отношения к этому делу!

Элен вдруг взяла да обняла Марину. Та покраснела, но тоже обняла Елену Пахомовну.

– Теперь самое время мириться, мне кажется... – произнесла Марина, когда их немного неловкие объятия разомкнулись. – Но надо сначала ему рассказать о том, что сделала Мила... Без упрека – чтобы он не думал, что вы его тоже вините! Иначе он снова закроется... А вам же нужно заново выстраивать отношения с ним...

«И почему ему не встретилась такая девушка, как Марина! – расстроено подумала Элен. – Такая умничка, так все тонко сечет! И

почему мальчишки влюбляются в расчетливых стервочек?! Может, Владька хоть после этой истории поумнеет...»

– Ему милиция должна сообщить.

– Не надо, чтобы милиция, Элен! Нужно по-доброму, по-родственному... А милиция потом!

Элен молчала. Марина была права, но... Она не представляла, как сообщить Владьке подобную новость и при этом наладить отношения с ним.

– Я что-то не так сказала? Вы не согласны?

– Знаешь что? Вот ты и пойдешь с этой новостью к моему племяннику!

– Я? Так я же ни с какой стороны не...

– Скажешь, что у меня нервы сдали... И ты по моей просьбе. Ты сумеешь по-доброму, Марина!

«А дальше может получиться и по-родственному...» – она незаметно улыбнулась своей мысли. Марина не заметила ее улыбки, уже сосредоточенная на предстоящем разговоре.

Элен написала адрес, протянула листок Марине.

– Я буду ждать от тебя звонка... – полувопросительно произнесла она.

– Конечно... Ну, я пошла.

Марина направилась к выходу.

Когда она уже была в дверях, Элен вдруг спохватилась:

– Марина, погоди-ка! Ты замужем?

– Нет... А что?

– Ничего-ничего. Я просто так спросила!

...Если Дед Мороз действительно застрял в пробках и все еще разносит свои запоздалые гостинцы, то, может, им с Владькой тоже выпадет подарок... В виде Марины!

Екатерина Гринева

Рождество с привкусом нирваны

Я на минуту оторвалась от дороги и посмотрела на стрелку спидометра. Она уже зашкаливала за сто двадцать. Машин на дороге было немного, и поэтому я могла разогнаться, не опасаясь, что меня остановят бдительные сотрудники ГИБДД и выпишут квитанцию о штрафе.

Я действительно торопилась. Будь моя воля, я бы прибавила скорости еще, но все-таки осторожность удерживала меня от этого. Хотя по жизни я отчаянная и рискованная девушка, склонная ко всякого рода авантюрам, но это был явно не тот день. И не тот вечер.

Сегодня канун Рождества. Час дня. И еду я на свидание со своим женихом.

Сегодня он наконец-то обещал показать мне дом, который он ремонтировал и отделывал последние полгода. «Я хочу сделать тебе подарок. И не хочу торопить ни тебя, ни себя. Ты все увидишь, но чуть позже», – неоднократно говорил он. И такое заявление меня жутко интриговало.

С Пашей мы познакомились три месяца назад. И все завертелось со страшной силой. Классическую программу ухаживаний (кафе, конфеты-букеты и походы в кинотеатры) мы быстренько перескочили и приступили к более волнующей части. То есть к интиму.

Обычно я более осторожна в этом вопросе и сначала довольно долго вожу мужчин за нос, устраивая им что-то вроде пробного экзамена. Я не хочу разочарований, каких в моей жизни уже было немало. Мне хочется чего-то более устойчивого и надежного, чем спонтанные свидания и долгие ожидания звонков с переносами встреч. Такое в моей практике тоже случалось.

Но Паша покорила меня сразу. Он был весь как на ладони и не умел скрывать свои чувства. Вначале при разговоре со мной он даже слегка заикался от волнения. Эта его манера показалась мне очаровательным проявлением искренности. Не то что другие псевдомачо, которые сразу дают волю рукам и лезут под юбку. Нет, здесь все было по-другому. Даже когда мы уже стали любовниками, в Паше осталась некая старомодность и застенчивость. Что не могло не покорило мое сердце.

Мне стукнуло двадцать пять.

И моя мама говорила, что я никогда не выйду замуж.

У меня яркая, эффектная внешность, а ярких женщин мужчины всегда боятся, любит говорить моя родительница. «Вела бы ты себя, Яна, потише и поскромнее, глядишь, какой-нибудь серьезный парень бы и клюнул. А то у тебя отношения с мужчинами никак не складываются, потому что ты как фейерверк – ослепляешь, и все. Вот с тобой и встречаются, чтобы почувствовать праздник. А для жизни мужчине нужна более спокойная женщина. Не такая взрывная и эмоциональная».

Я не любила такие разговоры и пресекала их, потому что в маминих словах была большая доля правды. Эта истина, что ярким женщинам мужчины предпочитают серых мышек, открылась мне не сразу. Я пришла к ней путем проб и ошибок. Стоило мне завязать с мужчиной серьезные отношения, как спустя какое-то время он норовил оборвать все контакты и оставить меня в гордом одиночестве. Он боялся, что я стану претендовать на большее, то есть на место его спутницы жизни. Я плакала, бесилась и сходила с ума от отчаяния. Пока не выработала определенную тактику поведения в отношении своих партнеров. Теперь я сама смотрела и взвешивала: стоит ли мне продолжать отношения дальше. Или помахать кавалеру ручкой на прощание: пригласить к себе на ритуал «последней чашки чая» и сказать, что отныне мы можем быть только друзьями. Успеть его опередить до того, как он бросит меня первым.

Я стала безжалостной, расчетливой и циничной. И такой меня сделала жизнь. У женщины всегда есть выбор: стать жертвой или победительницей. И что она выберет – зависит только от нее – от ее поведения и внутренних установок.

Я выбрала второе. Не то чтобы мне нравилась маска этакой гордой амазонки – я просто не видела другого выхода. Я должна выжить в этом безжалостном мужском мире, сохранить себя и ни в коем случае не позволять, чтобы об меня вытирали ноги. Как это было раньше, и не один раз. От меня уходили к другим женщинам или просто перешагивали и шли дальше в поисках новых приключений.

Но Паша покорила меня с первой встречи. Я познакомилась с ним в кафе. Хотя обычно я против таких знакомств. Мой опыт показал, что подобным образом обычно знакомятся те, кто ищет женщину для быстрого необременительного секса. Например, жена куда-то уехала на пару дней, или он с девушкой своей поссорился и нужно срочно заполнить брешь внезапного одиночества.

Я сидела в кафе и пила кофе, когда ко мне подсел незнакомый молодой человек.

– Столик свободен? – спросил он.

Я окинула его взглядом.

– Вы могли бы выбрать более удачную диспозицию, – холодно сказала я.

– Да... но... все столики заняты.

Я окинула взглядом зал.

– У окна – свободно.

– Я хотел посидеть с вами.

– А... это... – усмехнулась я. – Свободен, мальчик. Ищи другую девушку. Я тебе не подхожу.

– Я бы так не сказал.

– Тогда я неправильно сформулировала. Это ты мне не подходишь. Такая формулировка тебя больше устраивает?

Я залпом допила кофе и хотела уже встать со стула, как молодой человек отчаянно выпалил:

– Позвольте мне угостить вас коктейлем? Меня зовут Павел. А вас?

– Яна, – нехотя сказала я.

Не знаю, почему я согласилась на Пашино предложение. Хотя он был очень мил и очарователен. Особенно эти ямочки на щеках – я буквально сразу в них влюбилась. Высокий блондин с кудрявыми мягкими волосами, и это почти детское простодушие: скромная улыбка и ямочки. Н-да, подумала я, таких мужчин сейчас не часто встретишь в нашем мегаполисе. Они скоро совсем вымрут, как мамонты перед глобальным потеплением.

Мы стали встречаться. На первое же свидание Паша притащил огромный букет алых роз, на второе – плюшевого медведя с сердечком в руках. Я долго улыбалась, глядя на него. Паша мне и сам чем-то напоминал этого игрушечного мишку – бесхитростный, добрый, внимательный.

Стоило только мне озвучить свое желание, как Паша его немедленно исполнял. Он постоянно баловал меня и говорил, что я – принцесса.

Похоже, я и сама в это поверила.

Я полная противоположность Павлу. У меня темные волосы и ярко-изумрудные глаза. Мой первый мужчина часто говорил: прикрой свои глаза – а то я ослепну. Но ослепнуть он не пожелал и поэтому через два месяца нашего бурного романа женился на своей бывшей однокласснице – невзрачной блондинке с остреньким треугольным личиком и тонкими губами. Я прорыдала в подушку весь вечер, когда об этом узнала, и подумала, что красота, к сожалению, вовсе не гарантия счастья. Это аванс, который еще надо отработать.

Паша составлял такой контраст со всеми моими предыдущими

кавалерами, что я не могла не оценить его, особенно его преданность и внимание. Когда он подарил мне кольцо с бриллиантом и сказал, что просит меня стать его невестой, я взяла Пашу за руку и пропела:

– Пашуня, ты прелесть. Я тебя обожаю!

– Я знал, что оно тебе понравится.

– Конечно, понравилось, – сказала я, подняв вверх руку и любуясь блеском камня. Это было первое кольцо, которое подарил мне мужчина.

В постели Паша был нежным и внимательным. Постепенно он изучил мое тело и знал, как доставить мне удовольствие.

– Слушай! – сказала подруга, когда я рассказала ей о Паше. – А тебе не надоест этот нудный тип, и довольно быстро?

– Он не нудный, – вступилась я за жениха. – Конечно, он не бурлит и не фонтанирует, как некоторые, но такими мужчинками я сыта по горло. Кроме трепана и «фастфудовского» секса, они предложить ничего не могут. Да и не хотят.

– Ну... повезло тебе, – с некоторой завистью протянула Ольга. – Добрый, внимательный, состоятельный. Ты говорила, он обеспеченный человек?

– Не бедный. Работает в финансовой сфере. В службе экономической безопасности крупного банка. Там у них все строго засекречено, даже мне он не имеет права разглашать ни место работы, ни чем он занимается.

– Получается – ты выиграла в лотерею?

– Похоже на то...

И вот Паша пригласил меня приехать к нему в загородный дом, который он только что отремонтировал, и отметить праздник. Я с радостью согласилась. Тем более что Паша расписывал свое гнездышко таким красивым и уютным, что я страстно мечтала наконец-то там побывать. Он пригласил меня туда в Рождество, так как хотел, чтобы все было празднично торжественным и таинственным. Обожаю сюрпризы, часто говорил он. Здесь я была с ним полностью солидарна. Сюрпризы я тоже люблю. Правда, не все, а с хорошим концом.

Паша не стал заранее давать мне конкретный адрес. Он объяснил, что я должна ехать по Ленинградскому шоссе, а потом повернуть направо. Он обещал перезвонить и сказать, в каком месте поворот, когда я буду ехать по шоссе. Сам он в то время уже будет в доме. «С подарком-сюрпризом», – сообщил он. «Тогда гоню на полной скорости», – со смехом ответила я. «На полной не надо, – испугался Паша, – не дай бог, с тобой что-нибудь случится». – «Ладно, не буду, – пообещала я. – Постараюсь приехать в целостности и сохранности».

Паша позвонил и сказал, куда поворачивать. Он все перепутал. И поворачивать надо было не направо, а налево. Потом еще ехать около часа. Я подумала, что он забрался в приличную глухомань, но сейчас близ Москвы понатыкано коттеджей, как грибов после дождя, и многие состоятельные люди селятся подальше – чтобы насладиться тишиной и свежим воздухом.

С утра погода была неважной. Вот уже несколько дней не было снега. И от этого стало как-то неуютно и тоскливо. Зима без снега, без хрустящих под ногами снежных дорожек и волнистых пушистых сугробов, куда хочется плюхнуться, как в детские годы, а потом поиграть в снежки, – полный абсурд. И вот когда я была, по моим расчетам, примерно в получасе от Пашиного дома – повалил снег. Сначала он шел робко, неуверенно, а потом посыпались большие мягкие хлопья, похожие на крылья экзотических бабочек, и я прибавила скорость, боясь, что снегопад усилится и скоро дорогу сильно заметет.

Когда я уже ехала по узкой боковой дорожке между высоченных темно-зеленых елей, которые своими тяжелыми лапами едва не касались окон машины, я набрала Пашин номер. Но он молчал. Не дождавшись ответа, я с улыбкой положила сотовый рядом на сиденье. Паша обожает сюрпризы, наверное, вышел к воротам встречать меня, а мобильный забыл дома. Иногда он бывал жутко растерянным и забывчивым. Но когда я мягко пеняла ему на это, обещал исправиться.

Вскоре я уперлась капотом в ворота и просигналила. Раз, другой...

Я вышла из машины и увидела, что ворота чуть приоткрыты. Я толкнула их и ахнула. Дом Паши был похож на дворец из диснеевских мультиков. Узкие башенки, маленькие окошки наверху, внизу крытая веранда...

Бросив машину, я быстрым шагом пошла вперед и увидела красные буквы из пластмассы, воткнутые в снег: «Добро пожаловать, любимая!» Снег уже замел буквы почти наполовину, но все равно они были видны издалека.

Я вбежала на крыльцо.

– Паша! – крикнула я. Но мне никто не ответил.

Потянув на себя тугую дверь, я вошла в просторный холл, залитый огнями. Везде горели светильники, а посередине красовалась настоящая большая елка, пахнувшая хвоей и наряженная блестящими игрушками.

Старался мальчик сделать мне приятное, с умилением подумала я. Сейчас он выйдет и скажет, что все готово к рождественскому ужину, и мы будем встречать праздник вместе. Наше первое совместное Рождество...

Я обогнула елку. За ней тянулся красиво сервированный стол, тарелки с закусками, много фруктов. Паша знал, что я люблю фрукты. Даже клубнику достал: в небольшой фарфоровой миске лежали ярко-алые ягоды. Я взяла одну и отправила в рот. Только вина не было. И тут меня осенило: Паша отправился за вином. В последний момент он увидел, что не хватает спиртного, и решил срочно исправить свое упущение. Правда, мог бы позвонить. Или он надеялся успеть вовремя, но задержался. Я сняла полушубок и села на стул. Я хотела снова позвонить Паше, но тут вспомнила, что оставила свой сотовый в автомобиле.

Я услышала звук подъезжающей машины и рванула на улицу. Паша! Но во двор въехал черный «Мерседес», за рулем которого сидел незнакомый мужчина и махал мне рукой.

– Привет! Это Пашанин дом? – крикнул он, опустив окно почти до середины.

– Да, – ответила я надменно. – А... вы к кому?

– К Пашке. К кому же еще!

Машина остановилась, и из нее вышел молодой мужчина выше среднего роста, гибкий, с русыми волосами, почти доходившими ему до плеч, и с ярко-изумрудными глазами. У меня перехватило дыхание. Я считала себя обладательницей эксклюзивной пары изумрудных глаз. Во всяком случае, до этого момента. Он широко улыбнулся и медленно окинул меня взглядом с головы до ног.

– Герман, – представился он. – А вы Пашина герлфренд?

– Невеста, – холодно поправила его я. Такой тип мужчин был мне хорошо знаком. С парочкой подобных экземпляров мне уже приходилось иметь дело. Самцы, высокомерные хамы и неисправимые шовинисты. Женщина, по их мнению, это нечто среднее между бутылкой пива и рыбалкой. Некая разновидность досуга. Отвлекся – и забыл!

– Вау! И он молчал! Узнаю тихоню Пашу!

Герман стряхнул снег с воротника темно-синей куртки и усмехнулся.

– И давно?

– Что – давно? – спросила я, внутренне закипая от бешенства.

– Давно вы невеста?

– Вас это не касается.

– Естественно. – Он снова широко улыбнулся и поднял вверх руки. – Ваши дела – это ваши дела. Я просто поинтересовался, между прочим... Девушка досталась Паше первый сорт, вот я и спросил. Он мне не сказал, что вы будете здесь, и я ехал сюда в полной уверенности, что меня ожидает пирушка двух холостяков.

– И совершенно напрасно. Кстати, я тоже ожидала ужина на двоих. Без посторонних, – подчеркнула я.

– Похоже, мы с вами просчитались. И Паша приготовил нам сюрприз. Кстати, где он? Сотовый заблокирован. Я звоню ему, звоню – и глухо.

– Н-не знаю. Я недавно приехала, а его нет. Наверное, поехал за вином. На столе нет ни вина, ни шампанского.

– О главном забыл. Растяпа! – И Пашин приятель расхохотался.

Ни слова не говоря, я развернулась и пошла в дом. Герман направился за мной. Войдя в холл, он воскликнул:

– Красотища! Как в лучших домах Испании и Франции.

– Будто вы там бывали! – не удержалась я.

– Между прочим, девушка, напрасно вы так. Бывал я там, и неоднократно.

– С чем вас и поздравляю.

Он снял куртку и повесил ее на крючок.

– Елка прикольная. Елочке, елочке холодно зимой, – пропел он. – Бедную елочку взяли мы домой... Бр-рр, замерз. – Герман потер руки.

Я подняла брови вверх. Все это время я чувствовала на себе его взгляд: пристальный, испытующий, пронзительный. Он словно хотел проникнуть мне в душу. Я же сделала вид, что не замечаю его внимания. Ну просто в упор его не вижу.

– Тут еще и стол накрыт. А я проголодался.

– Давайте все-таки дождемся хозяина.

– Какая вы суровая девушка. Мужчина голоден, а вы его маринуете. Вас разве не учили, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок?

– Может быть, и учили, но эта премудрость не для данного случая.

– А что? – Герман, похоже, всерьез обиделся. – Я разве хуже Паши?

– Перестаньте устраивать балаган. Это уже действует на нервы.

– Учту. Какая вы чувствительная и тонкая натура. Стоп! Я тоже хорош. Я сейчас. Одну минуту, совсем забыл...

– Да хоть целый час! – брякнула я. Мое настроение понемногу сползло к нулевой отметке и грозило опуститься еще ниже. Эйфория, в которой я пребывала, когда ехала к Паше, постепенно сменилась раздражением. Надо же, смотался куда-то, не предупредив, и еще мобильный вырубил... Действительно, растяпа!

Герман вернулся с двумя бутылками вина.

– Чуть не разбил, пока шел, – доверительно сказал он. – Было бы обидно вылить в снег такое сокровище. Это элитные вина Европы. Одно – французское, другое – испанское. Давайте познакомимся поближе. Я

поставщик элитных вин в лучшие рестораны страны. У меня свой бизнес, заниматься которым мне не только выгодно, но и приятно, и поэтому позвольте вас угостить отличным вином.

– Ну что ж, – тихо сказала я, – не откажусь.

К тому моменту мне было уже совсем паршиво.

– Вот и порядок. Сейчас мы с вами немного выпьем, развеемся, а там и Паша нагрет. Это я вам обещаю. Мы его немножко поругаем, а потом простим. Правда? – И он мне подмигнул.

Я посмотрела Герману в глаза, но тут же отвела взгляд. Такое яростное изумрудное пламя полыхнуло в них, что я не смогла этого выдержать и стусевалась. Хотя подобное поведение было мне несвойственно.

– Вот и договорились. – Он сел рядом и придвинул ко мне рюмку.

– Отвлекись от проблем. А то я не могу смотреть, как ты... – Он перешел на «ты» и, не докончив фразы, налил мне вина. Золотисто-медовый напиток был очень вкусен...

– Букет очень хорош.

– Я же говорил...

Он налил мне вторую рюмку, наши пальцы встретились, и я поспешно отдернула руку, пролив немного вина на бирюзовое платье.

– Ой! – огорченно воскликнула я.

– Пустяки. До свадьбы отойдет. А когда у вас свадьба?

– Мы еще об этом не говорили.

Какое-то время мы сидели в молчании. Я все больше и больше испытывала неловкость в присутствии этого человека. Неловкость и волнение. И как я ни старалась справиться с собой, это у меня получалось плохо...

Герман же все больше мрачнел, пока наконец не выдохнул:

– Может, осмотрим дом? Вы здесь раньше бывали?

– Нет, – мотнула я головой. – В первый раз. Паша хотел сделать мне сюрприз.

– Похоже, ему это удалось, – хохотнул Герман. Но смех оборвался так же внезапно, как и начался. – Прости...

– Да ладно. А вы здесь бывали?

– Не-а. Я вообще давно с Пашей не виделся. Если быть точным – пять лет. Мы не были с ним близкими друзьями. Мы – бывшие одноклассники. После школы все разлетелись кто куда, первое время еще встречались, перезванивались. Потом паузы стали длиннее... Но мы с Пашей друг друга из вида не теряли. У него судьба такая... трагическая. В девятом классе у Паши мать умерла – в ванной инфаркт приключился. Вам

он об этом не рассказывал?

Я покачала головой:

– Не рассказывал. Он только сказал, что родителей у него нет. Мать умерла, а отец их бросил, когда Паша был совсем маленьким.

– Верно, – кивнул Герман. – Все так и было. Пашка после смерти матери замкнулся, ушел в себя. Переживал страшно. Но спустя какое-то время отошел.

Герман рывком поднялся со стула.

– Предлагаю совершить экскурсию по его замку. Произвести, так сказать, осмотр владений. Думаю, хозяин будет не в обиде. Бросил гостей, и поэтому они вынуждены как-то сами себя развлекать.

Я поднялась за Германом. То ли от волнения, то ли от выпитого вина меня качнуло в сторону, и он придержал меня за талию.

– Осторожней, Яночка.

– Спасибо, – прошептала я.

– Да не за что.

Мы двинулись по коридору вперед. Дом был двухэтажный, около столовой наверх вела витая лестница. Герман встал на первую ступеньку.

– Руку, леди, так мне будет спокойней.

Я дала ему руку. Его пальцы на какую-то долю секунды разжались, а губы дрогнули. Но это было лишь мгновение, а потом он овладел собой и повел меня наверх. Я шла медленно. Почему-то мне хотелось, чтобы это восхождение длилось как можно дольше. Может быть, дело было в этом мужчине, чье прикосновение внушало мне покой и уверенность, но вместе с тем и волнение, которое вызвало покалывание в кончиках пальцев... А может, я просто слишком перенервничала...

Мы поднялись наверх.

– Куда теперь? – спросил Герман.

Я пожала плечами:

– Не знаю.

Я пошла впереди, и по моей обнаженной спине скользил мужской взгляд. Мне хотелось от него укрыться, запахнуться в накидку или шарф, которых у меня не было.

Я повела плечами.

– Замерзла? – тихо спросил Герман и положил руку мне на спину повыше лопаток. Боже, на мою холодную арктическую кожу легла его раскаленная ладонь!

– Нет. – Мой голос неожиданно сел, и я толкнула первую попавшуюся дверь. За ней была темнота. Я нащарила выключатель, и вспыхнул свет.

Это была спальня. Свет был мягким, приглушенным – мерцающе-зеленым... Сверху под потолком горели три лампочки на тоненьких проволоках – люстра современного дизайна. Большая кровать с балдахином, две тумбочки с маленькими ночниками, шторы, опущенные на окна. Из-за плотных портьер в комнате царил темнота. Синие обои с золотистым тисненым рисунком. По моему телу прошла невольная дрожь, и я резко развернулась, чтобы выйти отсюда, но уткнулась взглядом в зеркало и остановилась. В нем отражалась я: стройная, в бирюзовом платье, сильно декольтированном сзади и спереди, на шее – золотая цепочка с кулоном, темные волосы тяжелыми волнами лежат на плечах, полные, красиво очерченные губы и ярко-изумрудные глаза, которые горели огнем даже в этом полумраке. Герман стоял сзади. Он сделал шаг вперед, и теперь я чувствовала его дыхание на своей шее.

– Ты обратила внимание, что у нас одинаковые глаза? – хриплым шепотом спросил он.

Я повернулась к нему, и он подхватил меня, иначе я бы упала. Мой разум полностью отключился. Я не владела ни своим телом, ни мыслями. В данную минуту для меня не существовало ничего, кроме этого мужчины... Это был сон, наваждение, колдовство – я все понимала, тем не менее ничего не могла с собой поделать. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что я – невеста его друга и что я долго искала такого мужчину, как Паша: доброго, внимательного, заботливого. Но яростная волна снесла все и затопила меня. Я прижалась к Герману, и мое сердце бешено заколотилось. Только этот стук и был для меня реален в эту минуту, только эти губы и имели значение, только эти сильные руки стали для меня центром всей вселенной.

Мы не сказали ни слова. Его руки прошли по моему телу сверху вниз. И я освободилась от платья. Быстро, бесшумно. А потом и от белья. Оно было сорвано, скомкано и брошено на маленькую банкетку около зеркала, и теперь я стояла перед ним обнаженная, даже не пытаюсь прикрыться. У него вырвался легкий вздох, и тут я положила руку ему на грудь и стала торопливо расстегивать пуговицы его рубашки. Нетерпение, овладевшее мной, было так велико, что я не могла себя сдерживать. Да и не хотела.

Мы упали на кровать. Я наслаждалась и упивалась каждой секундой этой фантастической близости. Я прекрасно понимала, что сошла с ума, – иначе нельзя было объяснить тот факт, что в ожидании жениха я позволила себе внезапную, необъяснимую вспышку страсти к человеку, которого видела впервые. Ну и что! Пусть будет это безумие! Я не собираюсь от него бежать. Устраивают же мужчины перед свадьбой мальчишники, может

быть, и я...

Но додумать я не успела... Долгий, бесконечно нежный и волнующий поцелуй заставил меня забыть обо всем. О Паше, о себе, о Рождестве, которое мы хотели провести вдвоем... Я упивалась прикосновениями чутких пальцев Германа, которые то сильно сжимали мое тело, то нежно скользили по нему, как летний, едва уловимый ветерок.

Я закрыла глаза и ощутила, как его пальцы скользнули ниже, и застонала, принякая губами к его груди. Мое сердце колотилось рядом с его; два обезумевших сердца бились в унисон...

Я медленно проваливалась в нирвану – запредельное состояние, когда стираются границы миров.

Когда все осталось позади и я медленно вынырнула из сладкого сокрушительного забвения, первое, что я увидела, – были изумрудные глаза Германа, неотрывно смотревшие на меня.

Я улыбнулась ему.

– Ты...

Но он рывком поднялся и так же молча оделся. Я нахмурилась. Он решил, что я – легкая добыча, и теперь считает ниже своего достоинства общаться со мной?

– В чем дело? – спросила я, приподнимаясь на локте.

– Ты – невеста моего друга, – глухим голосом сказал он. – А я полный идиот, раз позволил себе...

– Не надо, – оборвала я его. – Что случилось – то случилось.

Я хотела сказать ему: не порти эту минуту, помолчи, не надо никаких слов и объяснений. Ну почему мужчины все всегда портят упреками не по адресу и обидами на пустом месте. Они никогда не чувствуют момент, мелькнуло у меня в голове. Пройдет время, и мы оба с улыбкой вспомним об этом рождественском приключении, об этом безумии, внезапно поразившем нас, как пика матадора разъяренного быка.

Но я не успела ничего сказать, потому что внизу вдруг раздался какой-то звук, словно упал тяжелый предмет, и мы оба посмотрели друг на друга.

– Паша! – одновременно слетело с наших губ. – Паша вернулся, сейчас он поднимется наверх и...

Я торопливо оделась и пригладила волосы.

– Я... в порядке? – тихо шепнула я.

– Да, – припечатал он.

– Пошли быстро вниз. Слышишь, кажется, кто-то ходит на первом этаже.

Он кивнул и вышел из спальни. Я быстро поправила постель и

окинула комнату взглядом. Теперь она была в таком же нетронутым виде, как и полчаса назад. Все было на своих местах, и ничто не напоминало о нашей недавней страсти.

Я закрыла дверь и повернулась к Герману.

– Он... там?

– Не знаю. Пойдем вместе и скажем, что осматривали дом.

– Хорошо.

Мы подошли к лестнице.

– Пашань! – крикнул Герман нарочито-бодрым голосом. – Ну ты даешь, старина. Пропал и не давал о себе знать. Где ты шлялся, скажи на милость! Мы тут сидим, скучаем. Твоя невеста мне всю плешь проела. Она у тебя ядовитая молодая особа. Даже не знаю, как ты с ней уживешься! – хохотнул он, не глядя на меня. Мне показалось, что в его последних словах прозвучали горечь и досада. Или это разыгралась моя фантазия? – Паш! Ау!

– Паша! – крикнула я. – Ты где? Почему не отвечал на мои звонки?

Мы дошли до конца лестницы, поминутно зовя хозяина дома. Но ответом было молчание.

– Что за хрень! – повернулся ко мне Герман. – Он что, опять вздумал нас разыгрывать? Это уже перебор. Раньше я за ним таких штучек не наблюдал. Может быть, ему хватит придуриваться? Паш! – заорал он. – Кончай бодягу. А то тебе не поздоровится.

Вокруг по-прежнему стояла тишина.

– Слушай! – сказала я с нервным смешком. – По-моему, здесь никого нет.

– Но мы же слышали какой-то звук. И шаги. Мы не могли оба ошибиться.

– Ну мало ли что упало. Давай осмотрим первый этаж. Если бы Паша был здесь, он бы уже давно откликнулся.

– Ты права. – Герман почесал подбородок. – Молчать в такой ситуации может только полный идиот. А Пашка на него не похож!.. Не разыгрывает же он нас.

– Вот-вот...

Мы миновали кухню и вышли в коридор, куда выходили двери нескольких комнат. Мы обошли их подряд в поисках хозяина и в конце концов оказались на веранде. И здесь я заорала, вытянув руку. Посреди веранды в кресле сидел мертвый Паша, свесив голову, и по подбородку его стекала тоненькая струйка крови.

Я рванула назад и очутилась в крепких руках Германа.

– Паша! Паша! – захлебывалась я.

– Яночка! – Герман крепко прижимал меня к себе. – Тише! Успокойся! Умоляю тебя... тише! Яночка... – Я не слышала его и захлебывалась в рыданиях. У меня началась самая настоящая истерика.

– Яна! – сказал он мне негромко в ухо. – Нам надо срочно уходить, потому что, раз мы слышали звук и чьи-то шаги... – Он не закончил, когда страшная догадка пронзила меня.

– Он еще здесь? – прошептала я, холодея от ужаса.

Герман кивнул.

– Возможно. Девочка моя, соберись, пожалуйста. Нам нужно уйти отсюда как можно скорее. – Герман взял стул, стоявший у стены, и швырнул его в окно веранды. Осколки стекла мгновенно усеяли пол. – Бежим к моей машине. Срочно уезжаем.

Мы перелезли через разбитое окно веранды и побежали по снегу к черному «Мерседесу», стоявшему во дворе перед домом.

– Лучше поедем на моей, – крикнула я на ходу. – На твоей разворачиваться долго. Здесь снегу намело и...

Мы были уже в двух метрах от машины Германа, когда он резко остановился. Я с размаху налетела на него.

– Что такое? Чего ты медлишь!

– Не получится, – прошептал он, – шины проколоты. – Быстро в дом. Иначе нас подстрелят, как уток.

И будто в подтверждение его слов над нашими головами просвистела пуля.

– Пригнись! – закричал Герман, увлекая меня за угол дома. – Живей обратно.

Мы влезли в разбитое окно, и я без сил сползла по стене. Меня била крупная дрожь, и я утратила всякую способность соображать. На расстоянии нескольких метров от меня сидел убитый Паша, а я была близка к обмороку, в который мне не дал упасть Герман, с силой тряхнувший меня за плечи.

– Ты что? Разве можно здесь оставаться! Надо где-то спрятаться. Этот полубезумный киллер сейчас будет рыскать по всему дому в поисках нас.

– Мне все равно, – выдавила я. – Я не могу двигаться.

– Это шок, – констатировал мой спутник. – Что ж! Бывает.

С этими словами он подхватил меня на руки и, открыв дверь пинком ноги, вынес в коридор. Несколько секунд он думал, куда идти, и наконец решительно ввалился в одну из дверей, выходящую в коридор.

Это была небольшая комната, скорее всего для гостей, с широким

диваном, гардеробом и двумя тумбочками, на которых лежали расчески и маленькие махровые полотенца с цветочным рисунком. Положив меня на диван, Герман в два прыжка оказался у двери и прислушался. Потом придвинул обе тумбочки к створке. Но тут же покачал головой.

Он вернул тумбочки на место и, подойдя к гардеробу, попробовал его сдвинуть. Шкаф чуть накренился в сторону.

– Черт! – прошипел он. – Не получается. Тяжелый, зараза.

Я села на диване, обхватив себя руками. Первый шок уже прошел, и я понемногу приходила в себя. Мой мозг, который еще недавно вообще ни на что не реагировал, стал активно оценивать происходящее.

– Ты хочешь сдвинуть этот шкаф, чтобы перегородить дверь? – спросила я шепотом.

– По-моему, я этим и занимаюсь. Догадаться, конечно, очень трудно.

Я прыснула. И смех вернул меня к жизни. Я поняла, что должна бороться и не поддаваться панике. Если я сейчас запаникую, это будет последнее дело. Я с благодарностью посмотрела на Германа, который действовал и соображал за нас двоих в то время, когда я подняла лапки кверху. Нет, так не годится. Я встала с дивана и направилась к нему.

– Ты что? – Он вскинул на меня глаза. *Мои* глаза. И в них я увидела страх, но одновременно надежду и радость. Страх за меня, радость за то, что я справилась с паникой, ну а... надежду...

– Слушай, – тихо сказала я. – Надо подложить коврик под шкаф, и тогда его будет легче сдвинуть с места.

Я схватила коврик, лежавший у дивана.

– Теперь поднимай. А я быстро суну его под шкаф.

Через несколько минут мы уже волокли гардероб к двери.

– Быстрее! – торопил меня Герман.

Я хотела спросить: почему, но вопрос застыл у меня на губах. Я услышала шаги по коридору. Кто-то приближался к нам.

– Давай! – скомандовал Герман. – Налегли.

Страх – лучшее подспорье в таких делах. Мы поволокли гардероб с утроенной силой и сноровкой. Подперев дверь, мы сразу, как по команде, повалились на пол и поползли к стенке. Пули прошили гардероб насквозь.

Затем раздался стук – убийца колотил ногами в дверь. Наверное, он был одет в тяжелые сапоги, потому что грохот был жуткий. Я закрыла уши руками. Убийца не говорил ни слова, и от этого было еще ужасней, еще страшней.

Герман сидел рядом. Он обхватил меня за плечи и прижал к себе. От него шел такой родной и знакомый запах, словно мы были знакомы уже

тысячу лет.

– Ты знаешь, я поняла. Он играл с нами в кошки-мышки. Он был все это время в доме или совсем рядом, близко. Поэтому Пашин телефон сначала не отвечал, а потом заблокировался.

– Черт! – выдохнул Герман. – Мы забыли про мобильники. Давай звонить в милицию.

– Мой остался в машине, – одними губами прошептала я.

Герман похлопал себя по карманам.

– А свой я где-то выронил. Но где? Наверное, на веранде.

Мы замолчали.

– Окно! – сказал Герман.

Я посмотрела в направлении его взгляда и похолодела. Через несколько минут убийца может появиться со стороны окна и начать стрельбу или влезет в него и распотрошит нас, как беззащитных птенцов. И мы ничего не сможем сделать. Мы оказались в западне.

– Мы еще можем его опередить, – сказал Герман. – Давай побежим к воротам. А потом в лес.

Но я покачала головой.

– Не получится, – прошептала я, утыкаясь губами ему в плечо. – Мы будем там как на ладони. Если бы было чуть позже – мы могли бы рассчитывать на удачу. А так... Нас будет хорошо видно. Два темных пятна на снегу...

Звук удаляющихся шагов прозвучал для нас похоронным маршем.

– Я сбегаяю на веранду за сотовым, – шепнул Герман.

– Ты не успеешь.

– Успею. Только помоги сдвинуть гардероб.

Мной овладело странное безразличие и оцепенение. Я подумала, что, наверное, пока не столкнешься со смертью лицом к лицу, никогда не узнаешь, как среагируешь на нее.

– Спасибо. – Я обхватила шею Германа руками и прильнула к его груди. – Спасибо за то, что я узнала, что такое настоящая... – Я хотела сказать «любовь», но осеклась. Мы были почти незнакомы, и вряд ли это чувство можно назвать любовью. – Страсть, – закончила я.

Два изумруда рядом сердито сверкнули.

– Благодарить будешь потом! Я не хочу стать мишенью для бойни. Давай, двигай обратно этот чертов гардероб. Мы еще можем опередить киллера.

Герман потянул шкаф в обратную сторону. Мы поставили его к стене, и Герман рванул в коридор. Я молилась, чтобы он успел. Только бы успел...

Я села на пол. Около кровати четко выделялся квадрат темного цвета. Я встала и подошла ближе. Сзади послышались торопливые шаги. В комнату ворвался Герман с мобильником в руках.

– Успел! Давай перебежим в другую комнату и спрячемся там. Нам нужна фора во времени, чтобы успеть позвонить в милицию.

– Герман! – закричала я. – Смотри! Похоже, это замаскированная дверь в подвал.

Мы быстро отодвинули кровать в сторону и увидели маленькую металлическую ручку. Герман потянул ее на себя, и мы полезли в открывшееся отверстие – вниз вела железная лестница. Герман захлопнул за нами крышку люка.

– А если он влезет и сюда?

– Подожди, – ответил Герман, манипулируя с крышкой. – Здесь есть рычаг, блокирующий ее изнутри.

– Откуда ты знаешь?

В ответ он хмыкнул.

– Тут как в лучших подвалах Испании и Франции. Я знаком с устройством винодельческих погребов. Некоторые успешно запираются изнутри. Здесь примерно тот же механизм. Сделано! – услышала я его ликующий возглас. – Теперь он до нас не доберется. И у нас есть сотовый.

Он включил телефон.

– Да... – услышала я его растерянный голос. – Здесь связь не работает.

– И что теперь? – истерично рассмеялась я. – Так мы тут и просидим всю жизнь?

– Что-нибудь придумаем, – спокойно ответил Герман. И от его слов в меня вселилась уверенность. Я вдруг поняла, что все *на самом деле будет хорошо*. Есть мужчины, рядом с которыми невозможно почувствовать себя глупой курицей, паникершей или растеряхой.

– Я тебе верю, – сказала я и улыбнулась.

– Вот и хорошо. – Он подошел ко мне и крепко поцеловал в губы. Да так, что у меня захватило дыхание. Я вернула ему поцелуй.

– Теперь я вижу, что ты действительно пришла в себя. – Он провел рукой по моим волосам. И внутри меня зазвенели колокольчики. Так нежно, так бережно еще никто и никогда меня не гладил. – Яночка!

Какое-то время мы стояли, прижавшись друг к другу, и слушали удары собственных сердец. Герман провел пальцем по моему лицу.

– Какая ты красивая! – прошептал он.

Я перехватила его руку и прижалась к ней щекой. Мне было с ним так хорошо, несмотря на весь ужас нашего положения.

– Давай попробуем найти место, где можно посидеть, – предложил Герман, – а там что-нибудь сообразим. Разработаем план действий.

В подвале было почти темно. Я говорю «почти», потому что слабый свет просачивался откуда-то сверху. Мои глаза уже немного привыкли к темноте, и я разглядела гладкие серые стены, деревянные ящики, поставленные один на другой, стол у стены, пару стульев, подальше другой стол с телевизором и DVD-плеером.

Мы одновременно рванули к нему.

– Телевизор, – с недоумением сказала я. – Зачем он здесь?

– Похоже, тут у него была мастерская, – протянул Герман. – Какие-то инструменты, аппарат для выжигания по дереву, станок, верстак. Он что, был мастером по дереву? Изготавливал поделки и сувениры?

– Нет, – с удивлением сказала я. – Мне ничего об этом не известно.

Герман хмыкнул.

– Хорошо же ты знаешь своего жениха.

– Я познакомилась с ним недавно – три месяца назад, – вспыхнула я. – А ты что? Об увлечении своего бывшего одноклассника не знал?

– Пардон! Зачем мы будем спорить, – тихо сказал Герман. – Тем более говорить о... нем.

Мы оба замолчали.

– Я нашел коробки с барахлом, – услышала я через некоторое время. – Какое-то женское тряпье. Кофточки, женское белье. Блин! Что это такое? Бутылки вина... Зачем он хранил их здесь?

Я стояла на месте, ощущая, что постепенно замерзаю.

– Нашел фонарик. – Герман подошел ко мне. Золотое пятно света прыгало по стенам и потолку. Герман посветил рядом с телевизором, и я увидела полку с дисками. – Похоже, он в подвале работал, а потом отдыхал. Не сходя с места. Два в одном флаконе. И рабочий уголок, и комната отдыха.

– Телевизор работает? – спросила я.

Вместо ответа Герман нажал на кнопку включения. Возникло изображение. Шел какой-то сериал.

– Сделай потише, – попросила я.

– Сейчас. – Герман уменьшил звук.

Мы пощелкали по каналам. Просмотрели кусок новостей.

– Интересно, чем Паша развлекался?

Герман включил DVD-плеер и вставил в него диск, который снял с полки.

– Садимся и смотрим кино.

Мы взяли стулья и придвинули их ближе к телику.

На экране возник Паша.

– Кино про себя, любимого, – хмыкнул Герман.

Я смотрела на Пашу и не узнавала его. На экране он был уверенный и развязный, не такой, каким я привыкла видеть его в жизни.

– Привет! – услышала я. – Снимаем кино. Дубль первый. Это я – режиссер фильма, а это – моя модель и актриса.

Камера скользнула вбок и остановилась на девушке, сидевшей на стуле. Ее руки и ноги были плотно к нему привязаны, а во рту торчал кляп. Она была полностью обнажена. Длинные белокурые волосы свисали спереди, закрывая половину лица.

Я инстинктивно прижала руки к горлу, словно удерживая в себе крик.

– Это – Лена. Красивая девушка. – Паша подошел к ней и отвел волосы назад. В глазах его жертвы мелькнуло выражение дикого ужаса. – Лена любит меня, правда? Она поссорилась со своим женихом и приехала сюда. Хотела найти утешение. Правда, моя хорошая? – Он потрепал ее по щеке. Лена дернулась изо всей силы назад, и если бы Паша не удержал стул, то девушка упала бы навзничь на пол.

– С-сука! Б...ь! – Паша изо всей силы ударил ее по лицу, из носа девушки струйкой потекла кровь. Камера скользнула по стенам.

– Это здесь... в подвале... – прошептала я. – Они были тут.

И в ту же минуту я вскочила со стула. Мне пришла в голову мысль, что, возможно, Лена сидела связанной именно на этом стуле.

Герман обхватил меня руками.

– Ну что, попалась? – издевательски прозвучал голос Паши с экрана. – Не рассчитывай на мое снисхождение, крошка! Ты умрешь, как и другие. Все вы, бабы, б...и и шлюхи. Вам бы только ноги раздвигать перед каждым мужиком, как моя мамочка! Вертела перед всеми задом, думала, я ничего не вижу. Ничего... я помог ей сдохнуть. Опустил фен в ванну, когда она там сидела, и все! Тю-тю, маман! Туда ей и дорога!

– Не смотри! – прошептал мне Герман. – Все!

Он схватил пульт и с силой нажал на него. Изображение исчезло. Меня била дрожь.

– Герман... я... я должна была оказаться на ее месте. Он все хорошо продумал. Он хотел сделать мне сюрприз – привезти сюда. Он специально не говорил, как ехать, чтобы я не могла никому об этом сказать. Поэтому он и тебе ничего не сообщил обо мне. Он думал уже разделаться со мной к твоему приезду. Вы бы сидели за рождественским ужином, в то время как я... здесь... в подвале...

– Прекрати! – Герман прижал меня к себе. – Ты со мной рядом... я тебя защищу. Он маньяк, Павел сошел с ума еще в подростковом возрасте. Он убил мать и чокнулся от этого. А потом стал убивать других. Лена – не первая в списке его жертв. Он сам в этом признался.

– Я, я...

– Ты со мной, и точка, – припечатал Герман. – И Паша тебя уже не достанет. Он – мертв.

– Но кто же его убил? – прошептала я, смотря Герману в глаза.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Может, у него был сообщник, и они что-то не поделили.

– Все равно мы отсюда не выберемся, – заплакала я.

– Я что-нибудь придумаю. Обязательно. Только не вешай нос.

– Не повешу, – пообещала я, и мы рассмеялись.

– Кстати, что убийца сейчас делает? – спросила я.

– Лучше об этом не думать. Здесь он нас не достанет.

– Ты уверен? – шепотом спросила я. Мне вдруг стало очень тревожно.

– Уверен.

Звук, который раздался в ту же минуту, словно хотел доказать мне обратное. Наш преследователь с такой силой колотил по крышке подвала, что грохот отдавался болью у меня в голове. Я заткнула уши руками и сжалась в комок. Герман присел на корточки и заглянул мне в лицо. Потом погладил по щеке и что-то сказал. Я отняла руки от ушей и переспросила:

– Что?

– Надо попробовать еще одну возможность. – Он показал вверх. – Оттуда идет свет – значит, есть выход на улицу. Возможно, там заработает сотовый.

Мы прошли вперед и увидели наверху отверстие, сквозь которое сочился свет. Это было что-то наподобие вентиляционного люка. Мы живо соорудили из ящиков постамент, и Герман взобрался на него, балансируя руками. Я стояла внизу и поддерживала ящики.

Через пару минут он обернулся ко мне и поднял вверх большой палец.

– О'кей. Работает.

– И что? – спросила я пересохшими губами.

– Буду звонить в милицию.

Закончив разговаривать с дежурным, Герман воскликнул:

– Скоро сюда приедут! Будем ждать.

От волнения я почувствовала, что силы покидают меня и я вот-вот грохнусь в обморок. Медленно я осела на пол, все расплылось перед моими глазами и превратилось в одно серо-черное пятно.

– Эй, девушка, – крикнул Герман, спрыгивая с ящиков. – Не падайте в обморок. Вы очень мне нужны.

Он подхватил меня на руки и прошептал в ухо:

– Янка! Держись. Ты нужна мне, Янка! Я тебя никуда от себя не отпущу. Никогда и никуда.

Милиция приехала через полчаса. Мы услышали топот ног, а потом голоса.

– Выходите!

Мы вылезли из подвала, и я первым делом спросила:

– Вы его поймали?

Майор – невысокий человек с усталыми глазами – кивнул.

– Да. Не волнуйтесь. Все в порядке. Вам уже ничего не угрожает.

Впоследствии выяснилось, что это был бывший жених Лены, той самой девушки, которую мы видели на экране. Она сказала ему, куда приблизительно едет, когда он позвонил ей, в очередной раз вымаливая прощения после ссоры. Лена решила его подразнить и проболталась о своем маршруте.

Когда она не вернулась, он прочесал все окрестности и спустя четыре месяца напал на Пашин след. Он знал, как выглядит Павел – так как видел его со своей бывшей невестой, – но не знал, где тот живет. Паша обычно знакомился с девушками, у которых на данный момент не было молодых людей. Но здесь он прокололся. И это стало его роковой ошибкой.

Ленин жених решил сам осуществить свою месть, не ставя никого в известность, по принципу «око за око». Он выследил Пашу и нагрянул к нему в коттедж, когда тот занимался приготовлениями ко встрече со мной. Павел, спасая свою шкуру, сказал, что сейчас к нему нагрянут гости: друг и невеста. Маньяк думал, что этой информацией он остановит своего карателя. Но просчитался. Мститель решил, что все мы тут заодно – шайка убийц и извращенцев, и поэтому устроил за нами охоту со стрельбой.

А в бутылках вина, стоявших в подвале, обнаружилось сильное снотворное. Паша не успел поставить их на стол. Ему помешали... Если бы этого не случилось, то дальше все развивалось бы по его хорошо продуманному сценарию. Я бы впала в крепкий сон, а когда проснулась, обнаружила бы себя в подвале... Но думать об этом мне совсем не хочется. И слава богу, что его сценарий не был воплощен в жизнь.

Но теперь это кошмарное Рождество позади...

С тех пор я никому не верю. И если человек очень много улыбается и

смотрит на меня кристально-честными глазами, я сразу вздрагиваю и подозреваю его во всех смертных грехах. А если по телевизору идет какой-нибудь триллер, где один из главных героев – добродушный блондин с застенчивой улыбкой, я говорю, что злодей мне уже известен и фильм можно не смотреть. Герман понимающе смотрит на меня и молчит. А сын начинает шумно возражать. Мое десятилетнее сокровище отчаянно любит спорить и стоит на своем до последнего.

Но обладателю третьей пары изумрудных глаз я могу простить многое. В конце концов, он самый лучший подарок на то страшное, безумное и одновременно прекрасное Рождество, который преподнес мне мой будущий муж. Хотя Герман утверждает, что наша встреча была predetermined свыше. И мы все равно обязательно бы пересеклись. Не в тот раз, так в другой. Я не спорю. Зачем? Мой муж – лучший мужчина на свете, и ради него я могу лишний раз промолчать.

А Рождество мы любим встречать не за городом, а в городской квартире. С искусственной елкой, яркими елочными игрушками, мерцающими гирляндами, уткой, фаршированной яблоками, и элитными винами из лучших погребов Испании и Франции. И конечно, с рождественскими подарками, которые мы за ужином вручаем друг другу.

Анна Данилова

Рождественский ужин

– Послушай, Глаша, мне сейчас следователь позвонил, Мирошкин Сережа. Ты его знаешь. Просит помочь. Но мне так лень, я даже пошевелиться не могу, не то что тащиться куда-то, что-то там расследовать. Я же, между прочим, адвокат... Но я этому следователю должна, понимаешь? В свое время он мне сильно помог... Глаша, ау! Ты спишь, что ли?

Лиза Травина приподнялась на локте, утопая в мягкости огромного серого дивана, и повертела головой. Ее помощница, вторая рука, Глафира Кифер, вместо того чтобы внимать ее словам, сладко посапывала в таком же мягчайшем кресле неподалеку от окна. На столике перед ней стояло блюдо с крошками от кекса и пустая чашка. За окном шел снег. Приближалось Рождество, и Лизин офис, походивший скорее на уютную английскую гостиную с зелеными занавесками и розовым круглым толстым ковром на полу, был завален какими-то коробками, мешками, а еще сильно пахло хвоей от стоявшей в самом углу аккуратной зеленой елочки.

– Глафира! – прикрикнула Лиза на свою помощницу. – Ты же спишь на рабочем месте!

Глафира, белокожая, пухлая молоденькая женщина с рыжеватыми кудельками, в серых вельветовых брюках и тонком вязаном свитере, открыла глаза и некоторое время приходила в себя от послеобеденной дремы.

– Лиза... Послушай, мне приснился сон... Не думаю, что я долго спала, но передо мной промелькнула чья-то длинная и тяжелая жизнь... Какие-то космические бомбежки, огонь...

– Это кто-то к тебе бьется, кто-то тебя очень хочет... В сущности, неплохой сон. Так вот, я говорю... Убийство. Собралась компания за столом – встретить католическое Рождество...

Две очень приличные женщины сорока с небольшим лет и мужчина сидели, ели, пили, разговоры говорили... Так вот, после застолья одна из женщин, хозяйка, выпрыгнула из окна и разбилась... А мужчина скончался от сильного электрического разряда, предположительно электрошокером... Хотя, может, он схватился за мокрые, подключенные к розетке

электрощипцы... Это выясняется. Женщина, которая осталась жива, от полученного шока не может сказать и слова. Молчит.

– Подожди, я не поняла. Хозяйка сама выбросилась из окна или ее все-таки выбросили?

– Знаешь, мне что-то обидно стало за эту несчастную. Выбросили – какое ужасное слово для женщины. Словно она вещь, цветок или тряпка... Или книга... Или ваза... Думаю, что ее все же убили. Собственно говоря, нам это и предстоит выяснить. Не исключено, что в квартире находился кто-то еще...

– А при чем здесь ты, Лиза?

– Повторяю для сонь: знакомый следователь попросил помочь выяснить, кто кого убил.

– И что он тебе за это даст? Три рубля? Бутылку водки? Пачку «Мальборо»?

– Ничего. Просто в следующий раз, когда мне потребуется его помощь, я тоже попрошу его внедриться в мое дело... Ладно, Глафира, вставай, труба зовет!

– Что, прямо сейчас?

– Сначала съездим, посмотрим на тела... Послушаем, что скажет эксперт. Вставай-вставай... Умойся, а то, глядя на тебя, спать хочется.

Лиза, тоненькая, гибкая, с небрежно уложенной на затылке русой косой, в черных брюках и сером гольфе, закурила.

– А что с этим всем будем делать? Мы закупили елочных украшений – тонну! А елка – карликовая какая-то... Все не поместится... Зато пахнет – просто прелесть! А что у нас там, в большой коробке? Что-то я подзабыла...

– Сервиз! – торжественно произнесла Глафира и, открыв коробку, извлекла оттуда красивую, в розочках, с золотым ободком, тарелочку.

– И тебе не надоело еще покупать посуду?

– Нет.

– Ты нашла уборщицу?

– Нет.

– Почему?

– Не хочу, чтобы здесь крутилась какая-нибудь тетка в резиновых перчатках и размахивала шваброй... У нас такой прекрасный пол, такой ковер... Будет еще совать свой нос куда не следует... Я сама стану все убирать, обещаю.

– Ну и правильно... Так что, едем?

Глафира, двигаясь проворно и даже стремительно, несмотря на свою

комплекцию, собрала грязную посуду со столика, вернулась из кухни и, окинув довольным взглядом предпраздничный беспорядок, бросилась надевать шубу.

– Скажи, Герман, ее били перед смертью? И когда наступила смерть: до того, как ее выбросили из окна, или после? И главное: может, она все-таки сама...

Судмедэксперт, голубоглазый брюнет Гера Туров, склонившись над лежащей на столе мертвой женщиной с разбитым лицом и спутанными волосами, вздохнул:

– Нет, ее никто не бил. Смерть наступила в момент удара о землю... Травмы, не совместимые с жизнью. Девятый этаж все-таки.

– Так, может, это она сама? – повторила свой вопрос Лиза.

– Думаю, это невозможно определить. Разве что...

– Я понимаю, – быстро отреагировала Лиза, – ты имеешь в виду, следует выяснить, кому принадлежат отпечатки пальцев, оставленные на окне, подоконнике... В декабре вряд ли окно в кухне держат открытым. А это значит, что его открыл тот, кто хотел, чтобы Вера Береговая оказалась на асфальте... Это могла быть сама Вера или же кто-то из той пары... Но у Владимира Александровича Бронникова... – Лиза повернулась и устремила свой взгляд на другой стол, на котором лежало посиневшее тело мужчины, – мы спросить уже не сможем. Его самого, похоже, убили. Так?

– Это не электрошокер, как предположил вначале Сережа, – сказал Герман, – похоже на щипцы для завивки... Они были включены сеть в тот момент, когда Бронников схватился за них. У него на пальцах – вот видите? – следы ожогов...

– Но я тоже иногда жгу пальцы своими щипцами... – возразила Лиза. – Но меня же не убивает током...

– Щипцы, судя по всему, были с открытым проводом, да еще и по соседству с водой... Я пытался представить себе картину. На дне ванны немного воды, там лежат включенные щипцы... Бронников входит в ванную, видит эти щипцы, берет их...

– Ловушка?

– Скорее всего да.

– Интересно послушать, что скажет по этому поводу... – Лиза достала блокнот, куда вписала полчаса тому назад имена и фамилии фигурантов этого дела, продиктованные ей по телефону следователем Сергеем Мирошкиным, – Лидия Юдина. Сережа сказал, что у нее шок, что она ничего не говорит... А это может означать, что либо она причастна к

смерти одного из этих товарищей, – Лиза махнула рукой в сторону трупов, – либо она видела, кто помог выброситься из окна хозяйке дома и убил ее, Лидии, спутника... Вернее, ее мужа! Они недавно поженились. Это выяснили не сразу, поскольку при себе Лидия имела новый паспорт, в котором еще не проставлен штамп о регистрации брака, и фамилию она себе после вступления в этот брак оставила прежнюю. Возможно, девичью или же ту, что осталась от предыдущего мужа... Вот. Зато в паспорте Бронникова имеется информация, что брак заключен месяц тому назад в Москве.

– Значит, эта супружеская пара прибыла к нам, в Саратов, чтобы погостить вот у этой Веры, встретить, я думаю, Рождество, а потом, может, и Новый год... – подытожила Глафира. – И надо же – какой финал! Кстати, Герман, а что скажешь об алкоголе?

– Они выпили совсем немного. Мужчина принимал водку и хорошо закусывал. Женщина – мартини и шампанское и почти ничего не ела.

– Мы сейчас поедem к Сереже, возьмем ключи от квартиры, где все это произошло, и постараемcя, несмотря на то что там уже побывали эксперты, найти что-нибудь ценное...

Хозяйка квартиры, где случилась трагедия, видно, тщательно готовилась к приему гостей. Пока Глафира занималась кухней и гостиной, Лиза прошла в спальню, увидела на краешке кровати стопку нового постельного белья, приготовленного явно для того, чтобы постелить гостям. Вероятно, сама хозяйка планировала провести ночь в гостиной на диване, поскольку на гладильной доске лежали еще одна стопка белья и одеяло. Но все это были лишь предположения. И подтвердить или опровергнуть эту версию могла единственная оставшаяся в живых свидетельница – Лидия Юдина.

Лиза позвонила Мирошкину.

– Сережа, ну, что там с твоей подопечной? По-прежнему молчит? Как на нее действует камера предварительного заключения? Может, ее лучше вернуть домой, вернее, сюда, где все это произошло, чтобы освежить ей память? Или ты думаешь, что это гестаповский метод?

– Да я и сам об этом подумываю. В сущности, нам ей нечего предъявить, кроме наших предположений насчет ее причастности хотя бы к одному убийству.

– Но ты пойми, мы должны выяснить, зачем они приехали к Береговой. Какие отношения существовали между этой супружеской парой и хозяйкой? Как они познакомились? Может, они вообще родственники?

Возможно, Лидия приревновала своего нового мужа к хозяйке и убила его, а потом, открыв окно, например, сославшись на духоту, каким-то образом подвела к нему Веру и помогла ей выпасть... Вариантов, как ты понимаешь, масса!

– Да знаю я! – в сердцах воскликнул Мирошкин. – Но она молчит.

– Думаю, не следует мучить женщину, надо определить ее в больницу. Пусть с ней поработает психиатр...

– Уже... Скоро за ней приедут. Просто я боялся тебе сказать об этом... Знаю, как ты хочешь с ней побеседовать. Собственно говоря, если бы не ее молчание, я бы, может, к тебе и не обратился. Я же знаю, что у тебя полно работы, что ты – нарасхват... Как там Глафира?

– Она сейчас на кухне, пытается понять, что произошло в день убийства. Что гости ели-пили... Ладно, Сережа, до связи. Ой, чуть не забыла! Мне нужны распечатки звонков сотовых телефонов фигурантов!

– Я пришлю тебе.

Глафира же на кухне изучала содержимое сковородок, кастрюль. Лиза нашла ее в тот момент, когда она открывала духовку.

– Смотри – запеченная свинина. Огромный кусман! Правда, его уже частично употребили.

– Так что скажешь, Графира? Чем потчевала своих гостей хозяйка? Как ты понимаешь, будем действовать вслепую, основываясь лишь на том, что нам известно. А известно нам совсем мало...

– Да я все понимаю. Ну что ж. Вера готовилась к приезду своих гостей основательно... Это я тебе как женщина говорю. Помимо этой свинины – три пирога, пять салатов, противень с жареной курицей, тушеная капуста с грибами, два торта, грибочки разные, селедочка... Все это киснет-протухает на столе в гостиной... Видела?

– Нет, я была в спальне. Что ж, получается, что эти две смерти произошли прямо посреди застолья. Пойдем-ка в гостиную... Посмотрим все своими глазами.

В красиво обставленной гостиной стоял овальный стол, накрытый белой скатертью, на ней невероятное количество еды. И три прибора.

– Вот, Глаша, видишь, их было трое. Это – главное. Потому что если бы пришел кто-то еще, то хозяйка, Вера, непременно поставила бы еще одну тарелку.

– Логично.

– Вот тут – следы губной помады. Бледно-розовой...

Через несколько минут помада именно такого, бледно-розового оттенка была обнаружена и в сумочке потерпевшей, и на туалетном столике. Тон в тон.

– Вот и смотри. Розовая помада. Бокал с остатками... – Лиза поднесла к носу, – мартины. И Герман сказал, что покойница перед смертью выпила немного мартины... Вот еще хрустальный фужер, здесь было, вероятно, шампанское. Выпили друзья за встречу шампанское, потом пошли тосты уже с другими напитками. Ты обрати внимание, что тарелка перед Верой пустая. То есть она очень мало ела.

– У нее не было аппетита, – сделала вывод Глаша. – Поехали дальше. Вот эта тарелка явно принадлежала убитому Владимиру.

– Настроение у него было, судя по его тарелке, отличное... Он, кажется, все перепробовал. Курицу ел, рыбу, мясо... Пил... – Лиза понюхала рюмку. – Думаю, это водка.

– Его жена тоже пила водку. Но ела умеренно, хотя гораздо больше хозяйки... И помада у нее очень яркая, оранжевая. К тому же она курит, видишь, окурки тонких дорогих дамских сигарет? И на них – все та же оранжевая жирная помада...

– Постой... Окурки... Но в кухне на столе я тоже видела пепельницу, полную окурков.

– Помада розовая?

– Кажется, да.

– А что, если эти две женщины, объединив усилия, в смысле, запланировав убийство, сначала убили Владимира, а потом уже Лидия помогла выпрыгнуть из окна Вере? Или наоборот, осознав, что она совершила, Вера сама выбросилась из окна...

– Или одна из женщин убила Владимира (причин может быть множество, начиная с ревности и кончая тривиальным денежным долгом), а потом убила другую, то есть кто-то из женщин действовал в одиночку... Да, жаль, что Лидия молчит.

– А может, она симулирует?

– Кто знает... Она вообще может сойти с ума, если, к примеру, у нее нервы не в порядке и она увидела, как на ее глазах погиб кто-то из близких ей людей. Это мог быть как Владимир, так и Вера.

– Лиза, мы же абсолютно ничего о них не знаем!

– Эх, Глафира, это-то и интересно! Давай попытаемся выяснить, кто они такие.

– С чего начнем? С одежды? Обuvi?

– У них с собой была дорожная сумка, я ее заметила в спальне, за кроватью. Вероятно, как только они прибыли, Вера, хозяйка, пригласив их в спальню, предложила располагаться, поставить сумку туда-то, вещи, быть может, повесить в шкафу...

– Это если они достаточно близкие люди, родственники, к примеру...

– А если не близкие, то зачем вообще приехали с ночевкой? И, главное, что за праздник такой, повод для встречи?

– Так Рождество! Однако вопросов, как всегда, больше, чем ответов. И так. Вещи. Принимайся, Глаша, за работу. Только сначала давай наденем перчатки...

Глафира со знанием дела открыла дорожную сумку и выложила на кровать содержимое. Красное платье, красные туфли. Вызывающее дешевое белье. Новая семья со средним достатком. Вещи Владимира – добротные, но какие-то скучные. Костюм, пуловер, две рубашки – одна белая, другая голубая. Не новые, но хорошо постиранные. Носки – новые. Бритвенные принадлежности – все новое, дорогое.

На дне сумки Лиза обнаружила конверт с деньгами – десять тысяч долларов.

– Мне почему-то думается, что эта парочка приехала сюда вроде как в свадебное путешествие, они же только что поженились...

– Месяц тому назад.

– Свадебное путешествие москвичи (предположим) решили провести в нашем провинциальном (пусть и горячо мною любимом) Саратове? На квартире Веры Береговой? Но почему? С такими деньгами они могли бы поехать куда-нибудь на острова, в теплые страны...

– Понятия не имею... Может, это и не свадебное путешествие... Может, у этой пары были какие-то дела у нас? Да уж, работать вслепую, не зная, кто эти люди и, главное, что их связывало, – не тратим ли мы время впустую?

– А мне интересно... Понимаешь, Глафира, мы должны найти в этой квартире нечто такое, что поможет нам понять, что же произошло в этих стенах... Не знаю... Но чувствую. Какую-то мелочь. Деталь, на которую не обратили внимания эксперты.

Глафиру так и подмывало сказать, что, мол, фантазии у тебя не занимать, но она промолчала, зная, как часто Лизу выручала именно интуиция. В сущности, это качество, развитое непомерно, и позволяло Лизе в ее сложной работе добиваться фантастических результатов. Ведь мало того, что она была прекрасным, толковым адвокатом, так еще и сама

нередко участвовала в адвокатских расследованиях и выручала самых, казалось бы, безнадежных (обреченных) клиентов.

Но вот что можно было найти в квартире, если убийства – бескровные, нет тебе ни пули, ни пистолета, ни ножа, ни стрелы с арбалетом... Электроприбор, предположительно – щипцы для завивки, которым был убит господин Бронников? Где он? Понятное дело, что убийца от него избавился.

Как проник этот убийца в квартиру? Следов взлома не обнаружено – это факт. Значит, Вера открыла дверь сама,пустила его, ничего не подозревая... Это может быть кто-то из окружения...

– Вот смотри, Глаша. Сидит эта троица за столом, так? Звонок в дверь. Кто-то пришел. Хозяйка пошла открывать. Пришел убийца. Если человек посторонний и малознакомый или, что тоже может быть, с которым она находилась в приятельских отношениях, но не в такой степени, чтобы приглашать за стол, то, поговорив с ним, она бы не стала впускать его в дом. Логично?

– Предположим.

– Но убийца-то был в доме! А не остался стоять на пороге. Он вошел. То есть онапустила его. Спрашивается: почему же она не пригласила его сесть за стол, не угостила его, тем более что еды было на большую компанию?

– Разные бывают ситуации...

– То есть этот человек не относится к числу ее друзей или близких знакомых, родственников.

– Получается, что так.

– Но тогда что делал этот посторонний в ее доме? С какой озвученной целью он к ней пришел?

– Вариантов, как всегда, много.

Спустя еще какое-то время, после тщательного осмотра квартиры, вещей и документов хозяйки, они выяснили, что она – заведующая детским садом. В ее шкафах и письменном столе было найдено огромное количество альбомов с фотографиями детей – выпускников детского сада. Сама же Вера Васильевна Береговая на всех снимках производила впечатление очень милой, душевной и весьма привлекательной женщины с печальными, задумчивыми глазами. Несмотря на ее должность, наряды у нее были лишены строгости, но полны изящества, женственности, это были нежные кружевные блузки, облегающие, романтического покроя платья, костюмы мягких теплых тонов.

– Знаешь, у нее такое лицо... – проговорила Лиза, рассматривая очередной снимок, – что вполне допускаешь версию самоубийства... В ее взгляде чувствуется какой-то надлом, трагизм и отчаяние... По-моему, она была страшно одинока. И еще – ни следа присутствия в ее жизни мужчины. Ни фотографий, ни писем, ни каких-то выцветших записочек, дорогих сердцу, ты понимаешь меня, Глаша?

– Она жила одна, ни с кем не встречалась, как мне кажется, и полностью отдавала себя чужим детям... Ведь собственных-то у нее, как я поняла, не было. Ни одной фотографии, где она была бы с ребенком. По сути, детский сад и был ее семьей.

– Очень аккуратная женщина, – констатировала Лиза, перебирая в руках цветные снимки, благодарственные грамоты, поздравительные открытки, памятные награды. – У нее каждая вещь знала свое место. Но все равно, меня не покидает ощущение, словно этот видимый порядок, это стремление все разложить по полочкам – не что иное, как желание компенсировать то психическое брожение и беспорядок в душе, тот ворох сложных проблем, какой бывает в жизни одинокого человека. Признаюсь тебе, что чем больше я провожу времени в этой опустевшей квартире, тем больше мне нравится эта женщина – Вера Береговая. Думаю, она была бы просто образцовой женой...

– Смотри! – воскликнула Глафира, доставая из сумочки дешевой кожи (белой, с красным кантом) бархатный темно-синий футляр. – Колье и сережки... Да какое все красивое!!! Золото, изумруды, бриллианты...

– Думаю, ты понимаешь, чья эта сумка?..

– Конечно! Разве Вера стала бы покупать себе такую яркую безвкусицу! Я сразу поняла, что эта сумка принадлежит ее гостье – Лидии. Вот только хотелось бы узнать: ей ли принадлежат эти украшения? А что, если она их украла, а потом столкнула Веру с подоконника?

– Да, а затем, чтобы ей уж никто не мешал в этой жизни, покончила со своим мужем? – усмехнулась Лиза, но сумку и содержимое внимательно рассмотрела. Четыре дешевые яркие помады, флакон туалетной воды, пудреница с потертыми золочеными краями, грязный носовой платок, пакетик с искусственными ногтями и бутылочкой с клеем, плитка шоколада, кошелек с пятнадцатью тысячами рублей с мелочью, порванная серебряная цепочка...

– Такая сумка и... изумруды... Господи, ну почему она молчит? – воскликнула Глафира. – Я задала бы ей тысячу вопросов! Откуда у нее эти украшения? Кто приходил в квартиру, когда они сидели за столом? Кем они друг другу приходятся – родственники ли, друзья-знакомые? О чем они

говорили за столом?

– Ладно... Поставим сумку на место. А я все удивляюсь, как же это эксперты не взяли эту коробку на экспертизу? И что они вообще здесь делали?

– Искали улики, – пожала плечами Глафира.

В кладовке обнаружился еще один холодильник, в котором Глаша нашла торт. Бисквитный торт с кремовыми розочками, высокий, пышный, явно домашнего производства. В форме сердца. И целый. От него не отрезали еще ни одного кусочка.

Лиза заглянула через плечо Глафиры и присвистнула:

– Мечта, да? Ты же больше всего на свете любишь такие...

– Знаешь, Лиза, у меня такое чувство, будто бы мы без разрешения вторглись на чужую территорию...

– Так оно и есть.

– Вот только теперь, когда эти люди погибли, какая им разница, найдем мы убийцу или нет? Они же все равно не воскреснут... Смотри, хозяйка погибла, а все осталось... Кто все это уберет? Кто приведет квартиру в порядок? Кто похоронит Веру Береговую?

– Наследники, – неуверенным голосом произнесла Лиза, не отрывая взгляда от торта. – Должны же у нее быть какие-то наследники. Вполне вероятно, что это именно они и причастны к убийствам и то, что в квартире оказались гости, им на руку – теперь пусть следователь ломает голову...

– Нет, Лиза, позволь с тобой не согласиться. Если убийца убил Веру и Владимира, можно сказать, на глазах Лидии, то почему он оставил в живых ее, ведь она – главный свидетель! Он не мог предположить, что она после пережитого не сможет говорить...

– Она может и симулировать... А еще, как мы с тобой предполагали раньше, это она сама могла убить эту парочку... Кроме того, она может одновременно являться наследницей! Какая-нибудь двоюродная сестра! Причем единственная родственница вообще!

– Странное расследование у нас с тобой получается, – пожала плечами обескураженная Глафира. – Мы словно не убийства расследуем, а разгадываем ребус. Просто так, для тренировки мозгов.

– Так оно и есть. Глафира, тебя ничего не напрягает в этом торте? Ты не замечаешь ничего особенного?

– Если бы я пекла торт, то никогда бы не стала возиться с такой трудной формой...

– Вот! – вскричала Лиза. – Наконец-то! Форма сердца! А теперь

припомни, есть ли в шкафах на кухне сама форма?

Они бросились на кухню. Формы для выпечки аккуратной стопкой высились в большом кухонном шкафу рядом со сковородками и сотейниками. Но формы в виде сердца они не нашли нигде. Перерыли кладовку, заглянули даже на лоджию, антресоли – нет.

– Возможно, она брала эту форму у соседей, – предположила Глафира.

– Представляешь, у нее столько кухонной утвари, а уж форм для выпечки – штук десять...

– Одиннадцать, – уточнила Глаша.

– Тем более! А она идет к соседке за двенадцатой, в форме сердца. Зачем? Тем более что у Веры Береговой и без торта хватало работы. Я вообще не представляю, как она умудрилась столько всего приготовить!

– А может, эти двое собирались подарить ей это кольцо, которое мы обнаружили в сумке Лидии, ну, к примеру, за какую-то услугу... Мало ли... Вот потому-то, зная, что Бронников со своей новоиспеченной женой собираются отблагодарить ее, Вера, в свою очередь, и решила так расстараться, угостить своих гостей на славу...

– Вот! Отблагодарить... Колье? Снова колье. Дорогое, новое и явно кому-то предназначалось, или же Лидия просто взяла с собой подарок мужа, чтобы блеснуть им на празднике. Надевала она его или нет – ответ знает только она. Знаешь, когда думаю о колье, в голове вертится что-то, что никак не могу схватить, поймать... Какая-то ниточка, деталь...

Лиза решительно направилась в комнату, где на столе были разложены документы покойной хозяйки. И стала снова рыться в бумагах.

– Ну вот, конечно! Смотри! Чек! Магазин «Фантазия-Кристалл». Если бы просто «фантазия», а так – «Фантазия-Кристалл», думаю, это чек на ювелирное изделие стоимостью...

Глаша тотчас позвонила в справочную и уже через несколько минут знала номер телефона магазина.

– Здравствуйте... Не так давно одна моя подруга купила в вашем магазине кольцо стоимостью пятьдесят пять тысяч рублей... Знаете, там изумруды, бриллианты... Все это в форме снежинок... Если я отправлю к вам своего мужа, вы не могли бы показать ему такое кольцо? Если ему понравится, то он купит его мне...

Глаша слушала ответ, раскрыв рот. После чего, поблагодарив, отключила телефон.

– Знаешь, мне ответили, что кольцо стоимостью пятьдесят пять тысяч рублей – это не снежинки, а растительный узор, напоминающий скорее

лилии... И что оно намного лучше каких-то там снежинок, что пусть мой муж приходит к ним и они покажут ему еще восемь подобных коле и что стоят они от тридцати до шестидесяти тысяч...

– Вот! Что и требовалось доказать! – Лиза метнулась в другую комнату, открыла сумку Лидии Юдиной, и они с Глафирой принялись изучать рисунок золотых завитков, усыпанных изумрудами и бриллиантами. – Ты молодец, Глафира! Вот только теперь наша задача усложнилась. Пока наша единственная свидетельница молчит, как понять: подарила ли Вера Береговая ей это колье или же Лидия попросту украла его?

- Может, и украла, а теперь притворяется, что не может говорить...
- Да уж, вопросы, вопросы... Навестим соседку?

Соседка, миловидная женщина, хрупкая, с заплаканными глазами, встретила их так, как если бы давно ждала подобного визита.

– Да-да, проходите, пожалуйста. Я знала, что рано или поздно придет кто-нибудь из милиции или прокуратуры... Ведь какие страшные убийства!!! Вернее, я не то хотела сказать... Погибла Верочка и этот... ее гость. Да вы проходите, проходите... Я сейчас кофе приготовлю... Понимаю, что у вас тяжелая работа, что приходится опрашивать свидетелей... Я помогу вам всем, чем смогу. Ведь мы с Верой были подругами. Я очень хорошо ее знала. Понимаете? Очень. Меня зовут Татьяна. Татьяна Аникеева. Я знала Верочку много лет, с тех пор как она поселилась здесь.

– Скажите, Татьяна, как вы узнали о том, что произошло в этой квартире?

– Соседи рассказали. Я вернулась с работы, и мне сказали... Квартира была уже опечатана... А мне до сих пор не верится, что там никого нет... Такое ощущение, словно Вера еще там... Много лет жили рядом, дружили, делились всем...

- Кто обнаружил трупы?
- Это вы меня спрашиваете? – искренне удивилась соседка.

– Дело в том, что я – не следователь, а адвокат. Елизавета Сергеевна Травина, а это моя помощница, Глафира Германовна Кифер. Следствие ведет Сергей Михайлович Мирошкин. В убийстве подозревают свидетельницу, единственную оставшуюся в живых женщину – Лидию Юдину. После перенесенного шока она чувствует себя очень плохо, вероятно, ей понадобится даже медицинская помощь... И, главное, она молчит. Думаю, что все то, что произошло позавчера в квартире вашей

соседки, она видела своими глазами, но, повторяю, женщина молчит... Поэтому нам приходится добывать информацию самим... Татьяна, расскажите, пожалуйста, что вы знаете о гостях Веры Береговой.

– Хорошо, расскажу. Правда, это был единственный, пожалуй, случай, когда Верочка мне ничего толком не объяснила. Я знала ее много лет, она работала заведующей детским садом, и, казалось бы, ее устраивали и ее работа, и положение... Она была, что называется, на своем месте. И вдруг она говорит мне, что собирается в Москву. Неожиданно. Вроде бы у нее открываются там какие-то перспективы... Что у нее там есть друзья, которые хотят, чтобы она переехала туда, они ей вроде бы и место подыскали... Представляете, как я удивилась?! Возможно, будь мы с ней не так близки, я отнеслась бы к этому нормально, вот, решила одинокая женщина сменить обстановку, переехать в столицу... Кто знает, может, встретит там свою судьбу, выйдет замуж, родит детей... Правда, ей было за сорок, но женщина она здоровая, могла бы родить... Но мы же были с ней подругами! – Лицо соседки порозовело, видно было, как она волнуется. – Как же так, вдруг взять и уехать?! Ни с того ни с сего. Если бы у нее появился мужчина, друг, воздыхатель, я не знаю, тогда я все поняла бы. А так – какие-то сомнительные друзья...

– Вот и я о том же. Что это за люди? – оживилась Лиза. – Не может быть, чтобы она вам о них ничего не рассказывала.

– Сказала, что знакома с Лидией еще с юности, что та весьма удачно вышла замуж, что муж – прекрасный человек, очень добрый, и что это он подыскал Вере работу в Москве, и что нечего ей гнить в провинции...

– А жилье? Она что, собиралась продавать эту квартиру?

– И этого я тоже не знаю... Ведь у нее прекрасная квартира, там все устроено, она же недавно делала ремонт... Нет, я ничего не понимаю! И откуда они взялись на ее бедную голову?!

– Хорошо. Давайте успокоимся и во всем разберемся. Итак. Вера сообщила вам, что ждет гостей, так?

– Да, конечно. Я даже помогала ей готовить кое-что...

– Кстати, а что именно?

– Я пекла торт. Вообще-то я не мастер, но один из своих фирменных рецептов я освоила настолько, что смогла бы приготовить даже с закрытыми глазами. Знаете, бывают такие беспроигрышные рецепты. Вот и на этот раз необходимо было приготовить что-то такое, чтобы все пропеклось, чтобы не стыдно было... Она так и сказала, пожалуйста, Таня, твой фирменный, в форме сердца.

– Вы не могли не спросить ее, кто приезжает, на сколько дней, что

этим людям нужно здесь...

– Разумеется. Я спросила, но она отвечала как-то странно, всем своим видом словно демонстрируя нежелание делиться со мной.

– Вы обиделись?

– В какой-то степени – да. Но, с другой стороны, я же понимала, что она – женщина одинокая, что не может вот так и дальше жить, что ей, вероятно, нужна какая-то встряска... Нет, о продаже квартиры она, кажется, ничего не говорила. Вполне возможно, что первое время она бы пожила в Москве у своих друзей, а потом уже сориентировалась бы. Я даже предполагаю, что они подыскали ей жениха. И даже больше скажу: думаю, что Вера ждала, что они приедут с «женихом», понимаете? Поэтому так расстаралась. Вы правы, я обижалась на нее, мне было непонятно, почему она не может мне всего рассказать... Но и ссориться с ней, когда она в таком состоянии... знаете...

– А в каком она была состоянии?

– В возбужденном. Еще была какая-то задумчивая. Словом, у нее внутри что-то происходило.

– Хорошо. Вернемся к тем дням, когда она готовилась к приезду гостей. Ну не может такого быть, чтобы она совсем вам ничего не говорила.

– В основном все разговоры сводились к тому, чтобы как следует встретить их. Она заранее приготовила им свою спальню, купила новое постельное белье, хотя у нее и без того было пять новых комплектов. Но они показались ей не такими красивыми, как те, что она купила неделю тому назад... Итальянское белье, с кружевами...

– Хорошо. Что дальше? – перебила ее Лиза.

– Она покупала продукты, мы с ней вместе составляли меню. Потом готовили. Еще ей было не все равно, конечно, как выглядеть. Она выбросила старую косметику, купила новую – тушь, пудру, помаду. Разорилась и купила хорошие духи. Она же собиралась в Москву, а потому должна была выглядеть соответственно. Так она, во всяком случае, говорила.

– Продолжайте.

– Не знаю, что еще...

– Мы нашли у нее чек на пятьдесят пять тысяч рублей.

Соседка залилась краской.

– Вы и это нашли... Да, она купила себе кольцо. Очень дорогое.

– Она купила его для себя?

– А для кого же еще?!

– Дело в том, что мы обнаружили его в сумочке Лидии Юдиной... –

ответила Глафира.

– Вот сучка! – не выдержала Татьяна. – И когда успела прибрать? Наверное, когда Верочки уже не было в живых... Говорите, что она молчит? Да симулянтка она после этого, вот кто! Значит, как воровать чужое, так у нее голова соображает, а как отвечать на вопросы – так в шоке, видите ли!

– Скажите, Татьяна, вы видели Веру в день ее смерти? Видели ее гостей?

– Только мельком, когда приносила торт.

– Что они делали в тот момент, когда вы вошли в квартиру?

– Ничего особенного. Сидели за столом. Это было часа в три.

– А как выглядела Вера?

– Ой, она была такая нарядная, красивая, от нее так хорошо пахло. Она прямо-таки вся светилась... Я понимала, что она хотела меня пригласить к столу, но не решалась, поскольку у них же была своя компания... Но я не в претензии. Я радовалась тому, что у нее хорошее настроение, что у нее взгляд... знаете, как у человека, перед которым открываются какие-то неизведанные дали... Словом, у нее был блаженно-мечтательный вид. Она словно куда-то летела, никого вокруг не замечая...

– Стало быть, это не могло быть самоубийство, – вздохнула Лиза. – Как вы думаете?

– Самоубийство? Ну уж нет. Я с самого начала сказала вам, что это убийство... Верочку убили. Это точно. Знаете, что я даже подумала? А может, эти люди – ее дальние родственники, единственные, так сказать, наследники? Ведь Верочка была совсем одна. Никого из родни я ни разу не видела и не слышала, чтобы она о них упоминала. Может, она и сама ничего об этом не знала... Они ей навешали лапши на уши, а она и поверила, что ее ждут в Москве с распростертыми объятьями... Ох... – И Татьяна вдруг горько заплакала. Даже подвывать начала. Глафира принялась ее успокаивать. – Вот ведь как жизнь у женщины сложилась, вернее, никак не сложилась. Всю жизнь одна. Ни одного приличного мужика охомутать не смогла. Такая благородная, скромная, добрая... Я ей сколько раз говорила – нельзя быть такой! Надо и себя немножко любить. Но она... Она меня никогда не слушала. Жила по своим каким-то законам, своей внутренней жизнью, куда никого не пускала. Однолюбка она была страшная...

– Она ведь была интересной женщиной, – заметила Лиза. – Неужели никто из мужчин не проявлял к ней внимания? Никогда не поверю.

– И правильно сделаете! У нее потенциальных женихов было – полно.

И из военных, и из богатых вдовцов, даже молодые сватались. Но она всем давала от ворот поворот.

– Но почему?!

– Характер такой, – уклончиво ответила Татьяна.

– Знаете, Таня, вы мне рассказываете совершенно непонятные вещи. Ваша подружка-соседка, Вера Береговая, была молодая еще, интересная женщина, сидела дома одна, ни с кем практически из мужчин не встречалась – и вдруг ни с того ни с сего пригласила к себе неизвестных вам людей, из Москвы, которые собирались переманить ее в столицу, устроить на работу. Но зачем им все это нужно? Может, они мошенники какие?

– Да нет... не мошенники. Это для нас с вами мошенники, а для нее – близкие люди... – Татьяна метнула на Лизу и Глафиру настороженный взгляд и побледнела.

– Хорошо. Тогда ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос. Кто, на ваш взгляд, мог желать смерти Веры?

– Никто, – уверенно ответила Татьяна. – Она была прекраснейшим человеком, и у нее не было врагов. Совершенно.

– Может, в детском саду, где она работала, произошло что-нибудь из ряда вон... К примеру, ребенок умер... выпал из окна... утонул...

– Что вы, что вы?! Типун вам на язык! Господи прости, – замахала руками соседка. – Ничего такого не было. И у нее никогда ни с кем из родителей не было конфликтов.

– Но она же умерла! Как вы думаете, способна ли женщина, у которой впереди открывались новые перспективы, у которой все было вроде бы благополучно, ни с того ни с сего распахнуть окно и выброситься из него? Расстаться с жизнью? Могла она такое совершить?

– Нет, не могла. Она на самом деле собиралась в Москву...

– А может, Лидия не хотела, чтобы Вера переезжала в Москву? Может, это Владимир хотел...

– Нет-нет, это исключено. Они оба хотели, Вера мне сама об этом говорила.

– Вы знаете, как погиб Бронников?

– Вроде бы его током ударило.

– Какое совпадение, не правда ли? Одновременно погибает Бронников и Вера. А Лидия остается жива и молчит...

– Вы сами знаете, как вести следствие... Должно же быть орудие преступления... Отпечатки пальцев. Может, Лидия и убила его... Господи, что я такое говорю? Они же только что поженились! Знаете, у меня просто

голова кругом идет. Я ничего уже не понимаю...

– Ну, ничего... Правильно вы говорите, следствие во всем разберется. К тому же вы вот сказали об орудии преступления... Кое-какую улику убийца все же оставил на месте преступления...

– Да? И какую же?

– Тайна следствия... Не могу сказать. Мне жаль, что вашей подруги нет в живых, думаю, она была хорошим человеком...

– Вы ее просто не знали... Думаю, что на похоронах будет немало народу...

– А кто организывает похороны?

– Я, конечно! Кто же еще?! У нее здесь больше никого нет. Да и вообще никого нет.

– Подождите. Давайте еще раз уточним. Получается, что у Веры не было наследников? И про завещание тоже ничего не знаете?

– Знаю. – Татьяна взглянула на Лизу жестким, немигающим взглядом, затем, гордо вскинув голову, произнесла: – Про завещание я знаю все. Его просто нет. Она не оставила завещания. И не собиралась умирать. Она была слишком молода.

– Хорошо, Татьяна, спасибо вам за информацию. У вас не найдется немного холодной воды? Что-то в горле запершило...

Татьяна вышла из комнаты. У Лизы зазвонил телефон. Глафира вся обратилась в слух.

– Да, Сережа... Что, нашел отпечатки пальцев? Отлично. И кому же они принадлежат?

Вернулась спустя несколько секунд Татьяна со стаканом воды. Лиза поблагодарила взглядом. Взяла стакан, сделала несколько глотков.

– Чьи, говоришь, отпечатки? Да? Понятно... В сущности, это вполне объяснимо, они же живут на одной площадке... Она к ней постоянно заходила, да и вообще, они дружили! – Лиза бросала на застывшую Татьяну дружеские, почти нежные взгляды, как бы ободряя ее. – Она и торт ей испекла... Да, в форме сердца, между прочим. Я сразу поняла, что это сделал кто-то из подруг, потому что в квартире потерпевшей мы с Глашей не нашли нужную форму. Что еще интересного? А... Все-таки щипцы... Неужели нашли? И что, на них... Чьи отпечатки? Нет, этого не может быть... Хотя она же могла взять на время, подруги так делают иногда... Поэтому, Сережа, это еще ни о чем не говорит...

Татьяна стояла и смотрела на Лизу широко раскрытыми глазами.

Потом голова ее как-то дернулась, брови нахмурились, и она замотала головой, словно что-то отрицая. Взгляд ее остановился на одной точке. Казалось, она сейчас мысленно находится далеко.

Не дожидаясь конца разговора Лизы, она метнулась в ванную комнату (Глафира последовала за нею) и заперлась там. Глафира вернулась к Лизе. Взгляды их встретились, они поняли друг друга без слов.

Татьяна появилась минуты через три, лицо ее выражало спокойствие. Словно она только что убедилась в своей правоте и ее сомнения были развеяны. Лиза между тем продолжала разговаривать со своим собеседником, отвернувшись к окну, будто таким образом могла хотя бы частично утаить разговор.

– ...Что известно о завещании? Ах, вот, значит, как... Что? Да нет, просто ее соседка сказала, что никакого завещания не было, а оно на самом деле, оказывается, есть... В сущности, завещание – это личное дело каждого, и она могла ей ничего не рассказывать... Хорошо, тогда займитесь еще раз отпечатками пальцев, поскольку это – верные улики... Все, Сережа, до связи...

И, обращаясь к Татьяне, спросила:

– Скажите, у Веры были электрические щипцы для завивки?

– Нет, не было.

– Но на фотографиях у нее прическа... кудри... Это ее естественные кудри?

– Нет, врать не стану, она завивала волосы, но у нее были термобигуди... Как и у меня, – произнесла она и густо покраснела.

– Татьяна, оглянитесь...

Соседка быстро оглянулась, но за спиной увидела лишь стену. Посмотрела на Лизу растерянно.

– Таня, нас здесь трое: вы, я и Глафира. Я не записывала наш разговор, сами видите... – Лиза вытряхнула из своей сумочки пудреницу, кошелек, какие-то мелочи. – И в моей сумке нет ни камеры, ни записывающего устройства... Может, поговорим начистоту? Если Лидия молчит, это не говорит о том, что и вы тоже должны молчать. Она молчит потому, что напугана вами...

Татьяна выпрямилась на стуле и теперь сидела бледная, с красными, заплаканными глазами, и весь ее вид говорил о пережитой трагедии, о чем-то непоправимом и ужасном.

– Когда человек чего-то боится, то на вопросы, связанные с причиной его страха, он отвечает в точности до наоборот. Вот и вы пошли по этому,

на мой взгляд, ложному пути. Я хорошо запомнила весь наш разговор... На мой вопрос, как вы узнали, что произошло в квартире вашей соседки, вы сказали, что вам сообщили соседи. То есть скорее всего было все наоборот. Вы первая узнали, что там произошло, и могли бы рассказать в подробностях соседям. И труп не вы обнаружили? Так? Но это же вы, вы!.. Это же как математическое уравнение с одним известным и кучей неизвестных. Единственная правда, которую мы с Глашей услышали, – это ваше отношение к Вере Береговой, это ваша искренняя любовь к ней, ваша дружба, ваша преданность... Зная это, не трудно понять и остальное... Вы сказали, что практически ничего не знаете о гостях Веры. *«...Это был единственный, пожалуй, случай, когда Верочка мне ничего толком не объяснила»*. Ложь! Ваша подруга ничего от вас не скрывала, поскольку в этом городе, а может, и на всем белом свете у Веры не было человека ближе вас... И вы прекрасно знали, кто эти люди. Вы сказали, что Вера засобиралась в Москву. Да никуда она не засобиралась, тем более в Москву... Вся ее жизнь, весь ее уклад, работа, окружение, даже ее одиночество – все было намертво пришито к этому городу, к тому образу жизни, что она вела... К вам, наконец! Думаю, есть еще кое-что, где вам не было смысла нам лгать. Вера действительно попросила вас помочь ей накрыть на стол. Но вы отнеслись к этому без особого энтузиазма, вы не хотели печь этот торт в форме сердца (и именно в форме сердца!!!) по той причине, которую знали вы обе. Понимаете, если бы все было так, как сказали вы, то вы не только помогли бы ей с тортом, но и приготовили бы ей что-нибудь еще, больше того, вы бы вместе все делали, зная, что визит этих московских гостей может сильно повлиять на будущую жизнь Веры...

Татьяна отвернулась, чтобы вытереть слезы. Потом опустила голову, продолжая внимательно слушать Лизу.

– Вы сказали, что Вера была знакома с Лидией с юности. А на самом деле она прежде никогда не знала Лидию. Еще вы сказали, что Вера всем своим видом демонстрировала нежелание делиться с вами... И это не так. Она каждую минуту говорила с вами о том, что у нее болело, от чего разрывалось сердце... И вы объясняли ей, что так, как ведет себя она, – недопустимо, что она сошла с ума, что еще немного – и она на самом деле обезумеет... Что ей надо взять себя в руки, а не готовить, не покупать постельное белье... Да что вы ей только не говорили, но она продолжала гнуть свою линию, а вы переживали за нее, это у вас сердце готово было разорваться от обиды за вашу лучшую подругу, которая готова была так

унизиться перед этими людьми... Ведь так, Таня?

Татьяна чуть заметно кивнула головой.

– Когда я сказала вам про чек, который мы у нее нашли, вы ответили, что она купила кольцо себе... Снова ложь. Вы же прекрасно знали, для кого она купила это кольцо... На мой вопрос, как выглядела Вера в день своей смерти, вы сказали, что она была нарядная, красивая и что у нее был *«блаженно-мечтательный вид. Она словно куда-то летела, никого вокруг не замечая...»*. Хотя на самом деле она хоть и была одета хорошо и, быть может, даже нарядно, но она сидела за столом белая как мел, почти не разговаривала, и вы тогда еще заподозрили что-то неладное, так? Татьяна, отвечайте! – закричала на нее взбешенная Лиза. А Глаша вздрогнула так, что громко стукнула пустой чашкой по блюду.

– Да... Да... Вы же сами все знаете... – задыхаясь от слез, проговорила Татьяна.

– Когда вы догадались, что она задумала?

– Вот тогда-то и поняла... И испугалась... – Татьяна повернула к Лизе свое заплаканное, мокрое лицо. Она, рыдая, говорила в нос, чуть слышно.

– И что вы предприняли?

– Я ничего не могла сделать... Разве что взять и вывести ее из-за стола, как куклу, привести ее к себе домой, напоить успокаивающими таблетками и уложить в постель, а этих – просто выгнать метлой, вшаей!!!

– Но вы не сделали этого...

– Никогда себе этого не прощу...

– *«Я радовалась тому, что у нее хорошее настроение, что у нее взгляд... знаете, как у человека, перед которым открываются какие-то неизведанные дали...»* Таня, вы же знали, о каких далях идет речь... О таких далях, откуда не возвращаются...

– Не рвите мне душу. Ну, пожалуйста, – заскулила она.

– Вы сказали, что у нее нет наследников и что она не оставила завещания. И здесь солгали. Вы прекрасно знали, на кого составлено завещание. Причем много лет тому назад...

– Но как вы догадались? Как? – Брови ее взлетели в каком-то надломе, образовав тонкие морщинки на лбу.

– В сущности, вы выдали себя одной-единственной фразой, которая вылетела с ваших губ, как птица...

Глафира оживилась. Она-то тоже уцепилась за эту фразу и, когда Татьяна ее произнесла, едва сдержалась, чтобы не расспросить женщину об

этом поподробнее.

– Вы сказали, что Вера – однолюбка.

– Да, да... Я проговорилась. Не знаю, как сказала это... Хотя вы рано или поздно сами бы узнали...

– Что же касается вашего отношения к подруге, вашей любви и преданности и того, как вы ценили ее, то это скрывалось за скупыми словами о том, что на похоронах Веры Береговой будет очень много народу... А еще я поняла, что похороны организовываете вы, а не наследник...

– Чтоб он горел в аду! – шумно, по-бабьи вздохнув, в сердцах произнесла Татьяна. – Послушайте... Вы вот сказали сейчас, что нас трое... Но вам же звонил следователь, я же все поняла, не дура...

– Расскажите все с самого начала, а потом разберемся, и я обещаю вам помощь. Больше того, в моих силах все перевернуть, поставить с ног на голову и спасти вас... Я знаю много таких приемов, если не верите, спросите у Глаши! Я не на стороне закона, который сажает за решетку невиновных людей... Я на стороне совести. Тем более я, как мне кажется, многое поняла из того, что произошло... Больше того, я даже могу начать рассказывать, а вы, если я где-то ошибусь, поправите меня...

Глафира смотрела на свою начальницу с нескрываемым восхищением. Как она любила эти минуты развязки, когда Лиза, соединив воедино все крупницы информации, складывала в одну, завязанную на сложнейших человеческих страстях, историю... И какую историю!!! Блестящую!

– Когда-то давно Вера Береговая вышла замуж за человека, которого любила до беспамятства... А он ее по каким-то причинам бросил. Уехал из Саратова, подался в столицу и там закружился в новой своей жизни. Сменил не одну жену, работу, пока более-менее не устроился... Но достичь чего-то большого, развить свой бизнес ему не удалось. Он перебивался случайными заработками, часто выступал в роли посредника, и иногда ему удавалось срубить свои комиссионные... Думаю, что Вера была у него вроде отдушины, может, и самым близким человеком, с которым он время от времени созванивался. Вере он, недалекий, в общем-то, человек, рассказывал и о своих любовницах, советовался с ней, кого выбрать, словом, эгоист страшный, он вел себя по отношению к ней, как самая настоящая свинья! Вера же принимала его знаки внимания совсем за другое. Она находилась в таком подвешенном, взвинченном, любовном состоянии все эти годы, что просто жила этими скупыми звонками, знаками внимания... Она ждала его. Ждала любого. Бедного, больного, подлого,

эгоистичного, жадного, алчного, опасного, преступного, порочного... Она же была однолюбкой и не представляла себе жизни с другим мужчиной, потому и не пыталась выйти замуж еще раз. Ее устраивала эта нервозность ее отношений с Владимиром, эти ночные звонки, это его пьяное бляенье в трубку, когда он, обливаясь слезами, жаловался на свою жизнь... И что самое трагичное в этой ситуации – что она так и не смогла воспринять его поступки адекватно. Она почти до последнего дня была ослеплена своей любовью, доходящей подчас до болезни... Скажите, Вера в последнее время жаловалась вам на сердце?

– Конечно! – воскликнула ошарашенная услышанным Татьяна.

– Я нашла среди ее документов результаты ее обследования. И хоть я и не доктор, но она пару месяцев тому назад перенесла микроинфаркт, так?

– Да! Знаете, как она испугалась!

– Знаю. Потому-то она и составила завещание, в котором все завещала своему возлюбленному – Владимиру Бронникову.

– Бедняжка... У нее совсем тогда помутился рассудок! Я предупреждала ее, насколько это все опасно. Но она меня и слышать не хотела, хотя ей важно было мое присутствие, она без меня дышать не могла... Я же была ее главным слушателем, кому она могла доверить все свои самые сокровенные чувства, тайны...

– Думаю, что она сообщила об этом Владимиру в одном из своих разговоров. Так?

Татьяна кивнула головой и высморкалась в большой носовой платок.

– И тогда он в знак благодарности за оказанное доверие, а на самом деле совсем по другой причине – ему просто хотелось продемонстрировать своей бывшей жене, насколько он счастлив в своем новом браке, – решил навестить Веру, погостить у нее... Он знал, что у нее водятся деньги. Думаю, что, помимо работы в детском саду, у Веры был еще какой-нибудь бизнес...

– И это вы знаете? Господи, она же это скрывала! Да, у нее было несколько точек на рынке, она хозяйка... Торговала мужскими костюмами.

– Словом, Бронникову понадобились деньги, вот он и подумал: а почему бы не попросить их у своей бывшей жены, Веры. Он отлично понимал ситуацию, знал, что Вера ему никогда ни в чем не откажет. Он действовал расчетливо, с холодным умом и ледяным сердцем.

– Сердце... – вдруг совсем расклеилась Татьяна. – А она, бедняжка, до последнего надеялась вернуть его... Всячески пыталась продемонстрировать ему это и даже торт этот в форме сердца попросила меня испечь, думала, что такое хамло, каким был Бронников, оценит ее,

поймет...

– Она знала, что он приедет не один?

– Конечно, знала!

– И готовилась, покупала простыни и пододеяльники для своего бывшего мужа и его новой жены. Представляю, Татьяна, что испытывали вы, когда видели, что с ней происходит...

– Да она была сама не своя... С одной стороны, она как бы вся светилась в ожидании его приезда. Думаю, она плохо соображала тогда и уж точно не видела рядом с Володей другую женщину... Она была для нее вроде... виртуальной, что ли... Но, с другой стороны, она вроде бы и понимала, что Бронников женился, что он должен приехать не один, а с женой. Думаю, Вера представляла себе эту женщину идеальной, во всяком случае, она должна была быть много моложе Веры, красивее, элегантнее, изящнее...

– Вера приготовила для нее подарок, кольцо стоимостью пятьдесят пять тысяч рублей.

– Да... Говорю же, сошла с ума...

– А для Бронникова она приготовила деньги – десять тысяч долларов. Не бог весть какая сумма, но, возможно, это был ее первый вклад в молодую семью... Она же понимала, что Бронников, получив первые десять тысяч, захочет получить и еще, а потому будет приезжать снова, за деньгами... Он знал, что у нее водятся деньги...

– Итак. Они приехали. Думаю, что Вера сразу же сделалась больна. Она увидела реальную женщину, грубоватую и ничем не примечательную. Вульгарно одетую. Она никак не могла взять в толк, почему Бронников выбрал ее. За что? За какие такие качества?

– Это точно... Да на нее было больно смотреть. Хотя она и старалась держаться, пыталась казаться веселой, беззаботной, почти счастливой... Думаю, уже тогда, за столом, она и сломалась... Видимо, неожиданно для себя увидела все в реальном свете, стала на какой-то страшный для себя миг адекватной... Все поняла и приняла роковое решение...

– Что было потом, Таня? Ну? События, факты!

– Я уже сказала, что помогала ей накрывать на стол, а потом ушла...

– Нет, не сказали.

– Эти двое меня видели, но не обратили на меня особого внимания. Просто зашла соседка помочь Вере, вот и все. Хотя Вера меня им представила. Она же была очень вежливым, тактичным человеком. Если я для них была тенью, то для Веры – самым близким человеком. Она же не могла меня не замечать. Еще мне показалось, что Вера взглядами словно

спрашивала меня: а не зашла ли она слишком далеко? Я же лишь пожимала плечами, мол, ты и сама все понимаешь, Верочка... Мне было ее так жаль, так жаль... Надо ли говорить, какие чувства я испытывала к этим... – Татьяна брезгливо поморщилась, словно и сейчас перед ее мысленным взором стояла эта парочка хамоватых, бессердечных людей, – к этим негодьям... И ведь эта сучка все знала, все знала, к кому они приехали в гости. Сидели, ели-пили, а потом... потом мне пришлось уйти. Мне, конечно же, вообще не стоило там появляться, ведь с самого начала было понятно, что компания странная и что Вере вроде бы как надо быть без свидетелей... Да и где это вообще видано, чтобы соседка помогала накрывать на стол, а потом уходила, как какая-нибудь домработница... При другом раскладе меня бы непременно пригласили за стол, это точно. Я все это говорю для того, чтобы вы поняли, что Вере было страшновато быть там с ними, понимаете? Вот она и попросила меня как бы помочь ей, а на самом деле – чтобы я присматривала за ней...

– Чего она боялась?

– Их и боялась. Или себя. Боялась, что сломается, что оттаскает за волосы ту стерву, его жену... Что разобьет в кровь ее напудренное лицо, что размажет ее по стенке... Боялась, что любовь, которой она жила последние годы, повернется к ней своим отвратительным хохочущим лицом – маской предательства, подлости и алчности... Ведь она была умной женщиной!

– Но вы же все равно ушли, – с печалью в голосе произнесла Глафира. – Ушли. Вот не ушли бы, может, ничего бы и не случилось...

– Может... Словом, они выпили, закусили и пошли в спальню... Догадываетесь, зачем? И это на глазах у Веры! На ее кровати! Она еще и постель-то толком не постелила, только белье сложила, а они уже и устроились, на матрасе!

– А вы откуда знаете?

– Когда я уходила, дверь специально не запирала – мало ли что...

– И вы вернулись? Под каким предлогом?

– Да ни под каким! Хотела проведать Веру.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы вышли из квартиры?

– Часа полтора. Я дома места себе не находила. Все думала, что бы такое придумать, чтобы они оставили Верочку в покое. Я даже подумала, а не позвонить ли мне брату, он у меня военный человек, быстро бы разобрался в ситуации, он нашел бы как избавить Веру от этих... мародеров... Ведь она тогда была на грани, понимаете? И думаете, Бронников этого не понимал? Не чувствовал? Он ждал развязки и заперся в

спальне специально, чтобы причинить ей боль, чтобы нанести Вере непоправимый удар... Тем более он знал, что она недавно перенесла микроинфаркт... Знал и про завещание, она же ему все, дурочка, рассказала!

– И что? Позвонили брату?

– Нет, не позвонила. Мне в голову пришла совершенно другая мысль... Яркая, как вспышка молнии. Я вспомнила один криминальный роман, там одна женщина убивает другую женщину щипцами для завивки... Вернее, нет. Сначала та женщина сунула электрические щипцы в наполненную водой ванну, где находилась другая женщина, и та потеряла сознание, и потом главная героиня ее утопила... Вот я и подумала, что у меня, у слабой женщины, нет настоящего оружия – ни пистолета, ни арбалета... – Она горько усмехнулась. – Ничего такого под рукой, чем я могла бы убить этих... двоих...

– Ни яда у меня нет, – продолжала в каком-то отчаянии Татьяна. – Да и вообще, яд – это опасно. Можно по ошибке отравить не того человека. Они же ели и пили. Все. И Верочка ела машинально, я видела... Думаю, она не ощущала вкуса еды, бедняжка... – Татьяна снова всхлипнула. – А вот электрические щипцы есть. И у Веры тоже есть. Я стала думать, что бы такое изобрести, чтобы этот Бронников схватился за щипцы, которые будут находиться на дне ванны... В конечном итоге, было все равно, чьи это щипцы... И тогда я, надев на себя вечернее платье и тщательно накрашившись, то есть изображая из себя женщину, собирающуюся на вечеринку, заглянула к ним, вернее, зашла к Вере, но вместо того, чтобы увидеть всю троицу за столом (где же им еще быть-то?!), обнаружила в кухне у окна заплаканную Веру.

«Ты куда?» – спросила она меня испуганно и схватила за рукав. Она его чуть не порвала! Это было движение, граничащее с судорогой! «Я собралась в гости, у меня нет щипцов, а у тебя есть, но они сломаны!» Вот такое я ей и сказала. Она, конечно, ничего не поняла. Она не поняла, что я только что озвучила свой план. Она смотрела на меня, раздетую в пух и прах, и видела во мне еще одного предателя... Она подумала, что я решила оставить ее, уйти к кому-то в гости. И когда я повторила ей про щипцы, она снова меня не поняла и прошептала, глотая слезы: они (она имела в виду, конечно, не щипцы, а эту парочку) там, в моей спальне, на моей кровати!!! И тогда я подумала, что эта парочка перешла все границы. И ни один из них не достоин снисхождения. Словом, я пошла в ванную комнату и пустила воду. Затем включила щипцы. Потом решительно направилась к

двери спальни и принялась барабанить... Понятное дело, что мне было уже не до вежливости. Знаете, я больше чем уверена, что ничем таким они там не занимались. Просто Бронникову надо было вывести из равновесия Веру. Он просто убивал ее – не пулей, не ядом, не стрелой, не ножом... Он убивал ее своей жестокостью. Словом, едва я постучала, как он сам, одетый, открыл мне дверь. Весь его внешний вид свидетельствовал о том, что он словно ждал, когда в дверь постучат, – он был одет, повторяю... Я знаю, как может выглядеть мужчина, когда прерывают его занятие... Но это был не тот случай! Я, идиотски улыбаясь, сказала ему, что мне нужна его помощь. Он, повернувшись к своей жене, пробормотал что-то вроде «я сейчас, дорогая, накинь на себя что-нибудь!», пожал плечами, как человек, вынужденный в силу своей вежливости отозваться на призыв о помощи, поплелся за мной, в ванную комнату! Там я схватила щипцы, они к тому времени уже нагрелись, и сказала ему, что собираюсь в гости, что у меня дурацкая ситуация, сгорели мои щипцы и я пришла за помощью к Вере, а у нее они тоже, оказывается, не работают... Или, быть может, что-то с розеткой, посмотрите, пожалуйста... Понятное дело, что он не пришел в восторг от моей просьбы. Надо сказать, что, когда я говорила, щипцы были выключены и вилку я держала в руках... Потом я, словно желая что-то показать ему, сделала так, чтобы горячие щипцы упали в наполнявшуюся ванну... Я вскрикнула, Бронников машинально кинулся за упавшими щипцами, и тут я, понимая, что действовать надо быстро, сунула вилку в розетку...

Все произошло мгновенно. Я стояла в стороне, наблюдая, как Бронников корчится от боли, как его трясет... Думаю, у него тоже были проблемы с сердцем, потому что от полученного электрического удара он скончался. У меня на глазах. Я прислушалась к звукам, доносящимся из комнат... Было тихо. Я осторожно вышла из ванной. С щипцами, от которых пахло паленым. Так пахнут куры, когда их опаливаешь над газовой горелкой.

– А Вера? Что она?

– Я вернулась к ней на кухню. Она продолжала сидеть за столом, пальцы ее сжимали сигарету. Она курила. Сильно нервничала. Перед ней стояла полная окурков пепельница. Возможно, тогда уже она приняла решение...

– Окно было закрыто?

– Конечно.

– И вы ей все рассказали.

– Нет. Я взяла ее за руку и повела за собой...

– А где была в это время Лидия?

– Думаю, она просто спала. Сытая, слегка пьяненькая, спокойная. Спокойнее всех.

– И вы привели Веру в ванную?

– Да. Я привела ее и сказала, что Володю только что убило током.

– Думаете, она все поняла?

– Да. Она опустилась перед ним на колени и принялась слушать, бьется ли его сердце... Но оно не билось. И тогда я сказала ей: все кончено. Ты свободна. И в следующий раз думай о себе... Мне ничего не стоило ее убедить в том, что это несчастный случай. Хотя, может, она и поняла, что я помогла ему отойти в мир иной... Но тогда я не считала это убийством. Я была горда своим поступком. Ведь я спасла свою лучшую подругу от новых безумств!

– Что было потом?

– Я сказала, что мне надо избавиться от щипцов...

– Но вы противоречите сами себе! Ведь чтобы убийство выглядело как несчастный случай, щипцы необходимо было оставить на месте!

– Вере я сказала одно, но сама-то я отлично понимала, что на щипцах, на вилке и розетке мои отпечатки пальцев... Мне надо было избавиться от них. Я сказала Вере, чтобы она сидела тихо и дожидалась меня, а я вышла из квартиры, пришла к себе, молотком превратила щипцы в обломки, завернула все это в пакет и спрятала в надежное место, временно, с тем чтобы потом выбросить. Я должна была позаботиться в первую очередь о Вере... Нельзя было ее оставлять в таком состоянии, в квартире с покойником и его душой-женой.

– Вы вернулись в квартиру... – Лиза даже поморщилась, словно от боли. – И увидели, что окно в кухне распахнуто...

– Да. Веры уже не было. Вероятно, ей было так плохо, так больно, что она не выдержала...

– А Лидия? – спросила Глафира.

– Она спала! Представляете? Мне пришлось ее разбудить и объяснить, что произошла трагедия. Что ее мужа убило током, а Вера выбросилась из окна... И что виноваты во всем они сами... Что Бронников погиб потому, что Бог сверху все видит, что он не мог допустить, чтобы творилось такое зло по отношению к хорошему человеку... А Вера – у нее нервы не выдержали... И знаете, что произошло? Думаете, эта стерва стала убиваться по своему мужу? Она вдруг зашипела, как змея... Мол, «я говорила ему, что не надо этого делать, что ничего хорошего из этого не выйдет»... Потом до нее дошло, что могут подумать, будто это она убила

его, ведь она – его единственная наследница, а после смерти Веры – он наследует ее квартиру и все остальное... Мне было противно слушать ее. И я предложила ей молчать. Сказала, что самое лучшее в этой запутанной ситуации – это молчать. У тебя, мол, шок. Что она вроде не знает, что произошло... что увидела труп мужа, а потом ей сказали, что погибла Вера. Я пригрозила ей, что, если она выдаст меня, скажет, что я была здесь, то я не буду молчать и расскажу, что она украла у Веры кольцо и деньги... И что это они собирались убить Веру, чтобы унаследовать ее квартиру... Словом, я запугала ее так, что она, может, и на самом деле замолчала... И что теперь будет? Ведь это я убила его, я...

– Все очень просто. Скажете следователю, что Вера, не выдержав присутствия в своем доме бывшего мужа со своей женой, особенно того, что они почти на ее глазах занимались любовью, убила его щипцами, а потом выбросилась из окна... Что вам рассказала об этом Лидия, которая после этого и замолчала...

– Здорово! Отлично! Но как же следователь, с которым вы разговаривали по телефону? Он что-то говорил о щипцах, что их вроде бы нашли... Хотя не представляю, как бы их нашли, ведь я выбросила пакет с остатками щипцов в Волгу!!! С моста!

– Дело в том, что я не разговаривала со следователем. Когда вы вышли, я включила сигнал звонка, как если бы мне кто-то позвонил, и разыграла вас. Мне надо было ускорить ваше признание...

– И что теперь со мной будет?

– Ничего. Живите себе спокойно. Похороните вот вашу подружку... Жаль ее... Кто бы подумал, до чего может довести одинокую женщину старая любовь. А еще... приведите в порядок квартиру...

Лиза встала, Глафира последовала ее примеру.

– Пойдите, подождите! – Татьяна бросилась к ним. – Назовите мне еще раз ваши имена! Вы же только что спасли меня!

Лиза открыла сумочку и протянула ей свою визитку.

– Да, жаль, что у вас не было арбалета... Это выглядело бы так романтично...

Татьяна разрыдалась.

В офисе Глафира принялась наводить порядок, достала коробки с елочными игрушками, украшениями, переставила елочку в другой угол, между окном и дверью, и залюбовалась ею. Потом принялась наряжать ее. Красный шар, посыпанный словно сахарной пылью, золотой шар,

сверкающий, как солнце, красный бант с веточкой хвои... Цветные фигурки крохотных лыжников, детей, собачек, белочек... Все такое красивое, изящное, праздничное...

Из головы не выходила история Веры Береговой. В ушах еще стоял голос Татьяны Аникеевой.

Лиза же, устроившись в кресле за огромным письменным столом и положив ноги на столешницу, курила с закрытыми глазами.

– Думаешь? – спросила она притихшую Глафиру.

– Думаю.

– О чем?

– Думаю, что ты молодец и что Мирошкину расскажешь, что Вера сама убила своего бывшего мужа, после чего покончила с собой... Таким образом, Татьяне ничего не будет, да на нее никто и не подумает.

– А если Лидия заговорит?

– Не заговорит. Для нее это опасно. Татьяна молчать не станет, такое про них скажет...

– Да я знаю. И все равно. У нас на руках не было абсолютно никаких фактов. Мы даже не знали, была ли Вера когда-нибудь замужем или нет...

– Но как ты догадалась?

– Не знаю... Татьяна же сказала, что Вера была однолюбкой... Вот я и предположила... Постой. Мне надо кое-кому позвонить...

– Кому?

– Может, ты не заметила, но среди бумаг Веры я заметила одну знакомую визитку. Моей коллеги – Светланы Царской.

– Да, я тоже видела. И что?

– Да то, что она была, возможно, адвокатом Веры Береговой, понимаешь?

– А при чем здесь адвокат?

– А при том, что Светлана могла присутствовать при оформлении завещания. Она может быть в курсе обстоятельств, при которых это все случилось.

– Но мы же и так все знаем. Вера заболела, испугалась, что может умереть, и составила завещание в пользу своего бывшего мужа. Какие еще могут быть детали?

– Сейчас мы точно знаем, что она сама ушла из жизни. Так?

– Так.

– Она деньги Бронникову отдала?

– Отдала.

– Колье этой дуре подарила?

– Вроде бы...

– Подарила. Это точно. Разве все это не указывает на то, что она была не в себе? Или...

– ...или наоборот... – вдруг поняла Глафира. – Думаешь, это был ее прощальный ужин?

– Конечно. Я просто уверена, что, столкнувшись с цинизмом Бронникова и понимая, что тот едет к ней исключительно для того, чтобы взять у нее деньги, она, по выражению Татьяны, сломалась. И приняла решение уйти из жизни. Возможно, она собиралась убить Бронникова, но у нее не хватило решимости или...

– Или не было поблизости арбалета...

– Вот-вот!

– Но при чем здесь адвокат?

– Как ты думаешь, когда она поняла, что представляет собой Бронников, ее большая любовь, могла она по-прежнему желать оставить ему все нажитое? Представляя себе, что в ее квартире он будет жить с этой вульгарной теткой, Лидией?

– Думаешь, она переписала свое завещание?

– Да я теперь просто уверена в этом. И за помощью она обратилась к Светлане Царской. Вероятно, они и раньше имели какие-то общие дела...

– Но она тебе ничего не скажет...

– Скажет.

– Тогда звони.

Светлана была поблизости, в двух кварталах от офиса, и приехала через четверть часа. Высокая, худенькая рыжеволосая женщина в голубой норке. Лицо, в молодости явно рябое, было замазано толстым слоем пудры, что сильное ее портило. В остальном же она была приятным и улыбчивым человеком. Светлана очень уважала Лизу.

Лиза и Светлана обменялись воздушными поцелуями, Глафира поставила на стол кофейник.

– Девчонки, как же у вас красиво! И елочка такая свежая, аккуратненькая... Глаша, ты не особенно-то увешивай ее игрушками, чтобы и веточки были видны... Знаешь, Глафира, а ведь ты похудела... – сказала она то, что хотела бы, вероятно, услышать каждая полненькая женщина.

– Это правда, – кивнула головой Глаша, открывая коробку с шоколадным печеньем. – Раньше весила двести килограммов, а сейчас всего сто восемьдесят...

Лиза расхохоталась. За ней – Светлана.

– Скажи, Светик, ты знала Веру Береговую?

– Да. Кстати, я так и знала, что речь пойдет о ней. Славная была женщина. У нее в свое время были неприятности, связанные с бизнесом... Обворовали палатку... И она знала, кто это сделал. Мы подавали в суд и дело выиграла... Потом у нее были сложности с городской землей, примыкающей к детскому саду. Она сама ее выкупила, на свои деньги, и устроила там бассейн... Так эту землю у нее пытались отнять! И это дело мы с ней тоже выиграла. Вы же хотите спросить про завещание, я правильно понимаю?

– Ты всегда все правильно понимаешь...

– Я отговаривала ее от этого шага. Я знала, что она решила все завещать своему бывшему мужу-идиоту. Но отговорить мне ее так и не удалось. И вдруг буквально за день до своей смерти, то есть до того, как к ней должен был приехать по какому-то важному делу Бронников... А я представляю, какие у него могли быть с ней дела... Наверняка просил у нее денег... Так вот, за день до его приезда она позвонила мне, мы договорились о встрече, и она сказала, что сильно ошиблась в этом человеке. Что он приедет не один, а со своей женой. Она призналась мне, что боится этого визита, что ночи не спит, все думает, как будет себя вести с ним, с ними... Плакала, говорила, что жалеет о том, что позволила ему приехать... А потом показала мне кольцо и сказала, что собирается сделать свадебный подарок его новой жене... Я была, честно говоря, потрясена. Не скажешь же женщине, что это поступок сумасшедшего человека...

– Что было потом? Ты ей совсем ничего не сказала? Не посоветовала оставить кольцо себе?

– Посоветовала. Но у нее был вид человека одержимого... Она что-то задумала. И потом я узнала что.

– Что? – одновременно спросили Лиза с Глафирой.

– Она переписала завещание на свою лучшую подругу, на Татьяну Ивановну Аникееву. Я, кстати, знаю ее. Очень хорошая женщина. Они с Верой были как сестры.

– А она-то об этом знает?

– Понятия не имею. Я помогла Вере, чтобы весь этот процесс занял минимум времени. Мы с ней поехали к знакомому нотариусу, вот, собственно, на этом моя миссия и была закончена. Вернее, мы потом с Верой пообедали. Но Вера почти ничего не ела. Она сказала, что ей нужно домой, готовиться к приезду гостей... Что она хочет как следует встретить. А... Вот еще что! Может, я, конечно, и сглупила... Но я что-то так разозлилась на этого ее бывшего мужа, который собирался вытянуть из нее

деньги, что сказала ей: Вера, говорю, а тебе не хочется его отравить? Застрелить? Удавить? Чтобы он не портил тебе жизнь? Ты вообще представляешь, что происходит? Ты приглашаешь в гости своего бывшего мужа, который собирается к тебе со своей новой женой, чтобы вытянуть из тебя деньги! А ты его любишь... Так сильно, что не обращаешь внимания на других мужчин!!!

– И что она ответила?

– Сказала, что все понимает... Что это будет их последняя встреча... – Светлана вдруг все поняла по взгляду, который бросила на нее Лиза. – Она что, все-таки сама?

– Сама. Думаю, она послушалась твоего совета. Попросила Бронникова отремонтировать щипцы, уронила их в воду... Словом, она его убила.

– Это доказано следствием?

– Конечно!

– И есть свидетели?

– А как же! Жена-то его осталась жива...

– Бедная Верочка... Убила, а потом решила сама... выбросилась из окна, так, кажется?

Глафира вдруг поняла, зачем Лизе понадобилось озвучивать их последнюю версию. Уже сегодня вечером об этом будет знать весь город. Все нужные ей люди. Причем Светлана Царская преподнесет все это своим коллегам в самом лучшем виде – как дело, которое распутала Лиза.

– Ладно, девочки, у меня встреча с клиентом... Мне пора. Поздравляю вас с наступающим Новым годом... Какой чудесный праздник! Я улетаю на острова. Далеко-далеко... А вы?

– А мы, Глаша? Куда отправляемся встречать Новый год?

– Не знаю... Адам хочет в Германию, в какой-нибудь замок, а я – на солнышко, на острова, как и ты... – сказала Глафира, унося грязные чашки и пустую коробку.

– А я – во Францию или Швейцарию... – сказала Лиза. – В снежки поиграть... Сыра нормального поесть.

– Вот черт... А Вера уже никуда не поедет... И все из-за какого-то... – Светлана Царская грубо выматерилась.

– Из-за любви, – сказала тихо Глафира. – Я Веру, правда, не знала, то есть не была знакома лично, но у меня такое впечатление, будто мы с ней только что познакомились и... расстались. Девчонки, может, помянем?

Она достала из бара водку, быстро разлила по рюмкам.

Дарья Донцова Подарок небес

На свете есть лишь один человек, который любит меня беспредельно и готов ради меня на все, – это я сам.

Увы, простая мысль о том, что себя, дорогого, необходимо холить и лелеять, пришла в голову господина Подушкина лишь в середине жизни. Родители изо всех сил старались вырастить Ванечку интеллигентным человеком, и, к моему огромному сожалению, им это удалось. Почему меня огорчает сей факт? Да потому, что принцип «никому не причини зла» очень сильно осложняет жизнь. Окружающие частенько считают доброго, выдержанного человека рохлей, манной кашей, которую можно размазать по тарелке, а затем проглотить. Мало кому приходит в голову, что определенная часть человечества не сплетничает, не хамит, не врет, не изменяет женам, не ворует в мелких или крупных размерах и даже не прогуливает работу не потому, что эти люди не способны совершить все вышеперечисленные поступки, а потому, что им это претит. Знаете, как в анекдоте, когда мужчина на настойчивые предложения незнакомца обильно и бесплатно угоститься у фуршетного стола спокойно отвечает: «Спасибо, я ем исключительно тогда, когда голоден», – и слышит в ответ: «Ну, ты прямо как животное».

Я отложил в сторону толстый том «Биографии Пастернака» и тяжело вздохнул. Купил сегодня сей опус в магазине, польстился на классный переплет и роскошную бумагу, как дурак, подумал: столь шикарным образом могут издать только серьезное исследование, легкомысленное чтиво печатают в мягких обложках на серых листках. Ну и что я получил в результате? Сборник сплетен людей, чьи знакомые имели приятелей, считающих себя друзьями поэта, воспоминания тех, кто никогда не разговаривал с Пастернаком, не бывал в его доме в Переделкине, зато отлично знал, что он был пьяница, наркоман, бабник и гомосексуалист, страдающий от импотенции. Если вам последнее заявление про юбочника и педераста, желавшего победить половое бессилие, покажется странным, то уж извините, из книги слов не выкинешь, что написано пером, не вырубишь топором. Еще более меня удручила та часть опуса, в которой разбиралось творчество Пастернака. Горе-литературовед сделал все, чтобы читатель усвоил: слава автора романа «Доктор Живаго» и сотни стихов

дугая, Нобелевскую премию по литературе он получил исключительно по политическим мотивам, а не за свой богом данный талант.

Я перевернул том и прочитал на оборотной стороне обложки сведения о самом биографе. Сергей Сергеев, поэт, романист, член Союза писателей, лауреат конкурса «Лучшее эссе о городе Брыльске». Охо-хо, ну и глупец же ты, Иван Павлович! Следовало, достав книгу с полки, сразу поинтересоваться, кто критик Пастернака, и не покупать сей пасквиль. Еще мой отец, популярный советский прозаик Павел Подушкин, говорил:

«Коллеги по литературному цеху любят только тех, кто соответствует правилу трех «б»: бедный, больной и бесталаный».

За стенкой раздался оглушительный звон, потом вскрик и звук, который мог бы издать упавший на пол слон. Я насторожился. Те, кто не первый раз встречается со мной, знают, что я с ранней юности мечтал иметь собственную жилплощадь, и вот теперь, бросив работу секретаря Элеоноры и став волею судьбы продюсером небольшого циркового коллектива, я смог купить однокомнатную квартиру, где надеялся проводить свободное время в тишине и покое. Ан нет, досуга у меня теперь намного меньше, чем раньше, приходится мотаться с концертами по всей России, а жизнь в многоквартирной башне имеет массу «прелестей». Мои соседи справа частенько выясняют отношения в рукопашном бою. Первое время я пугался, услышав в три часа ночи вопль:

– Убью, дура, на...!

Но потом привык и стал относиться к их скандалам философски. Если мужчина обещает пять раз в неделю лишиться свою супругу жизни, а та не убегает, не подает на развод, значит, ей такое семейное счастье по вкусу.

Девочка Таня, которая живет надо мной, учится играть на скрипке, она возвращается из школы и сразу хватается за инструмент. Думаете, я скриплю зубами, внимая жутким звукам, которые неумелая рука извлекает из инструмента? Вот и неверно. Танюша хитрое создание, она пользуется тем, что папа-шофер и мама-бухгалтер не отличают барабан от арфы, запирается в своей комнате, включает записи великого Ойстраха, а сама шарит в это время в компе. Я наслаждаюсь игрой великого мастера, правда, месяц тому назад отловил юную леди во дворе и сказал ей:

– Татьяна, похоже, твои родители хорошие, но мало смыслящие в музыке люди, но даже они могут заинтересоваться, откуда в комнате у дочери масса струнных, клавишных и духовых инструментов. Если хочешь и далее заниматься своими делами, то, обманывая маму с папой, никогда не используй выступления великого скрипача Ойстраха с Лондонским, Венским и прочими симфоническими оркестрами.

Думаете, она смутилась? Нет, Таня радостно ответила:

– Спасибо, дядя Ваня. Но предки думают, что я ставлю пластинки и на их фоне пиликаю, типа караоке!

Представляете? «Пиликаю, типа караоке»! Надеюсь, великий Ойстрах не перевернулся в гробу от подобного заявления.

Так что соседи мне попались веселые, но дама лет сорока, живущая слева от меня, никогда не издавала ни малейшего шума. Анна Львовна на редкость тихая особа, все наше общение сводится к паре фраз: «Добрый день. Прекрасная погода», – но сейчас настораживающий звук донесся именно из ее квартиры.

Я поколебался пару минут, потом все же встал и пошел к выходу. Анна Львовна одинока, в некотором роде мы родственные души, дама никогда не принимает гостей, коротает вечера за книгой. Отчего я так уверен в этом, если совсем незнаком с соседкой? Стены в нашем доме, похоже, сделаны из картона, звуки беспрепятственно гуляют по этажам, волей-неволей узнаешь все привычки его обитателей. Девочка Таня, например, обожает телесагу из жизни американских подростков, а семья драчунов сладострастно наблюдает за похождениями детективов из Питера. Анна Львовна же на моей памяти ни разу не включила телевизор.

На лестничной клетке было пусто, я нажал на звонок раз, другой, третий, а потом забеспокоился еще сильнее, вытащил из кармана отмычку и в секунду открыл примитивный механизм. Много лет я проработал частным детективом под руководством Элеоноры и за это время обзавелся разнообразными умениями и навыками. Естественно, мне не придет в голову пользоваться ими для удовлетворения праздного любопытства, но порой жизнь человека зависит от расторопности его окружения.

Я вошел в небольшой холл и крикнул:

– Анна Львовна, не пугайтесь, это Иван Павлович из восьмидесятой третьей квартиры. Могу вам чем-то помочь?

– М-м-м, – донеслось из комнаты.

Я, отбросив стеснительность, ринулся на звук и увидел большую елку, несколько коробок, завернутых в цветную бумагу, опрокинутую стремянку и Анну Львовну, лежащую на ковре.

Я кинулся к женщине.

– Вы живы?

Более дурацкий вопрос придумать трудно, но именно он у меня вырвался.

– Кажется, да, – прошептала соседка, – помогите мне сесть.

Я подхватил Анну Львовну, которая весила чуть больше морской

свинки, отнес ее на диван, уложил и укоризненно заметил:

– Как же вы так?

– Хотела поместить на верхушку ангела, – слабо улыбнулась соседка, – залезла на стремянку, встала на цыпочки и рухнула!

– Хорошо, что ничего не сломали, – обрадовался я, – а то был бы вам плохой подарок на скорое Рождество. Все веселятся, а вы в гипсе.

– Пожалуйста, зовите меня просто Аня, – попросила соседка. – Спасибо, ковер очень толстый, он смягчил удар. Да и вес у меня не особенно велик, поэтому и обошлось без травм. Вот только голова кружится, и меня слегка тошнит.

– Нужно вызвать врача, – решительно сказал я. – Вы теряли сознание?

– Не помню, – пробормотала Анна. – Сначала стремянка пошатнулась, потом потемнело в глазах и вы пришли.

Я вытащил из кармана мобильный.

– Что вы делаете? – испуганно спросила Аня.

– Вызываю «Скорую», – ответил я.

Женщина быстро села.

– Не надо. Смотрите, я прекрасно себя чувствую.

– Сотрясение мозга коварная штука, – не согласился я, – оно может иметь нехорошие последствия и проявиться через несколько суток, а то и недель. Вполне вероятно наличие внутричерепной гематомы, и это совсем опасно.

– Только не врача, – вдруг заплакала Аня.

Я растерялся и на всякий случай уточнил:

– Муниципальная помощь приезжает бесплатно.

Анна Львовна медленно села.

– Полагаете, я отказываюсь от доктора из жадности?

– Конечно, нет, – поспешил я с ответом, – глупо экономить на собственном здоровье. Но иногда, например, перед праздниками, у человека возникают экономические трудности. Покупка подарков пробивает брешь в бюджете.

Анна поежилась.

– Вы умеете заваривать чай?

– Среди моих скромных кулинарных талантов есть и такой, – улыбнулся я.

– Ноги дрожат, – призналась соседка. – Извините за бесцеремонность, не могли бы вы организовать нам по чашечке чая?

Я отправился на кухню и был весьма удивлен высококачественной посудой из фарфора от дорогой немецкой фирмы, серебром и заваркой в

жестяной банке. Не далее как вчера я заглянул в супермаркет, увидел такую упаковку, повертел ее в руках, подумал, что лучший чай импортируют из Англии, хотел уже прихватить банку, но тут увидел цену и мигом вернул товар на место. Конечно, знаю, что стоимость элитных сортов «Пуера», «Дарфкиллинга» и иже с ними стартует с тысячи рублей за сто граммов, но отдавать за небольшое количество сушеных листьев мешок целковых я не могу.

Похоже, Анна Львовна много зарабатывает, но почему тогда она живет в скромной однушке?

– Хотите бутерброд? – предложила хозяйка, входя на кухню, потом она пошатнулась и схватилась за холодильник.

Я помог даме сесть на угловой диванчик и сердито сказал:

– Глупо не обратиться к врачу, но если вы категорически отказываетесь, то хотя бы позвоните родным.

Анна ответила:

– Я одинока, родители давно умерли, братьев-сестер не имею, замужем никогда не была.

– Попросите приехать подругу, – уже с меньшей уверенностью предложил я.

Соседка пожала плечами.

– У меня их нет, после того как я подняла бизнес, потеряла всех старых знакомых, а новыми обзаводиться не хочу. Не волнуйтесь, спасибо за сочувствие, но я просто упала со стремянки.

– Я имею дело с работниками цирка, – не успокаивался я, – и в отличие от многих великолепно знаю, чем может обернуться пустяковая на первый взгляд травма. Подумайте о своем ребенке! Он вернется из школы, а вам станет плохо.

Анна Львовна вжалась в спинку дивана.

– У меня нет детей!

Услышав эту фразу, мне следовало быстро проглотить чай, откланяться и уйти, но я по непонятной для себя причине вслух удивился:

– На спинке дивана сидят в ряд куклы Барби, а под елкой вы приготовили несколько красиво упакованных подарков, значит, к вам заходит маленькая девочка.

Анна вскинула подбородок, чуть опустила веки и глянула на незваного гостя. Ни в ее движении, ни во взгляде не было высокомерия или презрения, скорей привычка щуриться и гордо задирать голову досталась соседке от родителей. Нам вместе с генами передаются жесты и пристрастия. Хотите вы этого или нет, но вы повторяете своих родителей,

бабушек, дедушек и далеких предков, о которых ничего не слышали. Вы морщитесь нос, когда улыбаетесь? Это от пращура, который умер в пятнадцатом веке. Обожаете мед? Кланяется вам прабабушка по материнской линии. Патологически ленивы? Привет от тети, от которой по причине ее нежелания заниматься домашним хозяйством убежало четыре мужа. Отлично разбираетесь в математике? Значит, где-то там, в темноте веков, жил ваш предок, лихо умевший считать. Любите книги и хорошо владеете пером? С большой долей вероятности в вашем роду есть летописец. Главное, развивать в себе хорошие качества и убивать дурные, мне, например, когда я гневаюсь, помогает обрести нормальное расположение духа простая мысль: сейчас во мне проснулся прапрапрадед Иван Подушкин, грубиян и редкостный хам, нужно остановить его, не дать ему завладеть моей душой.

– У меня нет детей, – повторила Анна, – подарки куплены для дочери, куклы тоже ее.

Я закашлялся, похоже, упав со стремянки, соседка все же повредила голову.

Анна Львовна встала, ее стройная фигура имела сильный прогиб в области поясницы. Если бы не этот небольшой дефект, женщину можно было назвать красавицей. Хотя мне никогда не нравились кудрявые блондинки с большими голубыми глазами, ртом в форме сердечка и круглыми щеками.

– Семь лет назад, – тихо сказала Анна Львовна, – я поняла, что не смогу выйти замуж. В свое время я буквально с нуля подняла бизнес, у меня сеть кинотеатров по всей стране.

Я с сомнением покосился на соседку: дорогие продукты и посуда, а также столовое серебро говорят о материальном благополучии, но скромная квартира заставляет сомневаться в словах дамы.

– Пока я зарабатывала капитал, – продолжала дама, – мне было не до любви, а потом я стала сомневаться: мужчина ухаживает за мной, испытывая искренние чувства – или он оценил мою машину, загородный дом и решил пристроиться около богатой бизнесвумен? Деньги портят характер, они лишают нас иллюзий, делают подозрительными. Я не нашла достойного жениха, а потому решила родить ребенка для себя. Партнер ничего не знал о моих планах, я ушла от него, поняв, что беременна.

Анна Львовна подошла к окну и прижалась лбом к стеклу.

– Скоро Рождество. Моя девочка появилась на свет в тот же день, что и маленький Иисус, прожила сутки и умерла. Я не успела окрестить ее и не смогла похоронить. Когда врач сообщил о кончине ребенка, я превратилась

в зомби, выходила из этого состояния несколько месяцев. Катюшу кремировала моя лучшая подруга Лариса Ремизова, она акушер-гинеколог, принимала у меня роды в клинике «Улыбка детства». Лара пыталась рассказать что-то про дефект развития, у Катюши оказались неразвиты легкие, она не смогла дышать. Но мне, если честно, была неинтересна причина ее смерти. Я продолжаю считать дочку живой, покупаю ей игрушки, всегда, незадолго до Рождества, наряжаю елку, кладу под нее подарки, а после праздников везу их на кладбище и оставляю на могиле Катеньки. Лариса зарыла урну с ее прахом в захоронение моих родителей, поставила там небольшую табличку в память о девочке. Я очень благодарна ей за заботу, но общаться с Ремизовой перестала, мы не созванивались много лет. И жить в своем доме я тоже не могу: там оборудована детская в розовых тонах. Разобрать спальню невозможно, потому что тогда я признаю Катю мертвой, но проходить мимо дверей ее комнаты и знать, что на самом деле она пуста, выше моих сил. Поэтому я купила квартиру в спальном районе, поселилась там, где меня никто не знает, и пытаюсь жить. Понимаете?

На всякий случай я кивнул. Думаю, Анне следует спешно обратиться к психотерапевту, вероятно, грамотный специалист сможет ей помочь.

Анна Львовна обернулась, снова вздернула подбородок и прищурилась, потом, чуть выдвинув вперед плечо, сделала пару шагов к буфету и попросила:

– Пожалуйста, сохраните мой рассказ в тайне, мне не следовало откровенничать и выбалтывать вам свои секреты, но предрождественские дни действуют на меня угнетающе, а светлый праздник, дающий людям надежду на бессмертие, вгоняет в тоску. Для меня он неразрывно связан со смертью Катеньки. И теперь я не доверяю врачам. Какой от них толк? Всю беременность я наблюдалась у лучших специалистов, вовремя сдавала анализы, пила витамины, занималась гимнастикой, правильно питалась, не курила, не употребляла спиртное, не пила никаких лекарств, не болела, ходила по музеям, в консерваторию, думала о хорошем, постоянно разговаривала с Катюшей, рассказывала ей о своей любви, и... она умерла. Больше я к докторам не обращаюсь. Это моя принципиальная позиция.

На мою удачу, именно в эту секунду в кармане затрезвонил сотовый, я выхватил его и сказал:

– Алло.

– Ваня, ты не забыл про концерт? – как всегда, в полную силу заорал Энди. – Ждем-с тебя в машине! Мими злится!

– Уже бегу, – спохватился я, сунул мобильный на место и сказал Анне:

– Бога ради, простите, я вынужден уйти. Являюсь продюсером небольшого циркового коллектива^[2], время школьных каникул для нас самое прибыльное, мы выступаем на разных площадках перед детьми.

– Это вы должны меня извинить, – снова вздернула подбородок соседка, – я напугала почти незнакомого человека, а потом вывалила на него свои проблемы, поверьте, я не истеричка.

– Конечно, нет, – поспешил я заверить Анну Львовну, – просто у любого человека бывают минуты отчаянья. Знаете, у меня отвратительная память, я мгновенно забываю о разговоре, каким бы важным он ни был. Прямо беда!

– Спасибо, – тихо прошелестела Анна, – ценю вашу деликатность.

Я ушел к себе, радуясь, что соседке не пришло в голову задать мне естественный вопрос: Иван Павлович, каким образом вы попали в мою квартиру через тщательно запертую дверь?

Сегодня утром и днем наш дружный коллектив уже успел повеселиться на трех елках в детсадах, потом был трехчасовой простой, во время которого я отправился домой, чтобы отдохнуть, а в результате оказался у Анны Львовны и устал при разговоре с дамой сильнее, чем во время исполнения роли Деда Мороза.

В составе нашей группы акробаты Энди и Мара, обезьяна Мими и девушка Жозефина, мастерица, так сказать, на все руки и ноги. Я обеспечиваю заказы, слежу за грамотным составлением договоров, выдаю зарплату, экономлю средства на новые костюмы, пытаюсь затащить на выступления цирка журналистов, требую от Энди и Мары куража, вытаскиваю бутылки из багажа Жозефины, запрещаю Мими играть с людьми в покер и делаю массу всего прочего. Вам фраза про обезьяну, которой нельзя брать в руки карты, кажется странной? Но это не шутка. Мими виртуозно жульничает, во всякой колоде у нашей четырехлапой умелицы есть шесть тузов, а флеш-рояль она получает почти на каждом кону. Мой совет: если Мими предлагает вам раскинуть картишки, убегайте прочь, обезьянка разденет партнера до трусов, кроме ловких рук, она еще изумительно блефует, соберет полный флеш и корчит горестные гримасы, давая понять, что не имеет даже завалященькой пары. Почти все игроки на это покупаются, повышают ставки и бывают жестоко наказаны.

Последний концерт мы давали в детском доме. Я впервые ехал в интернат и всю дорогу проводил аутотренинг, мысленно твердил:

– Ваня, сейчас ты увидишь бледных, плохо одетых, полуголодных детей, которые войдут в зал шеренгами под окрики злых воспитателей. Не

нервничай, сиротам лучше в социальном учреждении, чем на улице, по крайней мере, у каждого из них есть кровать и крыша над головой.

Представьте мое изумление, когда я попал в безукоризненно чистое здание, увидел опрятные спальни на двух человек, игрушки, книги, ковры и веселых ребятишек, кое-кому из коих не помешала бы низкокалорийная диета, на питании здесь явно не экономят. И одеты дети были хорошо и нарядно, никаких одинаковых линялых платяиц из байки, застиранных рубашек и треников с «пузырями» на коленях. Воспитательницы, женщины лет по сорок пять, похоже, искренне любили сирот, не раздражались на шум и гам, замечания делали справедливые и вместе с ребятишками пришли в полный восторг при виде Деда Мороза и Снегурочки. В роли старика с бородой выступал я, а мою внучку изображала Мими, чье появление произвело фурор, все хотели обнять обезьяну, потрогать ее, поцеловать. Ваш покорный слуга, наряженный в красную шубу, не вызвал ни малейшего интереса. Я решил подождать, пока буря восторга, бушевавшая вокруг Мими, уляжется, сел в укромном месте, убрал с лица колючую, пахнущую мочалкой бороду. Нельзя выпадать из роли на детском празднике и лишать малышей иллюзий, но я очень устал, на меня никто не обращал внимания, успею вернуть на место «бороду», и я сильно сомневаюсь, что современные семилетки еще верят в сказки.

Я туло сидел на стуле, изредка поглядывая на часы. Солдат спит, а служба идет, нам заплатили за три часа работы, и, если все они уйдут на объятия с Мими, я не стану возражать. Пусть обезьяна отдувается за двоих, так ей и надо, во вторник она обдурила меня в бридж, прикинулась, что не знает эту игру, и обогатилась на сто долларов. Воспоминания о потерянной сумме мешали мне пожалеть Мими, которую трепали малыши.

– Вас прислал младенец Иисус? – спросил звонкий голосок.

Я вздрогнул, увидел чуть поодаль очаровательную кудрявую блондиночку лет семи и судорожно схватился за бороду.

– Вас прислал младенец Иисус? – повторила девочка.

– Можно и так считать, – обтекаемо ответил я, – вероятно, Иисус знаком с Дедом Морозом, они оба готовят подарки примерным детям. Ты любишь конфеты? Сегодня непременно их получишь.

– Мне не нужны шоколадки, – серьезно ответила девочка. – Младенец Иисус пообещал, что скоро сюда придет человек, который отведет меня к мамочке.

Я на секунду потерял дар речи, а потом осторожно спросил:

– А где же твоя мама?

Девочка вздернула подбородок и прищурилась:

– Они с папой погибли в автокатастрофе, поехали в магазин, а меня за плохое поведение оставили дома. Бабушек и дедушек у меня нет, поэтому я живу здесь. Есть только опекун, Семен Михайлович, он распоряжается деньгами, которые остались после смерти родителей. Когда мне исполнится восемнадцать, я сама буду владеть капиталом. Я не прочь стать богатой, но готова отдать все за встречу с мамой. Знаю, она меня ищет.

– Тебе об этом тоже младенец Иисус сказал? – брякнул я глупость от растерянности.

– Нет, Дева Мария, – с достоинством ответила девочка. – Она мне тоже снилась, улыбалась и говорила: «Мама всегда думает о ребенке, пусть сейчас вы в разлуке, это не умаляет ее любви». К нам редко приходят посторонние, вот я и решила, что вы тот самый человек, мой проводник к маме.

Серьезная взрослая речь девочки удивляла, но еще больше удивляла уверенность, с которой малышка говорила. Наверное, я выглядел обескураженным, потому что одна из воспитательниц быстро подошла к нам и сказала крошке:

– Иди к елке!

Та нахмурилась, но послушалась.

Я с шумом выдохнул.

– Девочка вас чем-то расстроила? – участливо спросила женщина.

Я сдвинул бороду набок.

– Точнее сказать – обескуражила. Честно признаюсь, я практически не имел дела с детьми, не умею с ними обращаться, а уж если сирота просит отвести ее к маме, окончательно теряю способность здраво мыслить.

Воспитательница села на соседний стул.

– Меня зовут Валентина Сергеевна, я работаю здесь двадцатый год, но девочки, подобной Юле, никогда не встречала. Очень странный ребенок. Она из обеспеченной семьи, отец и мать были владельцами фирмы по прокату автомобилей. И вот вам гримаса судьбы, оба погибли на шоссе. Юля круглая сирота, у нее есть опекун, Семен Михайлович, хороший, порядочный человек, но он не женат и занимается исключительно финансовым обеспечением девочки. Юлия умна, видно, что ее обучали языкам, танцам, рисованию. Девочке семь лет с небольшим, она ходит во второй класс, учится на одни пятерки, выгодно отличается даже от домашних детей, но нас беспокоит ее эмоциональное состояние. Юля не горюет о родителях, она говорит, что они были очень строгими и не родными ей. Якобы к ней во сне, уже после аварии, явилась Дева Мария и открыла тайну: Юлечку в младенчестве удочерили, отняли ее обманом у

родной мамы и отдали на воспитание в другую семью. Настоящая мать жива, она очень тоскует по дочке и скоро ее найдет.

– Понятно, – пробормотал я, – детская психика ищет способа справиться со стрессом. Подчас одинокие мальчишки и девочки выдумывают несуществующих друзей, об этом написана замечательная книга «Мальш и Карлсон, который живет на крыше».

– У Юли все зашло слишком далеко, – удрученно сказала Валентина Сергеевна, – она просит звать ее Катей, на родное имя не откликается даже в школе. Вызовет ее учительница к доске, а Юля и не шелохнется, преподаватель скажет: «Катюша, дай тетрадь», – и та с охотой подчинится. Мы даже водили ее к детскому психологу.

– И каков вердикт? – поинтересовался я, наблюдая за Юлей.

– Интеллект выше среднего, творческая личность, эмоционально обостренно воспринимает действительность, обладает очень развитой фантазией, – старательно перечислила Валентина Сергеевна. – Специалист посоветовал не одергивать Юлю, через какое-то время она перестанет рассказывать о Деве Марии и придумывать «родную маму». Но пока что проблема не снята. Фантазия у Юли феерическая. Как-то раз я спросила у нее: «Солнышко, ну чем тебе не угодило имя Юлечка? Оно красивое, сочетается с отчеством и не такое распространенное, как Катя». Знаете, что она ответила?

Я покачал головой, не отрывая взгляда от девочки, которая стояла в профиль ко мне, демонстрируя сильный изгиб позвоночника в районе поясницы.

Валентина Сергеевна вздохнула:

– Обычному ребенку такое на ум не взбредет. Якобы родная мама во время беременности постоянно разговаривала с дочкой и называла ее Катей. Скажите, подобное может быть?

Я почувствовал, как по спине потек пот.

– Ваня, – заорал Энди, – то есть Дедушка Мороз, расправь старые кости, встряхни бороду и поторопись зажечь елку.

Дети весело засмеялись, а я поспешил к розетке, куда следовало, не привлекая внимания, вставить «вилку» от гирлянды.

Когда наше время истекло и дети, получив по мешочку со сладостями, стали разбегаться, я подошел к Юле и спросил:

– У тебя есть телефон опекуна Семена Михайловича?

Девочка вздернула подбородок и прищурилась:

– Конечно.

Я вынул мобильник.

– Продиктуй мне цифры.

Юлечка не проявила любопытства, спокойно назвала номер. Я ее поблагодарил, пошел к выходу и уже на пороге, повинувшись необъяснимому чувству, обернулся. Девочка, демонстрируя прогиб в пояснице, стояла ко мне боком, потом она повернулась, вздернула подбородок, прищурила голубые глаза и, потряхивая белокурыми кудрявыми волосами, заспешила к двери, чуть выдвинув одно плечо вперед. Мне захотелось перекреститься и прошептать стишок, который частенько говорила крохотному Ванечке няня:

– Иисус, защитник детей, будет всегда с тобой, за руку возьмет, через беды проведет, даст надежду и слезки утрет.

Семену Михайловичу я позвонил сразу, как только вышел из детского дома. Он оказался приветливым и согласился принять меня прямо сейчас, несмотря на то что часы показывали полдевятого вечера. Опекун жил в центре, и я, испугавшись предпраздничных пробок, поехал на метро.

В годы моего детства и юности подземка напоминала сказочный дворец. Маленький Ванечка восхищался мраморными полами, мозаикой на потолке «Маяковской», бронзовыми фигурами на «Площади Революции», заглядывался на витражи «Новослободской», побаивался строгих дежурных в черных шинелях, которые, взмахивая флажками, разрешали составу отъехать от перрона, и обожал кататься на эскалаторах. В метро тех времен было тепло зимой и прохладно летом, в нем ничем не воняло, пьяных тормозили суровые контролеры, а о нищих, бомжах и дворовых собаках в вагонах никто и подумать не мог. Окончив институт, я спустя некоторое время стал обладателем личного автомобиля и перестал спускаться под землю. Конечно, я пользуюсь метрополитеном время от времени, но не испытываю при этом, как в детстве удовольствия.

Но сейчас, сидя на продавленном диване и глядя на трех псов, мирно дремлющих около дверей, я негодовал. Поймите меня правильно, я люблю животных, но где гарантия, что эти шавки здоровы?

– Станция «Белорусская», – объявил диктор.

Псины вскочили и ринулись к дверям, они явно знали, где им нужно выходить. Я слегка расслабился, но уже через пару секунд понял: сладко посапывающие дворняжки не самое большое зло, в конце концов, если им понадобится попасть на вокзал, то я не против. А вот отвратительно воняющий, отчаянно кашляющий бомж, севший напротив меня, опасен для окружающих, он оскорбляет обоняние, слух, зрение и, вероятно, заражен туберкулезом. Я дождался «Маяковской» и переместился в другой вагон, вслед за мной туда же влетела молодая цыганка и заняла:

– Кому погадать?

Пассажиры никак не реагировали на присутствие ромалы, в конце концов она нависла надо мной. Я в свое время прочитал несколько книг, посвященных цыганам, поэтому без всякого аффекта сказал:

– Лаве нане^[3].

– Ух, много знаешь, – восхитилась девчонка, – я тебе так скажу, без рубля. Тебе сейчас надо соединить двух людей, ты сможешь им встретиться и обрешь свою любовь и счастье! Смотри, не поленись, иначе младенец Иисус расплачется, а его слезы – камни, из которых вырастет преграда к твоей удаче.

Согласитесь, это было уже слишком. Слава богу, поезд подъехал к следующей остановке, я, как ошпаренный, выскочил из вагона. Не верю колдунам, экстрасенсам, ведуньям, прорицателям, но от слов цыганки меня затошнило в прямом смысле этого слова, и я разозлился на себя. Иван Павлович, ты превращаешься в кликушу. До Рождества осталось чуть-чуть, а наглая ромала хочет заработать, вот и поминает к месту и без оногo младенца Христа. Надо привести нервы в порядок и спокойно поговорить с опекуном малышки.

Услышав мой вопрос про Юлю, Семен Михайлович крикнул.

– Мы с Федором, отцом девочки, учились в автодорожном институте, дружили со студенческой скамьи, вместе праздники отмечали. Хорошая у них с Леной семья была, они друг друга любили, не ссорились ни в нищете, ни в богатстве. Но в интимные подробности их жизни я не вникал. Знаю, что у них долго не было детей, а потом Лена родила Юлю. Меня пригласили посмотреть на девочку, когда ей исполнилось четырнадцать дней. Федя развернул пеленки и говорит:

– Сеня, гляди, какая красавица!

А я от ужаса онемел. Лежит какая-то жуткая кукла, голова огромная, тела почти нет, руки-ноги – словно паучьи лапки.

До сих пор свою оторопь помню, я подумал в тот момент: «Вот беда, надо же таким страшилищем уродиться!» Еле-еле улыбку на губах удержал. А через пару месяцев Юля стала похожа на человека, и я успокоился, не хуже, чем у других, девочка получилась.

– Значит, ребенок в браке появился не сразу? – переспросил я.

Сергей Михайлович причмокнул.

– Нет. Они уже всякую надежду потеряли, думали, останутся бездетными. Лена лечилась, постоянно по врачам моталась, ей всякие подсадки эмбрионов делали. Извините, не очень я в курсе. Один раз Федя улетел в Тольятти и задержался там, а меня позвала Лена и попросила:

– Сеня, отвези меня в Центр матери и ребенка на процедуру.

Другу семьи совсем не хотелось тащиться с Еленой по столь щекотливому делу, и он попытался отбиться.

– Лучше дождись Федора, он во вторник вернется.

Лена заплакала.

– Семен, я упущу время, надо прийти в определенный день цикла, когда яйцеклетка созрела. Умоляю, не лишай нас шанса.

– Уже несусь, – остановил ее Семен Михайлович. Его испугали слова про цикл и яйцеклетку, но деваться было некуда.

Лена провела у врача пару часов, потом вышла, вытирая лицо носовым платком, и прошептала:

– Сеня, надежды более нет, мы испробовали все, но результат – ноль. Остается надеяться на чудо.

– И оно произошло? – перебил я Семена.

Тот пожал плечами.

– Я не верю в чудо, но Лена отправилась молебны заказывать, поклоны перед иконами била и... забеременела. Провела почти семь месяцев в больнице и родила Юлю.

– Вы ее, конечно, навещали? – провокационно осведомился я.

– Нет, – возразил Семен, – к ней никого не пускали: она лежала в частной клинике в Подмосковье, врачи опасались инфекции, а сама Лена даже во двор не выходила, боялась осложнений, она-то понимала: судьба послала ей уникальный шанс. Елена Юлечку выстрадала.

– Все хорошо, что хорошо кончается! – воскликнул я.

Семен кашлянул.

– Федя с Леной погибли, Юля сейчас в лучшем интернате, я слежу за ее судьбой. Она в восемнадцать лет станет обеспеченной, вернется в родительскую квартиру, поступит в вуз. Надеюсь, она перестанет отвратительно себя вести!

– У Юли есть проблемы? – встрепенулся я.

– Злая девочка, – неодобрительно заметил опекун. – В пять лет объявила Лене: «Ты мне не родная мать. И я не Юля, а Катя». Вот уж гадость мелкая! Сказать такое матери, которая ее у Бога вымолила, а потом во рту носила. Да, Елена была строгой, ребенок жил по четкому расписанию: подъем в семь, обливание холодной водой, уроки русского, математики, иностранного языка, прогулка, обед, час отдыха, занятия спортом. Никакого телевизора, компьютера или идиотских американских мультфильмов, правильная здоровая пища и общение только с теми детьми, чьих родителей знала Лена.

– Похоже на концлагерь, – не удержался я.

– Чушь, – вспыхнул Семен, – Елена и Федор ответственно подошли к воспитанию дочери, они боялись влияния внешней среды на Юлю. На мой взгляд, родители совершили лишь одну ошибку: в воскресенье девочку возили в школу при церкви.

– Что ж плохого в лекциях батюшки? – удивился я. – В божьем храме плохому не научат!

Семен Михайлович сложил руки на груди.

– Церковники задурили девочке голову, она после года изучения Библии начала чушь молоть про Деву Марию, которая ей во сне является и про родную маму рассказывает. Лена очень расстраивалась, даже плакала, а Федор дочь наказывал, но толку-то. Думаю, они из-за Юли и погибли. В тот день девочка им заявила:

– Завтра Рождество, я должна уйти, меня зовет родная мамочка.

У Лены случилась истерика, а отец запер фантазерку в квартире и позвонил мне со словами:

– Сеня, я больше не могу терпеть Юлины закидоны. Мы сейчас с Леной съездим в магазин, а потом прикатим к тебе, надо посоветоваться.

Я, конечно же, согласился и, уже вешая трубку, услышал, как Лена сказала мужу:

– Если ты Семену расскажешь правду, я с ума сойду.

А Федя ей ответил:

– Сейчас Юля нам цветочки преподносит, а в тринадцать лет созреют ягодки, лучше сразу признать: она психопатка, и начать ее лечить.

До меня они в тот день так и не добрались, врезались в рейсовый автобус.

– Значит, девочка именовала себя Катей еще до гибели родителей? – уточнил я.

– С пяти лет чушь стала бубнить, – зло откликнулся Семен, – а через год Лена с Федей разбились.

Любезно поблагодарив опекуна, я вышел на улицу, поднял воротник пальто и поспешил в расположенное неподалеку кафе. К сожалению, моя машина в ремонте, передвигаться приходится пешком, а это серьезное испытание для того, кто много лет сидел за рулем. Я настолько свыкся с ролью водителя, что порой, идя по улице на своих двоих, растерянно останавливаюсь при виде знака, запрещающего поворот, и лишь через пару секунд понимаю: перечеркнутая стрелка не имеет ни малейшего отношения к безлошадному человеку. Конечно, в Москве варварские пробки, но, находясь в своей иномарке, я могу спокойно обдумывать проблемы, а вот в

метро теряю способность мыслить. Сейчас мне необходимо зайти в трактир.

Заказав для приличия кофе с плюшкой, я позвонил своему приятелю Максиму и спросил:

– Ты где?

– Угадай, – без особой радости ответил Воронов.

– На работе? – предположил я.

– Молодец, – повеселел товарищ, – хочешь поучаствовать в суперигре?

– Нет, заберу выигранную кофемолку. Лучше синица в руках, чем журавль в небе, – подыграл я Максиму. – Можешь навести справки об одной даме? Лариса Ремизова, отчества не знаю, возраст около сорока, примерно семь лет назад работала акушером-гинекологом в научном центре «Улыбка детства». Мне очень нужен ее адрес, телефон, короче, любой контакт.

– Попробую, – пообещал Макс, – жди, перезвоню.

Я отхлебнул на удивление хороший кофе и откусил от вполне съедобной булки. Можете считать меня полным идиотом, верящим в чудеса, которые случаются под Рождество, но, похоже, меня сейчас направляет некая таинственная сила. Смотрите, сколько всего произошло за короткий срок. Сначала Анна Львовна падает со стремянки, я бегу к ней в квартиру, получаю возможность длительно общаться с соседкой и внимательно изучить ее внешность. Потом еду в детдом и там вижу девочку, которая похожа на Анну, как ее клон: те же волосы, манера вскидывать голову, щурить глаза, прогиб в пояснице, походка плечом вперед. Но, самое главное, малышка просит называть ее Катей, мотивируя свое желание просто: она не родная дочь Елены и Федора, ее украли у родной мамы, которая всю беременность именовала еще не рожденную малышку Катюшей. А если прибавить к этой информации рассказ Анны Львовны о смерти дочки и сообщение Семена Михайловича про безуспешные попытки Лены завести ребенка и ее нежелание видеть даже самых близких друзей во время беременности, добровольное затворничество в платной, хорошо охраняемой клинике, то я рискну сделать смелый вывод: дочка Анны Львовны не скончалась. Роженице объявили о смерти малышки и передали новорожденную Елене.

Резкий звонок заставил меня вздрогнуть, я взял мобильный.

– Тебе не удастся поговорить с Ремизовой, – отчеканил Макс.

– Она уехала! – расстроился я. – Куда?

– Все намного хуже, – отнял у меня всяческую надежду Воронов, – Лариса Михайловна, врач, год рождения тысяча девятьсот шестьдесят четвертый, заведующая родильным отделением центра «Улыбка детства»,

скончалась.

– Совсем молодой умерла, – пожалел я незнакомую тетку.

– В тюремной камере, – отчеканил Макс. – Ремизову арестовали за торговлю младенцами. Эта дрянь находила среди будущих мам не пьющую, не гулящую, не малолетку, не маргиналку, а нормальную женщину, которая мечтала о малыше, и принимала у нее роды. Говорила матери, что ребенок умер, и отдавала его за большие деньги богатым бесплодным парам. Отчаявшись завести собственного ребенка, многие готовы платить, дабы получить здоровое дитя с неиспорченной генетикой, они не хотят брать отказника от наркоманки, проститутки или тринадцатилетней идиотки. Думаю, Ларису Михайловну неспроста убили в СИЗО, среди ее клиентов, очевидно, были непростые люди, им огласка не нужна, тихо убрали ту, что могла разболтать правду, спрятали концы в воду. До суда из-за кончины единственной подозреваемой дело не дошло. Журналисты ничего не разнюхали. Камень упал в болото, трясина чавкнула и затянулась ряской. Извини, если тебя разочаровал.

– Спасибо, – выдавил я из себя, положил мобильный на стол и уставился на дисплей сотового. До Рождества оставалось чуть больше двух недель.

На следующий день около восьми вечера я в сопровождении Оли, сотрудницы одной из московских лабораторий, постучался в дверь к Анне Львовне и, когда она открыла дверь, сказал:

– Простите за вторжение и не сочтите меня за дурака, потому что я хочу поделиться с вами фантастической историей.

Анна Львовна выслушала меня, не проронив ни слова, она вздрогнула лишь в самом конце рассказа, когда я произнес:

– Для того чтобы убедиться в вашем родстве, необходимо сделать анализ. Это не больно. Олечка возьмет образец, и через некоторое время мы будем иметь ясность. Лаборатория выполнит исследование в кратчайший срок.

Анна покорно открыла рот, а потом, когда Оля спрятала ватную палочку в герметичную пробирку, сказала:

– Я всегда чувствовала, что Катенька жива, анализ пустая формальность.

Восьмого января меня разбудил звонок. Отчаянно зевая, я открыл дверь и услышал счастливое стрекотание Анны:

– Мы с Катюшей возвращаемся в мой загородный дом, а через некоторое время уедем в Англию, там замечательные школы. Конечно, придется подождать, пока девочку официально признают моей дочерью, но

нужные люди пообещали, что задержки не будет. А пока мне Катюшу отдали по справке.

– Быстро вы провернули это дело, – растерялся я, – не дождался результата анализа.

– Он мне не нужен, – отмахнулась Анна, – я убеждена, что у нас с Катюшей полнейшее генетическое единство. Боже, она моя копия во всем, представляете, нам даже обеим нравится такая вещь, как пироги с солеными огурцами.

– Пироги с солеными огурцами, – протянул я и сделал шаг назад, – погодите!

– Что? – вдруг испугалась Анна. – Не успела сказать, мы с Катюшей до конца дней будем за вас молиться, вы сделали нам самый лучший подарок, нет, вы совершили рождественское чудо. А сейчас я бегу! Прощайте!

Я закрыл дверь, вернулся в комнату, вытащил из ящика письменного стола результат анализа и тупо замер, не в состоянии пошевелиться. Ну и дурак ты, Ваня! Нужно было вручить бумагу Анне Львовне, но она заговорила про рождественское чудо, и я дал слабину. Я подошел к окну. За стеклом бушевала метель. Мои пальцы сжимали листок, на котором черным по белому было написано: «совпадений нет, родство не подтверждается». Я фатально ошибся, а ведь все говорило в пользу моей версии: арест Ремизовой, заверение Юли, что ее зовут Катя, белокурые волосы, голубые глаза, рот сердечком, прогиб спины, возраст девочки, бесплодие Елены. Вероятно, Лена удочерила Юлю с помощью Ларисы Ремизовой, но младенец Анны Львовны, вероятнее всего, умер. Анализ ДНК никогда не врет. Я снова посмотрел на бушующую метель. Младенец Иисус, зачем ты втянул меня в это дело? И как теперь быть?

Внезапно черные тучи раздвинулись, показался кусок голубого неба, и сверкнул тонкий луч солнца, который заставил снег сиять ярче елочных гирлянд. Я скомкал заключение экспертизы. Ладно, mea culpa^[4], но кому от этого плохо? Катя обрела маму, Анна Львовна – дочь. Надеюсь, Аня никогда не сделает дочери анализ ДНК, впрочем, думаю, она не поверит и сотне генетиков, если те решат сказать ей правду, а я не хочу быть тем, кто убивает рождественское чудо. Непогода волшебным образом стихла, тучи неслись прочь, я по-прежнему стоял у окна и вдруг понял, почему младенец Христос втянул меня в это дело: он хотел, чтобы я ошибся.

Дарья Калинина

Сказка о добром волшебнике и его Красной Шапочке

Свете с Русланом сразу же приглянулся этот чудный, просто волшебный коттедж. Едва они его увидели на картинке, как сразу же поняли, что для своего медового месяца более идеального и в меру уединенного места просто не найдут. Они оба были сторонниками спокойного отдыха. Бешеный экстрим на подводных крыльях или калейдоскоп европейских столиц не прельщали их. Точно так же, как и отдых на каком-нибудь малазийском острове.

– Да ну их, эти океанские острова. Того и гляди, смочет очередным цунами. Оно нам нужно?

Руслан был очень осторожен в выборе места для их свадебного путешествия. Еще бы! Ведь теперь ему предстояло думать не только за себя, а за них двоих. За себя и за Свету. А значит, он должен был быть в два раза внимательнее и мудрее, чем прежде.

– Этот домик в горах – как раз то, что нам нужно! – решил он. – Уединенность, но не чрезмерная. Деревушка всего в километре от нас. К тому же в коттедже имеется телефон и рация на случай повреждения линий снежным бураном. А это значит, что мы в любом случае не останемся без помощи.

Света охотно согласилась с решением своего вновь испеченного мужа. У этой пары новобрачных был еще тот счастливый период, когда все, что говорит или делает ваш партнер, пусть даже он говорит или делает страшную глупость, воспринимается без тени раздражения, со счастливой улыбкой.

Но Света и сама не хотела бы ехать в свой медовый месяц на шумные курорты. Шума и суеты ей хватало и на работе. Света работала помощником режиссера на одной из киностудий столицы. И поэтому впечатлений ей хватало.

А отдохнуть она хотела в тишине, наслаждаясь обществом горячо любимого Руслана, ставшего наконец ее мужем. Впрочем, почему наконец? Они и знакомы-то всего полгода. И все их друзья и родственники в один голос советовали им не торопиться со свадьбой, обдумать столь важный шаг.

– Вы еще так плохо знаете друг друга. К чему вам регистрировать свои отношения? Поживите, присмотритесь. Может быть, еще и разбежитесь.

Одна только Светина бабушка, не колеблясь, заявила внучке:

– Никого, Светулька, не слушай! Только свое сердце, свои чувства! Что они тебе подсказывают, то и делай. Колеблешься, значит, не нужен тебе этот человек. И никогда нужен не будет. Поверь мне, своего мужчину всякая женщина узнает очень быстро. Долгих лет раздумий и размышлений ей на это не нужно.

И Света послушалась бабушкиного совета. Зачем ей думать, если при одном только виде Руслана, при звуке его голоса все ее существо ликует и поет? Зачем кто-то другой, если только вместе с Русланом ей хорошо, спокойно и счастливо?

Свадьба у них была шумной и пышной. Так настояла родня Руслана. Света не протестовала. Хотят люди праздника, это их право. Они же сами платят за все свадебные мероприятия, спасибо им. Света не хотела большого застолья и пышной свадьбы. Но Руслан ее уговорил.

– Ради меня! – взмолился он. – Иначе потом мать не даст нам с тобой покоя, убиваясь, что ее старший сын женился, словно голодранец.

А вот свадебное путешествие пара выбирала себе сама. И выбрала то, что было по душе именно им.

– В коттедже есть все необходимое для комфортной жизни. Как только приедем, разожжем камин. Холодный ужин нам должны оставить в холодильнике. Можем поджарить колбаски на огне или разогреть контейнеры с готовой едой в микроволновке.

Дальше питаться планировалось в ресторанах соседнего курортного поселка. Или же заказывать еду в тех же ресторанах с доставкой на дом.

Горнолыжный курорт, куда ехали отдыхать молодые, пользовался заслуженной славой. Сервис тут был сравним с европейским. А цены куда ниже. Вот и этот коттедж молодые смогли позволить себе самостоятельно. Родители Руслана не захотели оплачивать то, что они считали затворничеством и убожеством.

– Иногда я просто не понимаю своих родителей, – посетовал Руслан, виновато глядя на Свету.

– Ничего. Главное, чтобы мы с тобой понимали друг друга. В конце концов, жить нам не с родителями.

Руслан вновь повеселел. И больше не вспоминал про поведение своих родных. Надо сказать, что молодые были совсем из разных социальных кругов. Семья Руслана испокон веков занималась торговлей. До революции. После революции. В советские времена и после них. Барышничество было

у них в крови. И даже к свадьбе они отнеслись как к деловому мероприятию.

А вот родители Светланы происходили совсем из другого теста. Творческая интеллигенция. Она – поэтесса. Он – литературный критик. Они оба взирали на семью Руслана с изумленным видом детей, впервые попавших в зоопарк и увидевших там семейство носорогов.

Но молодым не было дела до того, что за чувства испытывают друг к другу их семьи. Возможно, обе семьи были недовольны выбором своих детей. Но рушить их счастье все же не стали. Поворчали, повздыхали, поплакали. Но обошлось одним гипертоническим кризом и одной попыткой самоубийства. Давление поднялось у матери Руслана – женщины полнокровной и в теле, когда она узнала, что родители невесты не способны оплатить даже часть свадебных расходов. А убиться пытался троюродный брат Светланы, оказывается, беззаветно влюбленный в нее уже много лет и находящийся на психиатрическом учете с пятнадцати лет.

Но это были мелочи, не стоящие того, чтобы о них вспоминать. Молодые любили друг друга, чувствовали себя счастливо, и это оказалось главным.

Коттедж, который должен был стать местом их уединения на ближайшие четырнадцать дней, действительно оказался восхитительным. Вокруг него лежал нетронутый белоснежный снег, даже в темноте сверкавший тусклым серебром.

Стояла зима. Новогодние праздники уже закончились. Приближалось Рождество. Коттедж встретил молодую пару весь увитый гирляндами крохотных фонариков. В сгустившихся сумерках домик выглядел таким трогательным и уютным, что Света даже прослезилась.

– Смотри, что тут написано!

– Счастья и любви! – подхватил Руслан. – А внутри нас должно ждать шампанское и подарок от отеля.

Коттедж предназначался исключительно для молодых пар. Круглый год в нем жили молодые, желающие провести медовый месяц в горах. Несмотря на то что цены в зимний сезон тут были атомные, Руслану никогда не удалось бы арендовать этот коттедж, столь велик оказался на него спрос. Но Руслану повезло. Один его хороший приятель работал в турагентстве. И зарезервировал коттедж для Руслана еще с осени. Внес за него небольшой залог. И предложил Руслану отдых там в качестве свадебного подарка.

– Вас там ждет сюрприз, – загадочно улыбаясь, произнес он. – Так что скучать вам не придется!

Руслан и Света согласились поехать сразу же. Заплатили оставшуюся сумму, которая едва не разорила их. Но все равно считали, что поступили правильно.

– Тут чудесно!

– Просто сказка!

И молодые, взявшись за руки, вступили в дом, который стал их первым совместным местом обитания.

Внутри оказалось так же чудесно, как и снаружи. Тоже гирлянды фонариков. Горящий огонь в огромном камине. Тепло. Очень тепло. Ясно, что одним камином тут дело не ограничилось. Но батареи отопления были старательно спрятаны и замаскированы, так что создавалась полная иллюзия, словно тепло во всем доме исходит от одного только камина.

Молодые сложили вещи прямо в гостиной, отпустили шофера, сказав, что на сегодня у них никаких пожеланий нету. А там будет видно. Шофер учтиво попрощался и испарился в ночной тьме. А молодые стали осматривать свой коттедж.

Все тут им нравилось. Всюду стояли статуэтки целующихся голубей, проказливых амурчиков и изображения влюбленных парочек. Особенно Свете понравилась одна спальня, отделанная в розовых тонах. Всюду сердечки, розочки, цветочки и воздушные шарики.

– Как тут мило! – восхитилась девушка и позвала мужа: – Руслан! Руслик! Иди сюда! Посмотри, что я нашла!

Руслан осмотрел и одобрил.

– Немного слащаво, – сказал он. – Но для медового месяца в самый раз.

И, произнеся эти слова, он увлек новобрачную на огромную кровать в форме розового сердца. Белые шелковые покрывала разлетелись в разные стороны. И Света сплела руки на шее у любимого.

– Мы ведь будем тут очень счастливы? – прошептала она, прежде чем забыться в объятиях мужа.

– Мы будем счастливы с тобой всюду! – пылко пообещал ей Руслан, запечатлевая на ее губах страстный поцелуй. – Лишь бы рядом! Лишь бы вместе!

И до самого утра молодым супругам стало ни до чего. Для них весь мир сосредоточился на них двоих. На их прочувственных вздохах, любовных клятвах и горячем шепоте потрескавшихся от любовного зноя губ.

Но вот наступило утро. Сквозь ставни проникли первые солнечные

лучи. И Света вскочила с кровати. Они с Русланом были жаворонками. Правда, Руслан мог заставить себя спать и при солнечном свете. Особенно если очень устал. Как, например, прошедшей ночью.

При воспоминании о прошлой ночи Света чуточку смутилась. Что они вытворяли! Как хорошо, что у них нету соседей! Иначе люди бы разбежались или пожаловались в администрацию курорта. Не удивительно, что Руслан теперь спит, словно убитый. А вот она спать уже не могла. Раз взошло солнце, она должна была вставать. Как ни сладко рядом с Русланом, но новое место настоятельно требовало того, чтобы его изучить.

– Руслик! Русланчик! Я пройду по дому? Ладно?

Но Руслан лишь почмокал губами, не открывая глаз и не просыпаясь.

– У-ум-м! – пробормотал он, и Света восприняла это как согласие.

Она выбралась из кровати и прошла по спальне. Класс! Интересно, а что еще тут есть? Вчера они с Русланом только начали осматривать дом. И толком ничего не осмотрели. Оказались в кровати и... Тут Света снова покраснела. И запретила себе думать о прошлой ночи. К тому же сегодня настал канун Рождества. Сочельник. Торжественный и таинственный день. Когда-то много лет назад на земле появился маленький Иисус. И теперь люди праздновали его Рождество как самый большой праздник.

Света спустилась вниз. Так, что тут? Столовая. Гостиная. Ванная комната. Очень большая и с джакузи. Света не отказала себе в удовольствии напустить туда воды с пеной. Белые махровые полотенца уже висели тут. Так же, как и красивые халаты. И тапочки. Хотя огонь в камине давно погас, в коттедже было очень тепло. Света разделась и голышом пробежала в столовую. Что тут есть вкусенького? Корзина с фруктами? Отлично! Света взяла красивую желтую грушу, которая так и светилась изнутри. И веточку винограда. Говорят, что винные ягоды не позволяют жирам сжигаться, но Света не заморачивалась с диетами. С ее работой все равно не растолстеешь.

А где же все-таки батареи? В доме так тепло, тут просто должны быть батареи. Светлану интересовало все и всегда. А уж интерьер домов и подавно. Они с Русланом планировали со временем поселиться в собственном доме. Неплохо сделать и у них такие потайные батареи.

Обшарив стены, Света наконец нашла тонкую щель. И, надавив на панель, обнаружила замаскированную стеной теплую печку и вентиляционный ход от нее в жилые помещения.

– Ага! – удовлетворенно кивнула девушка. – Вот они как тут все устроили. Молодцы!

И тут ее внимание привлек обрывок бумаги, лежащий на полу.

Видимо, он попал сюда во время очередной уборки коттеджа.

– Что это?

Подняв бумажку, Света увидела, что клочок исписан от руки. Большая часть текста отсутствовала. Свете удалось прочитать только один фрагмент.

«...риходи одна. Ничего никому не говор...»

– Интересно! – задумалась девушка. – Кто тут назначал свидание? И кому?

Но так как записка была далеко не новой, бумага уже вся покрылась пылью и вообще не выглядела нужной, Света сунула обрывок в карман и забыла о нем. У нее впереди было еще столько приятных забот, что задумываться над каким-то жалким обрывком не возникало никакого желания.

– Господи, как хорошо! – даже застонала Света, забравшись в горячую воду с целой горой ароматной пены. – Надо позвать Руслика!

Но в воде было так чудесно, что Светлана незаметно для себя задремала. Не заснула, а именно задремала. Очнулась она не скоро, но от странного ощущения, что на нее кто-то смотрит. Она повернула голову и чуть не закричала. Прямо возле дверей стояла молодая девушка с тонким печальным лицом и грустно смотрела на нее.

Справившись с первым приступом страха, Света заинтересовалась. Кто эта девушка? Как она оказалась в их запертом изнутри коттедже? И главное, что ей надо? На преступницу – убийцу или воровку – девушка похожа не была. Никакой агрессии она не проявляла. Просто стояла, уронив длинные тонкие руки вдоль туловища, и смотрела на Свету. Взгляд у нее был тоже печальный, в глазах стояли слезы. А лицо хотя и не красивое, но странно трогательное за душу.

Света откашлялась, умылась, подняла глаза на незнакомку и... и замерла с открытым ртом. Возле дверей никого не было. Сбежала!

– Руслик! – заорала Света не своим голосом. – Руслан! Просыпайся! Срочно! У нас гости!

Выскочив из ванны, Света завернулась в махровый халат и помчалась наверх, шлепая босыми ступнями по полу и совершенно забыв про тапочки. Какие тут тапочки, когда по их коттеджу бродит подозрительная незнакомка, молчит и плачет!

– Руслан! Просыпайся! У нас проблемы!

Руслан выскочил из спальни навстречу жене с вытаращенными глазами и стоящими дыбом волосами.

– Что? Что случилось? Что с тобой?

– Я видела девушку!

- И что? И где видела? За окном?
- Нет! Тут!
- Где?
- Прямо тут! У нас в коттедже!

И Света рассказала мужу о том, как решила в одиночестве понежиться в горячей водичке, как слегка вздремнула, а открыв глаза, увидела стоящую в дверях девушку. Выслушав жену, Руслан с облегчением рассмеялся:

- Вот уж глупости! Это тебе просто привиделось!
- Нет! Я отчетливо ее видела! Как тебя сейчас!
- Тебе померещилось.

– Не делай из меня идиотку! – разозлилась на него Света. – Говорят тебе, я ее видела! И чем стоять тут и молотить языком, общици дом!

- И что я должен искать? – тоже начал сердиться Руслан.
- Не что, а кого! Ее! Девушку!
- Опиши, как она хотя бы выглядит.

Света скрипнула зубами от злости. Он что думает, что по их коттеджу разгуливает сразу табун девиц? Наверняка так и думает. Иначе зачем просит приметы той, которая напугала его жену? Но Света сдержалась и сказала:

– У девушки длинные светлые прямые волосы. Лицо продолговатое. Бледное и печальное. Глаза... Вот глаза у нее красивые, только очень грустные. И она плачет!

Руслан вздохнул и поплелся осматривать коттедж. Вместе со Светой он заглянул во все комнаты, комнатки и подсобные помещения. Но нигде не нашлось бледной светловолосой девушки, плачущей и печальной.

– Теперь ты довольна? – спросил у жены Руслан. – Никого тут нет, кроме нас с тобой!

- Я ее видела, – произнесла Света, но уже далеко не столь уверенно.

Она же вместе с мужем осматривала коттедж и никого постороннего тут не обнаружила.

- Все в порядке?
- Ну... Да.

– А раз так, то пошли завтракать. Не знаю, как ты, а я с этой беготней чертовски проголодался.

- Скорей уж время обедать, – робко произнесла Света.
- Вот и отлично! Позавтракаем, а заодно и пообедаем.

Трапезничать предполагалось в ресторане, до которого еще надо было добраться. Но, к счастью, погода за окном стояла чудесная. Солнце ярко светило. И снег под его лучами сверкал, будто россыпь брильянтов. По

дороге в поселок Света любовалась окрестностями. Как же тут все-таки красиво! В городе она и не замечала, что снег бывает не просто белым, а самых разных оттенков – от нежно-лилового в тени и до светло-розового на солнце.

– Руслан, а что мы станем делать после обеда?

– Хочешь, покатаемся на горных лыжах. А хочешь, вернемся к нам и закончим то, что не завершили ночью.

Света заколебалась. Оба предложения показались ей одинаково заманчивыми. Но второе, пожалуй, все же перевешивало.

– Я бы расстроился, если бы ты решила иначе! – произнес Руслан, привлекая жену к себе. – Сокровище мое! Если бы ты только знала, как сильно я тебя люблю!

– И я!

И Света прильнула к мужу. Так что вниз в поселок они спустились голова к голове, как и подобает настоящим молодоженам. Быстро перекусив в ресторане, они взяли еще еды с собой на ужин. И вернулись в коттедж. Входя в дом, Света внимательно огляделась по сторонам. Нет. Никого тут нету. И что она себе вообразила? Вот ведь странно! Никогда она не была подвержена галлюцинациям и прочим глупостям. А тут вдруг померещилось. Девушка! Блондинка! Плачет! Ерунда! Руслан совершенно прав, полная ерунда!

Света прошла в их спальню, а Руслан замешкался внизу. И вдруг Света услышала его крик.

– Что случилось?

Она метнулась вниз и столкнулась с мужем.

– Я ее видел! – кричал муж, глядя на жену вытаращенными глазами. – Все как ты и говорила! Блондинка! Плачет!

– Где? В ванной?

– Нет! Сидела в кресле у камина и...

– Плакала?

– Что-то искала!

Света озадачилась:

– Искала? А что искала?

– Знаешь, как-то не догадался спросить! – разозлился Руслан. – Только глазом моргнул, а ее уже и нету!

– И что ты думаешь?

– А что тут думать? Нам втюхали коттедж с призраком!

– Вот уж чушь! Призраков не бывает!

– А бывает, что девушки сами по себе растворяются в воздухе?

Чтобы не усугублять ситуацию, Света предложила:

– Пойдем и посмотрим, что там в этом кресле такого... особенного.

Супруги подошли к стоящему у камина креслу и усадились на него с неммым укором, словно кресло было виновато во всем случившемся.

– И что? Кресло как кресло. Большое, мягкое и удобное. В такое сядешь – пожалуй, провалишься.

– Да.

Света опустилась в кресло и действительно провалилась вниз.

– Удобно, но странно.

И, пытаясь подняться, она неудачно оперлась рукой о подлокотник, и рука скользнула в щель между подлокотником и самим креслом.

– Ой, а что это здесь?

– Что?

– Какая-то штучка!

Света выдернула руку со сжатыми в кулак пальцами. А потом, раскрыв их, она протянула мужу свою находку.

– Какой-то брелок.

– Это не брелок! Это подвеска! Женская подвеска. Кажется, из золота. И кажется, очень дорогая. Дай-ка рассмотрю получше!

– Да. Золото. Вот и проба стоит. А камни! Посмотри, какие чудесные камни. В середине ясно, что крупный бриллиант. И вокруг него сапфиры.

– Может быть, это стекляшки? Или как их там... стразы!

– Нет. Это настоящие камни.

– Но если это так, то подвеска должна стоять целое состояние.

– Верно. Ее забыл кто-то из живших до нас тут постояльцев. Нужно вернуть ее им.

– Что? – удивился Руслан. – Вернуть? Подвеску? Оставь ее себе! Ты нашла, она теперь твоя!

– Нет. Не хочу. Нужно вернуть ее хозяйке.

– И как ты себе это представляешь?

– Не знаю. А ты?

Руслан промолчал. А Света произнесла:

– Пойдем обратно в поселок.

– Зачем?

– Обратимся за помощью к управляющему, который встретил нас по приезду. Надеюсь, он подскажет нам, что делать.

И, увидев умоляющий взгляд Руслана, мягко добавила:

– Вещь очень ценная. Нельзя просто взять ее себе.

– Понимаю. Ладно. Пошли.

Управляющего на месте не оказалось. Вместо него сидела совсем молоденькая девушка, которая с интересом уставилась на парочку.

– Скажите, это ведь вы остановились в «Сиреневом закате»? – неожиданно спросила она.

– Ну да. Мы.

– И как? Вам все нравится?

– Да. Спасибо. Фрукты были чудесные. И так приятно, что вы разожгли огонь в камине к нашему приезду. Дом сразу же приобрел жилой вид. И фонарики! Мы просто в восторге.

Девушка покивала головой. Но было видно, что она ждала совсем не этого.

– Значит, все хорошо?

– Да.

– И что же, выходит, ОНА к вам еще не приходила?

Руслана и Свету словно током ударило.

– ОНА? Кто ОНА?

– Ну... ОНА... Привидение.

Руслан ошарашенно посмотрел на девушку и произнес:

– Вы это серьезно? Насчет привидения?

– А вас что, не предупредили?

И девушка удивленно похлопала глазами:

– Вот наши дают! Сдают людям коттедж с призраком и даже не предупреждают! Ой, а вы что, рекламу не читали?

– Рекламу? Нет. Нам этот коттедж один знакомый зарезервировал. Вроде как подарок к свадьбе.

– Ничего себе знакомый у вас! – хмыкнула девушка. – Будто неграмотный. Должен же был предупредить, что коттедж потому и пользуется такой популярностью, что в нем живет самый настоящий призрак! Призрак погибшей невесты! Для любителей острых ощущений – это дополнительный стимул оказаться там.

Света почувствовала, как у нее по спине пробежала дрожь. Погибшая невеста! Так вот кто приходил к ним! Выходит, ей не почудилось! И Руслану тоже не почудилось! Девушка была! Верней, не сама девушка, а ее призрак!

– А как это произошло? Как она погибла?

– И когда? – выпалил Руслан. – Когда это случилось?

– Уже почти год прошел, как она погибла, – произнесла девушка. – Нет, вру! Год уже прошел. Как раз накануне прошлого Рождества она и погибла. Во всей стране праздник, а у нас горе. А вы, видно, не местные.

Наши-то всю эту историю хорошо знают. Газеты чуть ли не целый месяц трубили об этом.

– Нет. Мы не местные. Мы из Москвы приехали.

– А-а-а... Ну, тогда конечно. Хотя слава у нашего Каринелли всемирная. У нас его все очень хорошо знают, он у нас знаменитость. Родился и вырос тут. А теперь вот со своими номерами по всему миру колесит. Неужели вы про него не слышали?

– А кто этот... Каринелли?

– Жених. Верней, муж погибшей.

– А что это за имя такое странное?

– А это и не имя. Это псевдоним. Он волшебник. Фокусник. Иллюзионист. В нашем цирке раньше работал.

И девушка, которая явно скучала за своей стойкой, принялась рассказывать новичкам эту историю:

– Приехали они к нам как раз накануне Рождества. И Настя эта сразу же захотела покататься на лыжах. А Каринелли наш ни в чем ей не отказывал. Они ведь к нам не первый раз приезжали. И до этого были. Правда, в других коттеджах останавливались. А тут в медовый месяц прикатали и «Сиреневый закат» арендовали. Ну, как и вы.

Параллель, проведенная этой болтушкой, сильно не понравилась Руслану. Он засопел и метнул на девушку негодующий взгляд. Но та ничего не заметила. И продолжала болтать:

– И так наш Каринелли своей Настеньке угодить стремился, что нас, девчонок, завидки брали. За что тощей страшили такая любовь? Ведь какие красивые девушки были у Каринелли! Взять хотя бы Танюшу! Красавица! Ей бы в конкурсах красоты участвовать! А она у Каринелли в ассистентках пропадает. И как он с ней обращался, когда сюда приезжал. Свысока. Покрикивал. А с Настей его словно подменили. Хотя повторяю вам, она как раз красотой не блистала. И за что ей такое счастье выпало?

– Любовь, наверное.

– Точно! Любил он ее страшно! А уж когда поженились, счастливей его человека и не было вовсе.

– А она?

– Настя?

– Да.

– А вот она как раз печальная была. Всегда словно в воду опущенная ходила. Я тогда еще думала, что она притворяется. А потом мне одна бабка объяснила, что так происходит с людьми, которым на роду написано умереть рано и страшно. Они словно свою скорую смерть предчувствуют.

И печалются все время.

– А как она погибла?

– Да как... На лыжах поехала кататься и со склона свалилась. Все руки и ноги себе переломала. И шею.

– Ой! Да как же это?

– Поздно уже было. Темнело. Наверное, не заметила, куда едет. Не следовало ей ходить на лыжах. Да только Настенька страшно к ним пристрастилась. И хотя они с Каринелли уже под вечер приехали, мужа у нас в баре оставила, а сама сразу же в горы потащилась.

– И там упала?

– Точно.

– И разбилась?

– Да. На Каринелли, когда ее из ущелья подняли, смотреть было страшно. Весь зеленый, дрожит. Хорошо Танечка – его ассистентка – приехала. Она за ним и присмотрела. А без нее он бы на себя точно руки наложил. В то же самое ущелье, где Настя его погибла, и сам бы бросился.

И, почесав за ухом, девушка внезапно нырнула под стойку. А обратно вынырнула с газетой.

– Вот! До сих пор храню, сама не знаю зачем! Хотите почитать? Тут все подробно изложено. И фотографии есть!

И она протянула Руслану выпуск местной прошлогодней газеты, целиком посвященный погибшей девушке и ее звездному супругу.

Света несла эту газету, прижимая под курткой к груди. А дома, едва раздевшись, устроилась с ногами на диване и принялась самозабвенно читать. Руслан с потерянным видом слонялся рядом. И вдруг Света ткнула пальцем в одну из фотографий:

– Посмотри! Видишь, у нее на шее подвеска? Это та самая, что мы нашли!

– Да. Похожа.

– А теперь почитай, что тут про нее пишут!

– Лучше сама почитай.

– Пишут, – не стала спорить Света, – что подвеску эту Каринелли привез своей невесте из Милана. И стоит она целых сто тысяч евро! Представляешь?

– Сто тысяч евро? – ошарашенно произнес Руслан. – Выходит, ты нашла в кресле сто тысяч евро?

И, растроганно взглянув на жену, воскликнул:

– Умница ты моя!

– Мы нашли! И не евро, а чужую подвеску, – строго поправила его

Света. – И хотя я знаю, что ты сейчас думаешь, но мы ее отдадим законному хозяину! Вот только странно...

– Что странно?

– Тут в статье написано, что Настя пошла кататься на лыжах, даже не заходя в «Сиреневый закат».

– Да. И та девушка тоже так сказала. Насте настолько не терпелось покататься, что она схватила лыжи и помчалась к подъемнику.

– А откуда тогда у нас в коттедже нашлась подвеска Насти?

Руслан помолчал, а потом предположил:

– Возможно, ее нашли вместе с телом. И отдали Каринелли.

– И он спрятал ее в кресле?

– Не спрятал, а... Уронил! Что ты хочешь, человек был в страшном горе! До цапек ли ему было!

– Хм. Возможно. Но все равно надо ему отдать.

– Что отдать? – встрепнулся Руслан. – Подвеску? Да не нужна она ему! Только лишнее расстройство! Оставьте ее себе и носите.

– Нет, не могу. Она принадлежала погибшей девушке.

– Не можешь взять себе, возьми и продай!

– Нет, Руслан! И не проси! Ты ведь понимаешь, эта подвеска была не простым подарком, а со смыслом. Я не возьму себе такую вещь. Только если Каринелли сам меня об этом попросит.

– Как же! – хмыкнул Руслан. – Жди!

И тут же он встрепнулся.

– Попросит? Как это попросит? Мы что, собираемся к нему в гости?

– Ну, конечно. Я в поселке как раз видела объявление. Завтра в областном центре выступает местный цирк. И Каринелли почтит его своим присутствием.

– Что? Сам?

– Да! Вернулся с заграничных гастролей. И даст тут одно выступление. Своего рода подарок родному цирку. Так что завтра народу в цирке будет – не подступиться!

Конечно, билетов на выступление Каринелли в цирковых кассах никаких не оказалось. Кассирши подняли Свету с Русланом на смех.

– Ну, вы даете! Да их еще за два месяца раскупили!

– А что же делать? Нам очень нужно попасть на его выступление!

– Всем хочется туда попасть. Человек впервые после той трагедии к нам снова приехал... Идите к перекупщикам. У них, наверное, есть.

У перекупщиков билеты были. Но цены кусались. У Руслана

вытянулось лицо, когда он услышал цифру.

– Да ты что?! – не сдержавшись, гаркнул он на щуплого мужичонку, торговавшего билетами из-под полы. – Да я за эти деньги ложу в Большом приобрету!

– Ну, и иди себе в свой Большой! А у нас свой Большой. Каринелли! И торговаться я не буду. Ты не купишь, другие купят.

– Заплати, – попросила Света мужа.

Вздыхнув, Руслан заплатил. Места у супругов были хорошие. Второй ряд. Места прямо напротив центрального входа. Но вот само представление было довольно средненькое. Да и чего ожидать от задрипанной труппы провинциального цирка?

Жонглеры роняли мячи, кегли и шарики. Акробаты срывались и некрасиво плюхались на манеж. Клоуны оказались пошляками. Дрессированные собачки не хотели прыгать через веревочку. Медведь выглядел откровенно больным и плешивым. Порадовали только обезьянки. Этим забавным зверькам удалось отчасти спасти представление. Они были в каждом номере. И, кажется, знали себе цену.

И наконец появился долгожданный знаменитый Каринелли! Едва он вышел, как Света буквально впиалась глазами в лицо иллюзиониста. Конечно, под толстым слоем грима, покрывавшим лицо артиста, было трудно что-либо разобрать. Но Свете показалось, что фокусник печален.

– А теперь на арене прославленный артист, заслуженный мастер, известнейший иллюзионист и...

И так далее, и так далее. Перечисление достоинств и званий длилось долго. За это время Каринелли успел раскланяться и приступить к делу. Он выпускал голубей из рукавов, тянул бесконечные платки, находил на голом локте часы, цветы и даже дамские сумочки. Под гром аплодисментов он спрятал в шкаф свою ассистентку, а извлек оттуда внушительных размеров гуанако, украшенного разноцветными ленточками.

Инвентарь у фокусника был европейского уровня. Шикарный. И ассистировала ему длинноногая черноволосая красотка. Видимо, та самая Танечка. Девушка действительно была очень эффектна. И супруги снова вспомнили слова о том, что ей бы в конкурсах красоты призы кучами собирать, а она посвятила жизнь беззаветному служению волшебнику. Выступала Танечка в костюме Красной Шапочки. Коротенькая синяя бархатная юбочка в блестках. Лиф, открывающий большую полную грудь. Корсет. И, конечно, длинные ноги в сверкающих ботфортах.

Она покорно ложилась под ножи, которые втыкал в нее Каринелли. Позволяла разрезать себя на две части. И даже не побоялась спрятаться в

ящике, который Каринелли поджег под восторженный рев трибун. Такой фокус супруги видели впервые.

– Ой! Как страшно! – схватила мужа за руку Света. – Что с ней будет?

– Что будет? Сгорит!

Ящик полыхал, словно факел, ярко, но недолго. Минута – и Каринелли отдергивает занавес. И вот она! Живая и невредимая красавица! Ни следа термического ожога! Даже костюмчик не оплавился!

– Не сгорела! – обрадовалась Света. – Жива!

Под гром аплодисментов Каринелли раскланялся и ушел за кулисы. Бесспорно, это выступление стало гвоздем программы. И даже Руслан теперь не ворчал и не возмущался. Зрелище сгорающей заживо и воскресающей девушки задело и его скептическую натуру.

– Пошли! – дернула его Света. – Мы сюда не на представление глазеть явились!

Проникнуть за кулисы захудалого цирка – дело не из сложных. Никакой охраны. Ходи, кто хочет. Брать у нищих провинциальных артистов, за исключением их инвентаря и костюмов, нечего. Но костюмы при ближайшем рассмотрении давно прохудились. Позолота потускнела. Шитье обтрепалось. Стразы высыпались. Так что много охотников за таким богатством не нашлось бы.

Расспрашивая, супруги добрались до гримерной Каринелли. И, постучавшись, вошли. Каринелли сидел у зеркала. Он повернулся к ним с безучастным видом и равнодушно произнес:

– Вы кто такие?

– Вы нас не знаете.

– Что вам нужно?

– Мы хотели поговорить с вами о Насте.

При упоминании погибшей жены лицо фокусника исказилось. Гримасу отчаяния и скорби не смог скрыть даже наложенный перед выступлением грим.

– Вы журналисты? Убирайтесь!

– Нет! Нет! Вы нас не дослушали. Мы с женой остановились в том же коттедже, где были вы с женой. «Сиреневый закат».

– Убирайтесь! Никогда там не был!

– Но вы же приехали туда в свое свадебное путешествие?!

– Ну и что! Настя погибла! Никакого путешествия не было. Убирайтесь! И вообще, какое значение это имеет теперь?

В коридоре слышались звуки шагов, и в гримерную вбежала та самая девушка, которую иллюзионист распиливал и сжигал на арене.

– Все в порядке, дорогой мой? – воскликнула она. – Мне послышалось...

Она запнулась, увидев в гримерке чужих.

– Кто вы? Что вам нужно? Уходите! Кто вас вообще пустил!

– Танечка, разберись с ними, – простонал Каринелли. – Это журналисты. Им все не дает покоя история с бедной Настенькой.

– Ах вы, паразиты! – разозлилась Танечка. – А ну! Вон отсюда! Вон, я вам сказала! Убирайтесь!

И, говоря это, Танечка теснила супругов к выходу. Девушкой она была крупной и физически развитой. Пожалуй, чтобы с ней справиться, Руслану пришлось бы выдержать нешуточную схватку. Но драться с женщиной он не мог. А иначе уговорить Танечку не получалось. Она уже почти вытолкала Руслана и Свету из гримерки, как Света воскликнула:

– Мы нашли в коттедже украшение вашей жены! Вот!

И она выдернула из кармана руку с зажатой в ней подвеской. При виде этого блестящего предмета все замерли. Причем на лицах всех троих отразились самые разные чувства. Лицо Каринелли выражало бесконечное страдание. Руслан смотрел на жену с гордостью, вот такая она у меня умная и находчивая. Но больше всех поразило Свету выражение лица ассистентки. Пожалуй, это был страх. Да, да! Подвеска покойной Насти напугала Танечку почти до обморока.

Но не успела Света это толком обдумать, как ее отвлек фокусник.

– Откуда это у вас? – Каринелли протянул дрожащие руки к сокровищу. – Откуда? Как?

– Мы же говорим, нашли это в коттедже!

– Но как? Откуда? Вы говорите, «Сиреневый закат»?

– Да. Вы помните это место?

– Конечно. Мы с Настенькой должны были остановиться там, когда... Боже мой! Простите меня! У меня просто нет слов! Прошел уже год. Да, ровно год с того дня, как Настеньки больше нет со мной. И вдруг появляетесь вы и приносите мне ее украшение. Это для меня словно весточка с того света! Как вы думаете, это Настенька послала мне через вас свой привет?

И так как Руслан со Светой не торопились признаться в сговоре с бедным привидением, он выхватил из рук Светы украшение, внимательно взгляделся в него и воскликнул:

– Да! Это она самая. Нет никакого сомнения. Это мой предсвадебный подарок Настеньке. Где вы, говорите, нашли подвеску?

– В нашем коттедже. Она завалилась за кресло.

– Но это совершенно невозможно! Настенька никогда не была в том коттедже!

Теперь наступил черед удивляться Свете и Руслану.

– Как вы сказали? Не была?

– Настенька никогда не была в «Сиреновом закате». Не успела. Сразу же умчалась кататься на лыжах. А я остался в баре, ждать ее возвращения. Если бы я только знал... если бы почувствовал... Никогда бы не отпустил ее в тот день в горы!

– Говорят, уже смеркалось?

– Была уже вторая половина дня. А в горах темнеет быстро. Настенька задержалась и вот... не заметила обрыва!

– Это ужасно. Но все же вернемся к подвеске. Вы уверены, что ваша невеста никогда не была в коттедже? Может быть, после смерти ее занесли туда?

– Нет, – покачал головой фокусник. – Говорю вам, Настенька никогда не была в «Сиреновом закате». Ни живой, ни мертвой. Подняв из ущелья, ее сразу же увезли в город. А коттедж... Зачем было заносить туда тело?

– Но... Но как же тогда там появилось ее украшение?

– Это и для меня самого тоже загадка, – произнес иллюзионист.

– И привидение! Если ваша невеста умерла не в коттедже и даже никогда там не бывала, то откуда там взяться ее призраку?

– Что?!

Это воскликнули Танечка и Каринелли хором. Вид у них был до того ошарашенный, что супруги поняли: они ничего не слышали про призрак невесты, поселившийся в «Сиреновом закате». Особенно разволновался Каринелли:

– У вас живет моя Настенька? И вы ее видели? Вы не шутите?

Мужчину буквально всего трясло от волнения.

– Умоляю вас! Разрешите поехать с вами!

– Вы хотите взглянуть на Настеньку?

– Да! Да! Умоляю!

– Ну, что же... Если для вас это так важно... хотя у нас и медовый месяц...

И, видя, что фокусник на попятный не идет, Руслан мужественно закончил:

– Но раз уж так получилось, то я приглашаю быть нашим гостем.

– Благодарю! Не уходите! Поедем прямо сейчас! Только переоденусь!

И Каринелли заметался по гримерке.

– Таня! Танька! Где мои вещи? Да что ты стоишь столбом, дура! Живо

тащи мои вещи! Ты что, не слышишь?

Танечка, которая замерла у дверей, отмерла и бросилась к Каринелли.

– Не езд! – страстно взмолилась она.

– Что? Неси вещи, корова!

– Не езд! Помнишь, что с тобой было после того, как Настенька погибла! Ты сам чуть было не погиб! Сколько врачей мы сменили! Сколько западных светил посетили, прежде чем ты вернулся в норму.

– Со мной все в порядке! – с раздражением и даже злостью в голосе произнес Каринелли. – Не смей мне перечить!

– Врачи запретили тебе волноваться. Любой стресс губителен для твоей психики. Ты можешь сойти с ума! Понимаешь?!

Танечка почти плакала.

– Ты сойдешь с ума, а что станет со мной? Ты об этом подумал?

– Оставь меня! – закричал Каринелли. – Ты мне надоела! Таня, ты буквально душишь меня своей заботой! Думаешь, я не ценю все, что ты для меня сделала? Очень ценю! Но сейчас я поеду! Поеду и увижу свою Настеньку. И не думай, что ты сможешь помешать мне!

– Тогда я тоже поеду с тобой!

– Делай как хочешь! – отмахнулся от нее Каринелли, словно от назойливой мухи. – Где мои вещи?

Вещи нашлись. Грим Каринелли снял прямо в такси. Ему не терпелось попасть в «Сиреневый закат». В результате они чуть было не забыли Танечку.

– Ой! Мы забыли вашу ассистентку!

– Таню? Не будем ее ждать!

– Она тоже хотела поехать.

– Некогда! Поехали без нее!

Но в этот момент Танечка выбежала из здания цирка, размахивая ярко-красным шарфом.

– Я тут! Пойдите!

Она забралась в такси и угрюмо забилась в угол машины. За всю дорогу она не произнесла ни слова. Только жалобно вздыхала и с тревогой смотрела на своего Каринелли. А тот не обращал на ассистентку ни малейшего внимания. Он тоже был весь на взводе. Но это волнение не имело ничего общего с той стычкой в гримерке, свидетелями которой стали Руслан и Света.

– Верно говорили, что Каринелли обращается со своей ассистенткой просто безобразно, – прошептала Света. – Как он ей хамит! Если бы ты позволил себе хотя бы десятую часть, я бы от тебя ушла!

– Она ему не жена. Просто ассистентка.

– Но при этом они достаточно близки. Вспомни, ведь до появления Настеньки они отдыхали в горах вместе. И сейчас...

Она не договорила. И всю дорогу до коттеджа Каринелли допытывался у Руслана и Светы подробностей появления Настеньки. На него было страшно смотреть. Похоже, Танечка не зря тревожилась за здоровье волшебника. Он был близок к очередному нервному срыву.

– Зря мы это затеяли! – прошептал Руслан на ухо жене. – Говорил я тебе, возьми подвеску себе! Никогда ты меня не слушаешься! А теперь видишь что получилось?

Света промолчала. Так и доехали. Едва машина остановилась, как Каринелли выскочил на снег и помчался к «Сиреневому закату».

– Настенька! – кричал он, дергая дверь. – Я приехал! Настенька!

И, повернув искаженное лицо к остальным, закричал:

– Да откройте же! Скорее!

Руслан отпер дверь. И Каринелли ворвался внутрь.

– Настенька! Настенька! Настя!

Он метался по комнатам, оставляя на полу мокрые следы.

– Ее тут нет, – раздался голос Тани. – Прошу тебя, успокойся! Эти люди аферисты. Не знаю, что им нужно от тебя, но они соврали тебе.

И она умоляюще посмотрела на Руслана и Свету. Подтвердите! Прошу вас!

– Нет, мы не врани! – твердо произнесла Света. – Призрак есть. Спросите кого хотите в поселке. Вам подтвердят.

– Да они даже этот коттедж стали сдавать дороже, потому что тут живет призрак погибшей невесты! – воскликнул Руслан. – О чем тут врать?

– Это все слухи! Призраков не бывает!

– Замолчи, дура! – привычно бросил Каринелли и вдруг добавил странную вещь: – Ты всегда мечтала занять место Настеньки. Думаешь, я не помню, как ты уговаривала меня жениться на тебе? В постель ко мне влезла. Думала, у тебя что-нибудь получится? Но ты мне не нужна! Как ты не поймешь! Тебе никогда не занять место Настеньки в моем сердце! Она – единственная! А ты совсем другое дело!

Танечка угрюмо замолчала и отвернулась в сторону. Света задумчиво посмотрела в сторону девушки. Выходит, правду говорили люди? Танечка и фокусник были любовниками? И Танечка даже надеялась стать его женой? А потом появилась Настенька, и все планы Танечки полетели вверх тормашками? Хм. Интересно, что ощущала Танечка по этому поводу? Вряд ли пришла от такой рокировки в восторг.

Каринелли провел в коттедже новобрачных всю ночь. Танечка не отходила от него ни на минуту. Но никакого призрака не появилось.

– Вы видели ее ночью? – в сотый раз спросил Каринелли у молодой пары. – Днем? Можно, я подожду еще?

В его голосе слышалась такая боль, что Руслан кивнул. Хотя ему незваные гости очень мешали. Каринелли с ассистенткой остались в коттедже еще на день. До обеда призрак не соизволил появиться. И Света видела, как Руслан начинает злиться.

– Выйдем, – предложила она ему и Танечке. – Прогуляемся немного. Нам это только на пользу.

Танечка не хотела уходить. Но Каринелли поддержал предложение Светы. И Танечке пришлось покориться. Стоило им выйти за дверь, как из дома раздался крик Каринелли:

– Настя! Настенька! Дорогая моя девочка! Это в самом деле ты!

– Явилась!

– Наконец-то!

Услышав это, Танечка кинулась назад. Но Света была начеку и перегородила ассистентке фокусника дорогу.

– Пустите! – рвалась Танечка. – Пустите меня! Вы не понимаете! Они не должны увидеться! Им нельзя! Вы не знаете...

– Чего мы не знаем? Чего? – кричала в ответ Света. – Это ведь вы убили Настеньку?

– О! – отшатнулся Руслан. – Света, что ты говоришь?

– Это ведь вы заманили ее в коттедж, прислав письмо, – не обращая внимания на мужа, кричала Света. – И расправились тут с ней, пока Каринелли дожидался ее внизу в поселке, в баре?

– Нет! Да! Вы не понимаете! Настя была совсем не такой милой и наивной! Она тянула из него деньги! Ей были нужны только его деньги! Она его совсем не любила!

– Зато он любил ее!

– Ну и что! – запальчиво воскликнула Танечка. – И меня бы он полюбил! Женился и полюбил. Я была почти у цели, когда появилась она и все испортила! Стерва! Гадина! Притворялась такой тихой, такой нежной! А на самом деле была как акула!

– С чего вы взяли?

– Мне он никогда не делал таких подарков! Видели эту подвеску, которую он привез ей к свадьбе? Она стояла целое состояние! А мне он даже простенького колечка за все наши встречи не подарил! Но я и не просила. Мне было ничего от него не нужно. А она требовала! Постоянно!

Подарков! Денег! Развлечений!

– Он ее любил. Поэтому и делал эти подарки! А ты ее убила. Из ревности!

– Да, я ревновала! Но я не хотела ее смерти! Я просто хотела поговорить с ней. Наедине!

– И для этого ты заманила ее в этот коттедж? Написала письмо и пригласила для разговора?

– Да! Я хотела сказать ей, чтобы она любила его, как... как я. Что раз уж он выбрал ее и сделал своей женой, то пусть бы она любила его за нас двоих!

– А она?

– Настя рассмеялась мне в лицо! Она говорила ужасные вещи! Назвала его старым уродом! А меня его дешевой подстилкой! Но плевать на это! Я бы все стерпела от нее ради... ради него. Но она сказала, что через полгода, максимум через год она его бросит. Вытянет все его деньги, разорит и бросит. Что у нее есть молодой любовник. Что она его любит. Но он беден. И она вышла замуж за Каринелли ради его денег!

– И тогда вы на нее напали?

– Я не хотела ее смерти! Знала, как он будет горевать! Я просто хотела встряхнуть ее! Чтобы у нее мозги встали на место!

– И что? Что случилось?

– Она стала вырываться. Я не удержалась на ногах и упала. Прямо на нее! Она была подо мной. И я... я не знаю, что произошло. Она вдруг затихла. Я встала и увидела, что у нее свернута шея.

– Вы сломали ей шею?

– Я не хотела, – заплакала Танечка. – Я – неуклюжая корова. Он всегда меня так называет! Я хотела, чтобы он был счастлив. Пусть и не со мной, пусть с ней. Но она умерла. А мне следовало быть с ним рядом. Чтобы поддержать! Спасти! Я не могла отправиться в тюрьму!

– И тогда вы выдали ее смерть за несчастный случай в горах?

– Да. Я взяла ее лыжи и потащила ее тело в горы. Уже стемнело. Никто нас не увидел.

– И в горах вы сбросили ее тело с обрыва. Вы ведь много раз приезжали сюда с Каринелли еще до его знакомства с Настенькой. И жили тут с ним. И катались на лыжах. И прекрасно изучили все окрестности.

– Да! Изучила! Да! Я знала, куда спрятать тело! И спрятала! Никто ничего не заподозрил!

– Еще бы! Ведь вы уничтожили все улики! Сбросили тело! Прибрались в коттедже! Даже обрывки вашего письма, с помощью

которого вы заманили вашу соперницу в коттедж, вы тоже подобрали. Все, кроме одного! Он попал в щель, и вы его не заметили!

Танечка горько плакала. А Света с Русланом беспомощно смотрели на нее. Что им делать? Сдать преступницу милиции? Но где доказательства? Письмо? Но в нем нет ни тени угрозы жизни Настеньки. Подвеска? Нет, подвеска – это не доказательство. В милиции скажут, что Каринелли сам себя не помнил от горя. И сунул подвеску, будучи не в себе от горя – утраты молодой жены.

– Что же нам делать? – шепнула Света на ухо мужу.

– Не знаю, – признался тот. – А все ты! Говорил же, оставь подвеску себе!

Но в этот момент дверь коттеджа внезапно распахнулась, и оттуда вышел Каринелли. Все бросились к нему. Но лицо мастера иллюзий было необычайно светлым. И на всех своих друзей он посмотрел без былой горечи и боли.

– Я ее видел, – сказал он. – Видел мою Настеньку.

Глаза его увлажнились. Но это были совсем другие слезы – просветления и радости.

– И вы с ней поговорили?

– Да. Спасибо вам. Мы с ней простились. И теперь я чувствую огромное облегчение. Моей вины в том, что случилось, не было. И ничьей не было. Все произошло само собой. Видать, такая уж у Настеньки судьба, умереть молодой.

– Дорогой! – бросилась к нему Танечка. – Ты в порядке?

– А-а-а... Танюша, – впервые без всякого раздражения в голосе произнес фокусник, и лицо его осветилось еще больше. – Вот и ты, мой самый верный дружочек! Подумать только, ты всегда была рядом, а я и не замечал, какой ты славный человечек. Прости меня, Танечка. Знаю, что иногда бывал груб с тобой, но поверь мне, этого больше не повторится.

– Ты... – даже пошатнулась Танечка. – Что случилось? Ты сам не свой!

– А что такое?

– Ты никогда еще так ласково со мной не разговаривал.

– Ну что же, – усмехнулся фокусник. – Привыкай. Теперь я только так и буду с тобой разговаривать.

И, ласково улыбнувшись своей подруге, он обнял ее за плечи и повернулся к Свете с Русланом.

– Знаете, там, в коттедже, когда мне явилась моя бывшая невеста, я понял одну простую вещь, – произнес он. – Живые должны оставаться с живыми. Я оплакивал свою Настеньку достаточно долго. Своими слезами,

своим неумным горем я не давал ей уйти, обрести покой.

– И что же теперь?

– А теперь нужно жить дальше. Я и Танечка... Мы вместе составим чудесную цирковую пару. Да к нам все так и относятся, как к паре. Все знают, как Танечка меня любит. А теперь и я сам могу ответить на ее чувства. Настенька освободила меня от всех моих клятв. И я свободен!

С этими словами он обнял Танечку еще крепче и увлек ее за собой. Вниз. В поселок. К другим людям. Туда, где их ждала долгая и, как надеялись Руслан со Светой, счастливая жизнь. Они смотрели этой паре вслед долго, пока те не скрылись из вида. А потом Света произнесла:

– Выходит, Танечка так и не понесет наказания за свой поступок? Все-таки она убила.

– Но ты же слышала, что она сказала.

– Да. Она не хотела. Так получилось, но...

– Если уж сама Настенька ее простила, то кто мы такие, чтобы вмешиваться?

– Но...

– Ни Настенька, ни Каринелли не упрекнули Танечку. И мы тоже не будем.

– Но я...

– Света! – шутливо повысил на нее голос Руслан. – В конце концов, кто тут муж? Кто тут главный? Ты будешь меня когда-нибудь слушаться или нет!

– Буду! – рассмеялась Света. – Буду, мой дорогой! Буду, мой любимый! Всю жизнь! Обещаю!

Руслан увлек ее к дому. И уже у самых дверей коттеджа внезапно снова произнес:

– А все-таки странное получилось у нас Рождество.

– А по-моему, очень даже хорошее. Мы помогли двум близким людям соединиться. Разве это плохо?

– Хорошо. А еще мы избавили «Сиреневый закат» от привидения. Думаю, Настенька, повидавшись со своим мужем, больше тут не появится. Я даже уверен в этом!

– А вот за это, мне кажется, спасибо нам никто не скажет! – улыбнулась в ответ мужу Света. – Особенно хозяева. Они же сдавали коттедж из-за привидения в два раза дороже его обычной цены.

– И что?

– Получается, что мы с тобой ввели хозяев в убыток.

Руслан улыбнулся и привлек жену к себе. Сейчас ему было плевать на

все привидения и их бывших мужей. Он хотел провести долгожданный медовый месяц в обществе любимой жены. И чтобы никто им не мешал. В том числе и привидения.

– Счастливого тебе Рождества, дорогая.

И пусть Рождество им пришлось провести в такой странной компании, но ведь все это время рядом с ним была Света. А раз любимая рядом, значит, жаловаться Руслану не на что. Это Рождество оказалось очень захватывающим. И Руслан мог поклясться перед самим собой: что бы ни случилось с ним дальше, где бы он ни оказался через год или через десять лет, но это Рождество он уже не забудет никогда в жизни.

Анна и Сергей Литвиновы

Рождество—1840

Сколько же нынче развелось детективов! Шагу не ступишь, чтоб в него не вляпаться. Телевизор включаешь – а там криминал, книгу откроешь – следствие, в газете – происшествия, в журнале – из зала суда...

Иное дело прошлые времена! Преступлений случалось мало – да и немудрено. Ведь в ту пору честь значила больше богатства, клятву держали ценой собственной жизни, а удар исподтишка столь же тяжело было представить, как и железных птиц, сбрасывающих бомбы на мирные селения...

А если уж убийство и происходило, молва о нем еще долго передавалась из уст в уста и становилась легендой, семейным преданием – как и сия история, что поведала нам наша бабушка, а ей, в свою очередь, рассказала прабабушка.

Ужасное происшествие случилось в снежную, холодную зиму, в самом начале 1840 года, второго января, аккурат на Святки.

Святки! Веселые деньки, начиная с Рождества до Крещения. Короткое время российского карнавала. Ряженые, гадания, маски... Торжество легкой чертовщинки и радостного греха... (Потом мелкие грешки, вроде гадания в бане, смывали с себя в ледяных крещенских купелях.)

Бедный праздник! Его отменили большевики вместе с Богом и новогодними елями. Однако и нынче Святки, в отличие от елок и Рождества, – напроць утраченная и никак не возобновляющаяся традиция. И мы не веселимся в изнурительно длинные новогодние каникулы, не карнавалим, как в Венеции и Рио (с поправкой на зиму), – а тихо угасаем с первого по тринадцатое, оплывая над тарелками с «оливье», под бубуканье телевизоров...

Но вернемся в самое начало года 1840-го. Итак, в центре Руси стояла снежная морозная ночь со всеми сопутствующими причиндалами: хрустальными звездами, белейшим снегом и морозцем под двадцать градусов по шкале Цельсия.

В посеребренный январский вечер к крыльцу усадьбы графа Павла Ивановича О-ского подкатили две изукрашенные тройки. Из них вывалилась развеселая компания: шубы, маски, тулупы навыворот,

насурмленные или пачканные сажей лица. Раскрасневшиеся мужчины с заиндедевевшими усами, барышни с освеженными ледяным ветром ликами... Хохоча, группа прибывших господ, оттеснив изумленного лакея, ввалилась в дом.

Надо сказать, что Павел Иванович О-ский жил анахоретом. Отставной адмирал, наследник огромного состояния, он безвылазно, зимой и летом, проводил время в своей усадьбе Никольское, редко появляясь даже в уезде, не говоря о губернии. Москву же и столицу он и вовсе не жаловал. Злые языки утверждали: оттого, что прячет О-ский от нескромных и лукавых глаз свое главное сокровище, кое он ценил превыше миллионного состояния.

Сокровище звалось Марьей. Свежеиспеченная графиня О-ская личико имела ангельское, глазки – голубые, нрав – кроткий. Играла на клавикордах, пела божественно – как рассказывали те, кому доводилось слышать Марию Николаевну до замужества. (После свадьбы-то приемов граф не устраивал, сам на балы не езживал и визитов не делал.) Еще одним достоинством юной графини в чреде других, столь же неоспоримых, была юность. Она была моложе своего супруга едва ли не вдвое. Бесприданница Мария Николаевна, как справедливо полагало общественное мнение, вышла за Павла Ивановича ради его миллионов и связанного с ними *комфорта*. Однако тем немногим гостям, кто все-таки попадал в дом О-ских, отнюдь не казалось, что юная графиня, похоронившая рядом со стариком, в глуши, свою молодость и красоту, есть несчастная жертва собственной алчности. Напротив, она была с Павлом Ивановичем всегда более чем любезна. Те, кого все-таки изредка принимали у О-ских, замечали теплые взгляды, бросаемые Машенькой на своего супруга; ласковые пожатия рук и любовную интонацию, с коей говорила она в третьем лице о графе: «*мой Пашенька*». А сестрам своим и подругам она поведывала в задушевных разговорах, что совершенно счастлива с Павлом Ивановичем, что не променяла бы его ни на какого юного красавца, что ей с графом, даже и в деревне, никогда не бывает скучно. «Мой Пашенька столько всего знает! – с восторгом говорила она. – Он так много видел, пережил. Неведомые земли, туземные племена, чужие обычаи... Диковинные звери, неистовые бури, нападения пиратов... Знаете ли вы, к примеру, где остров Борнео? А он и там побывал, и в Африке, и даже на мысе Горн... Мой Пашенька два раза земной шар обогнул!.. А как он интересно рассказывает! Его я готова слушать бесконечно. Бывает, сядем – я с пальцами, он с трубкой, и Павел Иванович начинает говорить, и всякий раз ведь новое – заслушаешься!.. А кроме того, – понижала юная графиня

голос, – он ведь любит меня и, значит, балует. Все прихоти мои исполняет, и иначе, как «душечка Мария Николаевна», не называет. На руках меня носит».

В то, что граф О-ский способен, даже и в буквальном смысле, носить супругу на руках, верилось легко. Мужчина он был статный, весьма подтянутый. Несмотря на седую, как лунь, голову, Павел Иванович нимало не походил на обрюзгшего, доживающего свой век старика. Утро он начинал при всякой погоде ванной со льдом, затем велел седлать любимого каурого и отмахивал верст десять-пятнадцать верхом. Упражнялся на рапирах, стрелял без промаха. И сам, не полагаясь на управляющих, вел хозяйство, вникая во все тонкости, отчего состояние его не только не уменьшалось, но и преумножалось.

В описанное время в доме О-ских проживали также сестры Марьи Николаевны – Елена и Ольга. Обе старше, чем Машенька, обе такие же, как она, бесприданницы. Юная графиня мечтала составить их счастье, и супруг, во всем ей потакавший, даже взялся поспешествовать сим планам – ради чего, против обыкновения, начал в последнее время выезжать в гости к соседям вместе со своим (как он говорил) выводком. А после Крещения был намечен отъезд всего семейства, первый после замужества Маши, в Москву – на ярмарку невест, как справедливо заметил поэт. Ради жены и любви к ней граф готов был даже поступиться своей тягой к уединенной жизни и вероятными муками ревности, которые, как он предчувствовал, придется ему испытать, лицезрея прехорошенькую Марью Николаевну на балах и в салонах в виду статных кавалергардов, молодых блестящих полковников и вдохновенных повес.

Слух о том, что дом О-ских приоткрылся, распространился по всей округе. Тем и воспользовались нынче незваные святочные гости. Румяные с мороза, они ввалились в огромный дом О-ских.

Явление ряженных вызвало переполох. Немедля было доложено старому графу, который как раз читал доставленный ему из Петербурга список пьесы Николая Гоголя «Ревизор» и хохотал, утирая слезы. Павел Иванович, узнав о визите, распорядился тут же одевать его, а также подавать угощение.

На короткое время незваные соседи остались в гостиной одни. Карнавальное веселье отчасти было сбито заминкой, и пятеро визитеров с интересом и некоторой опаской рассматривали убранство комнаты. А здесь было на что посмотреть. На специальном столике возвышался выполненный со всею тщательностью огромный макет шлюпа, на котором бороздил океаны отставной адмирал. Рядом помещался глобус вышиной в

человеческий рост. Стены были украшены шкурами леопарда и зебры, головами бизона и антилопы. Подле размещались оскаленные индейские маски, туземные луки, стрелы, копья... На полках специально изготовленного застекленного шкапа лежали слоновьи бивни, кости, травы, стояли многочисленные сосуды – на некоторых из них рукописные облатки с черепом и перекрещенными костями строго возвещали: «ЯДЪ». Ряженные гости – а многие оказались в кунсткамере О-ских впервые – с восторгом и любопытством переходили от экспоната к экспонату.

И тут юная графинюшка, несмотря на то что одета и причесана она была по-домашнему, радостно вбежала в гостиную.

Визитеры, коих насчитывалось пятеро, оказались теми людьми, которых особенно рада была видеть Марья Николаевна. Несмотря на костюмы, в кои те были ряжены: гусара, татарчонка, дворника, медведя, венецианского дожа, – догадаться о том, кто скрывается под нарядами, труда не составило. Все гости прибыли из имения Образцово, отстоявшего на двадцать пять верст от Никольского, и представляли обитавшую там богатую и хлебосольную фамилию К-ных.

Именно там, в Образцово, в семье К-ных, провела свое детство графиня Марья (и две ее старших сестры). Именно там нашли они кров, заботу и пищу – а порой и обиды, горести и слезы, доставляемые им старой и деспотичной бабулечкой, княгиней К-ной. С именем К-ных были связаны первые впечатления и опыты жизни Марьи Николаевны. Там учили ее чтению, французскому и музыке, там играла она в куклы и прятки, там... Ах, сколько больших и маленьких воспоминаний, радостей, вдохновений, открытий, связанных с Образцовом и его обитателями, хранила память юной графини!..

Она бросилась на шею гусару и татарчонку – своим подругам, сестрам Соне и Наталье К-ным. Легким поклоном головы приветствовала троих молодых людей (дворника, медведя, венецианского дожа), притом щеки ее при виде мужчин (а может, лишь одного из них) вспыхнули пунцовым цветом.

Тут явился в гостиную успевший переодеться старый адмирал. При виде гостей, особенно мужской их части, лицо его на мгновение исказила гримаса неудовольствия и даже досады, однако благовоспитанность победила, и граф приветствовал соседей с истинно русским радушием.

У Павла Ивановича имелась веская причина не любить если не всех представителей семьи К-ных, то, по крайней мере, двоих из числа святочных визитеров.

Один из них, француз Лагранж, давно стал в Образцово своим

человеком и воспринимался уже как член фамилии. Он был учителем княжеских дочерей: Сони и Натальи, а также их старшего брата Николая. А заодно обучал и трех сестер – бедных родственниц: Марью, Елену, Ольгу. Что заставило его прибыть в холодную Россию – никто доподлинно не знал. Романтически настроенные особы утверждали, что в пору французской революции тридцатого года он выступил против герцога Орлеанского, будущего короля Луи-Филиппа, и потому был принужден бежать из страны. Но злые языки утверждали, что причиной его бегства явилось шулерство, коим на родине промышлял француз, – однако никаких тому подтверждений не имелось, а карт Лагранж и вовсе не брал в руки. Как бы то ни было, в семействе К-ных учителем оказались довольны. В отличие от многих своих малообразованных соотечественников, прибывших в Россию в поисках легкого заработка, Лагранж, по счастью, был подлинным энциклопедистом. Вдобавок он обладал счастливым искусством донести, в занимательной и легкой форме, широту своих познаний до юных воспитанников. Детей он учил не только языку, чистописанию и математике. Лагранж преподавал им азы стихосложения, музыкальной гармонии, живописной композиции. А сколько часов проводили они в прогулках по парку и близлежащим лесам, составляя гербарии, наблюдая и описывая повадки птиц, зверушек, насекомых! Сколько книг, порой опасно волнующих, прочли барышни благодаря рекомендациям француза!

Немудрено, что едва ли не все воспитанницы – и Соня с Натальей, и бедные сестры – были по-детски влюблены в своего учителя. Они соперничали между собой за его внимание и похвалу, что, с одной стороны, льстило Лагранжу и смущало его, а с другой – способствовало его педагогическим успехам.

Помимо глубоких знаний и приятных манер, француз обладал весьма выразительной внешностью: бритое лицо, хищный нос, пронзительный взгляд из-под кустистых бровей. Неудивительно, что при виде его трепетали сердца не только юных воспитанниц, но и дев на выданье, и даже благородных матрон, добродетельных матерей семейств.

Личность учителя пленила в свое время в самом нежном возрасте и Машеньку. Месье Лагранж явился для Марьи Николаевны первой и невысказанной любовью. Ах, сколько слез она, десятилетняя девочка, пролила от невозможности ни понять, ни объяснить, ни выразить свои чувства. Сколько часов провела в сладкой истоме, предаваясь мечтаньям об его поцелуях – и о том, как однажды он подхватит ее на руки, посадит в карету – и они ускачут далеко-далеко, только вдвоем, и *он* будет держать ее

за руку!..

О своем детском увлечении французом она после замужества, смеясь, поведала графу. Марья Николаевна считала, что меж супругами не должно быть секретов ни в настоящем, ни даже в прошлом. Павел Иванович добродушно и снисходительно выслушал рассказ юной жены, но сердце его, против воли, царапнула в тот момент ревность, и хмурая тень омрачила чело...

Однако у Павла Ивановича имелись изрядные основания ревновать другого гостя. Николай, старший сын К-ных, стал Машиной подлинной первой любовью. (О ней юная графиня, старавшаяся быть перед мужем честной во всем, до доньшка, также поведала супругу.) И если детская влюбленность в Лагранжа была для Маши вполне невинной, то увлечение Николаем стало истинным чувством.

Оно оказалось разделено. Влюбленные таили его и от домашних, и от самих себя – но все ж таки оно прорывалась: и в лучистых взглядах, которыми они порой обменивались, и в нечаянных касаниях рук, когда они сидели над книгой или разбирали ноты, и в прогулках по парку, когда оба, словно случайно, отставали от общества и оказывались наедине. Наконец, состоялось решающее объяснение...

Николай стоял перед Марьей на коленях и молил стать его женой. Он говорил, что завтра же явится к своей матери и попросит благословения на брак – а если вдруг княгиня К-на не пожелает составить его счастья, тайно увезет Машу и обвенчается с ней. Один лишь поцелуй выпросил Николай у бесприданницы. (И мысль об этом случившемся в прошлом поцелуе, о котором рассказала Маша, до сих пор раскаленным углем язвила сердце Павла Ивановича: как тяжело! Его жена, графиня О-ская, когда-то любила другого...) Да, она любила Николая! Но, плача, тогда отказала ему...

Барышни, в отличие от мужчин (те бывают обычно полностью ослеплены любовью), все-таки хорошо понимают практические последствия каждого своего «да» или «нет». И Марья Николаевна ясно осознавала в тот незабываемый момент объяснения, к каким губительным разрушениям всего уклада может привести ее брак с Николаем. Дела семьи К-ных были к тому времени полностью расстроены. Имение перезаложено. После смерти старого князя ни маменька Николая, ни его деспотичная бабушка не имели ни воли, ни умения для того, чтобы вести хозяйство. Управляющие обманывали их. К-ны не могли отказаться от своих широких привычек: балов, приемов, визитов, подарков, нарядов. Деньги утекали, как вода в песок. Спасти положение могла лишь женитьба единственного сына Николеньки *на деньгах*. Брак с бесприданницей Машей поставил бы крест

на надеждах К-ных возродить мощь фамилии. Семья оказалась бы на грани разорения. Юная Марья Николаевна хорошо это понимала. И справедливо полагала, что едва ли маменька благословит Николая на брак с нею. А жениться тайком, без родительского одобрения, означало обречь себя и будущих детей едва ли не на нищенское существование. Да и не могла Маша поступить столь дерзко и неблагодарно с семьей, которая дала ей и ее сестрам все: и любовь, и заботу, и образование...

И в тот памятный момент, скрепя сердце, обливаясь слезами, Марья Николаевна решительно отказала Николаю.

На следующий же день княгиня К-на, возможно, почувствовав сердцем любовную связь сына с бесприданницей, а может быть, основываясь на сообщениях *шпионов* из числа дворни, немедленно отослала его в полк. Через три дня после объяснения он, не смея перечить матери, уехал, обливаясь слезами. Плакала и Маша, сказавшаяся больной, не вышедшая прощаться и из-за занавесок в гостиной наблюдавшая со сжимавшимся сердцем, как Николай садится на коня, как родные и дворовые провожают его...

А спустя полгода к юной Марье Николаевне посватался старый граф О-ский. После отъезда любимого сердце юной девы молчало. Отставной адмирал был для нее, бесприданницы, выгоднейшей партией. К тому же Павел Иванович слыл благородным, ученым, милым человеком. Его седины, его стать, его манеры пришлись барышне по вкусу. Конечно, она не любила его – но он хотя бы был ей не противен. К тому же своей женитьбой она устраивала и свою будущность, и, в определенном смысле, будущность обеих своих сестер и избавляла семью К-ных от тягот опеки над тремя приживалками.

С тех пор, а минуло уже три года, Марья Николаевна ни разу не виделась с Николаем и не писала ему. Ей стало казаться, что она вполне полюбила пятидесятилетнего графа. Она глубоко уважала Павла Ивановича. Ей никогда с ним не было скучно. Он не докучал ей капризами, но, в свою очередь, выполнял все ее прихоти. Чего же боле? Какой еще любви вам надобно, когда речь идет не о юном кипении крови, а о тихой семейной жизни?!

И вот – снова явился *он*. Тот, известия о ком Маша получала лишь кружным путем, через сестер К-ных, а встречи с ними тоже случались нечасто... Маша жадно всматривалась в мужчину, которого некогда любила. (Костюм медведя почти не скрывал его лица.) Николай возмужал. Черты лица его загрубели. Но глаза смотрели столь же упорно и вдохновенно... Марья Николаевна поспешно отвела взгляд. Кто знает,

каким чувством наполнилось в тот момент ее сердце!..

Наконец, последним гостем, не знакомым никому из О-ских, был маленький, кривоногий, волосатый мужчина, ряженный в костюм дворника. То был полковой командир Николая, храбрец, игрок и жуир Евгений Л-ской. Николай пригласил его погостить в своем имении. Вечно в долгах, не имевший ни кола ни двора, Л-ской охотно принял приглашение хлебосольного семейства и уже успел, судя по взглядам и репликам, которыми он обменивался с сестрами К-ными, стать у них своим.

Л-ской был представлен графу и графине.

Явление в гостиной Павла Ивановича на минуту смешало азарт и веселье. Однако общее смущение длилось недолго. Старый граф заставил себя стать гостеприимным, залучился добродушием. Подали шампанское. Слуги расставили на столе закуски, кушанья и графины с наливками. Началась непринужденная беседа.

Машенька ненадолго исчезла – а явилась уже в костюме аглицкого матроса (один из многочисленных подарков, собранных ее супругом во время кругосветных странствий). Вместе с нею в гостиную впорхнули сестры, Елена и Ольга, также успевшие наспех принарядиться в подобие карнавальных костюмов.

Принесли гитару. За нее взялся Лагранж. Потом его сменил Николай, не менее искусный музыкант. Он заиграл «Барыню», а немолодой Л-ской, раскрасневшийся от вина и общества пятерых прехорошеньких юных дев в возрасте от двадцати пяти (Елена) до шестнадцати (Соня), пустился в пляс сам и принялся приглашать барышень и Марию Николаевну.

Веселье вспыхнуло пуще прежнего. Полковник Л-ской совершал уморительные прыжки. Лагранж представлял величавого венецианского дожа, пригласив на менюэт самую старшую из барышень, Елену. Лицо последней сияло от удовольствия. «Гусар» и «татарчонок» (Соня с Натальей) стали танцевать вальс, да запутались в шальварах и едва не грохнулись, вызвав всеобщий взрыв хохота, прежде всего своего собственного.

Затем принесли ножницы, веревочку, колечко, и молодежь принялась играть. Дух веселья и карнавала разлился по гостиной. Даже слуги, переменявшие блюда, задерживались в дверях и с улыбкой, отчасти снисходительной, наблюдали за господами.

И только отставной адмирал сидел в одиночестве за столом над своим бокалом. Он наблюдал за танцующей, играющей молодежью – и по лицу его была разлита зависть к чужой безмятежной юности и грусть по почти минувшей жизни... Впрочем, светлая печаль его была все ж таки отчасти

приправлена ревностью. Своими дальноркими глазами, со стариковской пронизательностью, он безошибочно подмечал, кто чем занят в гостиной, кто с кем говорит и какие на кого взоры бросает.

Слава богу, его Машенька казалась абсолютно холодной и к Лагранжу, и, самое главное, к Николаю. Она, конечно, была приветлива с ними обоими и даже кокетлива, как требовал того карнавал, – но в меру, как со старыми добрыми друзьями. «Да! Там если и было что – давно поросло быльем!» – уверился адмирал, утишая собственную ревность.

Тем паче учитель, к примеру, не выказывал к его юной супруге никакого интереса. Он оказывал явные знаки внимания ее старшим сестрам, Елене и Ольге, – причем, с французской галантностью, сразу обоим. Графу даже пришла было мысль, что одна из сестер может составить Лагранжу партию. Конечно, брак с французом-учителем станет явным мезальянсом, но, что называется, за неимением гербовой... А он ведь собирается дать за сестер жены (Машенька упростила) хоть небольшое, но приданое. При экономном хозяйствовании на скромное существование Лагранжу с супругой хватит... Нет, нет! Замужество с учителем-иностранцем – вещь невозможная, оборвал свои размышления граф. Что скажут и о нем самом, и о его супруге в обществе? Только одно: так спешили сбить с рук засидевшуюся девицу, что отдали ее первому встречному, человеку без роду, без племени, без состояния! Нет, решительно сказал себе Павел Иванович, о браке с Лагранжем нечего и думать.

В то время Николай, его сестры – Соня и Наталья, а также милая Машенька и кривоногий гусар составили другой кружок. В нем беспрерывно раздавались взрывы хохота, причем царил среди молодежи бравый полковник – в сущности, ненамного их старше. Павел Иванович снова с удовольствием отметил, что его юная супруга не выказывает ни смущения, ни волнения, находясь рядом с предметом своей девичьей страсти. Да, она поглядывала на Николая и смеялась его шуткам, но гораздо большее внимание уделяла гусару Л-скому. Вдруг заметив, что граф сидит в одиночестве, Машенька совершила то, что наполнило его душу тихой радостью. Она подбежала к нему и, низко склонившись над ухом, прошептала: «А ты знаешь, я ведь люблю *тебя*, мой Пашенька...»

И эти сладкие слова, обращенные к нему, стали последними, которые слышал адмирал в своей жизни... Он еще переживал это короткое объяснение в любви – любви спокойной, зрелой, уверенной; еще радовался тому короткому признанию, которое не променял бы на все вздохи страсти и горячечные клятвы... Как бы желая полнее прочувствовать объяснение,

граф отпил из своего стакана... И вдруг схватился за горло, захрипел, а потом и повалился без чувств прямо на навощенный паркет...

Произошло всеобщее замешательство, которое сменилось судорожным движением всех присутствующих. К лежавшему на полу графу бросилась Машенька. Она рухнула на колени и приподняла голову супруга, обхватив ее руками. «Пашенька! Пашенька!» – шептала она, однако старый адмирал оставался без чувств. Лишь хрип доносился из его горла, а на губах запузырилась пена.

– Пустите, Марья Николаевна. – Лагранж решительно отстранил графиню и сам склонился над умирающим. Судорога прошла по телу графа. Голова его со стуком ударилась о пол. Пена на губах выступила еще обильней, сменилась рвотой – а через секунду Павел Иванович перестал дышать.

– Он умер, господа, – молвил учитель, распрямляясь.

Крик «Не-ет!» раздался в гостиной. То кричала Машенька. Она снова пала перед супругом на колени, обливаясь слезами.

В дверях показалась перепуганная дворня. Общество в волнении и растерянности сгрудилось поодаль расprostертого на полу тела графа и плачущей рядом с ним графини. И тут Лагранж тихо проговорил – по-французски, чтобы не поняли слуги:

– Знаете, что, господа? Граф – отравлен.

Прошло три месяца. 21 марта 1840 года.

*Из письма Пьера Лагранжа, домашнего учителя
семьи К-ных, своему другу и коллеге в Москву
(писано по-французски):*

...невзирая на то, что все *guajene*, присутствовавшие в тот момент в гостиной, не сомневались, что бедный граф стал жертвой отравления, нами решено было сохранить сей факт в тайне, дабы не бросать тень на почтенные семейства, представители коих оказались замешаны в столь отвратительные обстоятельства. Домашний врач К-ных, ничтожный пьяница, констатировал смерть О-ского от апоплексического удара. Разумеется, никакого вскрытия и исследования мертвого тела не проводилось. Старый адмирал был отпет в домовый церкви и похоронен на Никольском кладбище. Прекрасная юная вдова соблюла на тризне все правила приличия: была бледна и непрерывно плакала. Ее сердечный друг гусар Николая, обоюдная страсть которого с графиней ни для кого не

являлась тайной, благоразумно держался от нее на приличном расстоянии и лишь изредка бросал на свою Мари пламенные взоры.

Вскоре огласили завещание графа. Как и следовало ожидать, все огромное состояние Павел О-ский оставлял своей супруге. В одночасье вдова становилась одной из богатейших женщин Русской империи! Воистину! Одно мановение руки! Потребовалось лишь взять с полки склянку с ядом и влить его в бокал бедной жертве, доверчивому мужу, – и она обеспечила всю свою будущность! Миг – и графиня стала свободной и богатой – а следственно, счастливой.

Ты спросишь меня: отчего я уверен, что коварной преступницей явилась именно Мари, а не кто-то иной, находившийся в тот вечер в зале? Я много размышлял о сем предмете – и теперь уверен в своем выводе. Мне помогли две великие науки, логика и психология, а также истории интриг и отравлений, начиная с древних Афин и семейства Борджиа, и методы знаменитого нашего сыщика мсье Видока, и книга мсье Офила «Яды и общая токсикология». Все это поспособствовало найти разгадку преступления, невольным свидетелем которого я оказался.

Мне (и последующее завещание сие доказало) было очевидно, что единственным человеком, кому выгодна смерть старого графа, является его супруга. У нее имелся мотив – наследство и устранение старика-мужа. Ей было доступно орудие преступления. Буфет, в коем хранились различные яды, привезенные графом из его странствий, запирался на ключ, а его легко мог получить любой из проживающих в доме. Добавим, что именно графиня, вдова и наследница, последней подходила к бедному графу. Ничто не мешало ей в тот момент тайком влить в стакан супруга смертельное зелье.

Кроме того, напомним тебе, что на протяжении многих лет я являлся учителем Мари. Должен сказать, что меня всегда восхищала изощренность и изворотливость ее ума, даже в девичьем возрасте острого, как бритва. Ей хорошо давались естественные науки. Она увлекалась изучением природы и даже, как мне живо припомнилось после злодейского преступления, горячо интересовалась у меня всевозможными ядами и способами их воздействий.

Но зачем, спросишь ты меня, убийца пошла на преступление не в тишине усадьбы, наедине со своим несчастным супругом, а, напротив, во время нечаянного праздника, когда гостями их дома стали мы пятеро? Полагаю, именно в том и заключался ее дьявольский план. Смерть в тишине всегда вызывает подозрения. Когда свидетелем кончины человека – пусть старого, но физически крепкого – является одна лишь жена да, быть

может, ее родные сестры, кривотолков не избежать. А тут гибель произошла, как говорят русские, *na miru, pri vsem chestnom narode*. Только благодаря своей наблюдательности и учености один я заметил расширившиеся зрачки умиравшего графа, судороги в его мышцах, обратил внимание на пену и рвотные массы, шедшие из его горла... Иначе русские, невысоко образованные, особенно в естественнонаучном смысле, и не заподозрили бы отравления. Баре солидарно, убеждая друг дружку, заключили бы, что гибель графа произошла от самых естественных причин.

Кроме того, Мари, пошедшая на преступление в присутствии стольких свидетелей, имела, полагаю, одновременно и другую цель. Ведь если бы обстоятельства сложились для нее несчастливо и началось-таки расследование об отравлении мужа – что, конечно, маловероятно в столь дикой стране! – она сумела бы приписать собственное злодейство кому-то из нас – тех, кто делил с покойным графом его последнюю трапезу. Помимо того, у графини-убийцы нашлись бы и заступники, и благоприятные для нее свидетели. Елена и Ольга, присутствовавшие в зале, – ее родные сестры. Конечно, они, если бы потребовалось, дали бы обеляющие злодейку показания. В часы карнавала Мари, надо полагать, не без умысла, успела очаровать полковника Л-ского. Вряд ли он, дамский угодник, также не встал бы на защиту столь очаровательной особы. Соня и Наташа К-ны – подруги Мари с детства. А Николая... Что ж, Николая – ее возлюбленный, не смеявший жениться на бесприданнице лишь по причине ее ничтожного материального состояния. Теперь же, после столь счастливого (для него) устранения старого графа, он единым махом получит и его жену, и его деньги! Естественно, если бы подозрение вдруг пало на возлюбленную Николая, он, как настоящий шевалье, не просто защищал бы даму сердца. Он мог быть настолько благороден, что взял бы преступление на себя... Сей вариант, полагаю, также держала в уме преступница...

Ты спросишь меня: а почему я не допускаю, что убийство мог совершить Николай? Ведь ему, при условии будущей женитьбы на Мари, тоже выгодна смерть графа... Однако за время, пока Николай был моим учеником, я сумел составить о нем полное впечатление. Юный князь К-н бесхитростен. Он настоящий офицер – прямой и честный. Думаю, его привела бы в ужас одна лишь мысль о коварном преступлении. Кроме того, Николай пробыл в полку более трех лет. В усадьбе несчастного графа он (как, впрочем, и я) ранее никогда не бывал. А ведь для убийства требовалось заранее прознать, где хранятся яды, и раздобыть ключи от шкапа, в котором они помещались... Нет, Николая решительно не убийца...

Кто ж еще мог бы претендовать на сию роль? Смехотворно записывать в убийцы пугливых, словно овцы, сестер-бесприданниц Елену и Ольгу. Слишком уж они трепетали пред графом, своим благодетелем. Кроме того, его смерть была им невыгодна: ведь Павел Иванович собирался составить их счастье – вывезти в Москву, выдать замуж и даже обещал пусть небольшое, но приданое.

Может быть, отравительницей стала одна из сестер К-ных? Сложно поверить... Ни у Сони, ни у Натали не имелось ни малейшей причины ненавидеть О-ского, ни малейшей заинтересованности в его гибели.

Может – рассмотрим совсем уж невероятную версию, – убил кто-то из слуг? Тоже исключено. Русские *krepostnie* – столь забитые и невежественные существа, что одна мысль поднять руку на «доброго барина» привела бы их в ужас...

Итак, пользуясь методом исключения, заключаем еще раз: убийца – Марья Николаевна!

Что являет собой смерть графа, так сказать, с медицинской точки зрения? Я попытался, исходя из симптомов отравления бедного Павла Ивановича (а я воочию наблюдал их), определить, какой из ядов дала ему коварная отравительница. Вряд ли то был мышьяк – гибель от него, как описывают, более продолжительна и мучительна. Скорее всего причиной смерти стал яд органического происхождения. Возможно, один из недавно открытых химиками алкалоидов: морфий, или же атропин, или стрихнин. Впрочем, не сомневаюсь, что на планете существует и множество других, не известных пока современной науке ядов, и они также могли входить в коллекцию адмирала, которую он собрал в своих многочисленных странствиях. К примеру, есть свидетельства путешественников, что туземцы Южной Америки добывают из желез обитающих там лягушек-древотазов сильнейший яд – он способен, даже в самых ничтожных дозах, привести к мгновенной смерти... Ну, это к слову...

Кроме того, против Марьи Николаевны имеется косвенная улика: уже после похорон несчастного графа мне довелось бывать в доме О-ских. И что же? Злосчастный шкаф в гостиной был на месте, диковинные штуки за стеклом – тоже, однако ядов среди них не оказалось! Мне сказывали, что графиня велела заложить их в свинцовый ящик и закопать в тайном месте в саду. Возможно, конечно, то была простая предосторожность, дабы более никто не воспользовался, случайно или намеренно, заморской отравой. Однако скорее, я думаю, сей жест стал попыткой избавиться от веревки, служащей новоявленной леди Макбет напоминанием о повешенном. Или, что вероятнее, желание скрыть любые связанные со злодеянием улики.

Нет, нет! Никаких сомнений! Мари было ради чего стараться. Три года назад из нищей барышни, живущей благодеяниями деспотичных дальних родственников, она превратилась в графиню О-скую. Теперь, злодейски отравив мужа, она явилась свету богатой и свободной гранд-дамой. И, я не сомневаюсь, она скоро обретет полное счастье со своим возлюбленным Николая – или другим юным и смазливym охотником за приданым!..

Прошел год. 2 января 1841 года.

Из письма вдовы, графини Марии Николаевны О-ской, другу своей юности Николаю К-ну, адресовано

из Москвы в полк:

Ит

ак, минул ровно год со дня ужасной смерти моего Пашеньки. Так же, как тогда, сегодня морозно, солнечно, весело. Тройки с ряжеными носятся по улицам Москвы, всюду смех и восклицания... Вот и закончен мой формальный траур, однако душа моя не перестает скорбеть... Я обещала дать ответ тебе ровно через год после гибели Павла Ивановича. Я постараюсь быть честной пред тобой.

Ты умоляешь меня выйти за тебя замуж. Милый Николенька! Четыре года тому назад, когда я была почти ребенком, твоя любовь была для меня отрадой. Когда ты на коленях просил моей руки – один Бог знает, как мечтала я тогда быть с тобой! Как хотелось мне воскликнуть «да!» и какое напряжение душевных сил потребовалось, чтобы отказать тебе!.. Отказать – лишь во имя твоей семьи и той безграничной благодарности, которую я испытывала (и испытываю) ко всем вам – маменьке, сестрам, бабуленьке, покойному князю. Чувство долга оказалось тогда сильнее – но, боже мой, как же я страдала!..

Однако время проходит, и меняет мир, и меняет нас. Замужество с графом, от которого я сперва не ждала ничего для себя хорошего, лишь отвращения и покорности, было, как видится мне сейчас, самой счастливой порой моей жизни. Бесконечная ласковость и приязнь покойного Павла Ивановича, его достоинство, живой ум и доброе расположение духа поначалу внушили мне уважение, вскоре его сменила любовь. Мне нравились часы и дни, которые мы проводили вместе, когда он уезжал по делам, я хандрила, когда раздавался вдалеке колокольчик его тройки, я радовалась и бежала к нему навстречу... И если прибегнуть к поэтическому сравнению, мое давнее чувство к тебе я бы уподобила

жаркому факелу, который на короткий миг осветил мое тягостное существование. Однако он, увы, померк в моих глазах в свете яркого, ровного и ясного солнца, которое осветило всю мою жизнь с графом.

Прости, Николенька! Прости! И сейчас я – опять! – не могу ответить тебе согласием. Ты скажешь: но ведь граф мертв – а жизнь продолжается. Да, мой Пашенька ушел от меня. Но я до сих пор помню его. Каждое утро я встречаю мыслью о нем. Каждый вечер я провожу в молитвах о его душе...

Но не только память о покойном графе мешает мне отдаться тебе. Я знаю: мое замужество, особенно с тобой, станет в глазах общественного мнения еще одним свидетельством моей вины. Да и ты будешь немедленно зачислен людской молвой в злодеи.

А ведь существование мое и без того ужасно. Слухи о том, что граф был отравлен и именно я подала ему смертельное снадобье, широко распространились в обществе. Не в силах долее оставаться в месте, где произошла трагедия, я переехала в Москву. Однако и сюда доползла ядовитая молва о преступнице, отравительнице Мари О-ской! Ко мне не делают визитов. Мною манкируют на балах. Многие в свете открыто отказываются принимать меня. Говорят, что по Москве даже распространяются подметные письма, в которых меня называют злодейкой. Дело дошло до того, что даже дворовые уже шепчутся за моею спиной и отказываются мне служить!

Ты вряд ли поймешь всю глубину моих страданий. Лишившаяся самого дорогого мне человека, оклеветанная, я нахожу спасение лишь в чтении Евангелия и молитвах. Ты пишешь, что сумеешь своей заботой и любовью исцелить мои раны. Нет! Я знаю: меня не сможет утешить ни один человек, ни один мужчина. Даже ты, Николенька.

Поэтому я приняла решение: удалиться от мирской жизни. Завтра, да, завтра я еду в Д*** пустынь. Мир был жесток и несправедлив ко мне – но я не держу на него зла. Испытания, обрушившиеся на меня, были необходимы. Они понадобились, чтобы я совершила правильный выбор. И я – выбрала. Выбрала не суету света, а свет души. И я буду молиться за этот мир, за всех вас – и за тебя, Николенька, конечно, тоже, как за одного из самых дорогих мне людей.

Свое имение и дома я распорядилась продать, средства, полученные от них, и состояние, доставшееся от графа и теперь нисколько мне не нужное, велела разделить на три части. Первая и вторая отойдут, поровну, моим сестрам Елене и Ольге. Третью же часть я завещала передать твоей маменьке, княгине К-ной, в память о ее благосклонности и доброте. Надеюсь, эти деньги помогут вашей семье наладить расстроеныя дела, а

впоследствии устроить счастье моим названным сестрам Наташе и Соне – да и тебе, Николенька.

Прощай же! Прости за все.

Твоя Мари.

...Минуло более чем полтора века. Давно истлели в могилах косточки всех участников той давней святочной истории. Как же сложилась их судьба? Об этом мы можем судить по крупицам: из обрывочных слухов, темных преданий, дошедших к нам из позапрошлого века, и кратких записей в архивах.

Мария Николаевна О-ская постриглась в монахини под именем Марфа. Она провела свою жизнь в трудах и молитве, снискала уважение и любовь сестер и тихо угасла, с улыбкой на устах, на восемьдесят пятом году жизни, успев увидеть зарю столь несчастливого для России двадцатого века.

Князь Николай К-н в лето, последовавшее за своим вторым неудачным сватовством к Марии Николаевне, в августе 1841 года был убит в перестрелке с черкесами близ селения Ведено.

Обе его сестры, Соня и Наташа, вышли замуж и прожили, каждая, долгую и счастливую жизнь. Они обзавелись многочисленным потомством. Известно, например, что Соня скончалась в городе Харькове в 1891 году, в окружении четверых детей, одиннадцати внуков и одной правнучки. (Именно она, та самая правнучка Сони, стала, в свою очередь, нашей прабабушкой – через которую эта история дошла, почти через два века, до нас.)

Евгений Л-ской, полковой командир Николая, вскоре после гибели своего молодого друга вышел в отставку, женился на прехорошенькой вдовушке, осел в ее имении в Псковской губернии, хандрил, пытался писать мемуары, стрелял вальдшнепов и отдавал должное настойке, в приготовлении которой его супруга достигла истинного совершенства, – от нее и помер, в 1856-м, на сорок четвертом году жизни.

Елена, старшая сестра Марии Николаевны, получив от ушедшей в монастырь сестры гигантское состояние, неожиданно для всех вышла замуж за француза-учителя Лагранжа. Не успело шокированное общество

осмыслить сие скандальное известие, как молодые уехали в Париж. С ними отбыла и сестра новобрачной Ольга.

Жизнь их во Франции сложилась, как сказывали, несчастливо. Лагранж пристрастился к игре и дурным женщинам. Он промотал большую часть состояния обеих сестер и через три года, преследуемый полицией, сбежал в Южную Америку, прихватив все драгоценности жены. Елена в расстройстве заболела горячкой. Доктора объявили, что надежды нет.

Елена на смертном одре причастилась. В последней своей исповеди она покаялась батюшке в самом тайном грехе своей жизни. Говорят, она написала покаянные письма и Софье, и Наташе К-ным. (Инокания Марфа в своей обители в переписку не вступала.) Однако письма к сестрам до наших дней не дошли, и мы излагаем содержание последней исповеди Елены Лагранж своими словами, как передала нам его прабабушка.

...Я была влюблена в него как кошка. Давно и взаимно. Еще с тех пор, когда жила с сестрами в семействе К-ных, а Лагранж был нашим учителем.

Мы встречались с ним тайно. Никто не знал о нашей связи.

Потом – какой удар по нашей любви! – мы оказались с ним разлучены. Мария вышла замуж за графа О-ского. Нам, вслед за нею, пришлось переехать в дом адмирала.

Однако моя страсть к Лагранжу не угасала. Встречи наши, после того как мы с сестрами переместились в Никольское, стали редки. У Пьера не было повода делать нам визиты. Мне нечасто удавалось вырваться из дома. И тем сильнее крепло мое чувство. Я не владела собой...

Пьер говорил, что наша любовь обречена. Мы никогда не сможем быть вместе. Если только... Если только я не стану хозяйкой своей собственной судьбы. Лагранж исподволь внушал мне, сколь счастливо может перемениться наша жизнь, когда бы... Когда бы старый граф умер. «Твоя сестра никогда не забудет тебя и даст позволение на наш брак. И мы обеспечим свое счастье и вместе уедем», – говорил он мне.

Однако Павел Иванович был здоров и крепок. Его естественной кончины нам пришлось бы дожидаться долгие годы. И тогда Лагранж – клянусь, я была как в тумане! – стал убеждать меня отравить старого графа. Благо заморские яды имелись в избытке в шкапу Павла Иваныча в гостиной, а ключ к нему был легко доступен. Я отказывалась наотрез.

Но потом... Старый адмирал повелел нам всем после Крещения

отправиться в Москву – с тем чтобы выдать нас с Ольгой замуж. Это означало неминуемую разлуку с любимым – навсегда. Сердце мое разрывалось от мысли, что мы расстанемся.

И тогда я согласилась действовать. Я была как в дурмане. Правда, я наотрез отказалась своей рукой влить в питье графа отраву. Я лишь пообещала Лагранжу добыть один из заветных пузырьков.

Чтобы предварительно проверить действие ядов, француз однажды тайно, покуда Павел Иванович вместе с Машей и Ольгой были на прогулке, проник в наш дом. Я сказалась больной, мы остались с ним наедине, и я передала возлюбленному несколько снадобий.

Впоследствии он испытал их и указал мне, какое из зелий даст немедленный, безболезненный результат, и смерть адмирала покажется всем естественной.

Именно Лагранж в тот святочный вечер убедил молодых К-ных и полковника отправиться, в виде ряженых, в наш дом.

Когда веселье было в разгаре, мой возлюбленный незаметно влил снадобье в стакан графу. Павел Иванович упал замертво. Это было ужасно!

Однако нас никто не заподозрил...

А Лагранж умело, подметными письмами, шепотками и наветами, убеждал общественное мнение, что виною смерти графа стала вдова, моя сестра Маша. Я тысячу раз готова была ей открыться. Однако меня удерживала любовь к Лагранжу – ведь в случае моего признания неминуемо пострадал бы и он.

В итоге Пьер с помощью интриг добился своей цели. Не в силах вынести позора, Мари удалилась в монастырь. Треть огромного состояния она оставила мне.

Наконец-то моя мечта сбылась! Мы с Лагранжем обвенчались и уехали в Париж...

Однако деньги и любовь, добытые ценою убийства и позора, не принесли мне счастья...

Ах, Маша, простит ли она меня?.. Умолите за меня сестру о прощении... Простите и вы, бедный Павел Иванович... Скоро, совсем скоро и я отправлюсь туда, где пребывает ваша душа...

Господи, прости и помилуй мя, грешницу...

Татяна Луганцева
Купание в объятиях Тарзана

Глава 1

Екатерина Солдатова всегда догадывалась, что пути господни неисповедимы и судьба может сыграть шутку, которая окажется злой. Но почему-то она совсем не предполагала, что неприятность случится под Рождество.

Катя была молодой женщиной двадцати девяти лет и в своем возрасте сохраняла детскую наивность, ожидая чуда от этого праздника. Ей казалось, что под Рождество происходят только приятные события, сюрпризы и неожиданности.

В эти дни все пребывали в состоянии эйфории, сгорая в предновогодней лихорадке поиска подарков, закупая продукты и предвкушая веселье в компании. Всегда в человеке живет надежда, что следующий год будет лучше предыдущего, что все зловключения останутся в прошлом и не перейдут в будущее, что сбудутся заветные мечты. Этот праздник можно назвать днем Надежды.

Екатерина работала в одном крупном издательстве переводчиком с двух языков. Переводила на русский прозу и поэзию. Зарплата у нее была не ахти, но на жизнь хватало. Сразу после окончания института она пробовала свои силы в педагогике, преподавала в школе, но у нее быстро развилось профессиональное заболевание, связанное с перенапряжением голосовых связок, и Катя фактически потеряла голос. Больше преподавать она не смогла, после операции требовалось полное молчание, а затем щадящий режим. Учить детей иностранному языку значит постоянно говорить с учениками, и это оказалось для нее закрыто. Поэтому «молчаливая работа» для Екатерины явилась ценной находкой.

Так она и трудилась верой и правдой шесть лет. Сидела в комнате с двумя другими переводчицами, дружила с коллегами. Вот и сейчас она с Ольгой и Ириной пила в офисе чай с печеньем.

– Ты с кем будешь встречать? – спросила Катю Ирка, полная невысокая блондинка с ямочками на щеках.

«Началось...» – промелькнула в голове у Екатерины мысль, и она почувствовала первый укол в сердце.

– Я?

– Если негде, приходи к нам, у нас симпатичная компашка собирается, – предложила Ира.

Катя густо покраснела, она прекрасно понимала, что Ира просто

пожалела ее, зная, что семьи у нее нет. Один раз Катя уже встречала Новый год с Ирой и выглядела среди ее друзей абсолютной «белой вороной». Люди собирались семейные, она одна сидела без пары и очень неуютно чувствовала себя. Мужчины разглядывали ее, выискивая какой-нибудь подвох. «Мол, что в ней не так, раз она без мужика? Вроде молодая, красивая, умная – и одна... Непонятно... Скрыта, видимо, где-то червоточинка-то, наверняка стерва...» Женщины же осматривали ее совсем с другим чувством, с напряжением и раздражением одновременно. «Чего она явилась? Не видит, что ли, что люди семейные, со своими интересами... Чего пришла? Охотница за чужими мужьями, может быть? Симпатичная, расфуфыренная, уже не юная... будет крепко цепляться за любого мужика как за свой последний шанс...»

– Меня пригласили, – дрогнувшим голосом ответила она коллегам.

– Не ври! Никто тебя не приглашал! – оборвала Ира. – Мы решили тебе сделать сюрприз.

– Сюрприз?

– Подарок от всего коллектива и нашего главного редактора на Рождество и юбилей. Надеюсь, ты не забыла, что буквально сразу после праздника у тебя день рождения? Тебе пойдет четвертый десяток!

– Спасибо, что напомнила! – язвительно ответила Катя, поправляя прическу.

– Да ты классно выглядишь! Тридцать лет – не возраст, – подключилась Ольга, совсем еще молодая и смешливая девчонка.

«Для тебя, конечно, не возраст, а вот я уже задумываюсь», – подумала Катя.

– Так вот, мы тебе дарим путевку на курорт! – широко улыбнулась Ирина.

– На к-какой к-курорт? – у Екатерины мгновенно пересохло во рту.

– В Венгрию! Страна не ах, но мы все продумали! Подбирали специально для тебя, учитывая твои интересы.

– Я, честно говоря, в шоке... – промямлила Екатерина и несколько не покривила душой. С одной стороны, это дорогой и неожиданный подарок. Такое внимание коллектива... Но, с другой стороны, неожиданность играла и отрицательную роль. Катя совсем не хотела менять обычный распорядок жизни, ехать, куда она не планировала, в самый уютный, какой-то домашний праздник, пусть даже если этих самых «домашних» у нее не было.

– Ничего! Тебе полезно развеяться. Во-первых, зимой люди обычно отправляются или в жаркие страны, или на горнолыжные курорты, –

принялась выдвигать ящики своего стола Ирина. – Где же она?! Ну, так вот... На Мальдивы у нас просто не хватило денег, на горные лыжи мы тебя ставить не хотим, ты нам еще живая нужна.

– Спасибо за заботу, – прокомментировала Екатерина, все еще находящаяся в шоковом состоянии.

– Насколько нам известно, ты отличаешься от большинства женщин тем, что не любишь таскаться по магазинам. Поэтому на предрождественскую распродажу в Германию или Италию мы тебя отправлять тоже не стали.

– И на этом спасибо, – снова поблагодарила Катя, живо представив, во что бы вылился этот подарок, свяжись она с предрождественской распродажей в Европе.

Она просто воочию видела очередь сотрудников редакции с огромными списками в руках и большими просящими глазами, чтобы она привезла им, а также их детям, подругам и очень душевной соседке тете Дусе это и то.

– Вот! И что у нас остается? Прекрасная путевка в милую и дружелюбную Венгрию... Правда, сейчас она в НАТО, но венгры нас любят, относятся к России нормально, – без умолку щебетала Ирина, как будто это хоть что-то могло изменить. – Мне показывали фото, очень красивый отель, и в нем пять термальных бассейнов. Ты среди зимы сможешь покупаться в теплой воде и славно отдохнуть... Вот! Ты рада? Ну же... соберись с мыслями... Онемела от радости?

– Да... наверное... А когда лететь?

– Через недельку! В общем, вот он, конверт! Вперед, навстречу удаче! Чмо-ки! Чмо-ки! – Ирина пыталась зарядить ее своим оптимизмом, а Катя смотрела на конверт в руке с таким выражением, словно оттуда сейчас должна была выползти змея и укусить ее под веселую рождественскую мелодию.

Глава 2

Всю неделю Екатерина бегала по Москве как ошпаренная. Постепенно ощущение шока сменилось безысходностью оттого, что коллеги обидятся, если она не полетит. Люди хотели как лучше, а получилось как всегда... Да еще подружки внушали, что если у нее в жизни случилось такое событие, да под юбилей, то это – знак свыше, она обязательно встретит мужчину своей мечты.

– Главное, вспомнить, какая у меня мечта... Давно уже попрощалась с мечтами-то, – отвечала Екатерина.

Но слабая надежда, да еще на фоне предпраздничного настроения, всеобщего ожидания чуда и перемен, уже бросила зерно. Забрехала надежда: «А вдруг?»

И вот Катя стала думать о том, что, может быть, и неплохо что-то изменить. Совершить какой-нибудь незапланированный поступок? Зачерпнуть большим ковшом новых эмоций, хлебнуть другой жизни?.. И затея сотрудников перестала казаться ей неприятной и шокирующей. Катя стала всерьез готовиться к отъезду. Она сходила в парикмахерскую и наконец решилась на то, о чем мечтала уже давно. Будучи от природы натуральной, весьма нежной блондинкой с большими голубыми глазами, она всегда хотела стать еще большей блондинкой, просто-таки Барби, с платиновыми волосами и более агрессивным макияжем. Останавливали всегда такие соображения: «Ведь придется подкрашивать корни? Ведь я буду выглядеть как проститутка? Ведь я испорчу волосы? А что обо мне подумают?»

И она снова и снова выходила из салона красоты милой «серой мышкой». Но сейчас в Катю словно бес вселился, она заставила замолчать свой внутренний дребезжащий голосок и позволила в полный голос высказаться проснувшемуся огромному эго: «Ну и что? Значит, буду подкрашивать! Я же женщина! Это даже хорошо! Может, мне и еще что-нибудь сделают! Еще красивее буду! Выглядеть стану ярче, а не доступнее, это качество проявляется в выражении глаз и в поведении, а не в цвете волос... А испортить волосы тоже больше не боюсь. Умирать одинокой бабой с красивыми волосами тоже не очень хочется... Уж лучше подпорчу и стану заметнее...»

И скоро светло-русые волосы Кати превратились в трогательные белые локоны.

– Вы просто прелесть! – прокомментировала мастер. – Другой человек! Почему-то именно под праздники многие женщины решаются на кардинальные перемены. Эх, побольше бы праздников!

– Спасибо! – посмотрела на себя совсем другими глазами Катя – она сейчас себя и чувствовала праздником.

Она действительно была очень привлекательна, стройная и хрупкая. Но внешний вид был обманчив. Характер у Кати железный. Именно этот характер и помешал ей в свое время обзавестись мужем или, на худой конец, любовником. Ни один из мужчин, которые в разное время пытались быть с ней поближе, не прошел строгий отбор.

– Завыбиралась! – говорили подруги. – Этот – «дебил», тот – «бабник», этот помешан на своем теле, тот, наоборот, отрастил огромный живот. А кто тебе, Катя, нужен? Где ты видела идеальных людей, а уж тем более мужчин в наш век тотального дефицита мужиков? Поумерить свои требования надо! Понятно?!

– Значит, одна буду, все лучше, чем непонятно с кем! – гордо говорила Екатерина в таких случаях.

– Ну и дура! – отвечали ей подруги и в чем-то были правы.

Катя задержалась в салоне красоты еще на некоторое время для того, чтобы получить сногшибательный маникюр и легкий загар. Затем она пробежалась по магазинам и купила себе несколько замечательных вещей. Например, совершенно удивительный полушубок, имитация рыжей лисы. Подражание было настолько качественным, что отличить искусственный мех от настоящего мог бы только специалист. Настоящий мех Катя никогда бы себе не позволила из любви к животным. Но вот в Европу под Рождество решила поехать с шиком.

Отель ей был забронирован пятизвездочный. Поэтому Катя купила себе еще и пару дорогих, стильных вечерних платьев, новые сапоги в тон новой кожаной сумке, туфли на устрашающей высоте каблуках, нежного розового цвета кашемировый свитер, теплую юбку бордового цвета, пару идеально сидящих новых джинсов известной марки... Шляпку с шарфом в тон к шубке... В общем, Екатерина получилась просто принцессой на выданье. Сама себе она нравилась, оставалось проверить на людях, то есть на мужчинах и еще точнее – на мужчине своей мечты.

Уже при выходе из торгового центра Катя поймала на себе масляный взгляд двух мужиков, оба катили тележки с продуктами, а рядом кучковались семейства. Еще бы не смотреть! Такая аппетитная, ухоженная блондинка! Кате стало противно. Нет, такого счастья – со взглядами на

часы и звонками жене из постели о том, что он задерживается на работе, – она категорически не желала.

«Похоже, что с изменением внешности все останется по-старому...» – грустно подумала Катя, сворачивая в отдел с дорожными сумками, где положила глаз на весьма симпатичный клетчатый чемодан на колесиках.

Глава 3

Аэропорт – особая зона, со своей жизнью, запахом и правилами. Катя мужественно прошла это испытание, с тоской глядя на семьи с детьми, летящие на отдых. Почему-то именно здесь и именно сейчас Катя испытала острейшее чувство одиночества. И вот противный тоненький голосок снова запищал в голове:

«Ох, не тот это праздник, чтобы тащиться куда-то одной, пусть и полностью упакованной как конфетка... Нормальные мужчины сейчас в любимых семьях, с женами и детьми. Кого я хочу встретить? Его нет в природе! А какая разница, где сидеть одной-одинешенькой с бокалом мартини в руках и перезвоном кусочков льда?»

Катя тряхнула головой.

Нет, не все равно! Одно дело – в московской квартире, при звонках друзей громче делая музыку, чтобы имитировать безудержное веселье... И потом виновато, словно и на самом деле что-то сделала нехорошее, оправдываться: мол, гости ушли только что, вы разминулись с ними на пять минут, если кто-то из друзей, обсыпанный конфетти, все же заваливался к ней под утро с открытым шампанским.

«А теперь я окажусь вне зоны доступа, отключу телефон, пожелаю всем счастья и здоровья и буду... Что буду? Да! Буду наслаждаться одиночеством!» – твердо решила Катя, проходя в самолет. Белоснежный красавец готовился взвиться вверх. Летать она любила, воспринимая это тоже как чудо. Полет высоко в небе с любезными стюардессами, наушниками с приятной музыкой и прохладительным напитком в руке. Катя не знала почему, но в общей запарке на подъеме, да еще и в момент траты почти всех сбережений, она приобрела себе дорогой авиабилет. И теперь, в салоне самолета, смогла оценить весь комфорт. Кресла были похожи на кресла, то есть ноги можно вытянуть как угодно и куда угодно... Значительно меньшее число пассажиров, детей в этом отсеке вообще нет. Люди в основном солидные, в дорогой одежде, явно летящие по делам.

«Тяжело быть богатым, – вдруг поняла Екатерина. – Когда привыкнешь к такому удобству, тяжело потом терять, если вдруг пошатнется финансовое положение. Я-то воспринимаю это как чудо, как подарок, а они как обыденность».

Самолет набрал высоту, вниманию пассажиров были предложены

напитки. Катя взяла для себя плитку горького темного шоколада и апельсиновый сок со льдом.

– Такая красивая и молодая девушка, и одна? Летите по делам? Извините за навязчивость, но не смог не пристать... – обратился к Кате мужчина лет под пятьдесят с большими золотыми часами и большими усами. Он все время протирал очки и вытирал пот со лба носовым платком – становилось ясно, что перелеты он переносит очень плохо, но бодрится. Одет он был в серебристого цвета костюм, а на коленях держал черный кожаный чемодан. В общем, вид у него был весьма приличный и респектабельный, то есть «оно самое, что тебе нужно», по словам Ирины, сотрудницы Кати. Конечно, первой реакцией Екатерины было желание сказать ему резкость, чтобы он не мешал ей получать удовольствие от полета и уединения. Но светлая краска для волос возымела действие, и она в ответ улыбнулась.

«Почему бы не провести время в полете за приятной болтовней?» – решила она.

– Я лечу отдыхать...

– Прекрасно... А где остановитесь в Будапеште?

– Отель «Королева»...

– Хороший выбор! Это – судьба! – Мужчина снял очки, подслеповато щурясь.

– Почему – судьба?

– Я останавливаюсь именно в этом отеле тоже! – пояснил попутчик.

– Судьба?... – повторила Катя, пытаясь заставить сердце забиться сильнее. Оно почему-то не подчинилось ее умственному посылу.

– Родион Юрьевич, – представился попутчик.

– Екатерина...

– Катенька... Катюша, – заулыбался Родион слегка желтоватыми и редкими зубами.

– Екатерина или... Катя, – поправила его Катя.

– Извини... те... Еще сока или чего покрепче? – спросил Родион Юрьевич.

– А можно?

– Девочка моя, обо всем всегда можно договориться, – ответил он и достал огромный, просто-таки раздутый от количества денег бумажник.

«Оказывается, если летишь в бизнес-классе, это еще не гарантирует общение с приличными людьми...» – грустно подумала Екатерина после его «девочка моя». Она-то понимала, что уже давно не девочка и уж тем более не его.

В общем, полет из-за надоедливого попутчика прошел не очень хорошо. Катя еле отвызалась от него, дав неправильный телефон и солгав, что после приземления у нее запланирована куча дел и только потом она поедет в отель. А эту «кучу дел» она желает завершить одна. Отвязаться от Родиона Юрьевича оказалось не так-то просто, но в аэропорту Катя все же оторвалась от него и удалилась твердой, решительной походкой, чтобы обозначить, что направляется по делам и не нуждается в компании. Шла и ругала себя на чем свет стоит.

«Вот ведь дура! Лишние неприятности... Сразу бы рывкнула, чтобы отстал! Так нет! Все чего-то стесняешься... Зачем я сейчас иду? Куда? В чужой стране... Сейчас бы уже на такси ехала, как все нормальные люди...»

Она зашла за угол одной из торговых палаток и стала выглядывать оттуда, словно воришка, выслеживая, уехал Родион или нет. Периодически она пряталась: мелькала какая-нибудь фигура в сером костюме, а ей казалось, это Родион. В итоге Катя вовремя поняла, что ее поведение может заинтересовать службу безопасности аэропорта, и решила все-таки переждать опасное время в кафе. Обедать в здании аэропорта она не хотела, поэтому покинула его и отправилась в поисках более-менее подходящего местечка. Такое обнаружилось примерно в двухстах метрах в уютном небольшом погребе, вместе с сувенирами для туристов. Меню на английском не было, но к Кате позвали человека, владеющего этим языком. Из всего достаточного для небольшого заведения многообразия еды Екатерина выбрала средней величины порцию молочного поросенка с тушеной капустой и стакан местного пива, чтобы и наесться до отвала, и снять стресс перелета. Калорийный, большой обед.

Она устроилась на небольшом мягком стульчике с деревянными резными ножками, за круглым столиком на двоих со скатертью с национальным орнаментом и слушала фоновую, очень приятную, тоже национальную музыку. Потрескивал огонь в настоящем камине, доносился неспешный разговор на непонятном языке. От кружки пива Екатерина окончательно расслабилась, настроение заметно поднялось.

Почти все столики были заняты. Катя вспомнила, что в какой-то передаче одиноко путешествующим туристам советовали питаться там, где едят местные жители: там и пища хорошая, и цены невысокие. Похоже, она попала именно в такое место.

Ее внимание привлекло некое движение. В проходе появилась фигура высокого, статного мужчины. Катя мельком скользнула взглядом по его фигуре и лицу, и взгляд словно прилип к нему. Настолько интересного

мужчину она еще никогда не видела. Короткая стрижка, темные волосы, слегка смуглое худое лицо и выразительные глаза неопределенного глубокого цвета. Очень породистое лицо настоящего мужчины, как сказала бы ее бабушка. В то же время в нем было что-то необузданное, навевавшее Кате мысли о Тарзане. Он буквально прожег девушку взглядом и разместился через столик от нее. Катя очень обрадовалась, что ей еще не принесли еду: она очень глупо выглядела бы с открытым ртом и торчащим оттуда куском мяса. Почему-то она мгновенно замерзла, несмотря на то что в подвальчике было тепло и весело потрескивал камин.

Официантка принесла огромную глиняную тарелку с аппетитно шкворчащим куском молодой свинины, мелко нарубленной и квашенной по местному рецепту капустой и овощами. Также рядом с ней приземлилась увесистая кружка с темной жидкостью – пивом, которое Катя заказала повторно. Девушка заботливо поставила плетеную корзинку с большими кусками светлого и серого хлеба и улыбнулась. Большого она и не могла, ведь по-английски не говорила. После Екатерины официантка подошла к новому посетителю, красавцу мужчине, и попыталась принять заказ. Катя сидела сама не своя: никак не могла себя заставить не думать об этом типе. И судя по тому, что к его столику, тоже на двоих, подозвали молодого человека, знающего иностранный язык, которого вызывали к Кате, мужчина тоже был иностранцем. Но оно и видно – слишком породист, слишком высок и красив...

Катя не знала, куда деть глаза: он тоже периодически пронзал ее своим взглядом. Екатерине после озноба стало нестерпимо душно, она оттянула ворот своего розового свитера и незаметно подула внутрь. Свинина была сочной и мягкой, овощи свежими, а капуста очень вкусной. Пиво – хмельным. Краем глаза Катя отметила, что мужчине принесли чашку кофе и какую-то выпечку. Смотреть она на него не могла, так как испытывала доселе не изведенное ей чувство неудобства и ужаса от его красоты и харизмы, если так можно выразиться.

Внезапно в подвале резко потемнело, раздался какой-то неприятный, свистящий звук. Катя напряглась, посетители закрутили головами и начали взволнованно переговариваться. Катя находилась в невыгодном положении, так как ей переговариваться оказалось не с кем. Она испугалась не на шутку, раздался звон стекла и крики, а ей никто и объяснить ничего не мог. Внезапно свет погас совсем, а затем из темноты начали выплывать встревоженные лица работников кафе, освещенные прыгающим, красноватым светом. Они несли в каждой руке по две, по три свечки и щедро расставляли их на столах посетителей, по полкам и нишам на

стенах. Помещение наполнилось неярким светом свечей и камина: словно яркий огонь вырвался наружу и разбрызгался по подвалу маленькими язычками. Наконец к побледневшей Екатерине подскочил англоговорящий парень и затараторил на не очень хорошем английском:

– Только не волнуйтесь! Сейчас здесь будет светло! Вот – свет! Может, вам две свечки? Или три? Как у вас в стране, это не плохая примета?

– У нас плохая примета, если разобьется зеркало, – «успокоила» его Катя, – а я слышала звук разбитого стекла...

– Это не зеркало. Это разбилось стекло окна на лестнице! Никаких беспокойств! Сейчас там рабочие заделают все фанерой, дуть не будет. А уже завтра поставят новое стекло! – парень говорил быстро и суетливо.

От его дыхания пламя свечи колыхалось, отбрасывая причудливые блики и тени. Катя невольно посмотрела на столик, за которым сидел заинтересовавший ее посетитель. Сердце рухнуло вниз. Столик был абсолютно пуст, и, судя по оставленным на нем деньгам, которые освещала сиротливая свечка, не существовало надежды, что он ушел просто в туалет и скоро вернется. От нахлынувшей волны отчаяния Катя даже растерялась.

– А что со светом? – спросила она служащего, сглатывая ком в горле.

– Там, на улице, внезапно поднялся ураган! Нонсенс! Под Рождество! Просто смерч какой-то! Штормовое предупреждение объявляли, но никто не отнесся серьезно... А там что творится-то! Ветер, снег, дождь, град! Все сразу! Стекло выбило, провод где-то оборвало! Сейчас пытаются дозвониться до аварийной службы по сотовому телефону, потому что обычная телефонная линия тоже оборвана... Но там все время занято, видимо, весь город звонит... Вам что-нибудь еще принести?

– Спасибо, счет, – машинально ответила Катя, и парень ушел.

Она снова посмотрела на опустевший столик, и ее снова накрыла волна отчаяния. «Что со мной? Ну, был какой-то мужчина, выпил кофе и ушел... И дальше? Вот именно... Ушел, и все... И я больше его никогда в жизни не увижу. Боже мой! Какие у него были глаза... плечи... Ведь он кого-то любит, целует, обнимает. Чего это я? Ах уж эти подружки! Настроили меня на эротический лад, мол, встретишь мужчину мечты! Вот мне теперь и мерещится принц в каждом встречном! А ведь такие мужчины, скорее всего, заняты, наверняка окружены женским вниманием и любовью... Что меня так зацепило? Дни перед Новым годом, пиво, погребок в Будапеште, и вот является неземной красавец! Вот крышу и сорвало... Нет, он тоже по-особенному смотрел на меня, очень внимательно... Он заметил меня... я не могу быть настолько слепа.... Может быть, я ему даже понравилась. И всего-то надо было улыбнуться,

может, посмотреть по-особенному... Дать человеку понять, что он меня заинтересовал. А я совершенно не умею строить глазки. Даже наоборот! Если мне мужчина нравится, я будто кол сразу проглатываю, просто деревенею. Вот и упустила... Даже смешно, он так быстро исчез, может быть, испугался урагана? С каким-то идиотом в самолете я общалась без тени стеснения! А вот на мужчину, который понравился, даже посмотреть нормально не смогла!» – ругала себя Катя с ужасом: то ли она упустила свой шанс, то ли на нее с такой силой подействовало венгерское пиво. Кстати, пиво она одна заказала в этом погребке, да и кто из нормальных людей станет увлекаться этим напитком зимой? Все пили какие-то коктейли, аперитивы, коньяк или вино.

Катя расплатилась и вышла наверх. В более глупое положение она не попадала уже давно. Она-то, как белый человек, прилетела в Европу на праздник в шубе, в высоких кожаных сапогах, в шапке. А на улице лил дождь без крупинки снега. Причем то затихал, то усиливался... Было безлюдно, дул жесточайший ветер – народ, скорее всего, попрятался по домам.

«Ужас! – подумала Екатерина. – Как я теперь доберусь до своего отеля?»

Она вернулась в подвальчик, зашла в сувенирную лавку и купила зонтик с видами Венгрии. Понятно, что в Кате разыграл не туристический интерес, а желание хоть как-то спасти одежду от разбушевавшейся стихии. Она снова вышла на улицу и огляделась. Дождя уже не было, но ветер пронизывал насквозь. Катя поежилась. Больше всего ей не хотелось идти искать гостиницу.

Поэтому, когда рядом с ней остановился мотоцикл, она не была против того, чтобы ее подвезли.

За рулем сидел тот самый мужчина, который не дал ей расслабиться в кафе. На английском, вежливо и культурно он предложил подвезти ее куда нужно.

Язык прилип к небу. Катя издала нечленораздельный звук, который был воспринят мужчиной как положительный ответ. Скорее всего, он никогда не получал отрицательных ответов от женщин. Сильной рукой он фактически втащил Катю на сиденье и с долей насмешки в глазах вопросительно посмотрел ей в лицо. Она выдавила из себя адрес отеля, и мотоцикл рванул с места. А дальше Екатерина испытала все муки, которые только возможны в таком положении. Она никак не могла понять, с чего это ее угораздило запросто подчиниться взгляду незнакомца. Она никогда в жизни не могла представить себе, что возьмет и взгромоздится на

подобную адскую машину. Катя никогда раньше не ездила на мотоцикле, и вот в тридцать лет, в другой стране, в жуткую погоду, неизвестно с кем за рулем она залезла на железного коня. От страха закружилась голова, а коленки свело судорогой. Катя с силой вцепилась в спину мотоциклиста, мельком даже подумав о том, как бы случайно не забеременеть от такого тесного соприкосновения. Вот бы был подарок от Деда Мороза, то есть Санта-Клауса.

Они неслись по пустынной улице в неизвестном Кате направлении. Она чувствовала, как из головы выветриваются последние мысли. Почему, например, человек, не говорящий по-венгерски, точно знает, где расположен ее отель?

От мужчины пахло свежестью, приятным парфюмом и еще чем-то весьма притягательным.

«Не хватало еще влюбиться в иностранца», – холод, ветер и шок оставили в мозгу лишь такую непритязательную мысль.

После этого сознание пронзила следующая нелепость:

«А ведь он меня ждал! Обратил на меня внимание в кафе, потом ушел... Я еще сидела... и вот вызвался меня подвезти... Точно! Я произвела на него впечатление! Даже не верится! Этого просто не может быть... если только чудо...»

Тут с мрачного, потемневшего неба на них обрушился поток воды. Непрерывный, вставший стеной ливень залепил глаза и уши. Мощные струи заливались за шиворот и мгновенно делали всю одежду мокрой насквозь. Кате было даже трудно дышать: казалось, вода вытеснила все вокруг, даже воздух. Зачем она сделала то, что сделала, Екатерина объяснить не смогла бы: она несколько ослабила хватку, вытащила из сумочки зонт и раскрыла его. Ведь никогда раньше не видела едущих мотоциклистов с зонтиками, так почему нелепейшая мысль пришла в голову сейчас? Наверное, от переизбытка нахлынувших чувств, не иначе. Как-то все-таки привыкла ездить в закрытом автомобиле, вот и раскрыла этот чертов зонт, чтобы струи дождя хоть немного перестали хлестать по щекам. Мгновенный порыв ветра сильно тряхнул зонт, который что есть силы стукнул мужчину по голове и к тому же намертво закрыл ему обзор. Последнее, что помнила Екатерина, это ругательства на чисто русском языке, резкое изменение направления движения, глухой удар, от которого ее просто сорвало с места, подняло с невиданной силой и бросило на какую-то твердую поверхность. После этого мощного удара у Кати сразу отказало зрение, потом исчез слух. Оставшиеся органы тактильной чувствительности еще проанализировали, что тело сползло вниз по

твердой, шершавой поверхности и затихло, благополучно охладившись в луже. Весь этот сверхполет Катя совершала с зонтиком в руках.

«Мать твою... просто Мэри Поппинс!» – успела подумать Катя и благополучно отключилась.

Глава 4

– ...А какой сейчас год, деточка? – спрашивала у Кати маленькая, щупленькая старушка в медицинской одежде и почему-то в русском народном кокошнике, только белого цвета с красным крестом.

Катя напряглась.

– Две тысячи девятый, – ответила она, собрав память в кулак.

– Дорогая ты моя девочка! – всплеснула руками пожилая медсестра. – Ты же была в коме долгих десять лет! Все пропустила в жизни, тело твое постарело, а волосы поседели...

Катя судорожно дернулась, шумно вдохнула воздух и проснулась. Она явно лежала в больничной палате с белым потолком и пастельного цвета стенами. Вокруг было очень чисто, даже до неприличия стерильно и пусто... Нет, с последним утверждением она поспешила. Рядом с ней сидел тот самый мотоциклист, вместе с которым она и отправилась в свое грандиозное путешествие, то есть в незабываемый полет. Выглядел он ужасно. Вся левая сторона лица ободрана, словно его проволокли по асфальту. Левый глаз, соответственно, затек, а из-под ворота джемпера выглядывали белые бинты.

«Жив...» – подумала Екатерина.

– Очнулась? Пришла в себя? – мужчина занервничал, тем не менее его английский оставался безупречным.

– Вы, по-моему, прекрасно материтесь по-русски, если мне не изменяет память, – откликнулась Екатерина на русском языке.

– Так вы тоже русская? К чему тогда сложности?! – обрадовался мужчина. – Как тебя зовут?

– Мы уже на «ты»? – она напряглась, не веря, что он может оказаться ее соотечественником.

– Я по старшинству могу к тебе так обращаться, – усмехнулся он.

– Уж не намного вы меня и старше, – она присела на кровати, кутаясь в одеяло и спуская длинные ноги на пол.

– Так как тебя зовут, женщина, решившая ехать на мотоцикле под зонтиком?

– Я не думала, что вы из-за этого сразу же врежетесь куда-то! – В ее устах это прозвучало так: «Я не знала, что ты такой слабак».

– Трудно управлять мотоциклом, когда тебя внезапно огрели по голове, от чего ты потерял ориентацию, а затем закрыли обзор перед глазами. Все

ведь произошло очень быстро! Честно говоря, больше всего я рад тому обстоятельству, что ты осталась жива...

– А выгляжу я так же плохо, как и ты? – поинтересовалась Екатерина.

– Думаю, да, – засмеялся он.

– Ладно, прости, что открыла зонтик... Тебя покалечила, мотоцикл, наверное, разбился... Ой, правда! Я об этом не подумала, я могу заплатить... У меня не очень много денег... но я могу, если виновата...

– Забудь! – прервал мужчина и взял ее холодную ладошку в свою теплую и большую руку. – Ты так и не представилась.

– Катя. Можно Екатерина, но это слишком длинно...

– Севастьян, можно Сева, – глаза у мужчины были очень выразительные и лучистые.

– Сева... – повторила Екатерина, слегка задумавшись, словно пробуя имя на вкус.

– Что?

– Вот уж не думала, что встречу парня по имени Сева под Рождество в Венгрии...

– У тебя были другие планы? Ты расстроена? – спросил Севастьян.

– Просто... не ожидала, – отвела глаза Катя. Все тело тряслось от холода. – Не скажешь, что со мной случилось? Сколько я была в отключке? Надеюсь, не десять лет... Хотя, судя по твоему незажившему лицу, времени прошло не так уж и много.

Сева слегка дотронулся до ободранной щеки.

– Да ерунда! Пара синяков, сломана пара ребер и слегка подпорчен фасад... Заживет... до свадьбы.

– Не поздновато ли? Свадьба-то?.. Небось дома семеро по лавкам сидят? – ехидно спросила Катя.

– Свадьба была... лет пятнадцать назад и лет через пять закончилась разводом, – ответил Севастьян, выглядевший при этом достаточно честно.

– С чего бы?

– Работа у меня такая... в разъездах все, жене было трудно меня ждать, – пояснил он с явной неохотой.

– Все на мотоцикле рассекаешь? – спросила Катя.

– И на нем тоже, – улыбнулся Сева. В углах его глаз пролегли лучистые морщинки. – А ты замужем, Екатерина?

– Нет, – ответила она, – непонятно, зачем мы об этом говорим?

– Значит, есть интерес... я резко остановился у фонарного столба, и ты, Катя, здорово приложилась головой о стену дома. Без сознания провалялась в больнице часов семь... Я все время здесь... Ну, может,

отлучался на осмотр, рентген и перевязку.

– У тебя сломаны ребра? – нахмурила брови Катя.

– Ерунда. А сознание я не терял... Просто проехал физиономией по мостовой, а вот ты стукнулась... Как себя чувствуешь?

– Не очень хорошо, – честно ответила Екатерина, сфокусировав взгляд на единственно ярком предмете в палате – разукрашенной елке. – Рождество...

– Завтра, – подтвердил Сева.

– Что-то не так я себе представляла встречу Рождества... в больнице... даже поговорить не с кем.

– Я здесь.

– А вы на что? Я вас не знаю, – и тут Катя покраснела совершенно неожиданно для самой себя.

– Так узнаешь... Я же вез тебя в отель «Королева», не забыла? Я ведь тоже остановился там...

– Шутишь?

– Зачем? Я – русский, приехал в Будапешт по делам и праздники провести. «Королева» – лучший отель... Вот там, давно уже, и забронировал номер...

– А в России где живешь? – спросила Катя.

– В Санкт-Петербурге.

– А я из Москвы, – разочарованно протянула она.

– Города-побратимы, – подмигнул ей Сева.

– Скорее конкуренты...

– Ты не залеживайся здесь. Я сейчас ухожу, а ты приди в себя, вечером я за тобой заеду. Праздник встретим в отеле, поверь мне – это намного лучше, чем в больнице.

– Верю, – состроила гримасу Екатерина.

– Я вернусь к шести, с полицейскими все улажено, – добавил Севастьян и вышел из палаты.

Екатерина снова легла на кровать: у нее дико закружилась голова. Казалось, только сейчас до нее дошел весь ужас происшедшего.

«Я же чудом осталась жива! Вот недотепа! И человека чуть не угробила...»

Глава 5

Решив действовать самостоятельно, Катя забрала багаж из камеры хранения в аэропорту и на такси, как цивилизованные люди, добралась до гостиницы. «Королева» понравилась ей сразу: выглядела она еще красивее, чем на фото в Интернете. Оно и понятно, ведь весь фасад украшен праздничной иллюминацией, а перед входом установлена большая искусственная елка, постоянно меняющая цвет, и это просто завораживало. На Катином лице красовался огромный фингал, что в свете предстоящего праздника тоже выглядело как своего рода украшение. Еще Катю постоянно мутило и тошнило, мучила головная боль. При всем при том, конечно, она не стала дожидаться, когда Севастьян приедет за ней в больницу, рассудив примерно таким образом:

«С какой стати? Еще решит, что я – легкая добыча, что со мной можно «зажечь» в Новый год и попрощаться утром первого января, назвав другим именем... Я приехала сюда одна и уеду одна!»

Девушка-администратор была сама любезность. Она сочувственно посмотрела на лицо Екатерины и напонила, что номер числится за ней еще со вчерашнего дня.

– Я знаю, ничего страшного, сейчас заселюсь. Никаких компенсаций требовать не буду, – улыбнулась в ответ Екатерина.

Ей выдали электронный ключ от номера, служащий отеля помог отнести чемодан. Даже стандартный номер в роскошном отеле выглядел весьма презентабельно: светло-кремовые стены, яркого изумрудного цвета мягкая мебель и портьеры с длинными шелковыми кистями. Шкафы в комнате все с красивыми витражными стеклами, кое-где даже с мозаикой. Лампы на потолке – в виде больших круглых тарелок, тоже с мозаикой в виде легких и красочных бабочек. В номере работала система климат-контроля, явно с каким-то цитрусово-ванильным ароматизатором воздуха.

Взгляд Кати упал на небольшую елочку в центре комнаты, между диваном и барной стойкой с напитками. Вот как раз елка Кате и не понравилась, напонила о больнице. Катя содрогнулась и подошла к большому зеркалу, висящему в комнате. Первая мысль – очень хорошо, что у нее здоровое сердце и в семье никто не страдал гипертонией. Иначе бы ее хватил удар прямо на месте. Из зеркала глядело чужое одутловатое лицо с фингалом и шишкой на лбу. Настороженно-испуганный взгляд, плохая прическа, помятая одежда.

– Какой ужас! – вслух произнесла Катя, проходя к шкафу и закатывая прямо туда чемодан на колесах.

У нее не было ни сил, ни желания распаковывать и развешивать одежду. Она сразу же прошла в ванную и погрузила свое бременное тело в теплую, расслабляющую воду. Вот только думать о Севе она не могла перестать. Перед глазами стояло его лицо, настолько он был притягателен.

«Появись он здесь, я бы не устояла...» – подумала Катя, погружаясь в ванную с головой, пытаясь прогнать и грустные, и не очень грустные мысли.

Когда она вышла из ванной комнаты в белом махровом халате, то почти сразу же заметила конверт, который кто-то просунул под дверь. С трепещущим сердцем, словно юная дева в ожидании первого свидания, она развернула записку.

«Жду тебя на ужине в ресторане в двадцать часов».

– Все-таки нашел! – возликовала Екатерина, и сердце ее радостно заколотилось в предвкушении романтического свидания.

Она посмотрела на часы и рванула в ванную сушить волосы. Укладывать их она не умела абсолютно, поэтому получилось то, что получилось: огромная копна торчащих во все стороны волос. Катя метнулась в комнату к своему чемодану и вытащила недавно приобретенное вечернее платье цвета спелой вишни. Оно было такое мятое, что Кате стало страшно.

«Погладить... его срочно надо погладить...» Катя подбежала к столику с телефоном и набрала номер сервисной службы. Хорошо, что здесь все дублировалось на английском. Кате никто не ответил: номер был занят, занят...

«Конечно... предпраздничный вечер... Все постояльцы заняты приготовлениями, все звонят...» – поняла Катя и, быстро переодевшись в спортивный костюм, собрав волосы в пучок, с платьем под мышкой кинулась из номера в поисках утюга и гладильной доски.

Сервисная служба в таком роскошном отеле должна быть на каждом этаже, но на ее этаже комната горничных закрыта, а на другом – женщина в униформе с охотой сообщила, что сейчас все заняты и она может прислать в номер курьера примерно через час. Он и заберет платье в глажку.

– Я сама могу, – вызвалась Катя.

– У нас службы в подвальном помещении, – сообщила служащая, добавив на всякий случай: – Извините за неудобства.

Катя отправилась на поиски сервисной службы и подвала. Коридоры отеля утопали в мягких коврах, все было украшено новогодними

гирляндами, мишурой и выразительными скульптурами на рождественскую тему. А еще она обратила внимание, что по всему отелю снуют люди – их много, двигаются они хаотично. Здесь были и постояльцы отеля, и обслуживающий персонал. Все носились с озабоченными, довольными лицами, шурша подарочными пакетами, коробками и другими атрибутами праздника. От женщин пахло мандаринами, духами и лаком для волос.

Катя совсем растерялась в толпе, ее периодически кто-то толкал, извинялся, движение продолжалось. Дождаться лифта не представлялось никакой возможности, и Екатерина зашла в грузовой лифт, нажав последнюю нижнюю кнопку, она решила, что это подвал, так как других обозначений не было. Лифт с лязгом закрыл двери и поехал вниз. Когда он остановился и двери открылись, Катя сразу даже не поняла, где оказалась, – настолько разительные перемены произошли вокруг. Совершенно темный и пустой коридор, из которого веяло холодом.

Она стояла и озиралась по сторонам. Из раздумья, в какую сторону идти, ее вывел звук закрывающихся дверей лифта и включения его мотора. Лифт поехал по вызову, оставив женщину в одиночестве. Кате стало не по себе, она поспешила пойти хоть куда-нибудь, в поисках если не утюга, то хотя бы выхода. Кричать «Ау, люди!» – глупо, хотя и очень хотелось. Сдерживало только то, что она понимала: ее вряд ли кто здесь услышит.

«Просто подземелье какое-то. Черт, оно раздваивается и еще разветвляется... Куда это я приехала? Лабиринт... Подземные катакомбы... Куда я иду? В Будапеште есть метро или нет? Интересно, а надо мной рельсов нет? А то сейчас увижу свет в конце туннеля...»

Катя медленно продвигалась по коридору, слушая стук своего сердца и шуршание полиэтиленового пакета, в котором находилось платье. И вдруг в однообразие шумов наконец-то ворвались какие-то посторонние звуки. Катя, безумно обрадовавшись, поспешила на голоса. Ее удивлению не было предела, когда она услышала человеческую речь. Еще более удивительно, что разговор шел по-русски.

«Словно я провалилась сквозь землю и выхожу на поверхность в России», – подумала Екатерина.

Голоса, а их было несколько, доносились из полуоткрытой двери. Кстати, в этой части подземелья брезжили проблески цивилизации: появился свет, линолеум на полу сменился ламинированным покрытием, виднелось несколько дверей. Одна из них была полуоткрыта, именно оттуда и доносились голоса. Екатерина прислушалась; нечто не дало ей ворваться в комнату сразу. Собственно, это были грязные ругательства.

– Подонок! Сволочь! Гад! – после этого шла совсем нецензурная брань. – Я точно говорю, что этот прохвост что-то знает! Шеф тоже считает, что он следит за ним!

– Но этот урод молчит! – отвечал другой, не менее мерзкий мужской голос.

– Так что ты стоишь как истукан?! Шеф же сказал, чтобы мы развязали ему язык!

– Так мы из него уже всю душу вытрясли, и все без толку!

– Мало трясли! Говори, подонок, кто тебя послал?! – явно свирепея, заорал один из мужчин.

– Дима, подожди! Пора пустить в ход «тяжелую артиллерию». Нагревай утюг! Он русский, вот и мы русские. Он же понимает, что мы сейчас будем делать. Включай утюг! Это должно сработать!

– Ты уверен? – все-таки второй был не столь решителен.

– Уверен! – огрызнулся напарник.

– Мы ж убьем его!

– А мы сейчас уточним у шефа...

– Не уверен, что шефу нужен труп.

– А я думаю, что мы в любом случае не сможем его отпустить. Но сейчас выясним...

– Здесь телефон не берет.

– Выйдем. Куда он денется? Утюг пока как раз разогреется.

Катя стояла как вкопанная и слушала. В эти минуты она очень бы хотела быть нерусской, ничего этого не слышать и не понимать. Но, к сожалению, она понимала и от этого впала в шоковое состояние.

«Ведь это не съемки сериала про мафиози», – подумала Катя, вжимаясь в стенку: из комнаты вышли двое мужчин и, злобно переговариваясь, удалились по коридору. Спасло Екатерину только то, что мужчины пошли в другую сторону. Она вздохнула и нашла в себе силы заглянуть внутрь комнаты. Ее совершенно не интересовал интерьер помещения, все внимание приковывало окровавленное тело... Севастьяна.

«Вот тебе и Рождество!» – подумала Екатерина.

Глава 6

Сева лежал связанный по рукам и ногам на полу в позе эмбриона. Весь пол в комнатке, не великой размером, был испачкан кровью, явно его. Одежда на Севастьяне была испачкана, изодрана и тоже в крови. На измученном, каком-то черном лице жили только глаза. В них появилось осмысленное выражение – крайнее удивление.

– Ты? Я был прав...

– В чем? – Катя оглянулась по сторонам и инстинктивно бросилась к нему на помощь.

Она принялась ощупывать веревки, ища хоть какую-то слабину. Найдя узел, впилась в него зубами.

– Что ты делаешь? – спросил Сева.

– Как что? Пытаюсь тебя освободить! Хотя не знаю, стоит ли! – посмотрела на него Катя.

– Так ты не с ними? – голос Севы был слаб.

– С ними?! Ты в своем уме?! Что у меня может быть общего с ними? А вот ты мне можешь объяснить, что происходит?

– А что ты тогда здесь делаешь? – вопросом на вопрос ответил Севастьян и, напрягая мышцы, разорвал одну из веревок, связавших его тело.

– Я? Да я платье хотела погладить, – ответила Катя, совсем забыв о брошенном на пол платье в пакете.

– Погладить платье? – переспросил Сева. – Это очень кстати, вон ребятки и утюг приготовили!

Катя посмотрела в указанном направлении и увидела включенный в розетку утюг, от которого уже шел пар.

– Думаю, сейчас мне заниматься этим некогда, – ответила Катя, освобождая Севу. – Выглядишь ты очень даже паршивенько!

– Я себя и чувствую так же, – кивнул он головой.

– А что происходит?

– Сейчас нет времени для объяснений, – он перевел дух и позеленел, поднимаясь на ноги.

– Ничего себе! А я собиралась к тебе на свидание! Сейчас бы пришла вся расфуфыренная и сидела бы одна в ресторане как дурочка, – высказалась Катя.

Сева как-то странно посмотрел на нее, но ответить ничего не успел:

послышались шаги и голоса возвращающихся мужчин. И вот тут Екатерина испытала просто вселенский ужас: она слишком долго провозилась с веревками. В подвале, вдвоем в маленькой комнате, больше напоминающей скотобойню, было очень страшно. Полуживой мужчина и раскаленный утюг – неплохая компания, когда на тебя надвигаются два головореза.

Сева поднял указательный палец и приложил его к губам, показывая Кате, чтобы она вела себя тихо.

А ничего другого Катя в этот момент и не могла. Она просто стояла столбом и хлопала ресницами.

Первым в комнату вошел невысокий мужчина с плотным животом и редкими светлыми волосами. Катя успела заметить, что у него ярко-голубые удивленные глаза, которыми он и смотрел на развязанного Севу. Последний же молниеносным ударом, в который вложил все силы, сбил его с ног, а вторым ударом оглушил. После этого в проеме появился второй – детина весьма внушительного роста и размера. Но и он оказался не готов к такому повороту событий. Завязалась жестокая схватка. Катя сразу поняла, что Севастьян – специалист в этой области. Эта драка не походила на обычную возню или пьяное махание кулаками. В ход шли приемы, уклоны и весьма профессиональные удары. Места в помещении мало, мужчины сильно размахивались, Катя инстинктивно отодвинулась от очага драки и прижалась к стенке. Драка достаточно быстро закончилась победой Севы. Он применил болевой прием и выключил бандита. Выглядел он устрашающе – словно тяжело дышащий окровавленный дракон, заваливший жертву.

– Так... Что здесь происходит? – раздался еще один голос.

Севастьян с Катей синхронно повернулись на голос и увидели мужчину в дорогом костюме и с пистолетом в руке. Выглядел он респектабельно и чрезвычайно спокойно, что в сложившейся ситуации щекотало нервы. Вдобавок Катя знала этого человека: это был ее поклонник из самолета Родион Юрьевич.

– Что здесь происходит? – повторил свой вопрос Родион Юрьевич, глядя на Екатерину. – А ты, душа моя, что здесь делаешь? Я ждал тебя в ресторане, когда эти два идиота вызвали меня телефонным звонком.

Севастьян пронзил Катю своими красивыми глазами.

– Так вот у тебя с кем свидание? Все-таки ты с ним? Бонни и Клайд современного разлива, – опустил голову Сева, как-то внезапно погрузнев.

Один из поверженных бандитов простонал:

– Шеф, подстава... Она с ним... она его развязала...

Пистолет в руке Родиона Юрьевича дрогнул.

– Душа моя, что такая грустная? Я так понадеялся на романтическое приключение под Рождество. Я встретил прекрасную блондинку в самолете, разговорился с ней и понял, что она хороша не только в постели, но и в общении. Вот меня и потянуло на отдых душой и телом от семьи... Я смог устроиться в тот же отель, где поселилась очаровательная незнакомка, хотя это было непросто, тем более что у меня возникли небольшие неприятности. Я узнал, в каком номере живет моя очаровашка, назначил ей свидание. Дела у меня идут в гору, мои люди уже фактически решили небольшую проблему... И что? Я, надушенный и напомаженный, иду на свидание, а ты здесь пытаешься превратить маленькую неприятность в большую? В чем дело, моя киска? Вы вместе следите за мной? Ну что ж, они молодцы! Прислали такую женщину, которую я не мог не заметить... Хорошо меня изучили, отличная работа штатного психолога. Эх, жалко только, придется закрыть эти прекрасные глаза навсегда.

– Оставь ее в покое! Она тут ни при чем! – обратил на себя внимание Севастьян.

– Так вы еще и питаете любовные чувства друг к другу? – усмехнулся Родион Юрьевич.

– Я не знаю ее! Мы не вместе! Я один следил за вами! Отпустите девушку, она ничего не знает.

– Не верьте ему, шеф, – харкнул кровью один из нападавших, все еще не в состоянии подняться на ноги, – я следил за ним и видел, как они вместе ехали на мотоцикле.

– Вот оно что... Парочка влюбленных шпионов провалила задание! Очень интересная история, правда, с печальным концом.

– Я не шпион... и этого человека я не знаю, я просто... он подвозил меня, вот и все... – отлепила язык Екатерина от вмиг высохшего неба, – отпустите меня, я не понимаю, что происходит... Я не хочу умирать неизвестно из-за чего...

– Она говорит правду, – откликнулся Севастьян. – Я специально следил за ней, потому что думал, что она с тобой...

– Со мной?! – рассмеялся Родион Юрьевич. – Нет, я с ней только в самолете познакомился.

– Вот и отпусти! – сделал движение Севастьян.

– Ни с места! – взревел Родион, полностью контролирующий положение.

– Вали его, шеф! С ним нельзя врукопашную, он – зверь! – простонал один из преступников.

Дальнейшее развивалось со страшной скоростью и отложилось в

голове Екатерины отдельными яркими картинами. Родион прицелился, Сева в этот момент резко нагнулся в сторону и, как Тарзан, кинулся прямо на стрелявшего. Раздались ужасающие звуки. Катя зажмурила глаза. Из ступора ее вывел громкий голос Севастьяна:

– Беги! Беги скорее!

Катя открыла глаза и увидела, как истекающего кровью Севу душил навалившийся на него Родион. Лицо Севастьяна претерпело значительные изменения – от бледного до синюшно-бордового. Из носа сочилась кровь, а из глаз – слезы. И тут Катю пробрало. Она закричала громким голосом:

– Не смей! А ну отпусти его!

Сама не понимая, как в руках появился раскаленный утюг, Катя, недолго думая, огрела им Родиона.

Глава 7

Только теплые минеральные воды термального бассейна смогли вернуть Екатерине душевное равновесие. Она выбрала бассейн с оптимальной для тела температурой в тридцать шесть градусов и плавала здесь уже полчаса.

– Эй... – тихонько позвал ее кто-то, – Катюша...

Она повернула голову в сторону нежного голоса и увидела Севастьяна в белом махровом халате специально для водных процедур. Сердце ее забилось с такой силой, что Кате показалось, что вокруг пошли волны.

– Здравствуй, – кивнул он.

– Здравствуй, – чуть не ушла под воду Екатерина, – я сейчас выйду...

Выглядел Сева замечательно: высокий, стройный, очень бледный и очень красивый...

Катя вылезла из бассейна и, пока бежала до вешалки, где висел ее белый махровый халат, всей кожей ощущала его взгляд на своем теле.

– Ты почему здесь? Ты же в больнице должен быть...

– Не люблю я этих больниц, – Сева медленно опустился в пластмассовый шезлонг, она опустилась рядом, запахивая халат.

– Доктор сказал, что пуля прошла навылет, все будет хорошо...

– Я знаю, что ты интересовалась моей судьбой. Только почему сама-то ко мне не зашла? – посмотрел на нее Сева.

– Чего ради мне к вам заходить? – Безразличный вид у Кати получался очень посредственно. – Спасибо, конечно, если бы не вы, меня бы уже не было в живых... Как вы справились с ними, с тремя крепкими мужчинами...

– Чего опять на «вы»?

– А что нас связывает? – спросила Екатерина.

– Я думал, что-то связывает.

– Вранье, сплошное вранье. Я думала, я вам понравилась, а вы всего лишь приняли меня за сообщницу Родиона и решили проверить... Уж простите, что мне пришло в голову, будто вы за мной ухаживаете, праздничное настроение, видите ли... Что-то показалось, что-то навеяло...

– Я был на работе и подошел к тебе не просто так, ты права... но это не помешало мне отметить: почему все красивые женщины достаются таким отморожкам, как Родион? – ответил Севастьян.

– А рассказ о том, что ты не женат, входил в твои планы меня

соблазнить? – поинтересовалась Екатерина.

– Я действительно не женат, и потому я здесь... Я сбежал из больницы, боясь, что ты исчезнешь из отеля... Второй шанс я не упущу... Родион и его банда обезврежены и скоро будут переданы в руки российского правосудия, человек, с которым он должен был встретиться в Венгрии, тоже найден... Не смотри на меня вопросительно. Я могу озвучить только одно слово – наркотики. Родион – не последний человек в этом бизнесе. Его выслеживали полгода и вот...

– И ты брал его в одиночку?

– Так получилось... сам виноват, засветился.

– А кто ты? – заинтересовалась Екатерина, видя белые бинты, выглядывающие в вырезе его халата.

– Я скажу, если хочешь, но тогда буду вынужден тебя убить...

– Понятно... – вздохнула Катя.

– Ну, так как?

– Что?

– Второй шанс? – напомнил Севастьян.

– Сегодня Рождество? – уточнила Катя.

– Вроде да.

– Вот только ради этого! Даю! – кивнула головой Катя.

– Всегда знал, что когда-нибудь под Рождество Дед Мороз припасет для меня что-нибудь особенное, – засмеялся Сева.

Затем он встал с шезлонга, сильно и нежно одновременно поднял Катю с ее сидячего места и достаточно уверенно поцеловал ее.

– Ну что ж, здравствуй, моя прекрасная незнакомка, прошедшая боевое крещение.

– Привет, – улыбнулась Катя, – и помолчи уже... – она притянула его к себе и прижалась к его раненой груди.

«Неужели свершилось?» – подумала она.

– Даже не верится, что так повезло, – озвучил Севастьян, и Катя поняла, что он тоже переживал и волновался и она действительно сильно ему понравилась.

А остальное было в их руках. Почему-то верилось: то, что началось под Рождество, должно иметь только хороший конец... А почему бы, собственно, и нет?

Татьяна Полякова

Сюрприз на Рождество

Какой-то умник сказал: «Если долго сидеть возле реки, увидишь, как по ней плывет труп твоего врага». Эта фраза настойчиво вертелась в голове, когда я таращилась на мужчину в костюме Деда Мороза, лежавшего возле моих ног на лестничной площадке между вторым и третьим этажом. Пять минут назад я вышла из квартиры с намерением вынести мусор, прикрыла дверь и, весело насвистывая, сделала пару шагов. И вот тогда увидела его. Дед Мороз в шубе из ярко-красного бархата притулился возле батареи, привалившись к ней плечом. Голова упала на грудь, и в первый момент я решила: «дедуля» сладко спит, и весело фыркнула, уж очень забавно это выглядело. И, только поравнявшись с бесчувственным телом, ощутила беспокойство. Лежал Дед совершенно неподвижно, не похрапывал, не сопел и вроде бы даже не дышал. Я легонько потрясла его за плечо, но без всякого результата, и тут обратила внимание, что шуба на нем расстегнута. Под шубой был костюм, пиджак разошелся на груди, а на белой рубашке расплылось зловещее красное пятно.

– Мама дорогая, – пробормотала я и приготовилась орать во все горло. Но тут же подавилась криком: мой взгляд переместился с его груди на физиономию, и я вторично вспомнила маму, но уже по другому поводу. Борода на резинке сбилась на сторону, шапка съехала на одно ухо, из-под нее выбивались темные, как смоль, волосы, нос алел от помады, глаза закрыты. Это был Кострюков Владимир Павлович, в недавнем прошлом мой шеф, а ныне злейший враг. То есть теперь, конечно, уже нет. Вид поверженного врага не вызвал удовлетворения, я хоть и желала ему в сердцах «чтоб ты сдох, зараза», но всерьез о его кончине не помышляла. И вот такой «подарок»... – Да что же это делается, – жалобно пролепетала я и вновь вознамерилась орать, однако вместо этого тряхнула его за плечо и позвала настойчиво: – Вовка, кончай дурить, – в тайной надежде, что он не выдержит и залется хохотом, выдаст свою мерзкую улыбочку и спросит: «Что, испугалась?»

С него станется разыграть дурацкий спектакль, чтобы лишний раз испортить мне жизнь. Тело стало заваливаться, и тут я с ужасом поняла, что вовсе это не дурацкие игры, Вовка мертв, причем умудрился скончаться в моем подъезде. В припадке безумия я распахнула на нем шубу, теперь

кровавое пятно на груди предстало во всей своей красе. Совершенно нелепая мысль явилась мне: Вовка покончил жизнь самоубийством в нескольких метрах от моей квартиры. Глупость несусветная. Мой бывший шеф на такое не способен, даже из вредности. Что же получается: его убили? На всякий случай я пошарила взглядом по лестничной клетке в поисках орудия преступления, вдруг все-таки он сам? Под батареей лежал мешок, я заглянула в него и убедилась, что он пуст. Вовку кто-то убил в моем подъезде, а я не далее как четыре дня назад на него сильно гневалась, не чураясь крепких выражений. Помнится, даже крикнула: «Я убью тебя, скотина», – и все это при свидетелях.

– Ну, надо же, – жалко пробормотала я и залилась слезами. Теперь мне очень хотелось, чтобы Вовка, каким бы он ни был мерзавцем, чудесным образом вдруг оказался жив. И пусть бы пакостил дальше, это все-таки лучше, чем труп на лестничной клетке и перспектива объясняться с милицией.

Не знаю, сколько еще я бы стояла, возмущаясь злодейкой-судьбой, если бы внизу не хлопнула дверь подъезда. Сейчас меня застучают над трупом врага – и пиши пропало. Схватив пакет с мусором, я осторожно поднялась в свою квартиру. Закрывает дверь и без сил повалилась на банкетку. Однако к тому, что происходит в подъезде, прислушивалась. Шаги, а вслед за этим голос соседки, Прасковьи Ивановны.

– Это что ж такое делается! – возмущенно заявила она. – Нет у людей совести. Так напиться на рабочем месте. Глаза бы на вас, алкашей, не смотрели. А ну, встал, и марш отсюда. Батюшки-светы... – И тут же заорала на весь подъезд: – Караул!

Я разрывалась между беспокойством за даму в годах, которую запросто мог хватить удар от такого-то зрелища, и нежеланием вновь оказаться возле трупа. Приди я на помощь соседке, пришлось бы вызывать милицию, а значит, рассказывать о том, кто такой убиенный Дед Мороз. Делать это мне очень не хотелось. К встрече с милицией я совершенно не готова. Конечно, я не сомневалась, что обо мне они все равно узнают, но лучше позже, чем сейчас. И я малодушно затаилась, надеясь, что кто-то другой услышит вопль и придет Прасковье Ивановне на помощь.

– Да куда ж все подевались, ироды, – голосила соседка в большой обиде. Наконец снизу раздался мужской голос:

– Прасковья Ивановна, что на вас нашло с утра пораньше? – Это Лев Захарович, пенсионер, председатель домкома и признанный лидер нашего двора.

– Дрыхнете без задних ног, – гневно ответила соседка. – А в подъезде

покойник.

– Какой покойник? – обалдел Лев Захарович.

– Человека убили, старый дурак, вот какой.

Как я и предполагала, через пять минут начался форменный сумасшедший дом. Двери квартир захлопали, народ загалдел, а Лев Захарович командирским голосом возвестил:

– Граждане, не толпитесь, картина преступления должна сохраняться в неприкосновенности. Здесь могут быть следы и отпечатки пальцев.

«Все, моя песенка спета», – решила я, тоже о следах подумав. Приедут менты с собакой и прямиком явятся в мою квартиру. Заревев от отчаяния, я отправилась в ванную. Появиться на лестничной клетке я не рискнула, справедливо опасаясь, что моих актерских способностей не хватит изображать неведение. Однако мое отсутствие среди зевак придется как-то объяснить. Я наполнила ванну водой погорячее, легла в нее и закрыла глаза. Понемногу я успокоилась и пыталась сообразить, что Вовке понадобилось в моем подъезде, да еще в костюме Деда Мороза. Первое, что пришло в голову: он решил со мной помириться. Если честно, не особенно в это верилось. Если бы он и надумал явиться, то непременно замыслив очередную пакость.

С Кострюковым мы познакомились два года назад, когда я устроилась работать в его фирму. В штате числилось всего пять человек вместе с хозяином. Занимались мы изготовлением визиток, рекламных буклетов и прочей полиграфической продукции. Устроиться на работу сразу после окончания института, не имея стажа, довольно трудно, так что, можно считать, мне повезло. Бок о бок со мной трудились бухгалтер Любовь Петровна, дама лет сорока пяти, отличавшаяся болтливостью и нездоровым интересом к чужим делам, непризнанный компьютерный гений Серега Пятаков и дальняя родственница Вовки Ленка Виноградова, девица двадцати одного года от роду, неряшливая, некрасивая и страшно злющая. Во время чаепитий, происходивших не реже пяти раз в день, мы, как правило, обсуждали личную жизнь шефа, которая оставалась для нас загадкой. Вовка занимал отдельный кабинет, часто отлучался по делам, и обсуждать мы его могли сколько угодно. Тон задавала Любовь Петровна. Ей не давала покоя мысль, что такой красавчик все еще не женат. Разговор на излюбленную тему она начинала с одной и той же фразы: «Девки, вы что сидите, рот открыв, такой жених за стенкой... будь я на вашем месте, давно бы его окрутила...» Ленка, не больше нас знавшая о личной жизни родственника, презрительно фыркала и косилась на меня. Пятаков бормотал «что в нем такого особенного» и тоже на меня косился, а я с

улыбкой предлагала:

– Может, лучше поработаем?

– Работа не волк, – вздыхала Любовь Петровна, – а вот годы идут. Оглянуться не успеете, как будем с тридцатилетием поздравлять. А после тридцати шансы выйти замуж падают до десяти процентов, это я вам как бухгалтер говорю.

Ленка сопела, уткнувшись в бумаги, а я испытывала легкое беспокойство, потому что на любовном фронте у меня наблюдалось затишье. Не считая бурного романа, случившегося на третьем курсе института, похвастать успехами у мужчин я не могла. Знакомых парней было сколько угодно, но ни один из них, как мне казалось, моей любви не заслуживал. В общем, слова Любви Петровны пали на благодатную почву, и как-то незаметно и вроде бы помимо воли я начала приглядываться к шефу. Хотя бухгалтер и называла его «красавчиком», мне он таковым не казался. Выглядел Вовка, несмотря на возраст (он был старше меня на шесть лет), весьма солидно. Высокий, с наметившимся брюшком, круглолицый, с ямочкой на подбородке и длинными темными волосами. Серега с ухмылкой заявлял, что физиономия у шефа бабья, а волосы он завивает. Мы с энтузиазмом начинали спорить, и в зависимости от того, чья точка зрения побеждала, шеф то начинал нравиться мне, то вызывал легкую неприязнь. Ко мне он относился с большой теплотой, называл не иначе как Мариночкой, однако только этим и ограничивался, пока накануне Восьмого марта не пригласил весь коллектив в ресторан отметить праздник. Посидели мы довольно мило, часов в десять Пятаков отправился домой пешком, а Вовка по-джентльменски предложил развезти женщин по домам. Эта идея мне не особенно понравилась, потому что в ресторане он выпил, и немало, а в таком виде садиться за руль не следовало. Но Ленку с Любовью Петровной это обстоятельство не смутило, и я решила промолчать. Первой восвояси отправилась Любовь Петровна, за ней Ленка, и через двадцать минут в машине остались мы с Вовкой. Я назвала адрес, шеф улыбнулся, сказал:

– Я знаю, где ты живешь, – и самодовольно продолжил, повернувшись ко мне (я сидела сзади): – Я все о тебе знаю. Живешь одна, ни с кем не встречаешься...

– Ну и что?

Он протянул мне бархатную коробочку в виде сердца и произнес:

– Это тебе подарок.

К тому моменту я уже получила из его рук розу в целлофане и набор для маникюра, и наличие еще одного подарка меня насторожило.

– Что это?

– Взгляни. – Самодовольства на его физиономии прибавилось. Я открыла коробочку и обнаружила кольцо с большим камнем. – Красивое?

– В общем, да. Только я не очень понимаю...

– Ты мне нравишься, – сказал он.

– А-а-а... – протянула я и кольцо вернула. – Это очень дорогой подарок. – Кольцо вряд ли было дорогим, но, с моей точки зрения, получать такой презент от шефа весьма странно.

– Да брось ты. Ну, что, поехали к тебе?

Его тон мне очень не понравился, но ссориться с ним в мои планы не входило, я улыбнулась и сказала:

– Хорошо, познакомлю тебя с родителями, они ко мне на Новый год приехали.

Такая перспектива у Вовки энтузиазма не вызвала.

– Родители? – Он едва заметно поморщился, и до моего дома мы ехали в молчании.

Когда мы оказались возле подъезда, я насмешливо произнесла:

– Идем?

– Как-нибудь в другой раз. А они надолго приехали?

– Останутся до Рождества.

– Я позвоню, – буркнул он, и мы простились.

Он не позвонил, что меня порадовало, и встретились мы только на работе. Шеф, проходя через нашу комнату, вежливо поздоровался и сказал:

– Мариночка, зайди ко мне.

Когда я вошла в его кабинет, Вовка встретил меня пакостной улыбкой.

– Предки отчалили? Сегодня вечером загляну.

– Зачем? – как можно спокойнее спросила я.

– Ну-у... – Улыбка его стала шире и пакостней.

– Не трать время даром, – отрезала я, а он нахмурился.

– Брось, что ты из себя корчишь? В конце концов, я твой шеф, и ты просто обязана...

– Ты себя ни с кем не перепутал? – перебила я. – Для начала стань олигархом, а уж потом веди себя как последняя скотина.

С этого, собственно, и началась наша вражда. На людях Вовка вел себя прилично, улыбался и сыпал мне комплименты, но если по соседству никого не оказывалось, распускал руки, по которым я была наотмашь, и говорил мне гадости. Я терпела, сколько могла, а потом написала заявление об уходе. Вовка его разорвал и сказал зло:

– Никуда ты не уйдешь.

– Уйду.

– Попробуй. В этом городе тебе работу не найти.

Я ушла и вопреки его угрозам на работу устроилась. Но уже через неделю Вовка позвонил моему новому шефу. Что он ему наплел, ответить затрудняюсь, но после этого начальник стал смотреть на меня с подозрением. Кострюков оказался настырным парнем и принялся звонить всем моим сослуживцам без разбору и в конце концов заработал себе репутацию психа. Общественность приняла мою сторону, но неприятный осадок остался.

Летом я познакомилась с парнем, а через пару недель объявился Вовка. Встретил нас возле моей квартиры и устроил сцену ревности по всем правилам. Выходило, что я, живя с ним в гражданском браке, верчу любовь на стороне. Парень, хоть и послал Вовку к черту, в правдивости моих слов сомневался, меня это разозлило, и мы расстались. После чего Кострюков время от времени меня навещал, но дальше порога я его не пускала.

Последние два месяца он не появлялся и даже не звонил, я вздохнула с облегчением, пока вдруг не получила от него SMS со ссылкой на сайт. Не ожидая ничего хорошего, заглянула в Интернет. На сайте были выложены фото обнаженной девицы в непристойных позах, причем у девицы было мое лицо. Доказывай теперь, что я к ней не имею никакого отношения. Не помня себя от ярости, я ворвалась в кабинет Вовки и заорала: «Я убью тебя, придурок», – чем повергла в шок бывших сослуживцев, которые по-прежнему считали, что их шеф – милый парень.

И вот теперь Вовка лежит в моем подъезде бездыханный, и кто поверит, что я здесь ни при чем? Не успела я горько посетовать на злодейку-судьбу, как в дверь настойчиво позвонили. Я натянула халат, обмотала голову полотенцем и бросилась открывать, уверенная, что это из милиции.

Так и оказалось. На пороге стоял парень с помятой физиономией, он сунул мне под нос удостоверение и произнес:

– Здравствуйте. – Присмотрелся, улыбнулся вполне по-человечески и добавил: – Войти можно?

– Проходите. А в чем дело?

– Вы сегодня из дома выходили?

– Нет. А что?

– Шума подозрительного в подъезде не слышали?

К тому моменту в подъезде гвалт утих, и это позволило мне со спокойной совестью соврать.

– Нет. Я только час назад проснулась и решила принять ванну.

– Понятно, – вздохнул парень. – Значит, ничего не видели и не слышали?

– Вы так и не сказали, что случилось, – забеспокоилась я.

– Жмурик у вас в подъезде, то есть, я хотел сказать, на лестничной клетке обнаружен труп мужчины. Стреляли в упор... странно, что никто ничего не слышал.

– В кого стреляли? – бестолково спросила я.

– В мужика этого.

Не успел следователь удалиться, а я – выпить валерьянки, как в дверь опять позвонили. Решив, что на сей раз это уж точно за мной, я дрожащими руками открыла дверь и обнаружила свою подругу Верку, которая жила с мужем в том же подъезде, только этажом выше.

– Привет, – шепнула она, внедряясь в мою квартиру. – Менты были?

– Ага.

– Что творится... только трупов в подъезде нам и не хватает. Чаю налей, меня всю трясет...

Мы сели пить чай, Верка принялась гадать, кто так осерчал на Деда Мороза, а я силилась не разреветься. Верка, в отличие от меня, располагала кое-какой информацией, потому что на вопли соседей отреагировала и примерно с полчаса обреталась в подъезде, прислушиваясь к болтовне жильцов и разговорам явившихся оперативников.

– Документов при нем нет, никто в подъезде Деда Мороза не заказывал, да и кому заказывать, если, кроме нас, в доме одни пенсионеры. Прасковья вчера у дочери ночевать осталась, а сегодня, возвращаясь к себе, наткнулась на убитого. И что у нас за подъезд такой...

– Говоришь, документов при нем нет? – хмуро спросила я.

– Конечно, нет. На фига ему их с собой таскать, если человек на работе?

– А ты убитого видела?

– Ну, он же на лестничной клетке лежал.

– Он тебе знакомым не показался?

Верка моргнула и затихла.

– Нет, – сказала она через минуту. – Обычный Дед Мороз.

Верка моего бывшего шефа видела, он как-то пасса под дверью, когда мы вместе с ней возвращались из кино. Если документов нет, значит, кто он такой, определят не сразу. Следовательно, у меня есть время, чтобы выяснить, что Вовке понадобилось в моем подъезде.

– Менты говорят, его несколько часов назад убили. Ночью или даже вечером.

Вернулась я вчера около двенадцати, и алиби у меня, само собой, нет, раз в квартире я была одна.

– Пойду переоденусь, – вяло сказала я и ушла в спальню, сняла халат, и в этот момент меня осенило. – Как же я могла забыть! – завопила я.

– Ты чего орешь? – заглядывая в комнату, удивилась Верка.

– Я его вчера видела, – пролепетала я.

– Кого?

– Деда Мороза.

– Ну и что? Я тоже видела. Возле торгового центра.

– Я его здесь видела, возле подъезда. – Торопливо одеваясь, я пояснила: – Вчера меня Игорь привез, а я забыла в его машине мобильный, вспомнила о нем уже дома, позвонила Игорю, он вернулся, я вышла во двор мобильный забрать и в дверях столкнулась с Дедом Морозом. Еще удивилась, что явился он так поздно.

– Ну... может, праздновал кто, вот Дед Мороз и понадобился.

– Кто? Сама говоришь, никто Деда Мороза не заказывал.

– Так, может, это... он подъезды перепутал? Ты когда в квартиру возвращалась, его видела?

– Нет. И в подъезде было тихо. Значит, ничего он не перепутал, кто-то его в квартиру пустил. Витька твой в командировке?

– Не поехал.

– Ты же вчера сказала...

– Ну.... Он в последний момент передумал. На него ж находит, ты знаешь... А зачем тебе Витька?

– Твой муж работал в милиции, у него наверняка остались связи.

– Друзья-алкаши, а не связи. Если б он меня не послушал и тогда не уволился, успел бы заработать цирроз печени. А сейчас не мужик, а загляденье, не пьет, не курит, по бабам не шляется... Я не поняла, на что тебе мой Витька?

– Вера, – я села рядом и взяла ее за руку, – я тебе сейчас кое-что скажу, только ты в обморок не падай.

– Бабу завел? – нахмурилась Верка и приготовилась реветь.

– Кто? О господи! Я совсем не об этом.

– А о чем?

– Сегодня я пошла мусор выносить, часов в девять, а на лестничной клетке Дед Мороз лежит.

– Живой?

– Нет. Мертвый.

– Так это ты его нашла? А Прасковья...

– Замолчи, ради бога. Я его нашла и сбежала. Потому что это Вовка Кострюков.

Верка дважды хлопнула ресницами.

– Так он к тебе приходил?

– Не знаю. Говорю, я его нашла и сразу узнала. Ты мои фотки в Интернете видела? То есть не мои, конечно. Из-за этих фоток я с Вовкой в офисе скандалила и грозилась убить. А теперь его в самом деле кто-то убил.

– Вот непруха, – покачала головой Верка.

– Еще какая. Так что Витькины связи могут понадобиться. Хоть буду знать, когда за мной придут.

– Зачем? А-а-а... Маринка, чего делать-то? Ведь запросто на тебя подумать могут. Значит, Вовка твой вчера зачем-то приходил, а сегодня опять пришел... – Верка нахмурилась.

– Вчерашний Дед Мороз вовсе не Вовка. Он ростом меньше, Вовка высокий, а тот всего-то на полголовы был выше меня, мы ж совсем рядом стояли. И к кому бы пошел Вовка, если не ко мне? Не Дедом же Морозом, в самом деле, он подрабатывал, это просто смешно.

– Тогда я вообще ничего не понимаю. Выходит, было два Деда Мороза? Один вчера, другой сегодня?

– Выходит, – тяжело вздохнула я, и тут меня вновь посетила очередная догадка. – Верка, у Деда Мороза, то есть у Вовки, не было пояса на шубе. Точно. Менты на это внимание обратили?

– Откуда мне знать?

– И шуба была не застегнута. Борода прицеплена кое-как... А что, если его так нарядили уже мертвого?

– Кто нарядил?

– Убийца, дурища. Начинай соображать.

– Ты меня совсем запутала. Зачем убийце надевать на твоего Вовку костюм Деда Мороза?

– Предположим, кто-то хотел войти в дом, не привлекая внимания, то есть в таком виде, что его ни в жизнь не узнаешь. Тогда костюм Деда Мороза весьма кстати. Тем более в праздники. Никому и в голову не придет что-то заподозрить.

– Ну...

– Ну... он Вовку и убил. И напялил на него костюм Деда Мороза.

– А на кой хрен он его в нашем подъезде убил, у Вовки свой есть. К тому же, если Кострюков у твоей двери пасся, ты бы его увидела, верно?

– А если Вовка случайная жертва? Он пришел вчера ночью и

столкнулся в подъезде с человеком, которого не должен был видеть?

– Точно, – подумав, ответила Верка. – С киллером. Тот его пристрелил, опасаясь свидетеля, нацепил на него костюм Деда Мороза и отправился восвояси. «Увлечение сериалами до добра не доводит», – подумала я и пригорюнилась. Верка почесала за ухом и закончила: – Если в деле замешан киллер, то у нас в подъезде должен быть еще один труп. Но менты о нем еще не знают.

– Глупости, – вздохнула я. – Какой еще киллер? Кого ему убивать в нашем подъезде?

– Не скажи. А новый жилец с нашего этажа? Крутой бизнесмен. Маринка, я уверена, его и замочили. Менты к нему в дверь звонили, но никто не открыл.

– Может, соседа просто дома нет.

– Может. Только боюсь, мы его потеряли. И не пожил в квартире-то.

Сосед у нас появился недавно. Полгода назад купил две трехкомнатных квартиры на четвертом этаже рядом с Веркой и затеял ремонт, от которого стенал и охал весь подъезд. Жильцы по очереди жаловались в ЖКО, но толку от этого не было. Перед самым праздником новый жилец заселился, правда, я его ни разу не видела, зато смогла лицезреть во дворе его машину. Стоила она никак не меньше сотни тысяч баксов, прибавьте две квартиры в самом центре города, а также ремонт, который влетел в копеечку. Придется согласиться с определением «крутой бизнесмен». А если верить сериалам, киллеры только тем и заняты, что отстреливают крутых бизнесменов.

– Все сходится, – кивнула Верка.

– Ничего не сходится, – отмахнулась я. – Это все наши фантазии, а действительность просто ужасна: Вовку убил какой-то придурок, и у меня теперь будут неприятности.

Верка вскоре ушла, а я нервно бегала по квартире, пытаюсь решить, что делать. Здравый смысл подсказывал: сидеть и ждать, когда вызовут к следователю, расскажу все как есть, и пусть разбираются. Однако бездействие тяготило. Побегав еще немного, я решила навестить соседа. Версия с киллером была мне симпатична, так как все объясняла. И если бы сосед... Тут я призвала себя к порядку: своя рубашка ближе к телу, но надо и совесть иметь.

Я выглянула на лестничную клетку, убедилась, что подъезд пуст, и быстро поднялась на четвертый этаж. По утверждению общественности, жил сосед в одиночестве. Замерев возле его двери, я прикидывала, что б ему сказать такое, если он вдруг окажется дома, потом нажала кнопку

звонка. Когда звонок смолк, мне осталось лишь прислушиваться к тишине в квартире. Однако желание узнать, жив сосед или нет, только увеличилось. На всякий случай я легонько потянула дверь на себя, а она взяла да и открылась. В большом волнении я сделала первый шаг. Передо мной был просторный холл с белой мраморной плиткой на полу, и на этой самой плитке я увидела капли крови. Ручеек из них вел куда-то в глубь помещения. Кровь успела подсохнуть, но от этого выглядела не менее зловеще.

– Боже, – пробормотала я, хотела выскочить на лестничную клетку и заорать «караул», но вместо этого сделала еще несколько шагов, старательно обходя пятна на полу и испытывая удовлетворение от того, что я оказалась куда умнее следователя и сразу догадалась, что в подъезд под видом Деда Мороза пробрался киллер и уколошил нашего олигарха, а потом и Вовку, который стал случайным свидетелем.

Кровавая дорожка заканчивалась возле двери из матового стекла. Я набрала в грудь воздуха, приготовившись к страшному зрелищу, и рывком распахнула дверь. Возле умывальника спиной ко мне стоял совершенно голый мужчина.

– А-а-а! – заорала я от неожиданности, он вскинул голову, взглянул в зеркало над умывальником, увидел меня и тоже заорал:

– А-а-а! – потом чертыхнулся и буркнул: – Ты откуда здесь?

Я попыталась ответить, но не успела. Парень вновь чертыхнулся, протянул руку к джинсам, что висели на крючке, достал из кармана бумажник, извлек купюру в сто долларов и, не поворачиваясь, сунул мне.

– Топай отсюда, – сказал ворчливо. – Я с утра не в форме.

– Вы что, спятили? – растерялась я, парень повернулся, посмотрел мутно, схватил джинсы, прикрылся ими и спросил с томлением: – Ты Марина? С третьего этажа?

– Марина, – кивнула я. – Так вас не убили? – расстроилась я.

– Пока нет, – покачал он головой. – А что, кто-то собирался? Слушай, может, ты выйдешь, а я пока оденусь? – Я попятилась из ванной, едва не споткнувшись, а он сказал: – Подожди пять минут.

Дверь я поспешно закрыла и огляделась. С того места, где я стояла, хорошо была видна гостиная со следами недавнего пиршества. Взгляд мой вернулся к пятнам крови на полу. Этот тип убил Вовку, затем вытащил его на лестничную клетку... Меня так и подмывало завопить во все горло, но я стояла и хлопала глазами, тут и сосед появился, на ходу застегивая рубашку.

– Привет, – радостно сказал он. – Меня Денисом зовут.

– Очень приятно, – брякнула я и покраснела с досады.

– Ты садись, – засуетился он. – Хочешь кофе? Лучше с коньяком. Мне надо мозги поправить.

– Вряд ли это поможет, – заметила я, но села в кресло и уставилась на соседа.

Он отправился в кухню, загрохотал там чем-то, но то и дело выглядывал в распахнутую настежь дверь и улыбался.

– Извини за беспорядок, – сказал он, появляясь с двумя чашками кофе, и плюхнулся на диван. – Вчера решили отметить окончание ремонта. Не очень шумели?

– Нет, – покачала я головой, приглядываясь к нему и удивляясь его покладистости. Если бы ко мне кто-то ввалился без приглашения, да еще застукал меня в ванной... ясное дело, этот тип мне зубы заговаривает.

– Хорошо, – кивнул он, прихлебывая кофе. – Ты пей, пей...

– Я, собственно... извините, что я... у вас дверь была открыта, – с воодушевлением принялась я врать. – Я пошла к подруге и... и подумала, вдруг что-то случилось, а тут еще кровь...

– Ага, – с готовностью сказал он. – Стал открывать бутылку с минералкой и руку порезал, так неудачно. – Он продемонстрировал наспех замотанную ладонь. – Значит, ты Марина?

– Откуда вы знаете? – насторожилась я.

– Я еще осенью тебя заприметил, заезжал как-то проверить, что здесь мужики ваяют, и с тобой в подъезде столкнулся.

– Ничего подобного я не помню.

– Наверное, просто внимания не обратила, – разулыбался он и добавил: – Ты очень красивая.

– Многие так говорят, – не стала я скромничать. – А вы вчера Деда Мороза не вызывали?

Парень моргнул и задумался, а я продолжала его разглядывать. На вид ему было лет тридцать, физиономия хоть и помятая, но симпатичная. Он торопливо пригладил волосы и спросил с сомнением:

– Деда Мороза?

– Ага.

– Так Новый год прошел.

– Ну... – пожала я плечами.

– Слушай, а у тебя парень есть?

– При чем здесь мой парень? У нас в подъезде труп, между прочим.

– Чей? – обалдел он.

– Деда Мороза. Я подумала, может, он к вам приходил? Я вчера

вечером его видела, а сегодня утром его Прасковья Ивановна нашла.

– И что?

– Милиция приезжала, по квартирам ходили, спрашивали.

– Ты говоришь, дверь в мою квартиру была открыта?

Я пунцово покраснела, сообразив, что, будь это действительно так, милиционеры непременно обратили бы внимание и в квартиру заглянули.

– Я хотела сказать, не заперта. У нас в подъезде одни пенсионеры, Деда Мороза заказывать некому...

– И ты решила, что это я его заказал?

– Вы же сами говорите, у вас были гости...

– Были. Но Дед Мороз нам ни к чему. Так его убили? Чудеса. А вчера вечером ты его видела?

Тут до меня дошло, что следователю я этого не сказала, а соседу зачем-то проболталась. Вот ведь дура. Совершенно неожиданно я заревела с досады. Парень бросился ко мне, бормоча:

– Э-э, в чем дело? Он что, твой родственник?

– Нет, – отчаянно покачала я головой.

– Тогда чего ты ревешь?

– Я пойду, – вскакивая, произнесла я, но он схватил меня за руку:

– Я не могу отпустить тебя в таком состоянии. Лучше расскажи, как ты вчера с ним встретила.

– И вовсе не с ним, тот был другой Дед Мороз.

– Вот как? Значит, их было двое?

– Я думаю, вчерашний Дед Мороз убил этого, где-то спрятал тело до утра, а потом вытащил его на лестничную клетку.

– Не возражаешь, если я еще немного выпью? – очень серьезно спросил Денис. – А где он его прятал, если у нас одни пенсионеры живут?

Тут я поняла, что окончательно запуталась, и затосковала.

– А ваши друзья когда ушли? – спросила я.

– Часов в двенадцать.

– И все... живы?

Рука Дениса потянулась к бутылке, но вдруг замерла.

– Мариночка, может, ты сосредоточишься и все расскажешь потолковее?

Я вздохнула.

– Мы с Веркой решили... Верка – это соседка... мы решили, что вчерашний Дед Мороз был киллером, он убил... кого-то...

– Учитывая, что пенсионеры вряд ли подходящая мишень для киллера, вы подумали...

– Вы же бизнесмен, – перебила я его. – Ведь так?
– Так. Только на фигу меня кому-то убивать?
– Ну, не знаю. Киллер возвращался... но тогда Вовка должен был его узнать, – в очередной раз озарило меня. – Если киллер вошел в подъезд в костюме Деда Мороза, то проще всего было в нем и выйти, зачем его снимать? А чтобы Вовка узнал его в костюме Деда Мороза, они должны быть очень хорошо знакомы.

– А Вовка – это?.. – встрепенулся Денис, а я похолодела.
– Я сказала «Вовка»?
– Дважды, – порадовал он меня.
– Я, пожалуй, все-таки пойду...
– Уверен, это плохая идея.
– Почему?
– Нам надо все обсудить. Я теперь не смогу спать спокойно, пока не пойму, к кому приходил киллер и как его мог узнать Вовка.

– Вы издеваетесь? – нахмурилась я.
– Ничего подобного. Просто я убежден, что ты остро нуждаешься в моей помощи. А я никогда не оставляю красивых женщин в беде. Доверься мне. – Он сграбастал мою руку и в глаза мне уставился.

– И не подумаю. – Я попыталась руку выдернуть, но не тут-то было.
– Киллеры на редкость опасны, в такое тревожное время рядом с тобой должен быть мужчина. Одна ты не справишься, – промурлыкал сосед. А я засомневалась. И в самом деле, мужское плечо очень бы пригодилось.

– Вы, должно быть, решили, что я спятила, – вытерев нос, вздохнула я. – Но если он его не узнал, зачем ему убивать Вовку, а потом напяливать на него шубу и бороду?

– Совершенно справедливо. Так кто такой Вовка?
Я вздохнула еще раз и начала рассказывать про кольцо, которое Вовка пытался мне всучить, про нашу затяжную войну и даже про фотки в Интернете и мои угрозы. Денис слушал очень внимательно и время от времени кивал.

– Вот скотина, – сказал он, когда я закончила. – Я бы сам его убил, слава богу, кто-то другой постарался.

– Зачем вам его убивать? – не поняла я.
– Чтоб не пакостил. Значит, ты боишься, что менты решат, будто это ты его застрелила?

– Конечно, боюсь.
– По-моему, это глупо. В любом случае тебе повезло: ты встретила меня.

– Ага. Сначала сделайте что-нибудь путное.

– Что ж, придется нам самим разбираться с этой историей. Менты народ ленивый, а в праздники тем более лишний раз не пошевелятся, время у нас есть.

– И как вы намерены его потратить?

– Мариночка, раз уж мы собираемся заняться расследованием, то есть стали партнерами, ты не могла бы говорить мне «ты»? В знак доверия и большой дружбы?

– Я подумаю.

– Ладно. Значит, так. Первым делом попробуем выяснить, не заказывал ли кто из жильцов нашего дома Деда Мороза. То, что соседи это отрицают, еще ничего не значит. Я обзвоню агентства, они должны работать в праздничные дни, а ты пока приготовь яичницу, позавтракаем по-семейному.

– И не подумаю.

– Ясно, готовить ты не умеешь, – удрученно сказал он.

Я молча поднялась и пошла в кухню готовить завтрак. Вернувшись, я обнаружила Дениса с телефоном в руке, на столе лежал открытый справочник, а сам он говорил кому-то:

– Вчера пацану Деда Мороза заказывали, а тот не пришел. У вас, конечно. Гороховая, 5а, квартира 25. Как это не заказывали? Слушай, красавица, может, жена номер квартиры перепутала? Мы недавно переехали, а голова у нее как решето. Нет такого адреса? С Рождеством тебя, деточка... Два агентства можно вычеркнуть, – подмигнул он мне.

– А сколько их всего?

– Семнадцать. Чего ты нос повесила? Могло быть больше... о, салатик... А борщ приготовить сможешь?

– Если заслужишь.

– Ну, наконец-то мы на «ты», – обрадовался Денис и стал уплетать салат, потом съел яичницу, запил все это кофе и вновь принялся звонить по телефону. Я устроилась рядом и ставила галочки в телефонной книге после каждого звонка.

За час мы обзвонили все агентства и узнали, что Деда Мороза в наш дом не заказывали. За это время я успела убрать посуду и подтереть полы – вид кровавых пятен очень нервировал.

– А ты хозяйственная, – расплылся сосед в улыбке. С моей точки зрения, радоваться было нечему, если час мы потратили впустую, но Денис со мной не согласился. – Отсутствие результата – тоже результат, – с умным видом изрек он, а я подумала о грядущей встрече со следователем и

затосковала. – Итак, будем считать, что Дед Мороз липовый, то есть появился он здесь сам по себе с преступной целью.

– Я и раньше так считала.

– Умница. Следующий вопрос. Где липовый Дед Мороз мог взять костюм?

– Да где угодно.

– Не скажи. Например, он вряд ли взял его у кого-то из знакомых.

– Логично, – кивнула я. – Знакомые, если милиция поинтересуется, чего доброго, проболтаются. Он мог его купить.

– Мог. А также мог взять напрокат. В такое время это дело обычное и вряд ли привлечет внимание.

– Но он оставил костюм в подъезде, натянув его на Вовку. Значит, возвращать не собирался.

– Вот это настораживает. Что-то наш парень имел в виду. А может, костюм взял сам Вовка, решив явиться к тебе с подарком... Магазины не проверишь, а фирмы, где дают костюмы напрокат, запросто.

– Сколько их в городе? – запаниковала я.

– Сейчас посмотрим в Интернете.

Таких фирм оказалось всего пять, что меня порадовало.

– Будем звонить?

– Маловероятно, что нам ответят.

– Что же делать?

– Нанесем им визит и сделаем предложение, от которого они не смогут отказаться. Встретимся во дворе через десять минут, – закончил он.

Я отправилась к себе одеваться. Вышла на лестничную клетку и покосилась на дверь Веркиной квартиры. Очень хотелось услышать мнение подруги, дурака я сваляла, доверившись соседу, или нет. Однако времени на это не было, я стала спускаться по лестнице и тут почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Ухватившись за перила, я задрала голову и обнаружила Прасковью Ивановну, которая взирала на меня, стоя этажом выше.

– Здравствуй, Мариночка, – ласково произнесла соседка. – К Верке своей ходила?

– Да, – не задумываясь соврала я.

– Ну-ну... у тебя из милиции были?

– Конечно. Ужасное несчастье, – пробормотала я.

– Чему ж удивляться с такими-то соседями.

Я решительно поднялась на два пролета и оказалась рядом с Прасковьей Ивановной.

– Вы кого-то подозреваете? – перешла я на шепот.

– Кого мне подозревать... – пожалала она плечами.

– Вы сказали...

– Жулик на жулике сидит и жуликом погоняет, – скороговоркой выпалила она. – Взять хоть Михайловых с первого этажа. Перед Новым годом сыну машину купили. В подарок. Хороши подарки. Откуда деньги, я спрашиваю? Я едва концы с концами свожу, а у Михайловой пенсия меньше моей, да и у мужа немногим больше. Петровна со второго на жизнь жалуется, а сама каждый день на рынок ходит. Теперь вот олигарха черт принес, вчера к нему на пяти машинах приезжали, весь двор заставили, не пройти. Веркин муж жулик из жуликов, из милиции и то выперли, а твоя подруга... – Прасковья Ивановна в сердцах плюнула. – Не пойму, чего ты с ней дружишь, я б на твоём месте её на порог не пустила.

– Что вы такое говорите, Прасковья Ивановна, – покачала я головой.

– То и говорю. Ох, святая простота. Ты у нас вся в покойную бабку. Та тоже считала, что муж у неё – чистое золото, пока он не сбежал с Люськой из восьмого дома.

– У меня и мужа-то нет, – слегка растерялась я, не подозревавшая о шалостях покойного дедушки.

– Потому и нет, – сурово отрезала Прасковья Ивановна. – Ведь ходил к тебе парень, высокий такой, видный...

Я испуганно замерла, а ну как соседка Вовку узнала, несмотря на то что сегодня он был с бородой и накрашенным носом.

– Ходил, – кивнула я. – Потом мы поссорились.

– Знамо дело, поссорились, – хитро усмехнулась Прасковья Ивановна. – Да так и не помирились. А почему? Верка твоя наверняка об этом знает лучше, чем ты.

– С чего вы взяли?

– С того, что кое-что видела. Иду как-то, а Верка с парнем твоим на лестничной клетке беседует. Она шу-шу-шу, а он зубы скалит. Чего она ему про тебя наплела?

– Просто встретились люди, вот и разговаривали.

– Как же, а то я её бесстыжих глаз не видела. А потом он дважды в подъезд заходил, я как раз у окна сидела. Первый раз пробыл часа два, а второй почти три. У кого, я спрашиваю, если ты в ту пору в Египте отдыхала, а её непутевый муж был в командировке?

Только я собралась ответить, что соседке лучше бы делом заняться, а не возле окна сидеть, как под нами хлопнула дверь, и Денис стал быстро спускаться по лестнице.

– Олигарх с перепоя очухался, – ядовито заметила Прасковья Ивановна. – Должно быть, по девкам отправился. Вчера здесь такие шалавы были, прости меня, господи.

– Извините, мне надо идти, – нахмурилась я.

– Иди, Мариночка, иди.

«Вот старая ведьма, – думала я, входя в свою квартиру. – Надо будет Верку предупредить, не то Прасковья наплетет ее Витьке бог знает что, а он парень неуравновешенный». Однако кое над чем следовало подумать. Если соседка права и Вовка действительно приходил сюда в мое отсутствие, то где он провел больше двух часов? Хотя соврать Прасковье ничего не стоит. Опять же, если сегодня он приходил не ко мне, то к кому? Конечно, ко мне. Просто не смог дойти, повстречав убийцу. Я схватила шубу, обулась и выскочила во двор. По соседству с новеньким «Мерседесом» меня дожидался Денис.

– Едем? – спросил он весело.

– Только на моей машине, и за рулем буду я.

– С какой стати?

– С такой. Кто коньяк пил?

– Ах, вот ты в каком смысле... Хорошо. А где твоя машина?

Увидев мои старенькие «Жигули», он невольно скривился, но тут же заулыбался и полез в кабину.

– Заметила, какой я покладистый? Цени. – Он достал из кармана распечатанный список фирм и подмигнул. – Поехали.

Ближайшая фирма находилась на соседней улице. Признаться, о ее существовании я даже не подозревала. Денис распахнул передо мной дверь, звякнул колокольчик, и на его звук появилась девушка лет двадцати пяти.

Мы оказались в небольшом помещении с высокой стойкой и развешенными вдоль стен карнавальными костюмами. Наряд Деда Мороза, конечно, тоже был.

– Чем могу помочь? – спросила девушка.

– В помощи мы очень нуждаемся, – ошастливил ее Денис. – Нам бы желательно знать, кто брал у вас напрокат костюм Деда Мороза и до сих пор его не вернул.

Девушка нахмурилась.

– Мы таких справок не даем.

Денис облокотился на стойку, зазывно улыбаясь.

– Сделайте доброе дело. Кто-то разыграл мою сеструху. – Тут он кивнул на меня. – Хотелось бы знать имя стервеца. А вы случайно не замужем?

- Случайно нет, – улыбнулась девушка.
- Значит, мне повезло. Так вы можете?
- Попробую, – кокетливо пожала она плечами.

Я перевела взгляд с нее на Дениса и вынуждена была признать, что он на редкость привлекательный парень. По крайней мере, девушке точно понравился. Это, по непонятной причине, меня огорчило. «Он бабник», – с тоской подумала я, хотя какое мне до него дело?

Девушка открыла тетрадь и принялась водить пальцем по страницам, где были записаны данные клиентов. Через несколько минут у нас был список из одиннадцати фамилий.

– Увидимся, – поблагодарив девицу, подмигнул ей Денис, и мы вышли на улицу.

– И что теперь? – ехидно спросила я.

– Кто-то из этих одиннадцати костюм может и не вернуть, – пожал он плечами. – Следующая фирма у нас на Алябьева. Жаль, что у тебя нет навигатора.

– Я знаю, где это. По соседству с офисом, где я работаю.

– Отлично. А чем ты занимаешься? – спросил он уже в машине.

– Какая разница?

– Я хочу знать о тебе как можно больше. Ясное дело, что господь мне тебя послал не просто так, я только подумал, что надо заглянуть к соседке за спичками, познакомиться, и вдруг...

– Заткнись, – нахмурилась я. – Думаешь, я не поняла, почему ты мне деньги совал? У нас с тобой не может быть ничего общего.

– А как же труп? – невинно поинтересовался он. – Сегодня я начинаю новую жизнь, и прежним привычкам там места нет. Хочешь, поклянусь?

– Мне совершенно нет дела до твоей личной жизни, – отрезала я. – Помоги мне, и...

– И?..

– Я тебе тоже помогу. Когда-нибудь.

– Давай так. Если мы разберемся с этой историей, ты в знак признательности забудешь о моих незначительных недостатках и согласишься с тем, что я хороший парень. А хорошими парнями не разбрасываются.

Тринадцатый дом мы нашли быстро, скромная вывеска сообщала, что здесь находится нужная нам фирма «Праздник каждый день». В довольно просторном помещении, украшенном огромными сердцами из надувных шариков и искусственными цветами, нас встретила тучная женщина лет пятидесяти с суровым лицом. Такое впечатление, что дама тихо ненавидела

все праздники, а новогодние – в особенности. Я покосилась на Дениса, прикидывая, сработает ли на этот раз его обаяние или нам придется удалиться несолоно хлебавши.

– Добрый день, – приветствовала нас женщина, криво улыбнувшись.

– Здравствуйте, – ответил Денис и изложил свою просьбу.

– Ничем не могу помочь, – убрав с лица улыбку, которая ее явно тяготила, произнесла дама.

Денис нахмурился, сказал:

– А вы попытайтесь, – и выложил на прилавок три купюры, которые мгновенно оказались в кармане суровой тетки.

– Вообще-то не положено, – буркнула она и уткнулась в журнал с записями. – Сегодня как раз должны были вернуть один костюм до 12.00, – сообщила она, понизив голос. – Но пока не явились.

– Фамилию можете назвать?

– Годальская М.Г., – пожав плечами, сказала она, а я икнула от неожиданности.

– Как, простите? – пробормотала я испуганно.

– Годальская.

– И адрес есть?

– Разумеется. Гороховая, 5а, квартира 20.

Я схватилась за прилавок, чтобы удержаться на ногах.

– А ошибки быть не может?

– Не может. Мы выдаем напрокат костюмы только при наличии паспорта или водительского удостоверения.

Я хлопала глазами, пытаюсь понять, что происходит, потому что фамилия была моя и адрес тоже мой. Денис с беспокойством на меня поглядывал и продолжал задавать вопросы:

– Когда взяли костюм напрокат?

– Еще двадцать седьмого.

– А вы можете вспомнить, как выглядела эта Годальская?

– Конечно, нет. Перед Новым годом тут такое творилось...

Я почувствовала настоящую потребность очутиться на свежем воздухе, буркнула:

– Спасибо, – и стремглав выскочила на улицу, Денис бросился за мной.

– Я никогда здесь не была, – зашипела я, как только сосед оказался рядом. – Зачем мне костюм Деда Мороза? И вообще... – Тут я сообразила, что следователь мне вряд ли поверит, если тетка утверждает, что без паспорта в этой лавочке ничего не дадут, и едва не повалилась в сугроб. Хорошо, что Денис был рядом и успел подхватить меня.

– Спокойно, – сказал он. – Годальская – это ты?

– А кто еще?

– Паспорт ты не теряла?

– Нет. Не знаю. Он должен быть дома.

– А может, все-таки потеряла? Поехали скорей...

Дважды повторять мне не пришлось, мы сели в машину и на предельной скорости помчались к дому. На ходу достав ключи из сумки, я вприпрыжку поднялась на третий этаж, а войдя в квартиру, бросилась к тумбочке, где хранила документы. Паспорт лежал сверху. На всякий случай я его открыла и убедилась, что это действительно мой паспорт, а потом замерла, не в силах осознать происходящее.

– Паспорт на месте? – приблизившись, спросил Денис.

– Да, – пискнула я. – Это что же получается? Может, у меня какая-то болезнь и я просто не помню, что делаю? Может, я лунатик?

– Это вряд ли, – усмехнулся Денис. – Фирма рядом с местом твоей работы, паспорт в ящике...

– Что ты бормочешь? – не выдержала я, в тот момент мне очень хотелось, чтобы кто-то, желательно Денис, если уж никого другого рядом не было, срочно объяснил, что за чепуха происходит, и все это как-то прекратил.

– У кого есть ключ от твоей квартиры? – легонько встряхнув меня за плечи, спросил он.

– Ни у кого, – заикаясь, ответила я.

– У родителей, у подруги, у бывшего любовника?

Я вновь полезла в ящик и очень скоро нашла запасные ключи.

– Ключи на месте, – пробормотала я.

– Интересно. А ты их точно никому не давала?

– Нет, зачем? Я же никуда не уезжала.

– А когда уезжаешь, кому оставляешь?

– Подруге, – нахмурилась я. – Верке, которая на твоём этаже живет.

– Ага, – кивнул Денис. – Ну-ка, вспомни, когда ты их давала ей в последний раз?

– Чего тут вспоминать? В октябре, когда ездила в Египет. Верка цветы приходила поливать и за квартирой приглядывала. Однажды я уехала, а в ванной лопнула труба и залила соседей...

– Понятно. Значит, ключ был у нее. А как только ты вернулась, ключ забрала? Ты это хорошо помнишь?

– Ну... – тут я задумалась. Как вернулась из Египта, помню, как мы вечером пили с Веркой чай и я о поездке рассказывала – тоже помню, а вот

как ключи брала – нет. Но если они в ящике лежат, значит, связку она вернула, а у меня очередной провал в памяти.

– Что «ну», помнишь или нет?

– Меня посадят в тюрьму, – с ужасом произнесла я и плюхнулась в кресло.

– Это вряд ли. Но картинка вырисовывается занятная, – хмыкнул он.

– Занятная? – взвилась я.

– Вот что, у тебя с коллегами по прежней работе какие отношения?

– Нормальные, – пожала я плечами.

– Нам бы поговорить с кем-нибудь из них. Как считаешь, это возможно?

– Если они в городе... О чем ты собираешься с ними говорить?

– О твоём бывшем шефе, естественно. Позвони, поздравь с праздником и узнай, где они.

Руки у меня дрожали, а язык слегка заплетался, но задание я выполнила и узнала, что Ленка с Пятаковым в городе, а Любовь Петровна отдыхает на даче.

– Давай для начала навестим Серегу, – предложил Денис.

– Зачем, ты можешь объяснить? – разозлилась я. – Задать ему вопросы я могла бы и по телефону, но ты сам сказал, чтобы я о Вовкиной кончине помалкивала.

– Конечно, сказал. Чем позднее менты узнают о том, кто он такой, тем для нас лучше. А с Пятаковым я предпочитаю сам поговорить.

И мы поехали к Сергею. Увидев нас на пороге, он слегка удивился, очевидно, рассудив, что приезжать к нему не было никакой нужды, а присутствие Дениса вызвало у него беспокойство. Однако, несмотря на это, Пятаков буркнул «проходите» и шагнул в сторону, пропуская нас в квартиру. Я представила мужчин друг другу и затосковала, понятия не имея, что должна сказать бывшему сослуживцу.

Потоптавшись возле двери, мы прошли в единственную комнату, в которой царил образцовый беспорядок. Стол завален бумагами, постель разобрана, дверцы шкафа не закрывались, и было видно скомканное белье, кое-как распахнутое по полкам. Серега засмутился и шкаф постарался закрыть, но стоило ему отойти, как обе створки вновь распахнулись с протяжным скрипом. Оглядев комнату и нахмурившись, Денис пристроился на стуле возле компьютера, а мы с Серегой остались стоять, других посадочных мест здесь просто не было.

– Ты знаешь, где твой шеф? – спросил Денис сурово, а я испугалась: чего это ему пришлось в голову задать такой вопрос? Мне казалось,

допросить Пятакова следовало как-то деликатно, впрочем, у меня зародилось подозрение, что о деликатности мой сосед имеет весьма смутное представление.

– Зачем он тебе? – насторожился Серега и уставился на меня.

– Как зачем? – удивился Денис. – Морду ему набить, естественно.

– За что? – Теперь в голосе Пятакова звучал неподдельный интерес.

– А то ты не знаешь? За фотки в Интернете.

– А-а... за такое в самом деле следовало бы морду набить, – кивнул тот.

– А я что собираюсь сделать? Вот только этого гада дома нет, а на звонки он не отвечает. Ты не в курсе, он куда уезжать не собирался?

– Может, и уехал, шеф мне не докладывал, но вряд ли... Он хотел машину купить.

– Машину? – Денис поскреб затылок.

– Ага, – продолжил Пятаков. – Вовка перед самым Новым годом свою тачку продал, я точно знаю. Мужик ему деньги на работу привозил. А потом я слышал, как он с кем-то по телефону договаривался, насчет машины. Хотел на Рождество махнуть в Финляндию на новом «Мерседесе», то есть не совсем новом...

– А почему покупатель ему деньги на работу привез?

– Я так думаю, Вовка их в сейфе в своем кабинете оставил. Неизвестно, как банки в праздники работать будут, а деньги ему до Рождества понадобятся. Тридцатого он уехал рано, часа в два. А потом вернулся, около пяти. Бабы наши уже ушли, а я задержался. И тут Вовка.

– Долго он в офисе пробыл? – спросил Денис.

– Минут пять. Забрал деньги из сейфа и ушел. Вовка сомневался, что сможет попасть в офис до Рождества. Мы арендуем два кабинета, сейчас каникулы, никто не работает, охранная сигнализация у нас одна на две фирмы. А Осипов, хозяин соседней фирмы, страшный зануда, он и так задолбал всех нытьем, что за сигнализацию платит больше, чем мы... Короче, запросто мог из вредности дверь на второй ключ запереть, а он есть только у него. Ищи его потом, чтоб в кабинет попасть. Вот Вовка за деньгами и вернулся.

– О своих планах он тебе ничего не сказал?

– Нужны мне его планы... Приходи в офис десятого и бей ему морду сколько влезет, – внес Пятаков предложение.

– Так и сделаю, – легко согласился Денис и направился к входной двери; немного замешкавшись, я кинулась за ним. Серега схватил меня за руку и зашептал:

- Это кто?
- Я же сказала, сосед.
- А чем он занимается?

Чем занимается Денис, я не знала, но признаваться в этом не хотелось, и я ответила с достоинством:

- Он крупный бизнесмен.
- Крупный – это я вижу... А он точно бизнесмен?
- Конечно.
- И у тебя с ним любовь?

Только я собралась возмущенно возразить, как вмешался сосед, оказывается, наши перешептывания он без внимания не оставил.

– Любовь, – заявил он. – Большая и светлая. – И распахнул передо мной дверь.

По дороге к машине Денис хмурился и был непривычно молчалив. Это меня очень беспокоило: если он хмурится, значит, плохи мои дела, а сосед – моя последняя надежда.

- Ты Вовкин адрес знаешь? – наконец спросил он.
- Знаю.
- Поехали к нему.

– Зачем нам ехать к нему домой, если его там нет? – Не дождавшись ответа, я махнула рукой, и мы поехали к Вовке.

Бывший шеф жил в многоквартирном доме в новом районе. Добирались мы туда минут двадцать, и все это время Денис молчал, а я вся извелась. На душе было так скверно, что я едва сдерживала слезы. Потом подумала: если бы рядом не было Дениса, я чувствовала бы себя еще хуже, и стала поглядывать на него с большей симпатией.

Возле подъезда, где жил Вовка, мы увидели сухонького старичка в меховом пальто и колпаке Санта-Клауса. Дядька наклеивал на металлическую дверь листок с объявлением. Листок приклеиваться не хотел, и старик в досаде бормотал:

- Вот нечистая сила.

Денис уже топтался рядом с ним, и я, конечно, тоже, хотя понятия не имела, зачем это делаю. Заглянув через плечо старичка, Денис прочитал объявление, я последовала его примеру. «Во дворе дома найдены ключи. Потерявшего просят обратиться в квартиру 138».

– Ключи на стоянке нашли? – поздоровавшись, бодро поинтересовался Денис. Старичок посмотрел на нас по очереди и широко улыбнулся.

Тут выяснилось, что он, мягко говоря, не трезв. Данное обстоятельство Дениса необыкновенно воодушевило.

– Ключи от машины потерял, – быстро заговорил он. – Брелок металлический, синего цвета...

– Нет, эти от квартиры, – продолжая улыбаться, ответил старичок. – Вот тут у подъезда собака нашла, в снегу валялись. А Кешке надо непременно свой нос сунуть.

– Кешка – это кто?

– Собака. Соседская. Я по этажам прошелся, никто вроде ключи не терял, хотя мало кого дома застал, праздники... – Старичок достал из кармана ключи и продемонстрировал нам, а я едва удержалась от вопля, потому что узнала сразу брелок. В ту пору, когда наши отношения с Вовкой были дружескими, я подарила ему этот брелок на день рождения. – Не ваши, случайно? – спросил старичок, и мы дружно покачали головой.

– А когда ключи собака нашла?

– Сегодня утром. Соседка ни свет ни заря пошла с ней гулять, а уже ближе к обеду заглянула ко мне и про находку сказала.

– Понятно, – произнес Денис и потащил меня назад к машине под удивленным взглядом старичка.

– Это Вовкины ключи, – зашептала я. – По крайней мере...

– Да понял я, понял... Если в его квартире и были деньги, то теперь их скорее всего уже нет.

– Почему? – пролепетала я, и тут до меня наконец дошло. Ну, конечно, убийца узнал о том, что Вовка продал машину, убил его, забрал ключи, наведалься в его квартиру, а потом связку выбросил. Труп в моем подъезде, а костюм взяли напрокат на мое имя. Пора собирать вещи и ждать, когда за мной придут... Я едва не въехала в сугроб, бдительный Денис успел перехватить руль. – Рождество я буду встречать в тюрьме, – обреченно произнесла я.

– Еще чего... Дело сдвинулось с мертвой точки, мы знаем, почему его убили. Теперь дело за малым – узнать, кто убил.

– По-твоему, это так просто? – пискнула я.

– Чтобы выручить из беды любимую девушку, я готов горы свернуть, – самодовольно заявил он.

– Приятно, что я уже любимая, будет кому передачи мне носить.

– Вот уж глупость.

– И никакая не глупость, – заголосила я. – Ты разве не понял, что происходит?

– Понял. Тебя нагло подставляют. Если твой паспорт оказался у убийцы, значит, человек этот хорошо тебе знаком.

– Следователь ни за что не поверит...

– Вот что, давай-ка я за руль сяду. В таком состоянии управлять машиной ты не можешь.

Я покорно пересела и начала размышлять вслух.

– Вовка зачем-то ко мне явился. Что, если кто-то позвонил ему от моего имени и убил в нашем подъезде...

– Отличная версия, – похвалил Денис.

– Следовательно она тоже понравится, только он вряд ли поверит, что звонила Вовке не я, а кто-то другой.

– Не забывай, что Вовку застрелили. Ментам придется ответить на вопрос: где ты могла взять оружие?

Вот тут я порадовалась, что за рулем Денис, потому что, если бы мы не поменялись местами, я бы непременно въехала в фонарный столб. Я ощутила, как кровь отхлынула от лица, а Денис испуганно спросил:

– Что с тобой?

– Пистолет есть у Витьки, – с трудом выговорила я.

– У какого Витьки?

– У Веркиного мужа. Он в милиции работал и пистолет заныкал. Мне Верка рассказывала. Я оставляю ключи Верке, а она мне, когда они с Витькой уезжают, потому что у них есть аквариум. Рыбок надо кормить. Значит, с точки зрения следователя, у меня была возможность пистолет свистнуть.

– Точно, – засмеялся Денис, а я решила, что он спятил.

– Я не краля пистолет, не брала костюм Деда Мороза и не убивала Вовку! – рявкнула я.

– Конечно, милая. Подставляя тебя так нагло, они перемудрили.

– Кто? – насторожилась я.

– Те, кто все это затеял. Значит, так, твоя задача выяснить, пистолет все еще у Витьки или исчез, что меня лично не удивит.

Он усмехнулся, а я решила, что он спит и видит меня в тюрьме. И так прямо ему об этом и заявила. Только он собрался ответить, как совсем другая мысль пришла мне в голову: что, если пистолет, из которого застрелили Вовку, в настоящий момент находится в моей квартире? Мы с Денисом носимся по городу, а убийца в это время проник в мой дом и...

– Да поезжай ты быстрее, – взмолилась я, воображение услужливо рисовало людей в форме, которые укоризненно качают головой, глядя на меня: «Как же вы так, Марина Геннадьевна?..»

В квартиру я влетела, точно фурия, и бестолково сновала туда-сюда, понятия не имея, где следует искать оружие. Денис понаблюдал за мной немного и сказал:

– Отправляйся к Верке, а я здесь посмотрю...

В отчаянии махнув рукой, я отправилась к подруге. Она открыла дверь и спросила весело:

– Пельменей хочешь?

– Давай, – обреченно сказала я.

– Ты чего кислая?

– А чего мне радоваться?

Мы оказались в кухне, Витька был там, курил, сидя на подоконнике.

– Привет, – без особой радости приветствовал он меня.

– Витька в командировку собирается, – сообщила Верка. – Начальство только что звонило. Не хочет, а придется. Вот и злится, не обращай внимания.

– Витька, – позвала я. – Где у тебя пистолет?

Витька перевел недовольный взгляд на жену. Та пожала плечами.

– Вон в банке лежит...

– Покажи, – попросила я.

– Зачем тебе пистолет? – слегка удивился Витька, а Верка, пододвинув стул, уже тянулась к банке. Сняла с нее крышку и замерла, приоткрыв рот.

– Его здесь нет, – сообщила она, хотя я и без ее слов догадалась, что банка пустая.

– Как это нет? – забеспокоился Витька. – Куда же он делся? – И оба уставились на меня. – Ты куда его дела, дура? – заорал на жену Витька.

– На что мне твоя железяка? – в ответ заорала она.

– Где пистолет? Ты что, спятила? В подъезде мужика застрелили... – Тут они вновь уставились на меня, и Верка пробормотала, едва не плача:

– Маринка, мы никому не скажем...

Я поднялась и побрела к выходу, прикидывая, стоит идти с повинной или лучше ждать следователя в своей квартире.

Денис встретил меня улыбкой, у меня не было сил злиться, и я коротко сообщила:

– Пистолет исчез.

– Да ну? – усмехнулся он.

– Ты в квартире искал?

– Вряд ли он здесь. Убийца совсем не дурак и должен понимать – это бы выглядело откровенной подставой.

– А я, как видно, совсем дура, вот и не возьму в толк: чему ты радуешься?

– Расскажи, как тебя встретила подруга?

Рассказ много времени не занял. Выслушав меня, Денис кивнул:

– Значит, Витька собрался в командировку? Разумно. Бери куртку, и поехали.

– Куда? – удивилась я.

– Пока не знаю.

Вопросы мне задавать не хотелось, я пребывала в состоянии апатии, однако куртку взяла и вместе с Денисом отправилась во двор. Игнорируя мою машину, он прошествовал к своей, и я плюхнулась рядом с ним на сиденье, опять-таки без вопросов. Двигатель заработал, но с места мы не тронулись. Я смотрела в окно и очень надеялась на чудо. Вот было бы здорово проснуться и узнать, что никакого трупa в подъезде я не находила. Чудо накануне Рождества вовсе не редкость, вдруг и мне повезет?

Дверь подъезда распахнулась, и появился Витька. Выглядел он злющим, что неудивительно. Как ни крути, а если выяснится, что Вовку застрелили из его пистолета, и ему неприятностей не избежать. Мысли мои вдруг сделали неожиданный скачок, я даже охнула от возбуждения, но вслух ничего произнести не успела, потому что Витька на своей машине покинул двор, и Денис, чуть помедлив, поехал за ним. А я принялась размышлять, оттого мало на что обращала внимание и в себя пришла, только когда мы свернули к кооперативным гаражам «Север». По крайней мере, над воротами имелась соответствующая надпись. Витька, посигналив, въехал в ворота, а Денис притормозил, не доезжая до них.

– У него что, здесь гараж? – спросил он меня.

– Нет у них гаража, – ответила я. – Машину во дворе ставят.

– Жди здесь, – наставительно произнес сосед, вышел из машины и вскоре скрылся за воротами.

Минут через пятнадцать вновь появилась Витькина машина, и я заволновалась. Денис так и не вернулся, я понятия не имела, что теперь делать: сидела и ерзала. Прошло еще минут двадцать. Наконец я увидела Дениса, он устроился в машине, а я сказала:

– Где тебя носит? Витька уехал...

– Третий ряд, гараж за номером 31. Я заглянул к сторожу узнать фамилию владельца. Никитин Олег. Знаешь такого?

– Нет.

– Скорее всего, это Витькин знакомый. Машину он давно здесь не ставит, переехал в другой район, а продавать гараж не хочет, ждет, когда цены поднимутся.

– И что с того? Зачем Витька сюда приезжал?

– Думаю, чтобы спрятать в чужом гараже то, что не предназначено для посторонних глаз. Вскрыть гараж не проблема...

- Зачем вскрывать? – растерялась я.
- Правильно, делать этого не следует. Найти там что-то интересное должна милиция. В противном случае этот хмырь заявит, что улики туда подбросили.
- Улики? Ты что же, думаешь...
- Разумеется, думаю. Кто мог взять паспорт из твоей квартиры, а потом вернуть его на место?
- Подожди, – возмутилась я. – Но откуда Витьке знать, что Кострюков продал машину, если и я этого не знала?
- Скажи-ка мне, радость моя, Верка была знакома с твоим бывшим шефом?
- Видела его один раз... – В этот момент я вспомнила о своем разговоре с Прасковьей, и кое-какие догадки появились в моей многострадальной голове.
- Вот видишь, – удовлетворенно кивнул Денис. – Пока ты была у Верки, я позвонил знакомому из ментовки. Подруга тебе рассказывала, почему Витька оттуда уволился?
- Не сложились отношения с начальником, – пожала я плечами.
- На самом деле он приревновал жену к сослуживцу и так его отдубасил, что тот оказался в больнице. Витьке позволили уйти по собственному желанию, хотя запросто могли завести уголовное дело. Отелло ваш Витька.
- Ничего такого мне Верка не рассказывала. Конечно, жаловалась, что он ее ревностью донимает, но она ему никогда не изменяла...
- Давай-ка наведемся к твоей подруге.

Верка с удивлением перевела взгляд с меня на Дениса и спросила:

- Кто это?
  - Олигарх из соседней квартиры, – вздохнула я.
  - Это у тебя вчера гости голосили? Прасковья небось по трубам стучала?
  - Твой Витька по трубам тоже стучал или шум ему был на руку? – сурово осведомился Денис.
  - При чем здесь мой Витька? – нахмурилась подруга.
- Денис ловко оттер ее от двери, что позволило нам войти в квартиру.
- Муж отбыл в командировку? Денежки с собой прихватил, а тебя, значит, оставил кашу расхлебывать?
  - Какую кашу? – пробормотала Верка и плюхнулась на стул. Но тут же вскочила и бросилась в спальню. Пробыла она там недолго, а когда

вернулась, лицо ее было перекошено от злости.

– Что, денежки тю-тю? – усмехнулся Денис. – Придется тебе со следователем объясняться. Если ты думаешь, что о твоих шашнях с Вовкой никто не знает, то глубоко заблуждаешься, – ядовито продолжил он. – Мимо Прасковьи мышь не проскочит.

– Вот зараза, – буркнула Верка, посмотрела на меня и приготовилась реветь. – Я здесь совершенно ни при чем...

– Давно у вас с ним любовь? – спросил Денис.

– Какая любовь? Да я не знала, как от этого мерзавца отделаться. Попутал черт, соблазнулась... Иду как-то, а он возле Маринкиной двери пасется. Ну, я и встала поболтать, а он ко мне в гости напросился. Хотелось ему, видите ли, дружеского совета, как с Маринкой помириться. Я, дура такая, в квартиру его пустила – и сама не знаю, как все произошло, очень он меня обхаживал. От Витьки доброго слова не услышишь, а этот соловьем пел. Встречаться с ним у меня и в мыслях не было. Витька дурной, узнает чего, убьет. А этот гад через пару дней опять притащился, меня чуть удар не хватил. Я его послала, а он, пакость такая, стал шантажировать. Ему-то что, а у меня муж. В общем, приходил пару раз, когда Витька был в отъезде. Но кто-то ему сболтнул, должно быть, Прасковья, вот уж точно, мимо нее мышь не проскочит. Муженек волком смотрит, я хожу сама не своя, а он молчит, уж лучше бы скандал устроил. А Вовка будто специально то звонит, то является. Сплошные нервы. Вчера Витька в командировку собрался. И тут же Вовка позвонил, как чувствовал. И опять начал грозиться, что мужу все расскажет. Ну, я его задобрить решила, говорю, приходи, в командировке Витя. Кострюков явился, а у меня сердце не на месте. Вдруг звонок в дверь, смотрю в глазок – Дед Мороз стоит, я решила, что он квартиры перепутал. Открываю, а он меня в сторону и напрямиком в спальню. Только Вовка был не там, а в гостиной. Уж я бы нашла что соврать, если б подлец этот сидел молча, а он Витьку дразнить стал, мол, рогами по потолку елозишь, Витька пистолет из кармана достал и бабах в него, а потом ко мне поворачивается. «Прощай, – говорит, – Верка», – а я вижу, что он не в себе, в самом деле убьет, бросилась в ванную, дверь заперла... может, думаю, кто выстрел услышал, милицию вызовут. Кричать пробовала, да что толку, у тебя так музыка гремела, никто на мои крики внимания не обратил. Сижусь в ванной, Витька в дверь ломится, а я с жизнью прощаюсь. Я бы с этим психом давно развелась, если б не знала точно: не жить мне после этого. В общем, надо было срочно придумать, как себя спасти. Вовка мне сказал, что машину продал, вот я и говорю своему придурочному мужу: «Тебя, дурака, посадят,

смаываться тебе надо, а для этого деньги нужны». Он пока возле двери прыгал, в себя малость пришел, начал соображать. Дверь я в конце концов открыла. Сидим, думаем, что делать. У него ведь что на уме было: пристрелить нас обоих и списать все на грабителей. Мы ведь дачу продали, выручили сущие копейки, и те я уже потратила, но ведь грабители могли об этом не знать. Вломились в квартиру, и все такое. Витька хитрый – все-таки бывший мент – и об алиби небось позаботился. Вырядился Дедом Морозом, кто б его узнал, даже если бы увидел? А костюм он по Маринкиному паспорту напрокат взял. Сказал, что свой дома оставил, а это паспорт жены. Ключ от квартиры у нас так и оставался с ее поездки в Египет. За разговорами мы успели помириться. А Вовка бездыханный лежит. Муженек к нему домой отправился, проверить, есть ли деньги, хоть я и говорила, что лучше с ними не связываться. Витька уехал, а я здесь с покойником... жуть. Под утро мы на Вовку шубу натянули и выволокли в подъезд. Конечно, надо было его увезти подальше, но побоялись, увидит кто. Я все возле двери прыгала, места себе не находила, пока его Прасковья не нашла. Витька велел твой ключ вернуть незаметно, и я пошла к тебе. А он в командировку засобирался, на всякий случай. Договорились, если здесь все обойдется, я ему позвоню, а если нет... сказал, мерзавец: «Денег тебе на первое время хватит», – а сам их уволок. – Тут она повернулась ко мне. – Ты не думай, если бы менты тебя всерьез заподозрили, я бы молчать не стала. – Подруга шмыгнула носом и загрустила.

– Спасибо, – буркнула я.

– Чего теперь делать? – помолчав, спросила Верка.

– В милицию идти, – зло ответил Денис. – Если не хочешь, чтоб тебе соучастие в убийстве припаяли. Скажешь, молчала, потому что мужа боялась, а как он уехал, ты сразу в милицию с повинной.

– Ага. Витька из тюрьмы вернется и меня убьет.

– Тогда сиди и жди, когда за тобой явятся. Муженек в бегах, значит, в тюрьму садиться тебе придется. Неприятно, зато твой Витька там тебя не достанет.

– Ну уж дудки, – буркнула Верка и схватила шубу.

В милицию мы отправились вместе. Денис опасался, что Верка, чего доброго, по дороге каяться передумает.

Витьку арестовали довольно быстро. В гараж его приятеля, конечно, заглянули и нашли пистолет. Денис по этому поводу зло фыркнул: «А еще бывший мент», – а я радовалась, что для меня все так благополучно закончилось.

Рождество мы встречали вдвоем с Денисом. Я собиралась пригласить Верку, но Денис обозвал меня чокнутой, а ее предательницей. Верку было жаль, хотя подруги так, конечно, не поступают. Однако я заподозрила, что причина, по которой Денис в тот вечер не хотел видеть соседку, была не только в ее неблагоприятном поведении. Должно быть, он рассчитывал, что если мы будем вдвоем, то закончим праздник в одной постели. По крайней мере, очень к этому стремился. Но я мозги ему быстро вправила.

– А как же обещание? – возмутился он.

– Я обещала приглядеться к тебе получше, – отрезала я. – На твоём месте я бы постаралась вести себя прилично.

– А ты долго будешь приглядываться?

– Не уверена. Может, тут и смотреть-то не на что.

– Ни фиги себе. Я умен, красив, богат, к тому же с золотым характером. Ты хоть представляешь, как тебе повезло?

– Мне повезло?

– Конечно, мне тоже. Даже больше, чем тебе. Маринка, давай махнем куда-нибудь на пару недель? Отдохнем, позагораем...

– А жить будем в одном номере? – с усмешкой спросила я.

– Можно в разных, – вздохнул он.

– Меня все равно с работы не отпустят, – немного подбрав, сказала я. – Отпуск у меня только в мае.

– А ты иди ко мне работать, я тебя уж точно отпущу.

– И кем я буду у тебя работать?

– Да хоть моим замом. В офис можешь даже не заглядывать, твою зарплату я тебе домой принесу, вместе со своей. Ну, что скажешь?

Тут он достал из кармана бархатную коробочку и сунул мне под нос. Я открыла ее и ахнула. Кольцо было таким красивым, глаз невозможно оторвать. И, безусловно, дорогим. А девушке всегда приятно, если мужчина готов потратиться. Однако в этот момент я вспомнила, как один тип уже пытался всучить мне кольцо, а также то, что из этого вышло.

– Ах ты, мерзавец! – рявкнула я.

Денис испуганно дернулся, уставился на меня, потом перевел взгляд на кольцо и вдруг засмеялся.

– Дурочка, – сказал он весело. – Я с предложением руки и сердца.

Ирина Хрусталева
Свет мой зеркальце, скажи...

Людмила с тоской посмотрела на часы и поняла, что ждать больше нет никакого смысла. Она медленно подошла к празднично сервированному столу, бездумно переставила тарелки, зачем-то поправила салфетки, а потом с раздражением задула свечи.

– Да уж, госпожа Кручинина, наверное, на роду у тебя написано – ходить с вареной лапшой на ушах! – с сарказмом усмехнулась девушка. – Ты, Людмила, непроходимая идиотка, что, собственно, тебе и доказали сегодня в очередной раз. Ну что ж, сама виновата! Ведь знала же прекрасно, что никогда он не сможет оставить семью и уйти из дому в такой праздник, как Рождество. Нет, я все равно, как дурочка, верю каждый раз и снова жду, жду, жду... А чего жду, и сама не знаю. И зачем я не послушала Наташу? Почему не поехала с ними в их загородный дом? Там сегодня вся наша компания собралась. Сейчас они там отрываются по полной программе, веселятся от души, а я здесь сижу, жду у моря погоды... и снова одна, как последняя кретинка.

В это время к девушке подбежала маленькая кудрявая болонка, села возле ее ног и пару раз гавкнула.

– Ну, прости, прости меня, пожалуйста, – улыбнулась Людмила, глядя на пушистый белый комочек. – Конечно же, я не одна, а с тобой, с моей верной Клепochкой. Только ты и любишь меня по-настоящему.

Девушка взяла собачку на руки и нежно погладила.

– Вот, Клепа, сегодня такой праздник, Рождество, а мы с тобой снова остались без долгожданного гостя. А ведь я так старалась! Вон сколько всяких закусок наготовила. Свечи зажгла, чтобы все было красиво и романтично, новое платье надела, а выходит, что все зря. Как же мне обидно, ты себе даже не представляешь! – всхлипнула Людмила. – А ведь он обещал мне, что на этот раз обязательно что-нибудь придумает и проведет эту рождественскую ночь со мной. И ведь я снова ему поверила, представляешь?! Нет, Наташа совершенно права: мне нужно срочно разорвать эту преступную связь. Все равно у меня не будет будущего с этим мужчиной, у него ведь есть жена и сын. Да и карьера, которой он не станет рисковать ради меня, потому что его босс одновременно является еще и его тестем. Тупиковая ситуация, куда ни кинь. И чего я тогда жду? На что надеюсь? На то, что мир вдруг перевернется, Николай наплюет на деньги, на свое положение в обществе и ради великой любви ко мне все это

бросит? Бред какой! Такого просто не может быть, потому что не может быть никогда. Как ты думаешь, Клепочка, я права?

– Гав!

– Что и требовалось доказать! Все, хватит с меня! Эта рождественская ночь была последней горькой каплей! Я больше не позволю ему портить мне жизнь! Больше не хочу никаких тайных встреч, никаких звонков, никакой ворованной любви и никакой...

Людмила решительно схватила мобильный телефон, быстро набрала эсэмэску: «Забудь меня навсегда!» – отправила ее и тут же удалила из записной книжки номер Николая. Свой номер она для него заблокировала и облегченно вздохнула, поняв, что сделала минуту назад очень важный шаг в своей жизни.

– Вот и все! – прошептала девушка. – Назад дороги нет! Я уйду, не оглядываясь! И ничто меня уже не свернет с заданного направления... и никто. Наташа давно пытается познакомить меня с другом своего нового мужа, вот пусть и знакомит. Кажется, пришло время: теперь я вполне к этому готова. Мне уже двадцать восемь лет, пора замуж, пора детей рожать, пора нормальной семьей обзаводиться. Три года своей жизни я потратила на этот бессмысленный роман с Николаем, а ради чего?! Нет, любовь – это, конечно, прекрасно, и я очень благодарна Николаю за те незабываемые минуты, которые он мне подарил. Не знаю, как он, а я его любила по-настоящему, без оглядки и претензий. Я никогда и ничего от него не требовала, лишь бы он был рядом, но всему когда-нибудь приходит конец. Ведь мои годы уходят, и он прекрасно это понимает, но отпустить не хочет, считает меня своей собственностью. И, наверное, если бы сегодня он меня не обманул, я бы еще долго пробыла его «вещью», но он все же мне солгал, и мое терпение кончилось, а посему... А посему нужно теперь обо всем забыть и начинать свою жизнь с чистого листа. У меня еще будет и любовь, и семья, и дети, просто нужно настроиться на позитив, и тогда обязательно все получится. Ведь я не уродина какая-нибудь, чтобы на мне нельзя было жениться порядочному человеку?

Людмила подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на свое отражение. Она увидела очень милую, симпатичную шатенку с зелеными глазами, чувственным ртом и аккуратненьким носиком. Фигурой ее бог тоже не обидел, наградив девушку всеми привлекательными формами.

– Как там Наташа меня учила себя любить? – спросила Людмила у своего отражения. – «Я себя очень люблю! Я молода, красива, умна и удачлива! Я достойна всего самого-самого лучшего!» Прикольно, – усмехнулась девушка. – Если бы еще знать, что это действительно

поможет...

Людмила продолжала стоять напротив зеркала, задумавшись о чем-то сокровенном. Через несколько минут она прошептала:

– Говорят, что в Рождество очень часто происходят чудеса. Если это правда, тогда... Дух Рождества, очень тебя прошу, сделай для меня сегодня что-нибудь чудесное. Пусть так случится! Я очень этого хочу, только... только я не знаю, какого чуда сейчас жду, – грустно улыбнулась она. – А впрочем, какая, собственно, разница, ведь чудо – оно и есть чудо, правда? Ой, я, кажется, кое-что придумала, – вдруг радостно подпрыгнула Люда и даже захлопала в ладоши. – Ведь в Рождество всегда гадают на суженых, и, если вдруг я его увижу, это и будет настоящим чудом. Точно, так и сделаю – сегодня я буду гадать! Хочу увидеть своего суженого... если, конечно, он вообще существует в природе. Нет, что я такое говорю? Наверняка он существует... где-нибудь. У каждого человека есть своя половинка, просто кто-то встречает ее, а кто-то проходит мимо. Я не хочу пройти мимо, мне обязательно нужно его увидеть. Только в эту ночь может произойти такое чудо... только в рождественскую ночь!

Людмила заметалась по комнате.

– Что требуется для гадания? – шептала она. – Кажется, три зеркала и свечи. Или даже четыре? Ну правильно: одно зеркало должно стоять за спиной, одно – напротив и два – по бокам. А где же мне взять сразу четыре зеркала? – задумалась девушка. – Так у меня же в спальне трюмо стоит! – вспомнила она. – Там их как раз три, а четвертое... Да уж, проблема! Не снимать же мне зеркало с этого шкафа, вместе с дверцей? Может, к соседке сходить, попросить? Нет, неудобно, ночь на дворе. Что же делать? – прошептала Людмила, напряженно сморщив лоб. – Вот голова садовая, а про ванную комнату я и забыла совсем! – хлопнула она себя ладонью по лбу. – Вот отсюда, со стены, я его и сниму. Уже без четверти двенадцать, нужно поторопиться, чтобы успеть до полуночи зажечь свечи, сесть перед зеркалами и... что-то там сказать.

Девушка вприпрыжку понеслась сначала в ванную комнату, а потом, уже со снятым зеркалом и свечами, вихрем полетела в спальню.

Люда присела у трюмо, примеряясь, как развернуть зеркала, чтобы все было правильно. Она поставила свечи и уже собралась их зажечь, но внезапно вскочила и побежала к комоду.

– Чуть не забыла, нужно на колени положить полотенце, на всякий случай. Я слышала, что, когда в зеркале появляется суженый, сразу же накрывают его отражение полотенцем, иначе может произойти что-то плохое. Говорят, даже можно пощечину получить от того, кто покажется в

зеркале, и тогда на щеке останется пятно на всю жизнь. Конечно, в эти сказки верится с трудом, но – кто знает, а вдруг?.. Ведь сегодня Рождество, значит, возможно все.

Снова вернувшись к трюмо, Людмила сначала приладила зеркало, принесенное ею из ванной комнаты, за своей спиной, зажгла по его бокам две свечи, опустилась на стул и зажгла остальные. Свечи горели ровно, отблески пламени отражались сразу во всех зеркалах, что создавало впечатление некоего мерцающего множества огней. Девушка всматрелась в свое отражение, и ей показалось, что оно расплывается и ускользает, как будто уходит в бесконечный лабиринт, созданный зеркалами.

– Брр, что-то жутковато, – передернулась девушка. – Как будто тебя затягивает внутрь... Ой, чуть не забыла: ведь требуется что-то сказать! Кажется, что-то про суженого-ряженого. А, ну да! Суженый мой, ряженый, приходи ко мне на ужин! Суженый мой, ряженый, приходи ко мне на ужин! Суженый мой, ряженый, приходи ко мне на ужин! – трижды повторила она глухим, дрожащим от волнения голосом. – Ну вот, а теперь нужно пристально всматриваться в зеркало, желательно не моргая, и тогда суженый-ряженый должен появиться. Только бы не пропустить этот момент, успеть разглядеть его как следует, – пробормотала девушка, не мигая вглядываясь в бесконечный зеркальный лабиринт. Он был темным, освещенный лишь свечами, и, когда огонь начинал колыхаться, создавалось впечатление, что по нему, по этому зеркальному коридору, крадутся какие-то устрашающие тени.

Сколько прошло времени, Людмила не знала, оно словно бы остановилось, как вдруг...

Он появился внезапно, но девушка не испугалась, а даже наоборот, обрадовалась, что наконец-то – свершилось. Незнакомец приветливо ей улыбался. Он был высок, строен и весьма привлекателен. Люда, как замороженная, разглядывала молодого мужчину, совершенно забыв о полотенце, о том, что его нужно накинуть на зеркало, – ведь, если она этого не сделает, может случиться что-то нехорошее. Девушка вообще не думала об опасности. Все ее мысли были лишь о том, что – вон он какой, ее суженый, ее половинка, ее судьба. Она вдруг увидела, что мужчина манит ее к себе рукой, и, бесстрашно встав со стула... шагнула прямо в зеркальный лабиринт. Людмилу почему-то совсем не удивило, что перед ней не возникло никакого препятствия – она совершенно спокойно прошла сквозь зеркало.

– Нет, вы только посмотрите на нее, до чего же безалаберная особа! И куда ее только несет? – проворчал кто-то рядом с Людмилой, и та, пытаясь отыскать говорившего, завертела головой во все стороны.

– Чем головой крутить, лучше бы под ноги посмотрела, – снова произнес чей-то недовольный голос.

Людмила посмотрела себе под ноги, но, кроме Клепы, никого не увидела.

– Клепочка, а ты как здесь оказалась? – удивилась она. – Зачем ты пошла за мной?

– Затем и пошла! Тебя, непутевую, разве можно одну оставлять? – нагло фыркнула собачка.

– Ты что, разговариваешь?! – округлила глаза Людмила. – Или я сошла с ума?!

– Может, и сошла, раз во всякую ерунду веришь. Суженый-ряженный, приходи – надо же такое придумать! – огрызнулась Клепа.

– Точно, у меня белая горячка, – прошептала Людмила, схватившись за голову. – Моя собака разговаривает. Она – нахальная грубиянка... карау-ул! – взвыла девушка, беспомощно озираясь по сторонам.

– Кстати, я давно хотела тебе сказать, да все как-то случая не представлялось... Будь добра, не корми меня больше этим противным сухим кормом, у меня от него изжога, – как ни в чем не бывало сообщила болонка.

– А чем же мне тебя кормить?

– Я люблю куриные пупочки и сосиски... докторские. А еще я люблю осетрину г. к. – Клепа завилала хвостиком и пару раз облизнулась.

– Г. к. – это что? – ошарашенно икнула девушка.

– Г. к. – это горячего копчения, бестолочь!

– Офигеть! – ахнула Людмила. – Откуда у тебя такие запросы?! Я вроде бы никогда ничем подобным тебя не кормила!

– Понятное дело, не кормила, – фыркнула болонка. – Где уж тебе понять тонкий собачий вкус?

– Откуда же тогда...

– Оттуда! Может, хватит уже демагогию разводить? – Болонка беспардонно перебила хозяйку. – Пошли домой, нечего нам здесь делать.

– Почему?

– Не следовало сюда тебе соваться, – раздраженно ответила болонка. –

И почему люди такие все бестолковые, понять не могу?

– Дурдом! – закатила глаза Людмила. – Ладно, с этим потом разберусь. Клепа, немедленно объясни: что все это значит? – потребовала она. – Куда мне не следовало соваться? И почему ты вдруг заговорила, как человек?

– В Зазеркалье тебе нечего было соваться, вот куда. Это чревато различными сложными последствиями, между прочим.

– О последствиях потом, – отмахнулась Люда. – Почему ты разговариваешь? – требовательно прикрикнула она на Клепу.

– Не кричи на меня, а то вообще ничего не скажу, – оцетинилась болонка.

– Не буду... говори!

– Потому что здесь, в Зазеркалье, все возможно.

– А Зазеркалье – это где?

– Где-то в параллельном мире, точного адреса не могу сказать, – сморщила свой черный носик болонка. – Может, повернем обратно, пока далеко не ушли?

– Бред какой-то! – прошептала Людмила, затравленно озираясь по сторонам. – Просто я, наверное, сплю и вижу странный сон. Ну, конечно же, это сон! – облегченно вздохнула она. – Вот проснусь я, и все встанет на свои места. Я в своей уютной квартирке, а моя Клепочка – обыкновенная болонка, которая умеет только лаять.

– Не Клепочка, а Клеопатра, – недовольно засопела та. – Так как насчет того, чтобы вернуться обратно?

– Обратно? – неуверенно переспросила Люда, задумавшись над предложением болонки. Она уже готова была послушаться ее совета, но... но все же не сделала этого. Удержала девушку лишь мысль о том, что где-то там, в конце лабиринта, ее ждет тот единственный, предназначенный для нее самой судьбой мужчина. Люда пристально воззрилась в ту сторону, но ничего, кроме отблеска свечей, не увидела. – Господи, только не это! – ахнула она. – Он что, ушел, не дождавшись меня? Он же меня звал за собой, а сам...

– Все мужики – козлы, – выдала очередной перл Клеопатра. – И верить им нельзя! Поворачивай, пошли обратно, я проголодалась.

– Нет, я уверена, что мой суженый не такой, как все, – упрямо возразила ей Люда и смело шагнула вперед. Болонка разразилась оглушительным лаем, и со всех сторон на них обрушился пронзительный звон. От этой какофонии все окружающее их пространство задрожало и зашумело, и у Люды мгновенно разболелась голова. – Клеопатра, зачем же так громко лаять, ты меня оглушила! – вскричала девушка, зажимая уши

обеими руками. – Еще и какой-то звон... Откуда он? Тебе не кажется, что... да, появился какой-то странный запах? – спросила Клепу Людмила, сморщившись от удушливого, пахнущего чем-то горелым воздуха. В ответ болонка истерично залаяла, и Люда почувствовала, как та укусила ее за лодыжку. – Клепа, что ты себе позволяешь?! Зачем же кусаться? Мне больно!

Людмила начала озираться по сторонам, желая понять, что происходит, и вдруг увидела, что зеркальный лабиринт трескается и разваливается на кусочки. С громким звоном разбилось стекло, и мелкие осколки зеркал посыпались на нее. Девушка крепко зажмурилась и ничком бросилась на пол, закрыв лицо руками.

– Вот ты где? – раздался чей-то приглушенный устрашающий голос прямо над головой у Людмилы.

Она испуганно вскинула глаза и едва удержалась, чтобы не закричать от ужаса. Над ней возвышалось какое-то страшное чудовище и протягивало к ней свои безобразные лапы.

«Не трогайте меня!» – хотела было закричать Люда, но вместо крика из ее горла вырвался лишь невнятный слабый хрип.

Чудовище легко, как перышко, подхватило девушку на руки и куда-то побежало со своей ношей. Звонкий тревожный лай болонки следовал за ними по пятам.

– Отпусти меня немедленно, там мой суженый, я должна с ним встретиться, – прошептала Людмила.

– Ох, бабы, наивный же вы народ! – усмехнулся этот выходец из ночных кошмаров. – Все в сказки верите про суженых-ряженных, гадаете, счастья ждете...

– Отпусти меня, я должна его найти, он же там остался, в лабиринте! – просипела Людмила и попыталась вырваться.

– Да не брыкайся ты, ведь свалимся оба, идиотка, – грозно зарычало жуткое создание. – Отпущу, когда время придет, а пока что сиди-ка смирно и не трепыхайся.

– Кто ты такой?

– Суженый, блин! – проворчало чудище. – Вместо того чтобы в Рождество за столом сидеть и праздновать, приходится мне спасать таких вот дурочек.

– Отпусти меня немедленно, иначе я закричу, – захрипела Люда и надрывно закашлялась.

– Немедленно не получится: от тебя тогда и мокрого места не останется, высокогато здесь, – хмыкнуло кошмарное создание.

– Мне все равно, пусть, – снова забрыкалась Людмила.

– Прекрати, а то и правда отпущу! – заорало чудище. – Вот ненормальная какая попалась, черт тебя побери!

– Я его видела! Он там, в конце лабиринта! Он звал меня с собой! Мой суженый – высокий, красивый и сильный, он все равно меня найдет. А тебя он обязательно убьет, чтобы меня освободить! – У Людмила закружилась голова, все сильнее, сильнее...

– Я тебя и сам ему из рук в руки передам, очень ты мне нужна, дура такая, – проворчал монстр, и это были последние слова, услышанные Людмилой.

– Ну что, подруга, очнулась наконец? Вот и отлично! Как раз вовремя, уже скоро обед, – услышала Люда веселый женский голос и, распахнув глаза, увидела его обладательницу. Над ней склонилась круглая мордашка, густо усыпанная веснушками, радостно улыбающаяся во все тридцать два зуба. – Привет! – подмигнула она. – Как самочувствие?

– Не знаю пока, – прошептала Людмила, осматриваясь.

Она увидела просторное светлое помещение с большими окнами. Рядом с ее кроватью стояли капельница и тумбочка с каким-то медицинским оборудованием.

– Подскажите, где это я? – спросила Люда.

– В городской больнице номер двенадцать, – ответила молоденькая девушка с веснушками. – Хорошая больница, и доктора здесь замечательные, они быстро тебя на ноги поставят. Тебя всего час назад от кислорода отключили, и медсестра сказала, что все нормально, скоро ты проснешься. Вон, всю ночь и все утро капельницы тебе ставили, организм от токсинов очищали, кислородом легкие вентилировали. Так что не переживай, все будет тип-топ, теперь ты уж точно не помрешь, – без остановки трещала она. – Хорошо, что тебя ко мне подселили, а то скучно одной-то валяться, даже поговорить не с кем.

– Кто вы? – спросила Людмила, сумев наконец вставить хоть одно слово в ее монолог.

– Как кто? Я твоя соседка по палате, меня Дашей зовут, – вновь широко улыбнулась девушка.

– Очень приятно познакомиться, а я Людмила. Вы говорите, что это больница? А что со мной? Почему кислород, капельница? Вы не знаете случайно, как я сюда попала? – спросила Люда.

– Не знаю, по «Скорой», наверное, – пожала Даша плечами. – Тебя сегодня ночью доставили, когда я уже пятый сон досматривала.

– А почему?

– Что почему?

– Ну, с каким диагнозом меня привезли?

– А здесь все с одним и тем же диагнозом, – усмехнулась Даша.

– В каком смысле?

– Да в самом прямом! Это отделение токсикологии, и сюда кладут больных со всевозможными отравлениями.

– Это как?

– Ну, вот я, например, отравилась газом.

– Зачем?! – округлила глаза Люда.

– Что зачем?

– Отравилась зачем?

– Ты подумала, что я сама отравилась? – захохотала Даша. – Ну ты даешь, подруга, до такого извращения я пока еще не докатилась. А если бы вдруг и докатилась, я бы тогда не здесь лежала, а в психушке.

– Почему?

– Потому что все суицидники попадают в дурдом. Врачи считают, что человек, решивший покончить жизнь самоубийством, не может быть здоров, он обязательно, по их мнению, психически ненормален. Вот такие дела. А у меня было отравление незапланированное, так сказать, случайное. Я поставила на плиту картошку, а сама прилегла на диван, телевизор хотела посмотреть и не заметила, как уснула. Вода в кастрюле закипела и залила конфорку. Огонь погас, а газ продолжал идти, и вот результат – я оказалась на больничной койке.

– Какой ужас! – нахмурилась Люда.

– Ужас – это очень мягко сказано, – махнула рукой Даша. – До сих пор поверить не могу, что я жива осталась! Спасибо соседу, он запах газа учуял, а так бы я уже не здесь, а на кладбище лежала и с тобой бы не разговаривала.

– Надо же, повезло вам, что сосед таким бдительным оказался, – пробормотала Люда. – А как же я-то оказалась на больничной койке? – попыталась вспомнить она. – Я очень хорошо помню, что надела красивое платье, накрыла праздничный стол, зажгла свечи... Свечи, свечи, много свечей... А еще – зеркала, тоже много... а в них бесконечный лабиринт. Так красиво может быть только во сне! Что же было дальше? Ой, я вспомнила! – радостно воскликнула девушка. – Моя болонка, Клепа... – Она резко остановилась, что-то припоминая. – Какой странный сон!

– У тебя есть собака? – с улыбкой спросила Даша. – Как же я хотела иметь собаку в детстве, аж до слез! Всех дворняг домой перетаскала, а отчим выбрасывал их обратно на улицу. Так у тебя собака есть? – повторила она.

– Да, есть! Говорят, что у мадам Помпадур была любимая болонка, точно такая же, как моя Клепа, – кисло улыбнулась Люда и вдруг сморщилась от боли. – Голова такая тяжелая, как будто свинцом налита... Мне кажется, что я видела своего суженого, но он ушел, – добавила она, кривясь от головной боли.

– Ты только не волнуйся, тебе нервничать нельзя, я сейчас доктора позову, – засуетилась вокруг девушки Даша. – Вон снова побледнела-то как.

– Ужасно болит голова, – вздохнула Людмила. – Может быть, вы попросите для меня таблетку?

– Я мигом, – сказала Даша и, опрометью выскочив за дверь, понеслась к кабинету врача. Через пять минут она привела его в палату. – Вот это наш доктор, прошу любить и жаловать, – подмигнула она Людмиле. – Сергей Петрович, можно мне спуститься на первый этаж, ко мне пришли? – обратилась она к врачу.

– Нет, нельзя, скоро обед, пусть приходят в часы посещения, – возразил тот.

– В часы посещения мой друг не может, у него работа, – объяснила Даша. – Можно мне на одну минутку к нему спуститься? Я должна его увидеть, это важно.

– Но...

– Я всегда подозревала, что вы очень добрый человек, – лучезарно улыбнулась Даша и пулей выскочила за дверь, не дав врачу опомниться.

Тот с осуждением покачал головой и переключил свое внимание на Людмилу.

– Ну, здравствуйте, уважаемая Людмила Николаевна, – с улыбкой произнес эскулап. – Я ваш лечащий врач, меня зовут Сергей Петрович.

– Добрый день, очень приятно.

– Как наше самочувствие?

– Вроде нормально, – ответила Люда. – Только голова немного болит.

– Я рад, что вы оправились, а головная боль – это ненадолго. Вот скоро придет медсестра, поставит вам еще одну капельницу, и все будет в порядке. Кстати, если уж вы теперь в состоянии говорить, нужно занести кое-какие сведения о вас в вашу карту. Вчера, сами понимаете, такой возможности нам не представилось, – развел руками он.

– Да, пожалуйста! Нет проблем! Я отвечу на все ваши вопросы, – согласилась Людмила. – Кстати, мне бы тоже хотелось вас кое о чем спросить...

– Я весь внимание!

– Мне бы хотелось узнать: с каким диагнозом я сюда попала?

– Отравление угарным газом.

– Газом?! – округлила глаза Людмила. – Каким газом? У меня в квартире нет никакого газа! У меня же электрическая плита...

– При чем здесь ваша плита? – в свою очередь удивился доктор. –

Угарный газ образуется вследствие горения любого предмета, как в вашем случае, например. В вашей квартире случился пожар, возникло сильное задымление, и в результате в помещении образовалось скопление угарного газа, которым вы и отравились. Надеюсь, теперь вам все понятно?

– Вы хотите сказать, что моя квартира... сгорела?! – сдавленным голосом прошептала Людмила, с диким ужасом таращась на врача.

– Вот чего не знаю, того не знаю. – Сергей Петрович покачал головой. – До меня дошла лишь поверхностная информация, а подробности, я думаю, вам смогут рассказать ваши родственники или соседи. Мое дело – лечить болезни, а не заниматься расследованием. Прошу прощения, мне пора к другим больным, сейчас я пришлю к вам медсестру. – Эскулап поспешил округлить разговор и быстро вышел за дверь.

Через пять минут пришла медсестра, поставила Людмиле капельницу, потом принесла обед, до которого девушка даже не дотронулась. Через несколько минут она провалилась в беспокойный сон. Ей снова снился молодой улыбающийся мужчина, который все время куда-то ее звал, а Люда, как они ни старалась, все никак не могла его догнать...

– Людочка, девочка моя, как же это могло случиться? – услышала девушка голос своей матери и резко распахнула глаза. Та стояла перед ее кроватью и утирала носовым платочком слезы, обильным потоком лившиеся из ее глаз. – Доченька моя, что же это такое? Да как же это? – всхлипывала она. – Господи, какая ты бледная!

– Мамочка, ты приехала? – улыбнулась ей Людмила. – Привет!

– Здравствуй, родная, здравствуй, моя милая! Мы бы и раньше приехали, если бы знали! Лариса Сергеевна, соседка твоя, только утром позвонила мне на мобильный. А мы с отцом, ты же знаешь, в подмосковном доме отдыха были. Пока собрались, пока доехали, да еще пробки на МКАД – не прорваться. Ты лежи, лежи, – засуетилась мама. – Я тебе фруктов привезла, я соков натуральных нажала, вот яблочный и апельсиновый. Бульон куриный сварила, картофельное пюре сделала, как ты любишь. Какая же ты бледная, девочка моя, а синяки-то, синяки какие под глазами! Как же так могло получиться, доченька? – запричитала женщина.

– Мам, а что с моей квартирой? Ты там была? – обеспокоенно спросила Людмила.

– Да бог с ней, с квартирой, главное, что ты жива осталась, – махнула Вера Ивановна рукой.

– Неужели вся сгорела?! – ахнула Люда.

– Успокойся, цела твоя квартира, только в спальне все стены черные, – нахмурилась женщина. – Там сейчас отец разбирается. Ковер твой пришлось на помойку выбросить, он весь истлел. Мы мастеров вызвали, чтобы они стекла вставили – окно-то разбито. Мы ведь, как вернулись в Москву, сразу сюда, в больницу, поторопились, а нас не пустили, сказали, что только в часы посещения можно будет тебя повидать, с четырех до семи. Вот мы и поехали посмотреть, что там у тебя в квартире делается.

– А Клепа как? Она в порядке?

– А вот Клепа... – Мама замялась.

– Что с ней? – забеспокоилась Люда. – Мам, ты почему замолчала? Что с моей собакой?

– Пропала она, – вздохнула мать. – Нет нигде Клепы.

– Как пропала?! – ахнула Людмила. – А у соседей вы спрашивали? Может быть, ее кто-нибудь из них к себе забрал?

– Да спрашивала я уже, никто ничего не знает, – махнула рукой Вера Ивановна. – Лариса Сергеевна говорит, что она видела Клепу, та возле машин крутилась, когда тебя в больницу забирали. Она все пыталась собачку подзвать к себе, а та ни в какую. Лаает и убегает, никак в руки не дается, а потом Клепа как сквозь землю провалилась.

– Господи, только не это, – прошептала Людмила и, решительно вынув иглу от капельницы из своей руки, откинула одеяло и резко вскочила с кровати.

– Люда, что ты делаешь? – вскричала Вера Ивановна. – Немедленно ложись обратно, тебе нельзя вставать!

– Мама, ничего мне не говори, это бесполезно! – отмахнулась дочь, поспешно натягивая больничный халат. – Я сейчас же отсюда уйду!

– Как уходишь? Куда? – ахнула женщина. – Ты что, с ума сошла?!

– Я еду домой искать Клепу, и этот вопрос не обсуждается! Надеюсь, ты на машине?

– Да, – растерянно ответила мама, испуганно таращась на дочь. – Людочка, ты...

– Отлично, идем! – улыбнулась та и, не дав матери опомниться, схватила ее за руку и потащила из палаты.

Ее не хотели выписывать так скоро, но Люда настояла на своем.

Приехав домой, Людмила с тоской посмотрела на черные стены своей спальни и с ужасом обнаружила, что пропала ее шкатулка с драгоценностями.

– Господи, только не это! – ахнула она. – Там же бриллианты, мне их дарил Николай, я должна их вернуть! Не хочу оставаться ему обязанной ни в чем, мне не нужны его подарки. А может, шкатулку мама убрала? – вслух подумала девушка и ринулась в кухню, где хлопотала Вера Ивановна.

– Мам, ты случайно никуда не переставляла мою шкатулку? – спросила Люда.

– Нет, я у тебя ничего не трогала, – ответила та. – А что случилось?

– Нигде не могу ее найти, – развела девушка руками. – Может быть, ее папа спрятал? Где он, кстати?

– Поехал в магазин за обоями и красками.

Когда Евгений Николаевич приехал из магазина, нагруженный покупками, Людмила бросилась к нему, помогать, и – как бы между прочим – поинтересовалась, где может быть ее шкатулка. Получив ответ, что он ее не трогал, она пришла к выводу, что ее драгоценности украли. Родители настаивали, чтобы она немедленно заявила в милицию, но Люда отмела этот вариант.

– Это все мелочи по сравнению с тем, что пропала Клепа! Я обязательно пойду в милицию, но только после того, как найду ее, – решительно ответила она родителям.

На следующий день Людмила развила настоящую детективную деятельность по розыску своей собаки. Она распечатала на принтере двести объявлений с фотографией Клепы и объехала на своей машине весь район, расклеив их повсюду. Девушка опросила всех соседей, обошла все близлежащие дома, но результата не было практически никакого. Лариса Сергеевна, ее соседка, проживавшая с ней на одной площадке, рассказала Людмиле только о самом происшествии.

– Я праздничный концерт посмотрела в честь Рождества, а потом очень интересный фильм начался, и я так увлеклась, что про сон и забыла совсем, – рассказывала женщина. – Когда пошла реклама, я отправилась в кухню – чайку хотела попить – и вдруг услышала, как твоя Клепа лает. Да не просто погавкивает, а прямо захлебывается лаем! Ой, думаю, что это с ней? Выглядываю на площадку, к твоей двери подхожу, чую – вроде дымом тянет. Начала звонить тебе в дверь, никто не открывает, а собака твоя прямо заходится! Думаю, если бы ты в гости уехала – праздник же, – тогда бы ты обязательно Клепу с собой взяла. Ничего понять не могу! Пошла к себе, звоню по телефону на твой домашний номер – нет ответа! Тогда я набираю номер твоего мобильного – и опять ты не отвечаешь. Вот тут уж я не на шутку встревожилась, думаю – наверняка что-то случилось! Снова к твоей двери подхожу, специально начала принохиваться – точно, дымом пахнет! Я, конечно же, сразу пожарных вызвала и на всякий случай в службу спасения позвонила. Ничего не могу сказать, и те и другие приехали очень быстро, только вот от пожарных толку никакого не было.

– Почему?

– Ты же видишь, сколько у нас автомобилей во дворе стоит! Пожарной машине вообще не было никакой возможности подъехать к нашему подъезду. Ни повернуться, ни развернуться, безобразие! Хорошо хоть спасатели – ребята сообразительные, один парень через крышу в твою квартиру пробрался. Правда, ему пришлось окно разбить, чтобы туда попасть, но это уже мелочи. Тебя спасло то, что огня практически не было. Свеча упала на пол, на ковер, и он загорелся. Это тоже очень опасно, еще бы немного – и ты бы насмерть отравилась угарным газом, вот так-то! А парню тому, что к тебе пробрался, дверь твою изнутри не удалось открыть, пришлось ему с тобой на руках из окна спускаться.

– Да, у меня замок с секретом, его не каждый сможет отпереть, – согласилась Людмила.

«Правда, ему это не помешало стянуть мои драгоценности», – с сарказмом подумала она.

– Вот и он не смог! – кивнула соседка. – Может, он и сумел бы, конечно, если бы ему времени хватило, но каждая минута была на счету, тебя нужно было спасать. Он-то сам в специальном костюме и в кислородной маске был, а ты-то нет. Ох, как же страшно мне было смотреть, как он спускался – с двенадцатого этажа, да по веревке, да еще с тобой в охапку... брр, до сих пор мороз по коже! Стою внизу, даже дышать боюсь, думаю, вот-вот веревка оборвется, и вы с ним разобьетесь! Слава богу, все обошлось. Когда тебя на лавочку уложили, пока «Скорую помощь» ждали, этот спасатель куртку свою снял и на тебя набросил, чтобы ты не простыла. На тебе платице было тонюсенькое, а на улице, чай, не май месяц, зима же, да морозец в ту ночь был не слабенький, рождественский. А ты все шепчешь и шепчешь что-то. Парень тот подходит, наклоняется над тобой, послушал, что ты говоришь, и голову к твоему окну поднимает. Глядим, а на подоконнике Клепа твоя сидит! У меня прямо все сжалось внутри, когда я ее увидела, такая маленькая и жалкая она была. А парень как увидел такую картину, бегом к подъезду ринулся. Глядим, через минуту он снова на крыше появился, а еще через пять минут уже в твоем окне скрылся. Клепа почему-то с подоконника в комнату прыгнула. Замерли мы все внизу, ждем! Мне кажется, я и совсем дышать перестала в тот момент. Смотрим, слава тебе господи, спасатель снова в окне появился, а на руках у него Клепа сидит. На этот раз он не стал спускаться с двенадцатого этажа, полез обратно на крышу, с собакой-то это не так тяжело было сделать, как с тобой. Он ее за пазуху засунул, и все, а потом во двор спустился и мне прямо в руки ее передал. Когда «Скорая» приехала и тебя на носилки уложили, Клепа с моих рук так быстро прыгнула, что я и опомниться не успела! Я ее звала, звала, только она не пошла ко мне и в руки тоже больше не далась – убежала...

«Значит, это не спасатель украл мою шкатулку, – подумала Людмила. – Не может быть вором человек, рискнувший своей жизнью ради спасения собаки».

– Уже потом, когда тебя увезли, а следом и все остальные уехали, я искала твою собаку, везде искала, кричала, звала ее, только так и не докричалась, она как сквозь землю провалилась, – продолжала рассказывать соседка. – Ты уж прости меня, Людочка, что так получилось, но я правда не виновата!

– Что вы такое говорите, Лариса Сергеевна? – всплеснула Людмила руками. – За что я вас должна простить? За то, что вы мне жизнь спасли?!

Это я должна прощения просить за то, что столько хлопот вам доставила!

– Ай, что уж там, – улыбнулась женщина. – На то мы и соседи, чтобы друг другу помогать!

На следующий день к Людмиле приехала подруга Наташа. Она ворвалась в ее квартиру, точно тайфун.

– Привет, погорелица, рассказывай, – прямо с порога выпалила она.

– Привет! Я тоже очень рада тебя видеть, – кисло улыбнулась Люда.

– Не дави на мою совесть, я ужасно перенервничала из-за тебя и до обморока рада, что ты жива и здорова. Немедленно рассказывай!

– И что же ты желаешь от меня услышать?

– Как это что?! Тебе совсем нечего мне рассказать? Почему ты мне не позвонила, когда была в больнице? Почему я должна все узнавать от твоей матери, а не от тебя лично? – засыпала ее вопросами Наташа.

– В больнице у меня не было с собой мобильного телефона, и пробыла я там всего один день.

– Об этом я уже наслышана от Веры Ивановны, – отмахнулась Наталья. – Бедная женщина до сих пор валидол сосет. Почему ты мне не позвонила, вернувшись из больницы домой? Ведь сегодня уже третий день, как ты оттуда сбежала!

– У меня не было времени.

– Скажите на милость, какие мы занятые! Даже пяти минут у тебя не нашлось, чтобы позвонить лучшей подруге? – всплеснула Наташа руками. – Короче, выкладывай, что тут произошло?

– Пожар! – сморщилась Люда.

– Знаю я про пожар! Меня интересует, как это случилось?!

– Какая разница? – вздохнула Людмила. – Как видишь, все обошлось, я жива и здорова, а вот Клепа... пропала!

– Ну, об этой неприятности Вера Ивановна мне тоже рассказала, – кивнула Наташа. – И как ты думаешь, куда твоя собака могла подеваться?

– Если бы я знала, – всхлипнула девушка. – Господи, еще немного, и я сойду с ума! Наташ, ну где она может быть?

– Так, ну-ка, прекрати сопли распускать, разберемся, – остановила подругу Наталья. – Пошли на кухню, сварим кофе, все обсудим... Не дрейфь, подруга, прорвемся, я с тобой!

Когда Людмила со всеми подробностями рассказала Наташе о случившемся, та на минуту призадумалась, а потом выдала свой вердикт:

– Мне все ясно! Клепу забрал тот парень!

– Какой еще парень? Ты о ком говоришь? – не поняла ее Людмила.

– Я о спасателе – это он забрал Клепу!

– Почему ты так решила? – удивилась Люда.

– Элементарно, Ватсон, – хмыкнула девушка. – Твоя Клеопатра – особа воспитанная и за заботу признательная, поэтому она смело отдалась в руки своему спасителю.

– Но как она могла?! Он ведь совершенно посторонний человек! – возмущенно вскричала Людмила. – От Ларисы Сергеевны, которую моя Клепа очень хорошо знает, она, значит, убежала, а с посторонним человеком уехала? Да такого быть не может! Нет, Натали, ты ошибаешься, она не могла так поступить. Клепа очень разборчивая... Без меня она никогда бы не пошла с чужим человеком, это исключено.

– А ты случайно не забыла, что тебя увезла машина «Скорой помощи»? – напомнила ей Наташа. – И твоей болонке ничего не оставалось делать, как... Короче, можешь возражать мне сколько угодно, только я спинным мозгом чувствую, что твою Клепу нужно искать у этого спасателя.

– Сначала требуется найти его самого, а как это сделать, я понятия не имею, – всхлипнула Люда. – А вдруг он ее уже кому-нибудь продал? Или на улицу выгнал? Она же там сразу пропадет. Ее сразу большие собаки разорвут, ведь она такая маленькая!

– С чего это вдруг ты решила, что он может ее продать или выбросить на улицу? – изумилась Наташа. – Что за дурацкие страшилки лезут тебе в голову? Вера Ивановна права, тебя нужно было приковать к больничной койке цепями, чтобы ты долечилась как следует. Не думаю, что человек сперва рискнет своей жизнью, чтобы спасти собаку, а потом выкинет ее на улицу.

– Да, в общем-то, я тоже так не считаю, просто... просто я уже не знаю, что и думать, все мозги себе сломала. Может, он специально это сделал, чтобы на него никто не подумал, что это он... – Люда запнулась, не закончив фразы, и бросила на подругу настороженный взгляд.

– Ты о чем? – не поняла та.

– Короче, я тебе не все рассказала, – призналась Людмила. – Прости, просто у меня никак в голове не укладывается, что человек, подвергший свою жизнь опасности, может оказаться...

– Почему ты замолчала? – осторожно поинтересовалась Наталья. – Или у тебя появились от меня секреты?

– Нет, конечно, просто... я сама не знаю, – пожала Людмила плечами. – Возможно, я ошибаюсь...

– Говори!

– Дело в том, что из спальни пропала моя шкатулка. Ты должна

помнить, она все время стояла на трюмо.

– Та, с драгоценностями?! – округлила глаза Наташа.

– Да!

– И брюлики, что тебе дарил Николай, были в ней?

– Да!

– Я в шоке! – ахнула Наташа. – Надеюсь, ты заявила в милицию?

– Нет! – вздохнула Люда. – Никуда я пока что не заявляла.

– И что же ты сидишь, как клуша?

– Я не сижу, а ищу Клепу, и ходить по милициям у меня совершенно нет времени, – огрызнулась Людмила. – Ты прекрасно знаешь, что стоит только переступить порог подобного заведения, и придется провести там полдня. Я не могу себе позволить такой роскоши до тех пор, пока не найду Клепу.

– Я уже не в шоке, я в глубокой коме, – простонала Наталья. – У нее сперли шкатулку, содержимое которой стоит немереных денег, а она...

– Моя Клепа мне дороже всяких бриллиантов, – буркнула Люда. – Тем более тех, которые дарил мне Николай. Я все равно собиралась их вернуть, потому что решила с ним расстаться.

– Молодец, очень верное решение, я давно тебе об этом говорила, – одобрила Наталья. – А вот в том, что касается бриллиантов, здесь я с тобой категорически не согласна. Собирайся, едем!

– Куда?

– Тащить верблюда из пруда, пока он там сидит, а то убежит, – бросила Наташа, подталкивая Людмилу в сторону прихожей. – Поменьше вопросов задавай, лучше пошустрее одевайся. Как говорится, куй железо, пока горячо. У меня сегодня свободный день, этим нужно воспользоваться с максимальной отдачей. Поищем твою Клепу, и я почему-то уверена, что, как только мы ее найдем, тут же обнаружатся и твои бриллианты.

– Значит, ты со мной согласна?

– В чем?

– В том, что мою шкатулку украл спасатель?

– Этого я как раз не говорила. Я сказала, что твоя Клепа, возможно, у него, а что касается шкатулки... Кроме него, у тебя ведь еще и пожарники побывали?

– Ой, точно! – воскликнула Людмила. – Про пожарников-то я совсем забыла! Слава тебе господи, – облегченно вздохнула она. – Мне бы очень не хотелось, чтобы этот спасатель оказался вором. Когда Лариса Сергеевна мне рассказала о том, как он сначала меня вытащил, а потом и за Клепой полез, я уже заочно в него почти влюбилась, и вдруг – эта несчастная

шкатулка... Ты меня понимаешь, Наташ?

– Понимаю, понимаю, – кивнула подруга. – Ты как была идеалисткой, так ею, наверное, и останешься. Что ты стоишь? Надевай сапоги и дубленку, время – деньги!

– Нам нужно срочно узнать, что за спасатели работали по вызову в ночь с шестого на седьмое января, – решительно сдвинув брови, диктовала свои условия Наталья, пристально глядя на дежурного службы спасения. – Это очень важно!

– В эту ночь было достаточно вызовов, сами понимаете – Рождество, – усмехнулся тот. – Вас какая бригада интересует?

– Откуда нам знать какая? – пожала девушка плечами.

– Ну а по какому адресу они выезжали, это вы хотя бы знаете?

– Естественно! – фыркнула Наташа. – Улица Международная, дом восемь.

– Сейчас посмотрим, – пробормотал дежурный, всматриваясь в монитор компьютера. – По этому адресу с шестого на седьмое января выезжала... вот, нашел – бригада Парамонова.

– И сколько в этой бригаде человек?

– Пятеро, а что?

– Давайте адреса всех пятерых!

– С какой стати я вам должен сообщать такие сведения? – удивился дежурный. – Эта информация строго конфиденциальна, мы ее никому не выдаем, милые дамы!

– Почему?

– Как почему? По инструкции не положено.

– Что значит – не положено? – возмутилась Наталья. – Но нам она очень нужна! Просто необходима! Жизненно важна!

– И дорога как память! – хихикнула Людмила, наблюдая за разъяренной подружкой.

– Не положено! – упрямо ответил дежурный. – Простите, но я ничем не могу вам помочь, всего хорошего.

– Ну, ваще-е-е! – пропыхтела Наташа. – Да вы знаете, что один из этих спасателей... Нам немедленно нужно встретиться с этим вашим Парамоновым, и вы не имеете права отказать нам в этом!

– Ничего не получится, бригады Парамонова на данный момент нет в Москве.

– Как это? А где же они? Вы нарочно нас обманываете? Немедленно назовите нам адреса, у нас есть конкретные...

– Натали, постой, не кипятись, – резко остановила подружку Людмила. –

Не нужно кричать на молодого человека, он всего лишь исполняет свои непосредственные обязанности. Пойди-ка ты пока на улицу, покури, а я сама попробую с ним договориться.

– Никуда я не пойду, я бросила курить, – заявила Наташа.

– Когда это ты успела? – улыбнулась Люда. – Еще неделю назад ты дымила как паровоз.

– Вчера бросила, как только о пожаре в твоём доме узнала, – дернула плечиком та. – Если, не дай бог, в нашей квартире случится нечто подобное, меня мой Никифоров подвесит за ноги к люстре.

– Ты прекрасно знаешь, что я не курю, у меня пожар начался из-за свечки, я же тебе рассказывала, – засмеялась Люда. – Но ты все равно молодец, я давно тебе говорила, чтобы ты бросала эту вредную и совсем ненужную привычку.

– Вот видите, милые дамы, как верна поговорка – нет худа без добра, – кивнул им дежурный, внимательно слушавший разговор подруг.

– Владимир, нам действительно нужно поговорить с вашими спасателями из группы Парамонова, – сказала Людмила, дружелюбно глядя на дежурного. Его имя она прочла на бейджике, приколотом к его пиджаку. – Или хотя бы с кем-то одним из них, к примеру, с самим Парамоновым. Это и в самом деле очень важно.

– Если что-то случилось, то вы можете написать заявление на имя нашего начальника, – посоветовал дежурный.

– При чем здесь заявление, если я хочу лично поблагодарить человека за свое спасение? Вы можете дать мне хотя бы его телефон?

– Я не имею права давать частным лицам подобную информацию, – в который раз повторил дежурный. – Поймите меня правильно, я на службе и обязан подчиняться инструкции.

– А если вот так? – и Людмила пододвинула к его лежавшей на столе руке сто долларовую купюру.

– Не могу устоять перед просьбой такой очаровательной девушки, – и тот проворно смахнул купюру в ящик стола. Он взял листок бумаги, написал на нем нужные сведения и протянул его Людмиле. – Только хочу вам повторить, что группы Парамонова сейчас нет в Москве, они возвращаются только завтра, – предупредил он.

– Владимир, а вы случайно не знаете, кто побывал в квартире, когда случился пожар? – спросила Люда. – Насколько мне известно из рассказов очевидцев, кто-то один проник туда с крыши дома и спас хозяйку загоревшейся квартиры, а потом и ее собаку.

– Ну, им мог быть любой из группы, но если этаж высокий, то,

возможно, это Нечаев Руслан, – ответил молодой человек. – Он у нас профессиональный скалолаз, мастер спорта, поэтому берет такие задачи на себя. Между прочим, когда-то он был победителем международных соревнований!

– Этаж двенадцатый. А почему – когда-то?

– Его лучший друг однажды погиб при восхождении на вершину горы, и Руслан после этого бросил профессиональный спорт, пошел в спасатели.

– Нечаев Руслан, говорите?

– Да, он самый.

– Спасибо вам большое, Владимир, вы нам очень помогли.

– На здоровье, – хохотнул тот. – Обращайтесь еще, если понадобится.

До свидания!

– Всего хорошего, – кивнула Люда и пошла к выходу.

– Кругом сплошная коррупция, куда ни взгляни, – проворчала Наталья, присоединяясь к подруге. – Без взятки ничего не сделаешь. Ну, и что дальше? – спросила она у Людмилы.

– Ничего, – пожала та плечами. – Дальше будет завтра, а сегодня отвези-ка ты меня домой.

- Куда поедем в первую очередь? – спросила у Людмилы Наташа.
- Я думаю, мы пока обойдемся одним вариантом, – ответила та. – Адресом этого скалолаза, Нечаева Руслана.
- Ты уверена? А может, сначала заглянем к Парамонову? Он как-никак старший группы, должен быть в теме, знать все обо всех своих подчиненных.
- Наташа, просто у меня такое чувство, что нам надо ехать к Нечаеву, – ответила Люда.
- Ну ладно, как скажешь. – Подруга пожала плечами. – К Нечаеву, значит, к Нечаеву.
- Примерно через полчаса девушки подъехали к нужному им дому.
- Ну что, пошли? – спросила Наташа у подруги.
- Пошли, – вздохнула Люда и быстро перекрестилась. – Только бы предчувствия меня не обманули и Клепа оказалась здесь!
- Подруги вошли в подъезд и поднялись в лифте на восьмой этаж.
- Вот квартира сто тридцать пять, звони, – прошептала Наташа. – Ой, погоди! – резко остановила она Людмилу, когда та уже протянула было руку к звонку. – Смотри, дверь открыта!
- Ну и что?
- Давай войдем.
- Ты что, неудобно же! – воспротивилась Люда.
- Неудобно спать на потолке, одеяло падает, – недовольно огрызнулась Наташа. – Прекрати дрожать и делай, как я, – велела она и, смело толкнув дверь, вошла в прихожую.
- Людмиле ничего другого не оставалось, как последовать за ней.
- Наташка, ты ненормальная авантюристка! – прошипела она. – Это же чужая квартира! Хочешь, чтобы нас приняли за преступниц?
- Отстань, – отмахнулась та, продолжая тихонько продвигаться вперед. Девушки слышали какое-то странное завывание, доносившееся из-за приоткрытой двери ванной комнаты, и Наташа осторожно заглянула туда. Люда привстала на цыпочки, чтобы тоже увидеть, что там такое, и невольно прыснула со смеху. Их взорам открылась весьма экзотическая картина. На полу, протянувшись почти до самых дверей, просматривались какие-то голые волосатые ноги. Виднелась и последующая часть тела, расположенная выше, тоже почти голая, не считая плавок. Затем –

половина груди весьма внушительных размеров. Голова и плечи неизвестного скрылись в недрах тумбочки, расположенной под раковиной. Девушки догадались, что эти завывания, которые они услышали, издавал обладатель сей головы. Было похоже на то, что делал он это с большим вдохновением, явно уверенный, что он исполняет один из знаменитых в прошлом шлягеров из репертуара господина Киркорова.

– Зайка моя, я твой зайчик! Ручка моя, я твой пальчик! Банька моя, я твой тазик! За-айка моя-а-а!..

– Во дает, – хихикнула Наталья. – Ты только посмотри на эти формы, – подмигнула она Людмиле. – Умереть и не подняться! Аполлон во плоти, да и только!

– Вить, это ты? – спросил этот некто из-под раковины. – Ты принес прокладки? Черт, у меня, кажется, рука в трубе застряла!

– Прокладки?! – округлила глаза Наталья. – Они что, оба извращенцы с этим Виктором?

Людмила схватила подругу за рукав и потащила ее обратно в прихожую, едва удерживаясь от смеха. – Идиотка, он наверняка про сантехнические прокладки говорит! – зашептала она. – Слушай, может, выйдем пока из квартиры, подождем в подъезде?

– С какой стати? – фыркнула Наталья.

– Ты же слышала, он разговаривал с каким-то Виктором, значит, тот должен сюда прийти с минуты на минуту.

– Ну и что?

– Как мы объясним ему, что мы здесь делаем?

– Так и объясним: дверь, мол, была открыта, и мы...

– Ой, это же бантик моей Клепы! – вдруг вскричала Люда, подбегая к тумбочке в прихожей. – А где же она сама?! Что он с ней сделал?!

Девушка ринулась обратно к ванной комнате, пылая праведным гневом.

– Где моя собака?! – что было сил рявкнула она.

– Кто здесь?! – испуганно спросили из-под раковины.

– Я спрашиваю, куда делась моя собака? – закричала Людмила.

– И бриллианты тоже... где? – это вступила Наталья.

– О, у тебя, оказывается, гости, – хохотнул какой-то пузатый мужик, внезапно показавшийся в дверях. – Какие симпатичные! Посторонитесь-ка, девоньки, дайте мне к раковине подойти. Руслан, вот, возьми прокладку, загони ее в паз в раструбе – и можешь вылезать, дальше я сам все сделаю.

– Я не могу вылезти, у меня рука застряла! – провыл тот. – Витя, сделай что-нибудь!

– Ох ты господи, только этого не хватало, – крикнул дядечка. – Погоди, я растительное масло принесу, должно помочь. Ты только не дергай рукой-то, а то еще дальше ее загонишь, тогда уж точно без резака не обойтись.

– Вы мне скажете наконец, где моя собака, или мне тут так и стоять и любоваться на ваши... на ваши голые тела? – закричала Людмила. – Немедленно признавайтесь, что вы с ней сделали, иначе я немедленно звоню в милицию!

– Вот именно, – поддакнула подруге Наталья.

– Да все в порядке с вашей болонкой, – глухо проворчал Руслан. – Тоже мне, нашла время! Я тут застрял, а она мне про собаку толкует. Я еще той ночью понял, что ты ненормальная. Любит, не любит! К сердцу прижмет, к черту пошлет. Ворожея, блин!

– Сам ненормальный! – взвилась Людмила. – Сию минуту говори, где Клепа?!

– Не ори на меня, женщина! Я тебе не муж, и ты не у себя дома, – не уступил хозяин квартиры. – У моей мамы твоя собака.

– Почему? Как она туда попала?

– Так и попала, я сам ее матери отвез.

– Зачем?

– Затем, что нас срочно перебрасывали на аварийный объект. На целых три дня, учти! – прорычал из-под раковины молодой человек. – Или я должен был оставить вашу болонку здесь, за хозяйку, так сказать?

– Вам всего лишь не нужно было ее забирать в ту ночь из нашего дома, вот и все, – огрызнулась в ответ Люда. – Оставили бы ее у моих соседей, не тащили бы к себе. Кстати, а зачем вы это сделали? – запоздало поинтересовалась она.

– А это вы у нее самой и спросите, – буркнул Руслан. – Меня ребята из-за вашей Клепы просто засмеяли! Никто даже не заметил, как она в нашу машину шмыгнула и под сиденьем спряталась. Обнаружилась она, уже когда мы на базу вернулись. Так потом до самого конца смены она за мной хвостом и ходила. Хотел я ее вашим соседям отвезти, да ведь только пять утра было, неудобно стало их беспокоить. Решил я днем это сделать, а в десять утра – звонок, срочный сбор! Крупная авария на одном предприятии в Подмоскowie случилась, нас всех на вертолет – и туда. Мне ничего другого не оставалось делать, как забежать к своей матери и попросить ее, чтобы она присмотрела пока за собакой.

– А где бриллианты? – с сарказмом поинтересовалась Наталья. – Надеюсь, не в ломбарде?

– Кто это там с вами?

– Моя подруга.

– Если вы говорите о шкатулке, уважаемая подруга, то ее я сдал милиционеру, в собственные руки. Прямо там, у подъезда дома, где случился пожар, и сдал, – ехидно ответил Руслан. – У меня и копия протокола передачи есть, с тремя подписями свидетелей, между прочим! Еще вопросы есть?

– Зачем вы ее забрали из квартиры? – спросила Люда, бросив на Наталью укоризненный взгляд.

– Ваша Клепа на этом настояла, – усмехнулся Руслан. – Чуть штанину мне не оторвала! Я открыл шкатулку, посмотрел, что там лежит, и сразу понял, что ее нужно забрать и сдать органам, чтобы потом не возникло никаких неприятностей. У нас уже бывали такие случаи, что дело чуть ли не до суда доходило. Хозяева заявляли, что у них пропали ценные вещи и что взять их могли либо пожарные, либо спасатели. Короче, много всякого дерьма на наши головы иной раз выливают вместо благодарности. Вот так и живем!

– А когда вы сможете отвести меня к своей матери? – уже мягче спросила Людмила. – Мне хотелось бы побыстрее забрать свою собаку.

– Я могу ее адрес дать, идите и забирайте.

– Нет, лучше я вас подожду, – улыбнулась девушка. – Должна же я увидеть своего спасителя и лично поблагодарить его?

– Тогда ждите, пока я не освобожусь из вынужденного плена, – хохотнул Руслан. – Где же там Виктор застрял? Только за смертью его и посылать, – проворчал он.

– Да здесь я уже, здесь, – усмехнулся тот, подходя к двери. – Вот, возьми масло и постарайся залить его прямо в трубу.

– Ну я и влип, черт побери! Девушки, вы можете пока в кухню пройти, кофе сварить, нечего вам тут делать и любоваться моими волосатыми ногами. – Руслан произнес это таким тоном, что послушаться его у подружек не возникло желания.

– Пошли, – прошептала Людмила Наташе. – А то действительно неудобно, он же практически не одет.

– А мне нравится, – хихикнула та, но за подругой все же пошла, поминутно оглядываясь и выразительно закатывая глаза.

Через несколько минут в кухню вышел молодой мужчина в банном халате, вытирая влажные волосы.

– Прошу прощения, что заставил себя ждать, но не ополоснуться после того, как я валялся на полу, я не мог, – весело проговорил он и, встряхнув полотенцем, лучезарно улыбнулся.

– Это ты?! – ахнула Людмила. – То есть вы?! То есть... Я хотела сказать... Этого не может быть! – лепетала она, вытаращив глаза до невероятных размеров. – Это вы? – повторила девушка.

– Ну, вообще-то да, это я, – несколько удивился он. – А вы ожидали увидеть кого-нибудь другого?

– Наташ, ты не поверишь, но это он! – прошептала Люда.

– Кто? – спросила та, с тревогой глядя на подругу. – Люда, с тобой все в порядке?

– Извините, я на минуту, – сказал Руслан. – Только надену брюки и причешусь.

– Что с тобой? – вновь спросила Наталья. – На тебе лица нет!

– Наташа, неужели ты не поняла, что я тебе сказала? – простонала та. – Это он!

– Кто он-то, ты можешь мне внятно объяснить? – прошипела девушка.

– Это тот самый мужчина, из зеркала!

– Иди ты?! – округлила глаза Наташа. – Да нет, это невозможно. Так не бывает, – хохотнула она. – Это всего лишь бред, игра воображения.

– Еще скажи, больного воображения, – огрызнулась Людмила. – Не нужно делать из меня идиотку, это он, я уверена на сто процентов.

– За чью жизнь переживаете, подружки? – спросил Руслан, входя в кухню. Он заметил, как резко примолкли девушки.

– Да вот обсуждаем, кто из нас прав, – усмехнулась Наталья, бросив лукавый взгляд на подругу. – Люда утверждает, что в ночь под Рождество она увидела в зеркале своего суженого.

– Да ну? – засмеялся Руслан. – И кого же ты там увидела? – обратился он к Людмиле.

Та стояла бледная, как полотно, уперев глаза в пол.

– Так тебя-то она и увидела, – очень легко сообщила Наталья. – Руслан и Людмила, прямо как в сказке, – томно вздохнула она.

– Меня?! – удивленно переспросил Руслан и, переведя взгляд на притихшую Людмилу, простонал: – Ну уж нет, только не это! Ты... вы, конечно, девушка очень красивая, как раз в моем вкусе, но жениться на сумасбродке, которая верит во всякую... да никогда в жизни!..

Спустя полгода в банкетном зале великолепного ресторана сто человек гостей весело желали молодоженам, Руслану и Людмиле, долгих лет жизни в любви и радости. Побольше деток, и дом – полную чашу. Каждые десять минут они кричали: «Горько», – не давая молодоженам возможности доесть то, что давно лежало у них на тарелках, зато...

Зато маленькая болонка Клепа, сидевшая под столом, отличным образом выполнила эту миссию за своих хозяев. Она с большим аппетитом уминала осетрину горячего копчения, громко причмокивая и щуря от наслаждения глазки.

Кто сказал, что чудес не бывает? Только тот, кто не верит в них!!!

---

notes

Примечания

1

Суевер (старин.).

О детстве и юности Ивана Павловича рассказано подробно в книге Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам», а то, как Подушкин из секретаря бизнесвумен Элеоноры и частного сыщика трансформировался в циркача, описано в романе «Продюсер козьей морды», издательство «Эксмо».

3

Денег нет.

4

Моя вина (*лат.*).